Избранные сочинения в двух томах
Том первый

Геннадий ДОРОНИН

ОСТРОВ

Роман странствий и приключений

Глава первая: Лизавета

Раз, два, три, четыре, пять,
Будем в прятки мы играть.
Небо, звезды, луг, цветы -
Ты пойди-ка, поводи!

1 – 7; 1 – 1; 2 – 4; 2- 5; 1 – 25…

Утром в клетке сдох кенар, желтый, как лимон. Лизавета как раз читала ему из «Веселой науки»: «Мы устроили себе мир, в котором можем жить, - предпослав ему тела, линии, поверхности, причины и следствия, движения и покой, форму и содержание: без догматов веры никто не смог бы прожить и мгновенья! Но тем самым догматы эти еще отнюдь не доказаны. Жизнь вовсе не аргумент; в числе условий жизни могло бы оказаться и заблуждение…»
«Как прекрасно заблуждаться! – думала она – По сути дела заблуждения – это фантазии, никогда не сбывающиеся мечты…»
Кенар свалился с жердочки, как старый канатоходец, распустил крылья, но они уже не помогли - он упал, вытянув скрюченные лапки, и сразу стало ясно – больше он не споет, не нащелкает тоскливых невольничьих ноток.
Лизавета ахнула, книга выпала из рук.
- Зачем? – выговорила она, неизвестно к кому обращаясь. Впрочем, она догадывалась, что хоть один слушатель у нее есть. Холодный и размеренный стук его сердца она иногда явственно различала в механическом ритме старых часов.

Никто не ответил.

- Ну, зачем? – повторила она, не в силах оторвать взгляда от мертвой птички.

- Разве он мешал хоть кому-то?..

Она поразилась глупости своего восклицания: если бы кенар даже и мешал, то разве согласилась бы она покарать его смертью?

Она надавила на зеленую кнопку, и коляска медленно покатила к окну – мимо клетки с мертвым кенаром, желтым, как пустыня.

Лизавета давно уговорила себя, что все вопросы лишены смысла. Нечего и пытаться получать на них ответы. Но так иногда хотелось хоть что-то понять, объяснить самой себе.

На подоконнике в пузатом горшке жил угрюмый кактус, вылитый динозавр. Поселился он там с незапамятных времен, был немногословен, колюч, гордился своим героическим прошлым, когда был призван служить в контрразведке, оповещая секретных агентов об опасности одним своим появлением в окне. Ему полагалась за это медаль, а может быть, и орден, но награда где-то задержалась, он терпеливо ждал, прислушивался к радио: ищут ли, находят ли героев?

Кактус не любил кенара; желтогрудый певец как будто специально старался разрушить его жизненные установки: он пел в клетке, но разве песня, поэзия могут жить в неволе? Кенар не оставлял попыток взлететь со своей жердочки, каждый раз больно ударяясь о металлические прутья своей тюрьмы, так и не сумев понять, что только родная почва под ногами надежно питает жизненными соками, дает уверенность… Полет всегда призрачен, движение относительно…

Лексикон вертлявой птицы был переполнен пустыми словами «любовь», «звезда», «тоска»… Ни разу кенар не пропел «Родина», «мать», «жизнь». Но все-таки жаль беднягу… Не повадилась бы опять смерть в этот дом, хотя для нее здесь почти ничего не осталось: Лизавета с бабушкой и кактус… Ах, да, еще замшелый домовой, безвольный, опустошенный утратами: не уберег, не углядел…

Лизавета надавила красную кнопку, и коляска остановилась у самого окна. Здесь у тонких, вибрирующих уличной жизнью стекол, она привыкла плакать, когда плакалось. Она рассчитывала дать волю слезам, но не получилось. Ни слезинки, ни всхлипа. В груди было холодно, северный полюс давно образовался там. Она

вспомнила, что когда в серой и пустой больничной палате бабушка, наконец, решилась рассказать ей о том, что нет больше у нее ни матери, ни отца, что похоронены они две недели назад в одной могиле на новом загородном – на лысом холме, - кладбище, то она тоже не заплакала тогда. Две слезинки только-то и скатились по ее щекам, упали к ногам ледяными горошинами. Бабушка твердила: «Ты плачь, плачь!..», а она никак не могла избавиться от ощущения, что рядом с ней кто-то чужой, посторонний, – и она не могла, не хотела, чтобы он видел ее слезы… Этого постороннего она почувствовала еще на аэродроме, когда не соглашалась садиться в вертолет. Мать и отец в один голос говорили ей:

- Не нужно бояться, не нужно!..

А она боялась. Что-то чужое было готово забраться в железную стрекозу вместе с ними. Оно давно ходило по следу, готовя одну ловушку за другой: «Мама, помнишь, как молния подожгла дачный домик как раз той ночью, когда мы должны были ночевать там всей семьей, да отложили из-за насморка? А ты, папа, не забыл, как на улице тебя окликнул старый приятель, ты остановился, оглянулся, а в это время обрушился со стены портрет, не портрет, - портретище тогдашнего вождя, и всей своей тяжестью ударил по асфальту как раз в том месте, где ты должен был проходить, не остановись на секунду с приятелем?»

- Может быть, поедем на поезде?

- Не глупи, малышка!.. Мы сэкономим почти сутки, да и взглянешь сверху на землю, красота!..

Она обреченно поднялась по коротенькой железной лесенке в разогретое душное нутро вертолета. Наверное, это был грузопассажирский вариант, потому что вместо кресел здесь были узкие длинные скамьи; и ее посадили между родителями. Кроме них в вертолете сидели худая желтая женщина с огромной цветной сумкой на коленях, из которой торчали неопрятные свертки с колбасой, сельдью, бурыми макаронами, и лысый мужчина в огромных, дымчатых очках, уткнувшийся в газету с названием «Надежда».

Вертолет затрясся, загрохотал. Затоптанное грунтовое поле аэродрома вдруг качнулось, накренилось и стало проваливаться вниз. Лизавета зажмурила глаза, сжалась в комок. «Неужели летчики взаправду любят небо? – подумала она. –

Натужный рев моторов, свистящие лопасти, тряска и дребезжание металла – это и есть полет?.. Инородный, никчемный механизм борется с живой стихией, и она отторгает его… Разве брошенный камень летит? Он только падает…»
Непонятно откуда потянуло холодом, заледенило затылок. Ей почудился сухой короткий смешок.
- Ну что ты дрожишь? – едва перекричала шум мотора мама. – Тебе пятнадцать лет, а ты такая дикая…
- По статистике воздушный транспорт – самый безопасный. В автомобильных катас…
- начал кричать отец, и осекся, потому, что больше не стало потребности кричать.
Мотор как будто задохнулся во встречной воздушной струе, закашлялся и замолк. Еще гудели какие-то механизмы, трещали шестеренки, вращались маховики, шумел над головой винт, и вертолет мчался над крошечными домиками, ленточками дорог и речек, но все уже было кончено. Вышло время железной машины, вышло время людей. Они еще жили, но что за жизнь по инерции?..
И все это поняли. Лизаветин отец – первым.
- Почему, почему ты замолчал? - закричала Лизавета, но в тот же миг вертолет, скользивший по тонкому насту инерции, провалился в бездну.
Дико закричала желтая женщина и бросилась к голубой дюралевой двери. Мгновенно, как будто всю жизнь этим занималась, она справилась с замком, и дверь подалась вовнутрь, и в образовавшийся сверкающий солнцем проем ударила воздушная волна. Женщина отпрянула от двери, огляделась безумными глазами и заметила оставленную ею на скамье цветную сумку с селедкой, макаронами и, балансируя на вибрирующем металле пола, попыталась вернуться за сумкой. Каким-то невероятным усилием ей это удалось, она схватила сумку, и на лице ее мелькнула тень удовлетворения, но тут же вертолет тряхнуло, завалило на бок, женщина взмахнула руками, широко раскрыла рот, но не закричала, может, поняла, что бесполезно, - и рухнула, ударилась о болтающуюся дверь, и, не сделав ни единого движения, чтобы удержаться хоть за что-то, выскользнула из вертолета, долю секунды парила рядом с погибающим аппаратом с растопыренными руками, раскрытым безмолвным воплем ртом, потом улетела - сначала куда-то вверх, а затем, обогнав несчастную железную стрекозу, умчалась навстречу недалекой уже

земле.

Лизавете почудилось, что в голове ее кто-то насмешливо произнес: "Счастлив, кто падает вниз головой: мир для него хоть на миг - а иной"

- Лизавета, сюда! - закричал отец. - Скорее!..

Он схватил ее и прижал к себе:

- Выдохни и не дыши!

Мать поняла его замысел мгновенно и обхватила ее сзади, прижалась к ней:

- Господи, помоги, помилуй!..

- Мама, мама!..

Лысый мужчина в дымчатых очках с трудом удерживал в руках парусящую газету с обманным названием "Надежда" и, шевеля губами, продолжал читать, наверное, передовицу. Аз, буки, веди, помилуй нас!..

- Мама! - удар и боль уничтожили все. Целую вечность не было ничего, потом родилась тишина, и кто-то опять прошептал: «…хоть на миг - а иной…»

«Да такой же точно, - подумала Лизавета, - просто люди привыкли путать мир и свет… Свет путают со светом, а мир с миром… Поди тут разберись…»

Голова у нее закружилась, и она открыла глаза. Белые кафельные стены окружали ее, а у стен этих стояли стеклянные шкафы со всякой медицинской всячиной, и приборы с зелеными экранами и дрожащими нервными стрелками.

Среди этого нагромождения она с трудом нашла себя, забинтованную, распятую, такую же белую, как все вокруг. И только бабушка у изголовья ее кровати дремала на стуле, а на плечах у нее накинута пестрая старенькая кофта.

«Плохи мои дела, - подумала Лизавета, - а мама, папа, что с ними?..» И она опять почувствовала чужое присутствие, тяжелое и холодное дыхание.

С тех пор это чувство то ослабевало, то усиливалось, но никогда не оставляло ее. И когда она узнала о могиле на загородном кладбище, и когда из старательных умолчаний вежливых докторов поняла, что отныне тело ее - руки, ноги - будут только придатком коляски с электрическим моторчиком, и когда бабушка по ночам плакала и жаловалась темной иконе на горькую судьбу, Лизавета знала: всю жизнь свою, а сколько ей осталось? - она будет прислушиваться к морозному дыханию у себя за плечами, будет, как стрелок, учитывающий силу ветра и вращение земли, делать

поправки на эту темноту и холод.
Лизавета еще раз прикоснулась к зеленой кнопке, и электрический экипаж подкатил вплотную к подоконнику. Зеленый динозавр в пузатом глиняном горшке всем своим видом выражал соболезнование по поводу смерти кенара, но был смешон: на самой его макушке расцвел розовенький, нежный цветочек.
Лизавета грустно улыбнулась и сказала:
- Говорят, что такое бывает раз в сто лет. Поздравляю с цветением!..
Кактус всполошился: как же он сам не заметил, ведь чувствовал, чувствовал в последнее время легкие головокружения, волнующую приподнятость духа, но отнес все это на счет октября, прилипшего мокрыми листьями к тонкому стеклу окна.
- Осень, а ты расцвел, - сказала Лизавета.
Динозавр промолчал, углубленный во внутреннее созерцание цветения; таинство, что ни говори!
Лизавета посмотрела поверх розовенького цветочка - сразу за стеклом открывался прозрачный утренний простор. На высоте третьего этажа взгляду уже не очень мешала влажная ржавчина крыш, перемешанная с опавшими листьями, ни далекие черные пальцы труб, указывающие с умирающей осенней земли в высокое небо, ни густые стаи птиц, собирающиеся в октябрьское бегство. Иногда она видела и другое: на самой верхней лестничной площадке полуразрушенного, давно заколоченного парадного подъезда их дома как будто кто-то поселился – не то бездомный бродяга, не то скрывающийся от правосудия преступник, а, может быть, чудак, которому надоело все на свете. Лизавета слышала о людях, обитающих на крышах, о народах чердаков, заброшенных кладовок и сараев, старых дымоходов, но те были другие – оседлые, друг от друга не прятались; иногда даже мелькали на крыше иссиня-черный цилиндр, крахмальный воротничок, лайковые перчатки, – безукоризненность, высокое достоинство были присущи тайным поселенцам. Этот же не походил ни на людей подворотен, ни на членов сообщества кочегарок, ни на многочисленных обитателей теплотрасс. Этот неожиданный поселенец был почти не виден за грязными стеклами слухового оконца заброшенного парадного подъезда, Лизавета скорее угадывала, что он там, да иногда показывались в оконце неопрятная какая-то шапка, уголок воротника заношенного пальто, кусок пестрого лоскутного одеяла.

Иногда ночевщик этот надолго пропадал – на неделю, две, а затем появлялся. Она никогда не видела его (или ее?) в лицо, только однажды мелькнуло, как отражение в старом затертом зеркале, юношеское лицо, но тут же на его месте возникло что-то непонятное, пугающее, как будто кто-то огромным ластиком принялся стирать лицо юноши – перемешались все детали этого лица, все краски. Наверное, это была только игра света.

Лизавете из ее окна виден был весь невысокий провинциальный город - промокший, замерзающий, и видны были пустые скучные поля за ним, и дороги с колеями, залитыми водой, и озера, затянутые хрупким растрескавшимся льдом, о который разбивают лбы затосковавшие до весны щуки, и снова жирные вспаханные поля, и леса с тощими затравленными волками, небритыми разбойниками с воспаленными от многолетнего сидения у костров глазами; и снова поля, а за ними другой город - темный, до которого еще не добрался рассвет, а за этим городом море, где легкую волну рассекает старая моторная шхуна, шкипер которой уже не первую неделю, да что там неделю – не первый уже год - ведет свой корабль на восток, - без устали, без сомнений, иногда только поднимая к глазам верный цейсовский бинокль, но что он может рассмотреть, кроме прохладного солнца, краешком задевшего за воду, и самыми первыми лучами высветившего на руке шкипера странную наколку «2 – 6, 2-12, 2-1, 2 – 2, 1 – 3, 2 – 7, 1 – 2, 2 – 6, 1 – 4, 1 – 3, 1 - 2, 1 – 1, 1 – 4» Да еще на руке детская считалочка: Чяби чяряби…».

- Целая шифровка на руке! - произнесла осуждающе Лизавета, она не любила рекламу, украшения, клятвы.

- Сам терпеть не могу татуировки, - далекой Лизавете как будто ответил шкипер. - Но ничего поделать не могу, эта - семейная, от отца к сыну передается. И у деда моего такая была, и мне накололи в детстве… Какая-то семейная тайна…

- Бабушка! - закричала Лизавета. - Милая!..

- Я здесь, - ответила бабушка, неслышно войдя в комнату. Она давно научилась все делать тихо, даже посуду старалась мыть так, чтобы не звякнули ненароком ни ложка, ни вилка, ни чашка. Со дня гибели дочери и зятя, царство им небесное, она стерегла тишину, никакие посторонние звуки, считала она, не должны беспокоить Лизавету. Поначалу так насоветовали врачи, а потом, когда медицинский запрет на

шум был снят, ей самой стало казаться, что в этом доме нельзя беспокоить не только внучку, но и молчаливые безутешные тени, и, не дай Бог, не расслышать что-то важное, что может прошелестеть в этой тишине.

- Господи, вот несчастье! - сказала бабушка, накрыв клетку с кенаром кашемировым платком.

- Платок твой в клетку, и клетка тоже в клетку, - сказала Лизавета.

- Да, - сказала бабушка, - не везет нам…

- Скажи, бабушка, ты далеко видишь?..

- Далеко?..

- Именно…

Вопрос заинтересовал почему-то и домового, он высунулся наполовину из-за книжного шкафа с томом "Испанской поэзии в русских переводах" в руках, прислушался.

Бабушка помолчала и ответила:

- Без очков далеко… А если слезы навернутся на глаза, то как в подзорную трубу смотрю…

- И я далеко, - сказала Лизавета. - Но не плачу…

- Ты поплачь все-таки…

- И еще скажи: ты в жизни все помнишь?..

- Все?..

- Ну да, с самого своего рождения?

- С самого рождения никто не помнит…

- А до своего рождения?..

Домовой отложил испанскую поэзию, покачал головой: разве годится человеку заглядывать за пределы своей жизни, разве это приводит к добру?.. Может, не случайно так встревожены те, кто боятся света?..

Бабушка надолго замолчала, может быть, вспоминала то, что было до ее рождения, а может то, что будет после ее смерти?..

Динозавр на подоконнике неслышно хмыкнул: тоже загадка бытия - каждый кактус помнит день за днем все двенадцать миллионов триста пятьдесят тысяч лет всеобщей кактусовой истории. Каждый кактус - это гордая частица единого целого, и

никогда не забудет, что его предки не уступали дороги даже бронированным ящерам своей эпохи, были в родстве с ними. Но те вымерли, а кактусы, должно быть, вечны…

- Иногда мне как будто снится, - произнесла, наконец, бабушка, - что я жила и двести лет назад, и тысячу… Однажды зажгла спичку – сама не знаю зачем, да что-то закрутилась, и головой по сторонам кручу, ищу чего-то… А что ищу?.. Спичка мне пальцы обожгла, а меня будто всю обожгло - я поняла, что искала камин, озиралась... А я ведь камин только в кино видела. И еще рука потянулась за каминными щипцами, такими черными, тонкими... Я помню, что концы их были выкованы в виде когтистых лап какой-то большой птицы.

- Помнишь? - вставила слово Лизавета.

- Да нет, нет, - смешалась бабушка. - Просто померещилось…

- А лапы у этой неведомой птицы были пятипалые, - подсказала Лизавета, - и часто промозглыми осенними вечерами у камина разгорались споры нешуточные: кто говорил, что это когти орлана, кто утверждал, что птицы-секретаря, а старый чемпион по увлекательнейшей из игр - домино, полковник в отставке Фома готов был поспорить, что на земле не существует пятипалых птиц, - и спорил, и выигрывал пари, потому, что, действительно, таких птиц нет… А может, это и не птицы совсем?..

- Ты не можешь ничего этого знать! - перебила ее ошарашенная бабушка. - Людям не снятся одинаковые сны!..

- Это не сон…

- Что же?

- Просто память…

Домовой кивнул, почесал затылок: он уже догадывался, конечно, чьи когтистые пятипалые лапы имел в виду кузнец, изготовивший каминные щипцы, он знал кое-что и о фокусах памяти… Но разве могут быть доступны эти секреты беззащитной, парализованной девочке?..

- Не понимаю, ничего не понимаю, - задумчиво произнесла бабушка. –Только знаю, что такие вещи иногда происходят с жильцами нашего дома…

- Я – тоже не понимаю, - честно призналась внучка. - А может и не нужно ничего расшифровывать, все разгаданное-то - скучно?..

Глава вторая: Даша

Эне, бене, раба,
Квинтер, финтер, жаба.
Эне, бене, рес,
Квинтер, финтер, жес!

…1 – 1; 2 – 5; О…

По вечерам, если дождь не размывал тропинки, Даша уходила в лес. За ней увязывался Пес, большой, лохматый, черный, он никогда не обгонял ее, бежал, опустив лопоухую голову к ногам, как будто не веря своим глазам – она ли это? – проверял след влажным, не ошибающимся носом.
Даша уставала на работе, целый день на швейной фабрике понукала машинку, из-под острого клюва которой выползали бесконечной вереницей мужские кримпленовые брюки, но усталость не отвлекала – Даша, не переставая, разговаривала с Сашей, жаловалась ему на трудную работу, - поясница к вечеру ноет, как у старухи; на получку, которой едва хватает на две недели – и куда только деньги деваются?.. Она ругала Сашу за то, что так рано его не стало, винилась ему: дура, вот дура была, зачем аборт тогда сделала?
Он пропал тихим июльским вечером. Пошел в лес – прогуляться, и не вернулся. Позже кто-то сказал «Не отпустил его лес…» Она казнила себя: ведь собиралась пойти вместе с Сашей, но задержали в доме нескончаемые дела – мыть, стирать, белить, и она не пошла. Ждала его к обеду – он не пришел, думала, вернется ближе к вечеру – не вернулся. Когда стало смеркаться и мрак потихоньку начал выползать из дубняка, она взяла фонарь и отправилась в лес. Лес встретил ее тревожным шелестом листьев, хлопаньем крыльев ночных птиц, близким ворчаньем невидимых зверей. Ночью в лесу начиналась особая жизнь, и он неохотно открывал ее секреты.

Днем – пожалуйста, все чудеса лесные для Даши - и россыпь ежевики, не ленись собирать сизые, словно подернутые туманом, ягоды, и шляпки груздей, выглядывающие из-под прошлогодней листвы, и цветы – ромашки, фиалки, иван-чай, зверобой, татарник – и еще тысяча – голубых, розовых, белых, алых, сиреневых, чьих имен она не знала… А ночью лес словно чужой, он только терпит человека, да и то не каждого.

Неподалеку от Даши кто-то пронзительно закричал и бросился прочь, ломая ветки, продираясь сквозь кусты.

«Леший!» - ужаснулась Даша. В другое время она и шагу бы не ступила дальше, но теперь шла твердо, вытянув вперед руку с фонарем.

- Саша, ты заблудился? – спрашивала она у темноты. И сама отвечала:

- Не может такого быть!.. Ты тут каждую тропинку знаешь!..

- Может, нынче на реке клев хороший? – вспоминала она - взял ли он с собой удочку, или нет?

- Саша, может, ты ногу подвернул? – продолжала она допрос. Ответ был простой: если бы с ним случилось что-нибудь дурное, она непременно бы почувствовала это. Но ничего такого она не чувствовала. Но тревога за Сашу росла с каждым поворотом тропинки, с каждой поляной, с каждым пройденным мостиком через ручей… «Он жив и здоров, - уверяла она себя, - но все-таки с ним что-то случилось!..»

Свет фонаря отразился в черной глади воды, тут же это световое пятнышко проглотила ненасытная разбойница – щука.

Даша знала, что где-то здесь есть деревянные мостки, с которых обычно рыбачил Саша. Она повела фонарем слева направо, так и есть – вот он деревянный настил, на нем стоит ведерко, а рядом лежит удочка. Рядом аккуратно сложена одежда.

- Саша! – позвала она негромко, почти прошептала. – Са – ша!..

Никто не отозвался.

Она направила фонарь на ведерко и в нем плеснулась рыба, как будто только что брошенная туда Сашей.

- Са – ша!.. – повторила она, и ей показалось, что ночное эхо принесло с противоположной стороны озера ответ: «Да – ша!..»

Она еще раз позвала, но на этот раз плеском откликнулись караси в ведре. Даже эхо

пропало.
Даша взяла ведерко, ступила на мостки, погрузила ведерко в воду; караси, не веря своему счастью, постояли с минуту, медленно шевеля плавниками, а потом растворились в ночном озере.
Только когда разгорелась заря, Даша повернула домой, заторопилась: может, Саша давно вернулся? Но что-то подсказывало ей, перехватывая горло отчаяньем, что нет, не вернулся. И не вернется.
Глотая слезы, она открыла дверь дома – никого…
Прошел день, другой, третий… Приезжали следователи, уполномоченные, комиссары – как только они не назывались, но все были как две капли воды похожи друг на друга и говорили одинаковые слова, требовали фотографию Саши, образцы его подчерка, расспрашивали: не было ли у него любовницы или паче чаяния не имел ли он родственников за границей?.. Но ей почему-то показалось, что ищут эти уполномоченные как-то несерьезно, словно понарошку.
Были среди уполномоченных особо подозрительные, они все спрашивали, не осталось ли после Саши каких-нибудь особенных бумаг, секретных документов, как будто они или точно знали, или хотя бы предполагали, куда он подевался. И эти подозрительные уполномоченные, сами того не желая, хоть чуть-чуть, да успокаивали ее.
Она спрашивала у них: сумеют ли они найти Сашу? Они пожимали плечами и вежливо отвечали: вы даже представить себе не можете, как много людей пропадает в наше время и как мало находится! Но надежду терять не надо. Вот совсем недавно, кажется, в Казалинске, произошел потрясающий случай. Тоже пропал муж. Вышел выносить мусор и не вернулся. Искали его изо всех сил, с Интерполом консультации проводили, а он как сквозь землю провалился. Жена добилась всеми правдами и неправдами, чтобы его объявили погибшим – это чтобы наследство не досталось в ненужные руки, и его таким объявили. Но только объявили, как он нашелся. Оказывается, встретился он у мусорного бака со старой подругой, а они с самой школьной скамьи не виделись. Оказалось, что она обитает в соседнем доме, а мусор ей выносить некому, потому как она давно живет одна. Слово за слово: а помнишь, а знаешь, а ведь могло быть по-другому?.. Она позвала зайти его на чашку чая, и он

зашел. А там и рюмочка наливки, а там и борщец с пылу с жару, а там и мусор она сама выносит… В общем, засиделся человек. И, может быть, никогда бы его не нашли, если бы не послала его однокашница все-таки мусор выносить. (Мотайте на ус). У мусорных баков он и повстречался с позабытой женой. Увидел ее, всколыхнулась старая любовь, ожило прежнее чувство. И к счастью своей родни он вернулся домой. Говорят, что мусор пока выносит жена… Может, и Саша найдется!..

- Какой еще мусор! – восклицала Даша. – Какая однокашница! Мы с Сашей любим друг друга…

Сколько времени прошло с тех пор? Недели, годы?

Она ждала его каждый день. Она ждала его каждую минуту. Он был жив – Даша знала это… Он был близко…

А однажды она почувствовала, что его не стало. Нет, он был жив, но его не стало в пределах, доступных ее чувствам… Бывает ли такое?

В этот день на швейной фабрике давали премию. Даше тоже дали немного. Но и немало, по ее представлениям. Она положила деньги в сумочку и отправилась в магазин. Она знала, что Саше давно приглянулся красный пуловер из тонкой английской шерсти, спереди которого было вышито крошечными буквами английское слово – «home». Почему было вышито на груди свитера это слово – она не знала. Саша говорил:

- По-английски это значит «дом»…, наверное, домашний пуловер, дома его нужно носить, назвать друзей, приодеться и встречать их на пороге, радуясь друзьям, и чтобы они понимали, что такой праздничный пуловер ты надел именно ради них… Да и потом дом, в котором мы с тобой живем, непростой дом, можно сказать, замечательный…

Хорошая была вещь этот пуловер, но тогда они его не купили, премии не случилось, а теперь у Даши появилась такая возможность. Она только переживала, что пуловер уже продали, но едва переступила порог магазина, то увидела, что он на месте.

- Я беру эту вещь! – сказала она продавщице. – Заверните!..

- С такой покупкой можно поздравить, - откликнулась воспитанная продавщица. – Отличный подарок любому мужчине… Но, конечно, лучше бы ему примерить пуловер, вещь не дешевая…

- Мы уже примеряли, ему как раз! – сказала Даша. – Как раз…

В это мгновенье как будто кончилось обманное действие неведомой анестезии, боль тупым ножом полоснула сердце, ледяная тоска заползла в душу. Продавщица еще говорила, что в течение двух дней свитер можно поменять, что возможно даже вернуть за него деньги, если он вдруг не подойдет по размеру или фасону, но Даша уже не слушала ее. Только теперь, в эту секунду она осознала, что некому больше примерять этот пуловер – Саши нет!.. Саши больше нет!.. Может быть, он пропал именно в эту секунду?..

Она вышла из магазина, оставив на прилавке сумочку с деньгами – зачем теперь ей эти деньги? Следом за ней выбежала воспитанная продавщица:

- Девушка, вам плохо?.. Вот ваша сумочка.

- Плохо?.. Нет, не плохо… Я умерла…

- Не шутите так! – строго сказала продавщица. Она, наверное, пока не знала, как один человек может почувствовать, что не стало другого. Дай Бог, чтобы и не узнала никогда…

По привычке Даша стала жить дальше: чистить по утрам зубы, жарить яичницу, ходить на фабрику… Научилась разговаривать с Сашей, с тем, кого нет…

Ей иногда говорили: «Может, еще вернется?», она мотала головой, знала – не вернется. Откуда она это знала? Просто знала – и все. Но на всякий случай добавляла: «Наверное, не вернется…»

Стала больше читать и поразилась, как много в книжках рассказывается о несчастьях. И даже, если где про хорошее напишут, то обязательно прибавят ложку дегтя – или кто-то все добро свое потеряет, или жена у него убежит с таким подонком, с которым никто до этого не рискнул убежать, или утром в клетке сдохнет любимый кенар…

Ее тормошили в цехе: очнись, опять у тебя брюки с зашитыми штанинами выходят, это ж не мешки! Она улыбалась и говорила Саше: «Знаешь, я на прошлой неделе умудрилась разноцветные брюки соорудить – одна штанина коричневая, другая – черная. Смеялись все надо мной, как в кинокомедии. А мастер отругал, заставил все распарывать, а потом чуть не ползарплаты удержали за брак…»

Саша никогда и ничего не отвечал, хмурился, она не любила, когда он хмурился,

становился некрасивым, на лбу собирались морщины. Она пеняла ему за это тысячу раз, но он молчал. Тогда она плакала, но не на людях – дома или в лесу. Чаще в лесу. Дома было страшно плакать, – все в доме было мертво, некому было ее пожалеть. И стол, и стулья, и кровать, на которой они спали с Сашей, - все в доме умерло, даже альбом со старыми счастливыми фотографиями, на которых все улыбались.

Она шла в лес, за два года натоптала там тропинок; шла-шла-шла, а в пятки ей тыкался Пес, а когда сил уже совсем не оставалось, обнимала шершавый ствол первого попавшегося вяза и плакала. Ей казалось тогда, что лес утешает ее, только он один и живой вокруг. Да еще Пес, прибившийся к дому. Странная собака, за два года ни разу голос не подала, хотя на кого ей лаять? – за два года к Даше никто не приходил, только один раз Старьевщик приезжал на тележке, запряженной веселым косматым коньком. Он подогнал тележку к самому забору, будто знал, где можно старьем поживиться, закричал в жестяную трубу: “Макулатуру сдавать, ветошь сдавать! Меняю старье на новье! За рваную юбку – новую ленту!”

Пес даже не посмотрел в сторону тележки, а Даша вышла из дома и бросила в тележку на груды пыльных забытых книг и исписанных школьных тетрадок растрепанный узел своих девичьих платьев. Старьевщик засмеялся, подбросил узел вверх, он распался на сатиновые, ситцевые и поплиновые прежние годы; они неслышными парашютами опустились в тележку. Старьевщик ловко, как фокусник, выхватил откуда-то алую полоску – шелковую ленту и протянул Даше:

- Носи краса, не будет износа…

- Мне, наверное, черная к лицу, - сказала Даша.

- Зачем молодости траур? – закричал старьевщик, но посмотрел на Дашу, примолк, погладил конька по холке.

- Думаешь, черная – это неправильно? - повторила Даша.

- Черных не держим, не катафалк, - ответил старьевщик, – лучше посмотри, какие чудеса здесь есть…

Он засучил рукава и, как археолог, не зная, что найдет, принялся за раскопки в своей тележке. Пыль времен поднялась над грудами старья. Даше померещилось тяжелое, расшитое почерневшим серебром, платье боярыни, отскорбевшей по мужу после Непрядвы. Она увидела сафьяновые сапоги, которые сбросил некогда отчаявшийся

Соловей-разбойник, на подошвах которых пыль и прах тридевятого царства.
Старьевщик тронул струны гуслей, и сразу стало ясно, что они не забыли Баяна.
Просыпался на примятую траву у забора пожелтевший от старости жемчуг, утраченная добыча карибских пиратов, свалился и звонкий боевой барабан, и как будто близкая гроза прокатилась по безоблачному небу…
Откуда он взялся этот старьевщик?..
Наконец, он с усилием вытащил нечто, похожее на огромные наручные часы.
Он смахнул с них пыль, протянул Даше:
– Примерь.
Та удивленно взяла прибор, по которому, наверное, ориентировалась еще бабушка Гугниха, если ей нужно было ориентироваться. Что-то знакомое, вдруг, померещилось ей в этом явно старинном приборе… Но что? Как будто видела его уже однажды…
- Ценная штука! – похвалил товар старьевщик. – Готов побиться об заклад, что даже людям кочегарок понравилась бы, а люди кочегарок знают толк в таких вещах… Может, тебе пригодится?.. А люди кочегарок – это такой теплолюбивый народ, он живет в вечном тепле; среди них много философов, писателей, истинных сибаритов. Но и мастеровые у них с золотыми руками и золотыми сердцами; самые лучшие самогонные аппараты, к примеру, изобретены и построены народом кочегарок. Этот самогон чист, как первая девичья любовь, он занесен в мировую книгу чудес. Если бы мы с тобой такой пили, то были бы счастливы – и я был счастлив, и ты была бы счастлива…
- Я не пью, - сухо ответила Даша. – И откуда я знаю – может, ты самый главный счастливчик на земле?..
Ей почему-то казалось, что все счастливые – предатели.
- Не знаю, может, и счастливчик, - сказал старьевщик. – Бери компас…
- Для чего он мне! – отказалась Даша. – Все мои путешествия – в лес, да обратно…
- Да прибор этот только так называется – компасом, а на самом деле показывает не только стороны света… Много чего он показывает… Возьми, вполне может понадобится когда-нибудь… Жизнь большая, всякие перекрестки на ней случаются, начинаешь потом гадать – налево ли, направо ли поворачивать, а тут и гадать не

надо, взглянул на стрелку – и шагай себе спокойно!..

Даша пригляделась к прибору - никакой стрелки на нем, а только окошечки, как в старинных кассовых аппаратах, а в окошечках черненькие буквочки на белых эмалированных плашечках: «Не бери!». Так и написано – «Не бери!» - с восклицательным знаком, как будто приказ.

Даша рассердилась, сказала:

- Беру компас этот!..

Компас отозвался едва слышным перещелкиванием: «Хорошо!». И опять с восклицательным знаком.

«Он как будто издевается, то «не бери», то «хорошо», - пришло ей в голову. Она хотела уже вернуть приборчик старьевщику, но увидела, что на крышке с внутренней стороны вделано небольшое круглое зеркальце, и ей почему-то захотелось взглянуть на себя - неужели из-за этого старьевщика? Не может быть…

Точно, точно, компас этот ей не чужой…

Она заглянула в зеркальце, в его серебряном кружочке отразилось небо, лес, далекая река…

- Приезжайте еще как-нибудь! А мне привезите, если найдете, хотя бы одну книжку со счастливым концом… Какую ни возьмусь читать – так плачу… Особенно сказки, как дохожу до места, где все они умирают в один день – не могу слезы остановить, – сделала она заказ старьевщику. – У меня много еще чего ненужного да ветхого накопилось…

И подумала: «Нового-то у меня ничего нет, для чего оно мне, новое?..»

- Приеду, как не приехать, земля маленькая, - пообещал он. И тележка его покатилась дальше.

Пес равнодушно зевал у крыльца дома - что ему Старьевщик, что ему скрипучая тележка, доверху набитая изношенными вещами?..

А Даша вдруг пожалела о своих платьях, сколько раз была она в них счастлива! Она даже хотела броситься вслед за тележкой, но та подозрительно быстро растворилась на лесной дороге…

И с тех пор она как будто ждала старьевщика, словно был у них уговор: погуляет он, погуляет по маленькой земле, стряхнет с платьев горестные воспоминания и

привезет их назад – и ситцевые, и сатиновые, и поплиновые годы, и стоит ей тогда надеть любое из платьев, как оживут, вернутся эти годы, плеснет через край смех, молодость, любовь…

- Псина ты, псина, легко тебе живется, - разговаривала она с собакой. – Даже не знаешь, как тебя зовут… А ведь нельзя без имени, без имени потеряться легко…

Собака не отвечала.

- Ну, да пес с тобой! – огорчилась Даша. – Не хочешь говорить, молчи… Будешь просто Псом!..

Она заглядывала Псу в глаза, они были внимательные, грустные.

Время от времени она брала в руки компас, в его окошечках так и чернели все те же буквочки: «Хорошо!». А что хорошего? Ничего особенно хорошего и не было – тихая тоска и неутихающая боль. В конце концов, она забросила компас в свой заветный ящик, так и не посмотрев на себя в зеркальце.

Однажды, наплакавшись вволю, порвав в заступившем ей дорогу шиповнике рукав куртки, она вдруг почувствовала, что нужно как можно скорее возвращаться к дому.

- Старьевщик? – с непонятной надеждой спросила она у себя.

Ничто не откликнулось в ней, она погрустнела: нет, еще не объехал он всю землю с ее девичьими платьями.

Дом ее, низкий, темный от времени, как будто вросший в землю, обнесенный кирпичным забором, - стоял на самой окраине города, лицом к лесу, забором к городу, и она издалека заметила серых мужчин – в серых пиджаках, в серых шляпах. Подмышками они бережно и крепко сжимали серые же кожаные папки.

- Гражданочка такая-то Даша? – спросили они ее, когда она подошла к дому.

- Да, - сказала она. – А что такое?

И тут Пес зарычал, чудо какое!

- Настоящее чудо! – сказала она. – Пес голос подал…

- Это не чудо, отнюдь, - сказали серые мужчины. – Чудо в другом, а именно: ваш квартал целиком попадает под снос и вам выделяется однокомнатная квартира со всеми удобствами – природным газом, горячей и холодной водой, туалетом…А также от правительства, которое знает о вашей тяжелой утрате, вам полагается почти пятнадцать тыщ, без подоходного налога… Поздравляем вас такая-то гражданочка

Даша! Поди, намучились вы тут без удобств… И лес такой страшный рядом…
- Он жив! Жив! Какая-такая компенсация? – страшно закричала она?
- Конечно! – закивали дружно мужчины, и раскрыли папки. – Вот смотрите, здесь через лес пройдет новая широкая улица, застроенная шестнадцатиэтажными домами новейшей серии сто семнадцать тысяч дробь два, а вот здесь будет торговый центр, кафе, парикмахерская…
«А куда же я буду ходить плакать?» – чуть не спросила она у них. Но сдержалась, сказала только:
- Не нужна мне квартира этой самой многотысячной серии, у меня дом есть, я в нем жить хочу. И буду… Это дом моих родителей, и родителей их родителей…
Мужчины дружно рассмеялись: чудачка, да и только! Потом посуровели: до чего же народ несознательный, каждому в отдельности приходится объяснять величие градостроительного замысла. Этим бабам с окраин хоть кол на голове теши, они все на своем стоят: не хотим на шестнадцатый этаж, у нас головы и без этого кругом идут!..
- А лес рубить, пилить будете? – грозно спросила она. Серые мужчины, конечно же, не знали, что лес, который они собирались придушить асфальтом, потеснить шестнадцатиэтажной серией, окультурить парикмахерской, был волшебным. Он, может быть, один такой на весь свет остался. Ходить в него не каждый решался – одежду сучьями раздерет, напустит комаров-кровопийц, заведет обманными тропками в чащу и бросит на растерзание нечисти, а чего хуже – на вековечное плутание среди страшных замшелых деревьев, на небывалое одиночество.
Суровый был лес: не часто бегали по его полянам с веселым смехом крепдешиновые гражданки в поисках груздей и белых грибов, не приходили маршировать и петь геройские песни тинэйджеры с горнами и барабанами, влюбленные не мяли здесь траву, перекрашивая пиджаки и юбки зеленым цветом.
Дурная молва шла о лесе, но зря: добрые люди в нем не пропадали, не тонули в его речках и топях… Вот только Саша пропал, но все верили, что в этом лес не виноват. Не виноват этот лес, не убийца он, а хранитель секретов. Вот он и о Саше все знает, а если леса не станет, то с ним исчезнет и последняя надежда узнать, хоть что-то, об этой таинственной, потусторонней истории.

Жалко, если вгрызутся в этот лес стальные зубья пил, экскаваторов, убьют деревья, цветы, речку… Слезы навернулись на глаза Даши, но она не хотела, чтобы это видели серые мужчины, и ушла в дом. Пес за ней.

Даша села у окна и смотрела, как волнуются кроны деревьев, как тревожно кружат над лесом птицы и что-то кричат, наверное, передают всем страшную новость. В тонком стекле окна отразилось ее лицо, растерянное, расстроенное. «Какая некрасивая я стала! – подумала она без горечи. – Раньше была другой, Саша говорил, что лучше меня нет никого…»

Она вспомнила о зеркальце в крышке компаса, которое подарил ей Старьевщик, достала его из заветного ящика, где лежали у нее старые фотографии, письма Саши, вышедшие из употребления деньги… Надпись в окошечках компаса теперь была такая: «Сохрани дом!»

- Без тебя бы я не догадалась, - проворчала она. Ее нисколько не удивляли появляющиеся сообщения, она воспринимала прибор, как собеседника, может быть, как упрямую соседку.

Даша взглянула на себя в зеркальце: так и есть, обветренные губы, невыразительные, потухшие глаза, кое-как уложенные волосы.… А на плече оранжевая, как пламя спички, бабочка… Даша скосила глаза на плечо: бабочки не было. «А, ведь в зеркале все наоборот, - догадалась она, - где у нас право, там, в зеркале лево!..» Она посмотрела на правое плечо: там бабочки не было тоже. А в зеркальце она была, складывала и разворачивала снова свои оранжевые, невесомые, как огонь, крылья.

Даша присмотрелась и ахнула: не пустой и неуютный дом отражался в серебряном зеркальце, а веселое и нарядное жилище. За спиной у нее от потолка до пола, от стены до стены тянулись книжные стеллажи, на которых дремали тяжелые позолоченные тома, лежали папки с рукописями, - все живое, вот только что всего этого касались человеческие руки. С боковой стены улыбались фотографии, она пригляделась к одной, и сердце заледенело, и тут же застучало сумасшедшей надеждой. На фотографии она была снята не одна, в зеркальце не рассмотреть с кем, может быть с Сашей? Они стояли на берегу моря и смотрели туда, где под парусами шел большой корабль.

Неспешная, нестрашная волна накатывала на этот берег, и ясное небо, и ярко-зеленые листья пальм, и золотой песок под ногами – весь мир вокруг был полон тишины и счастья. Но она никогда не была у моря, Саша тоже не был!.. Что это?.. Жестокое, обманное зеркальце дал старьевщик, или позволил заглянуть в мир, где исполняются сны и надежды, где каждый счастлив?.. Разве не может такого быть?..
Буквочки на компасе по-прежнему показывали «Хорошо!»
Эх, старьевщик, старьевщик, где ты?..
За окном заскрипели колеса, и у ворот остановилась долгожданная тележка. Даша вылетела навстречу ей.

Глава третья: Побег

Раз, два, три, четыре, десять,
Выплыл ясный круглый месяц,
А за месяцем луна,
Мальчик девочке слуга.
Ты, слуга, подай карету,
А я сяду да поеду.

…2 – 4; 1 – 13; ш; 1 – 28…

Несчастья никак не хотели успокоиться и кружили над домом, где поселились после смерти родителей Лизавета и бабушка. То одно случалось, то другое… Со счету сбились, сколько раз утюг перегорал, не успевали молоко на плиту ставить – обязательно убегало. А однажды ночью на кухне шкафчик с посудой рухнул, грохот был, как во время землетрясения, ни одной тарелки целой не осталось. А недавно вышли из-под пола полчища тараканов, усатых, злобных, ненасытных… Бабушка повела с ними борьбу, но с переменным успехом.
Был у Лизаветы с бабушкой старенький телевизор. Он показывал концерты, фильмы

про победы добра над злом, а также где и что страшного делается в мире. Однажды, он закашлялся на самом интересном месте, как будто горло у него перехватило, да так, что не удалось дослушать про наводнение – когда оно наступит. Диктор в начале передачи обещал назвать точную дату потопа и высоту волн, но закашлялся.
Кашлял он кашлял, а тем временем мутный серый экран погас, но тут же вспыхнул, по нему поплыли белые облака, - так бывает, когда в детстве завалишься спиной в траву и долго смотришь на июньское глубокое небо, и забываешь, что лежишь на земле, и кажется, да что там кажется! – на самом деле начинаешь парить… Экран телевизора еще раз ярко вспыхнул и начал показывать с высоты птичьего полета не то берег моря, не то огромного озера, не то широкой реки. Неспешная волна, накатывала на золотой песчаный пляж, чисто вымытые листья деревьев говорили о недавнем дожде… Старый телевизор показывал что-то совсем непохожее на «Клуб путешествий» или какие-нибудь записки рекламного туриста. Тишиной, покоем, счастьем веяло от пейзажа, который разворачивался на экране. Бескрайняя тюльпановая степь, перепоясанная прохладными реками, над которыми всегда стояли радуги, светлые леса наполненные птичьим гомоном - все было в этой телевизионной стране так, как давно уже не бывает на самом деле… Экскаваторы не вгрызались в землю, не визжали в лесу пилы, не грохотали взрывы и выстрелы, никто не кричал от боли и отчаянья… Лизавета смотрела, и почему-то понимала, что прорвавшееся на экран совсем не было предназначено для телевидения, что это не фильм, не киножурнал, не курортная реклама… Что это?..
Как будто отвечая на этот вопрос, изображение уменьшилось, удалилось, и стало понятно, что это остров, или полуостров, или вообще какая-то далекая-далекая страна за тридевять земель… А может вообще из космоса принесли неведомые радиоволны это таинственное кино?..
И вдруг Лизавета увидела заросший цветами луг, тихо журчащий в траве ручей, а на берегу ручья женщину и мужчину…
- Мама! Папа! – пронзительно закричала Лизавета и мужчина и женщина в телевизоре повернулись к ней, протянули руки… Нет, она ошиблась!.. Не они!.. Или они?..
И тут из телевизора повалил едкий черный дым, за ним рвануло пламя… Исчезла

чудесная страна…

Пожарники потушили пожар, унесли с собой обуглившиеся останки волшебного аппарата, необычно быстро набежали из домоуправления штукатуры и маляры – забелили, закрасили черноту на стене и потолке, но Лизавета с той поры потеряла покой, ни на минуту не забывала об Острове…

И вот несчастье с кенаром. Оно тоже не забывается, хотя прошло уже почти полгода. Лизавета надавила на зеленую кнопку на подлокотнике коляски, и та легко покатилась к окну. За стеклом жил далекий, почти забытый город. Как она любила его! Как она скучала без него!.. Как она хотела вернуться в него!..

Прежде Лизавета носилась по его улицам, переулкам, садам, вместе с мальчишками из своего класса участвовала в набегах за сиренью, любила даже сумасшедшую игру футбол, где нужно уметь думать ногами, не брезговала ходить на рыбалку; ей нравилось вставать до зари и бежать, с замиранием сердца, на берег реки, еще в темноте насаживать на крючки извивающихся упругих червей, и, напрягая глаза, вглядываться в полумраке на поплавки, и забывать обо всем на свете от восторга, когда солнце поднималось над противоположным берегом, как будто ночевало там в темных и прохладных ветлах.

Теперь все это забыто, и город забыт… Она сквозь тонкое вибрирующее стекло смотрела на улицы, на проезжавшие по ним автобусы, на людей всегда спешащих куда-то; она выбирала одного из прохожих и мысленно приказывала ему или остановиться, или повернуться и посмотреть на ее окно, или вообще перейти на другую сторону улицы. Иногда это получалось, но совсем нечасто, поэтому она разлюбила эту игру, и только изредка вспоминала о ней. Как раз сегодня ее приказу остановиться подчинился человек в долгополом пальто и серой шляпе. Он шагал размашисто, быстро, но когда она послала ему мысленную команду остановиться, он как будто налетел на препятствие, встал, как вкопанный, и долго недоуменно озирался вокруг, не понимая, что его заставило остановиться. И он минут пять торчал на тротуаре под окном Лизаветы, пока она его не отпустила восвояси:

- Свободен!..

Замшелый, безвольный домовой, опустошенный от утрат, много лет живший за платяным шкафом, тоже сочувствовал ей, но в отличие от кактуса владел даром

предвидения, и заранее грустил от предстоящей разлуки с Лизаветой.
Лизавета взяла в руки книгу, лежавшую на подоконнике рядом с кактусом. Оказалось, что это все та же “Веселая наука”.
- Зелен ты еще, чтобы читать такое, - сказала она кактусу грустно. – Но если очень хочешь, то послушай еще раз: « Жизнь вовсе не аргумент; в числе условий жизни могло бы оказаться и заблуждение…»
Она задумалась: если жизнь – не аргумент, то смерть и подавно?.. Далеко ли перевозил Харон своих пассажиров, куда спускался Данте?..
Она разволновалась, бросила книгу, и направила коляску к выходной двери. Где-то за стеной тонкий женский голос завел нараспев: «Ой-ой-ой…среда настала». Она оглянулась: бабушка в черной кофте, черной юбке, дремала в кожаном, тоже черном, потертом, как комиссарская куртка, кресле. Лизавета вернулась в свою комнату, на листе бумаги написала размашисто, торопясь, чтобы не передумать: «Прости, родная! Я уезжаю… Не печалься, не плачь. Целую, Лизавета».
Она открыла дверь и направила коляску к лестнице: вперед, вперед, без оглядки и сожалений!.. «Мы устроили себе мир…» Разве мы?.. Но как она преодолеет страшную гребенку каменных ступеней?.. Как? Скажу только, что и пяти минут не прошло, как Лизавета оказалась на улице – цела и невредима. Оказывается, всегда могут найтись руки, готовые помочь.
Но куда отправилась парализованная девочка в кресле-каталке?.. Да и возможно ли это вообще?.. Погибнет, пропадет, растворится без следа на огромной равнодушной земле?
… Моторчик жужжал, и коляска катилась по тротуарам, переезжала через асфальтовые полотна дорог, регулировщики движения отдавали Лизавете честь, постовые тоже козыряли, вежливо помогали преодолевать подъемы, встречные женщины грустно улыбались, а одна старушка положила на колени девочке сдобную булку, как будто знала, что путешественнице дорога предстоит нелегкая и неблизкая… И никто не спросил: далеко ли ты, милая? Так много забот несем мы в себе, так много переживаний, так устало смотрят наши глаза на мир, что нам невозможно уловить, утишить боль чужую… Или все-таки возможно?..
Хватилась бабушка внучки, да поздно. Где ее искать?.. Приехали сыщики,

перевернули дом вверх тормашками, нашли письмо Лизаветы, долго рассматривали его в увеличительное стекло, подробно допрашивали бабушку, льющую слезы, и затем бросились в погоню на рычащих автомобилях с мигающими огнями, и быстро скрылись из глаз. Но разве известна им дорога, по которой может отправиться девочка, уставшая от одиночества и неподвижности?.. Заповедная земля, где ты?..

Глава четвертая: Игнат

Над горою солнце встало
С неба яблоко упало,
По лазоревым лугам
Покатилось прямо к нам!
Покатилось, покатилось,
В речку с мостика свалилось,
Кто увидел - не дремли,
Поскорей его лови!

…3 – 1; 1 – 6; 1 – 11; 3 – 4; 2 - 4; 1 - 3; 1 – 6; 1 – 18; 1 – 2; 1 – 20; 2 – 4; 3 – 4; 4 – 10; 1 – 1; 1 – 6; 2 – 1; 4 – 5; 4 – 10…

Это случилось давным-давно, в самом конце голодных послевоенных годов, когда Игнат записался в авиамодельный кружок. Ему нравилось, что там мастерили самолеты, которые умели реветь моторами и летать высоко-высоко, выше крыш. Самолеты эти были даже лучше настоящих, потому что их можно было держать дома. Подвесить под потолком на суровую нитку, и они всегда будут в полете, и всегда перед глазами. Как будто ты летишь рядом с ними.
Он хотел также записаться в судомодельный, ему нравились корабли, которые назывались красиво – «линкор», «крейсер», «тральщик»… А как звучало – «эскадренный миноносец»!.. Но ему сказали, что это разные стихии, их смешивать

нельзя. Надо было выбирать – самолеты или корабли – и он выбрал самолеты, хотя думал, что воздух и вода – только продолжение друг друга, ведь даже назывались они океанами – воздушным и водным, и оба были «бескрайними»… Но он подумал, что воздушный океан все-таки бескрайнее, чем водный, и стал ходить в авиамодельный.

Ему дали чертежи самолета, фанеру и лобзик и он стал выпиливать элероны - лонжероны, закрылки – оказывается, в самолете было костей и косточек больше, чем в самом огромном доисторическом динозавре. Потом ему дали напильник, и все эти самолетные кости и косточки - занозистые и шершавые - он превращал в полированные, почти мраморные на ощупь. Затем в работу пошли лак, клей, картон, специальная ткань для обтяжки крыльев – перкаль, – и постепенно возник самолет. Теплый, живой, пахнущий, как и руки, клеем, лаком и почему-то чуть-чуть хлебной горбушкой.

Мотор ставился в последнюю очередь. С ним было немало мороки – не перелить бензина, правильно закрепить винт… Но время полета приближалось… Дюжина заноз вцеплялись в его руки, пока он строил самолет, сто ссадин и порезов получил он, но это ничего не значило по сравнению с приближающимся стартом.

За неделю до полета пришли ребята из радиотехнического кружка и предложили установить на его модели радиоуправление – так понравился им его самолет. И было чему нравиться – полутораметровый размах крыльев, устремленный в полет фюзеляж, мощный, сверкающий никелем, мотор. В кабине машины – фигурки летчиков в кожаных шлемах, с планшетами на боку, маузерами в деревянных кобурах – на всякий случай. Фигурки летчиков он придумал вырезать сам, в чертежах их не было.

Все восторгались новым самолетом, говорили «как настоящий», а Игнат подумал, что, доведется, – он и настоящий построит, дело теперь знакомое.

Первый раз решили запускать модель на берегу Чагана, в старом парке. Там было специальное место, такая огороженная металлической сеткой площадка – наподобие манежа, только больше.

Стоял светлый сентябрьский день, небо после дождя было синим и бездонным. Народу собралось много – и свои авиамоделисты, и радисты, и просто набежало

зевак с улицы Чагано-набережной. Всем интересно посмотреть на почти настоящий самолет, тем более, что не самим же лететь, не самим рисковать и нервничать. На площадке часты были аварии, ломались фанерные крылья, разбивались истребители и бомбардировщики, разваливались на части планеры и воздушные змеи – и все привыкли к этому, как к дармовым развлечениям. И если тарелка репродуктора иногда трагически сообщала о том, что где-то разбился самолет, и проводятся поиски его «черных ящиков», то представлялись порванные бумажные крылья, перекошенный фанерный остов, - стоит опять взяться за лобзик, сварить свежего столярного клея - и опять отправятся в небо деревянные фигурки пилотов в кожаных шлемах, с маузерами на боку.

Мотор нового самолета завелся сразу, резкий металлический треск перекрыл возбужденные голоса моделистов, зевак. Радисты принялись включать-выключать свои передатчики-приемники, нажимать разноцветные кнопки, но самолет не откликался на их невидимые команды. Наконец, главный радист нажал какую-то самую важную кнопку, и самолет, промчавшись по асфальту манежа, взмыл над парком, и сразу стал маленьким, сравнимым с воронами, которые тут же принялись злобно орать на чужеродную птицу.

Главный радист протянул Игнату пульт управления:

- Тумблер влево и вправо – повороты, красная кнопка вперед, зеленая вверх… Это для закрылков…

Игнат осторожно взял в руки пластмассовую коробочку с кнопками и тумблерами, нажал легко на зеленую кнопку, и самолет послушно стал задирать нос, он щелкнул тумблером – самолет пошел по кругу… Машина, рассекающая сентябрьское пространство над Чаганом, беспрекословно слушалась хозяина.

- Влево и вверх! – и пилоты с револьверами принялись за фигуру высшего пилотажа.

- Вниз и вправо!

- Вперед и вверх!..

Пилоты творили воздушные чудеса. Под крылом проплывали то столетние дубы, то речная излучина с эскадрой водных велосипедов на ней, то рыжие крыши домов прибрежных улиц. Вороны пытались пикировать на аппарат, но летчики отбились от них, паля из маузеров, и те трусливо отступили.

- На первый раз хватит, будем сажать самолет, - сказал главный радист и, взяв пульт, стал нажимать кнопки посадки. Однако у летчиков были иные планы. Мотор затрещал отчаяннее, самолет принялся набирать высоту и вскоре превратился в точку – сияющую дневную звездочку.

Руководитель авиамодельного кружка, бывший истребитель, Харитон Харитонович, не дрогнувшей рукой сбивавший вражеские самолеты, метался по асфальту манежа и кричал:

- Куда? Куда? Сейчас же назад!..

Его широченные штанины развевались серыми стягами.

Однако пилоты не расслышали его приказ и взяли курс на город. Уральск, зажатый между Уралом и Чаганом, надвигался на самолет Золотой церковью, домом Карева, Макаровой мельницей.

- За ним! За самолетом! – закричал истребитель Харитон Харитонович, и бросился в седло своего велосипеда. – Если на крышу какую-нибудь сядет – ни в жисть его не найдем! А в нем одной аппаратуры!..

Тут некстати одна из его парусящихся брючин попала в предательскую зубчатку велосипеда, и Харитон Харитонович грохнулся оземь. Густой авиационный мат смешался с летными командами:

- Пропеллер его подери! Догнать! Найти!..

У Игната велосипеда не было, он бегом кинулся в сторону города. Мелькнули деревянные скамьи стадиона, парашютная вышка, водочный ларек у стены ликероводочного завода… Он обогнал «Победу», выехавшую из ворот завода, догнал полуторку, груженную дровами – шофер поаплодировал ему, дескать «ну, ты, мужик, даешь стране угля, хоть мелкого, но много!», пролетел мимо школы, построенной на месте старого Ильинского кладбища, завернул на Большую улицу – слева осталась Золотая церковь, впереди показались горбы каревского дома. Где-то здесь, по его подсчетам, мог приземлиться самолет.

У стен знаменитого дома вилась очередь, в которой томились в основном женщины, но был и один мужик, с заскорузлой, как пятка, мордой. Он старательно отворачивался от прохожих, вдруг знакомые заметят, что он стоит в бабской очереди.

- Сичку дают! – сказала дама в белых туфлях на босу ногу, и сама себя поправила:

- Ситец то есть. Расцветка богатая, шикарная расцветка…
- Хоть на кофточки, хоть на наволочки – везде сгодится! – подхватила другая, в черных туфлях и белых носках.
- Товарищи женщины! – звонко обратился к ним Игнат. – Товарищи девушки! Может, кто-то из вас видел самолет, он сюда полетел?..
- Самолет! Сюда! На головы рухнет! – взволновалась очередь, но никто своего места не оставил – ситец был тогда почти по цене жизни.
- Бабы! – вдруг заголосил заскорузлый мужик. – До чего дожили – банбандировщики на мирное население насылают, бежим отсюда!..
Но сам, подлец, и не собирался убегать, а, воспользовавшись паникой, хапнуть побольше сички, хотя на дверях магазина висело объявление, где на чистом русском языке было написано: «Сичка артикула 1690 отпускается в одни руки не более пяти метров, сатин артикула 3407 отпускается до десяти метров включительно».
Заскорузлый был известный в городе враль и забулдыга, он ситец брал для перепродажи, спекулянт и пьяница. Органы за ним следили. А, может, он следил для органов, было и такое подозрение.
- Бежим! – еще раз завопил он, и с дюжину баб попавшись на его удочку, пустились наутек. А заскорузлый ближе подвинулся к прилавку.
- Видел я твой самолет, - сказал он Игнату. – Небольшой такой, да? Трехместный, верняк?
- Небольшой… Не очень большой…
- Зеленый такой, военный?..
- Да, нет, не зеленый, - растеряно проговорил Игнат, - только немного зеленоватый…
- А я что говорю! – горячо продолжил заскорузлый. – Они и вчера тут, суки, кружили, высматривали… Им сверху, знаешь, как видно все! Человек, он в высоту для чего рвется? Для того, чтобы больше рассмотреть всего такого, чего с земли никогда не увидишь. Я вот в среду на голубятню залез, а там высота смешная – пятнадцать метров, шестнадцать с половиной от силы. Так глянул вниз и обомлел, в окне, как на экране видно – Ирка из двадцать второй квартиры голая в ванной сидит, а мужик ей спину мочалкой шоркает… Ты скажешь, что ничего тут интересного нет, каждый мужик – дай ему волю – стремится бабе спину пошоркать… Я не спорю, ты прав. Но

дело в том, что мужик-то, который Ирку мыл, был совсем из другой квартиры, не из двадцать второй, а, кажется, из тридцатой… Вот теперь представь, какая у них видимость с самолетов – всю нашу жизнь, как в кино разглядывать можно. А если что не так, если не понравилась кому эта строго контролируемая жизнь – пулеметом по нему с головокружительной высоты!.. Они нынче и на километр, и на пять километров поднимаются, и даже на десять километров!.. И страшно представить, чего они рассматривают через стратостаты!.. Через корабли безвоздушного пространства!..

- Что вы такое говорите? – сказал Игнат. – При чем здесь безвоздушное пространство?..

- Очень даже притом, - ответил заскорузлый, но голос приглушил. На всякий случай. – Безвоздушное пространство повсюду, оно везде и его бескрайность пока не измерена – приборов не хватает, а воздушное пространство по сравнению с ним – крошечная капелька в бескрайнем море…

- Я только про самолет спрашивал, если видели…

- Ничего я не видел! – рассердился заскорузлый мужик и отвернулся от Игната.

- Женщины, самолета не видели? – опять обратился Игнат к очереди.

- Я, кажись, видела, - откликнулась продавщица, отмерявшая сичку. – В уборную выходила, а он как раз протарахтел над головой. Да какой-то потешный, маленький, как будто игрушечный… Так они с земли все игрушечными кажутся… Но мужиков в шлемах кожаных я разглядела. Один уж больно гожий – чернявый, усатый, рукой мне помахал!..

- Рукой помахал? – удивился Игнат.

Продавщица не ответила, скосила глаза, дескать, в этом направлении полетел – на закат.

Игнат заглянул во двор каревского дома, там пучилась еще одна очередь – за сахарным песком. Здесь кружилась дюжина мальчишек, предлагающих себя в сыновья и внуки, женщинам стоявшим в очереди - для получения двойной нормы, и требовавшие за это пригоршню песка. Мальчишки даже на вид были клейкими от сахара.

- Пацаны, самолет здесь не пролетал?

- Ераплан, ераплан посади меня в карман!.. – завопил один из мальчишек, самый

клейкий.
- А в кармане пусто, выросла капуста!.. – подхватили остальные. Игнат понял, что от них он ничего не добьется, и направился к дому с колоннами, который иногда здесь называли домом Мизиновых, а спроси – почему так называют – не знал почти никто. Не было в доме жильцов с такой фамилией, не было и поблизости таких. Даже и не слышали такой фамилии. По другому дом называли «офицерским» или «домом с колоннами», хотя тоже офицеров в нем жило не густо. В основном, отставники. После войны скороспелых фронтовых капитанов да майоров было хоть пруд пруди, их увольняли в запас толпами, кто в военруки подался, кто в ДОСААФ устроился, кто спился. Вот таких отставников полно было в доме с колоннами.
- Постойте, молодой человек! - окликнули Игната. Он оглянулся – сухонькая старушка вся в черном – в черной юбке, черной кофте, черной шляпке. Так Игната до сих пор никто не величал, в лучшем случае говорили «пацан», а чаще – «эй, мальчик!» Только в школе учителя называли по фамилии – «Иванов к доске, Иванов – тебе законный неуд, Иванов – не вертись на уроке, как юла!» А тут «молодой человек»! Да еще на «вы»!
Он остановился.
Черная старушка подошла к нему почти вплотную, наклонилась к его уху.
- Только говорите, пожалуйста, тихо! Лучше вполголоса! – таинственно прошептала она. – Нельзя показывать свою заинтересованность…
- Заинтересованность? – переспросил он.
- Ну, да, - сказала она и оглянулась. – Не следует открыто демонстрировать свои намерения… Может последовать ответное противодействие… В этих местах, где открытые разломы времен, ничего нельзя хотеть – обязательно не сбудется…Или сбудется с точностью наоборот.
- Вы самолет не видели? – повторил он в сотый раз за день. – С бензиновым моторчиком?
- Видела, как раз видела! – сказала она. – Он, скорее всего, на крыше типографии, примыкающей к дому с колоннами…
- Вот спасибо вам! Мигом заберусь, достану… Лишь бы не разбился…
- Да, лишь бы с ним не приключилась эта беда!.. Только будь осторожен, помни о

разломах… Бумажные крылья не прочны… Но тебя должны выдержать…
- Не бумажные, а перкалевые…
- Ладно – ладно, - согласилась старушка. – Только не забывай, о чем я тебе говорила!..
- Ну, конечно, не забуду – о разломах, обрывах, кручах и пропастях…
Он захохотал и побежал под арку – поднялся по каменным ступеням лестницы, ведущей в сумрачный дом Мизиновых, но не стал заворачивать в коридор, заставленный велосипедами, примусами и шаткими столиками, а двинулся прямо – прямо и вниз, - в итоге лестница привела его во двор, окнами в который выходило офицерское ателье, где шили самые лучшие галифе, гимнастерки, могли и гражданские костюмы - шевиотовые и бостоновые. Однажды Игнату тоже повезло, мать сумела договориться, чтобы ему пошили и китель, и брюки военного фасона, и потом где-то она раздобыла военную фуражку, кирзовые сапоги. Было Игнату тогда лет пять, и вся улица завидовала ему, впрочем, недолго. За то лето он так вытянулся, что китель еще с грехом пополам можно было носить, а брюки, пошитые даже и с запасом, пришлось продавать. А заодно продали и китель… Говорили, что форма ему очень шла, что надо бы отдать Игната в суворовское училище, но мать и слышать об этом не хотела: хватит нам офицеров, все глаза проплакали из-за них. Это она намекала на отца Игната, который в войну хлебнул лиха – и ранен был не раз, и в окруженье попадал, и пропадал без вести, а вернулся с фронта – таскать его стали в двухэтажный дом на Советской: «Как ты выходил из окружения, с кем выходил, с оружием в руках выходил, с партбилетом в кармане или бросил винтовку и товарищей, и драпал без оглядки? Или еще чего хуже – завербован был фашистскими зверями?..» Отец воевал храбро, и кое-как сумел отбиться от этих вопросов, но нет-нет, да вызывали его в двухэтажный дом, причем, всегда норовили подгадать к ночи, чтоб, значит, волновался больше, проникался сознанием важности этого вызова. А вместе с ним чтоб проникались и его родные. Чтоб не было им покоя ни днем, ни ночью. Так что, если они все-таки со шпионской начинкой, то скорее выдадут себя под утро, часика в три – четыре, потеряют вражескую бдительность… Шпионской начинки в отце так и не нашли, но особенно ходу не давали – ни в начальство, ни в депутаты какие-нибудь – ни – ни! Да что там, оказалось почему-то,

что и жилья ему никакого не положено, кочевали они всей семьей по чужим углам – жили за занавесочками, ширмочками, в протекающих мансардах, кривых мазанках. Потом отец и мать устроились в типографию, и сердобольная директриса Клавдия Васильевна позволила им поселиться в комнатке, отгороженной от конторы – это одна фанерная стена – и цинкографии, где кислотой травили фотографии, – это вторая фанерная стена. Здесь они устроили деревянный широкий топчан, на котором спали отец с матерью, и еще один топчанчик – для Игната. Отец сделал стол, деревянный ящик с дверцами - для посуды, другой ящик – поменьше – для продуктов – перловой крупы, подсолнечного масла, собирался сделать еще несколько табуреток, но не собрался. Но удобно было сидеть и на деревянных ящиках из-под матричного картона, особенно после того, как мать сшила из лоскутков и ваты небольшие тюфячки, которые подкладывались на жесткие деревянные сиденья. Директриса и сама жила с семьей в полутора комнатках, отгороженных от конторы с другой стороны. Правда у нее в доме было три стула, и старинная этажерка, на которой лежали альбом с фотографиями, шкатулка из фанеры, оклеенная мелкими речными ракушками и вторая шкатулка, оклеенная открытками с пионами, розами и тюльпанами.

Отец со временем не то, чтобы сломался – сник, стал как будто меньше ростом, все реже надевал пиджак с орденами, говорил с усмешкой: «Больно тяжелы…». А потом стал загуливать. То на рыбалку на три дня уезжает, то на охоту – чуть не на неделю. А если никуда не уезжал, то раньше полуночи никто его и не ждал. То колодец забивали старому фронтовому другу, то крышу перекрывали – тоже какому-то неведомому другу, то автобус сломался… А если иногда он проводил вечер дома, то места себе не находил, шатался из угла в угол, придирался к каждой мелочи. Мать тогда говорила: «Вместе тошно, скучно врозь»... А однажды она застала его с лучшей своей подругой. Собрала ему чемодан, все самое необходимое, проводила, как на курорт. Сколько раз потом он хотел вернуться назад с этим чемоданом, ни разу она не пустила его даже на порог… Поэтому она была против суворовского училища, да и Игнат тоже не горел…

Во двор офицерского дома выходили и окна типографского клуба. Иногда наборщики и печатники разгибали усталые спины, выключали свои наборные и печатные

машины и шли смотреть головокружительные фокусы, слушать чарующую игру на двуручной пиле, подпевать нахальным частушкам. Концерты эти артисты давали бесплатно, но не безвозмездно, чаще всего, за ускорение производства афиш.
Во двор типографии можно было попасть через ворота, иногда закрытые на огромный ржавый замок (почему все замки ржавые?), или, перемахнув через невысокий забор, рядом с которым для облегчения задачи стоял огромный деревянный ящик для мусора.
Игнат так и поступил: залез на ящик, с него на забор, и попал в типографский двор. Он понятия не имел о каких-то непонятных разломах, о которых говорила черная старушка, но знал отлично, что в этой части города, среди нагромождения старинных домов, высоченных кирпичных стен, заборов, сараев, складов, не только самолет может потеряться – целый воздушный флот. Игнат забрался на жестяную крышу типографии по небольшой приставленной лесенке. На всякий случай подтянул лестницу за собой – пригодится. По необъятной громыхающей крыше двинулся в сторону типографских складов. Печные трубы, мачты с телефонными проводами делали крышу похожей на старый, давно выброшенный на берег корабль.
На одной из труб сидел человек. Игнат знал его, это был Бочаров. Имени у него, кажется, не было, он был философом. На крышу забирался, чтобы читать книги. Здесь никто не мешал. Иногда его мать – тетя Маруся - кричала ему снизу пронзительным голосом:
- Бочаров, быстро домой! Каша остывает!.. Быстро!..
Он редко откликался, но кашу есть приходил. Книг у него было огромное количество. Целые холмы, горы книг.
Жили Бочаровы в электрическом подвале офицерского дома, в котором не было ни единого окошка, только ниши с подоконниками в полутораметровых стенах. Ниши так хорошо имитировали окна, да еще тетя Маруся повесила на них беленькие марлевые занавески, что редкие гости тянулись руками к «окнам», пытались их распахнуть. Гости не могли сразу осознать, что находятся ниже уровня земли и много ниже уровня моря. Вот именно поэтому здесь всегда горели стоваттные электрические лампы. Этот подвал был даже описан в нескольких романах местного писателя – Виктора Иванова. Как деталь нелегкого житья-бытья пятидесятых годов. Бочаров

знал об этих книгах, но не читал их, пока не попадались. Кстати, Игнат приходился маститому писателю далеким родственником, мать говорила, что седьмая вода на киселе. Игнат тоже не читал романы, но слышал, что ничего умного в них нет, только нудное описание одного и того же… Кто-то говорил, что пишет он про одних и тех же людей, из одного и того же города, из одного и того же двора, как будто весь свет клином сошелся на этом дворе, как будто этот двор и есть весь свет. Кто поймет этих писателей, думаешь, что они должны раздвигать границы мира, показывать, что творится за горизонтом, куда наш слабый взгляд не проникает, а они наоборот, как будто боятся пространства, смотрят в подзорную трубу с другой стороны – как бы навыворот, и люди кажутся карликами, столетние дубы саженцами, а земля чуть больше чайного подноса.

Если пройти по крыше офицерского дома вправо, то можно попасть на крышу двухэтажного дома, на одной стене которого заметна старинная надпись «Номера», а с нее легко было перебраться на здание дома пионеров, в котором была тогда большая библиотека. Время от времени библиотека избавлялась от старых, поврежденных или неугодных книг. Несчастные книги связывали в огромные пачки, и грузчики выносили эти пачки во двор, сваливали их на асфальт. Проходил не один час, пока за ними приезжал грузовик, а иногда даже скрипучие телеги, на которых их увозили куда-то за город, кажется, сжигали. Тут надо было не зевать, и Бочаров не зевал. Пока книги валялись во дворе, он успевал затащить на крышу несколько пачек. Грузчики только приветствовали этот разбой, ведь он убавлял им скучной, пыльной и тяжелой работы. Они смеялись и называли его Академиком. Академик хранил книги на необъятном типографском чердаке, иногда и ночевал около своих сокровищ, устроив среди пачек удобную лежанку. Летом через чердачные окошки было так светло, что можно было читать едва ли не до полуночи, а в лунную ночь еще дольше. Тетя Маруся не одобряла этих ночевок – до дома подать рукой, надо на родной подушке ночевать, но поделать ничего не могла, только ворчала:

- Виданное ли дело, среди бумажной пыли спать! Среди бацилов типографских. Там ведь половина народу, в типографии этой, свинцовой зависимостью хворают…

Об этой страшной зависимости она знала по зловещим слухам. Говорили, что человек с течением времени становится на девяносто восемь процентов свинцовым,

хоть грузила из него отливай, и Бочаров очень рискует, находясь почти постоянно на типографской крыше. Когда он спускался иногда поесть каши, тетя Маруся присматривалась к нему – не наливается ли тело сына свинцовой синевой? Пока Бог миловал. Но однажды синева залегла под левым глазом Бочарова, да такая густая, что тетя Маруся попыталась отщипнуть кусочек этого ядовитого металла. Бочаров заорал благим матом. Не знала несчастная мать, что он подрался с дворником из Дома пионеров, который пытался воспрепятствовать затаскиванию очередных пачек на крышу, и дворник, тренированный в боях за порядок на улицах, сумел засветить более хилому Академику.

- Видел, видел твой самолет, - сказал он Игнату. – Через арку тебе надо, но там кирпич осыпался, легко можно угробиться!..

- Почему осыпался, я не так давно там проходил – все было цело?

- Когда-то все было цело и невредимо, - сказал Бочаров. – Но рано или поздно все ветшает и в итоге рассыпается. Этим стенам – вот той - двести, а этой – триста лет, их время проходит… Скоро все развалится, а уж эти дома – самыми первыми!..

- Да, ладно! – не поверил Игнат. – Так уж и развалится?.. Все-все?.. Столько лет стояло, не падало, а теперь, вдруг, возьмет и развалится?..

- Ну, может, оно и не само развалится, а кто-то или что-то ему поможет… Нет ничего вечного, это ты понять можешь?..

- А я матери своей верю, которая говорит, что вечна моя лень…

- Шутник малолетний! – огорчился Бочаров тому, что молодой еще совсем человек обратил серьезный разговор в глупую шутку. Вот такое оно подрастающее поколение – ни серьезности у него, ни жизненных целей!.. И книг не читают…

Бочарову было за тридцать, он считал себя стариком.

Игнат пошел к арке, по которой можно было пробраться на соседнюю крышу, но каменная кладка свода арки, как и говорил Бочаров, разрушилась, образовалась как бы пропасть шириной метра в полтора. Можно было попытаться перепрыгнуть через нее, но Игнат опасался, что при прыжке свод совсем развалится и лететь тогда вниз с пятиметровой высоты.

Он вспомнил про лестницу: не зря он затащил ее на крышу. Бегом вернулся к стене офицерского дома, где оставил лестницу; в это время тетя Маруся завела свою

кашеварную песню:
- Бочаров, быстро домой! Каша остывает!..
Тот, как всегда, не откликнулся, но стал собираться.
Игнат подхватил лестницу и двинулся к разваливающейся арке, как на штурм.
Бочаров остановил его:
- Если что, не переживай, я матери твоей все объясню… Она у тебя и терпеливая, и понятливая… Это лучшие человеческие качества…
Вообще-то Бочаров терпеть не мог женщин, особенно молодых. Если, случалось, к ним с тетей Марусей заходила какая-нибудь женщина, соседка сверху – с первого этажа или даже со второго – за солью или луком, то когда она уходила, Бочаров немедленно нес табуретку, на которой она сидела, а стульев у них отродясь не водилось, к колодцу и долго там тер ее мочалкой с мылом.
- Ненормальный! – говорила тетя Маруся. – Не видать мне внуков…
Игнат удивленно посмотрел на Бочарова:
- А чего мне переживать?..
- Вот и я говорю – не переживай…Хочу тебе один секрет открыть перед расставаньем…
- Ты что, уезжаешь?..
- Пока нет, но на всякий случай… Может, ты уедешь?..
- Вообще-то я самолет ищу…, - попытался Игнат увильнуть от секрета Бочарова.
Но тот твердо удержал его:
- Не улетят без тебя…
- Ладно, только по быстрому, а то у тебя каша остывает… Холодная она в глотку не лезет.
- Горячая - тоже, - сказал хмуро Бочаров. – В общем, хочу я тебе подарок сделать, вот держи…
И он протянул Игнату почтовый конверт со множеством наклеенных на него марок – и пальмы были на марках, и ленины, и электростанции, и прыгуны с шестом, - на любой вкус картинки.
- Ой, не нужны мне всякие письма, мне некогда читать=писать! – испугался Игнат. – К соревнованиям надо готовиться по авиамодельному спорту…

- Ты возьми, не отказывайся… Никто тебя сейчас ни читать, ни писать не заставляет, сунь письмо в карман, а придет время – вспомнишь о нем… Только не потеряй.
Игнат уставился на конверт, ничего не понимая. Конверт как конверт, довольно затрапезного вида, как будто его подкладывали под сковороду с жареной картошкой.
- Это знаменитое письмо счастья, ему двадцать шесть тысяч лет, - сказал Бочаров.
- Похоже, такое засаленное, - согласился Игнат.
- Оно найдено, а точнее сказать явлено на месте, где открыты разломы времен, которые некоторые называют разломами судеб…, - с торжественными нотками в голове продолжил Бочаров.
Игнат вспомнил черную старушку:
- Я уже сегодня слышал об этих самых разломах-переломах…
- Есть такие места на земле, где в узлы собраны все ниточки… называй их как хочешь – разломами, переплетениями, соединениями…
- Так, что это за ниточки? – потерял терпение Игнат.
- Те самые, на которые мы все привязаны, как живцы на закидушках, и мечтаем, чтобы клюнула самая завидная судьба… Дерни за нужную ниточку, и все переменится…
- А причем здесь это письмо?
- Мне дал его для тебя Самойл, который считается главным у людей, живущих в старых дымоходах… Видел когда-нибудь их?
- Видел, - вспомнил он бледные лица, горящие в темноте глаза, совершенно неслышную походку этих низкорослых, негромких людей, редко выходящих из своих укромных обиталищ. Они никогда не показываются посторонним, но Игната и Бочарова не опасались, неизвестно почему, может, думали, что те рано или поздно присоединятся к их свободолюбивому племени. За своих принимали Игната и Бочарова и люди чердаков и подловок.
- Ну и что этот Самойл? Ну и что этот конверт? – Игнат подумал, что Академик никогда не закончит свой несвязный рассказ.
- Письмо это исполняет все желания… Только раз в восемьсот лет показывается оно людям, и обычно требуется переписать его от руки тысячу двести раз и отправить его по стольким же адресам, - и все, что попросишь – сбудется. Но если письмо

обнаруживается в таком месте, то нужно просто приписать к нему свои желания, и бросить в нужный почтовый ящик…Все, что захочешь, обязательно сбудется. Обязательно!.. Пожелаешь богатства – получи полные сундуки, захочешь любви – хоть захлебнись в ней!.. Это заповедное письмо счастья, понял?

Игнат вспомнил о ящиках из-под матричного картона, на которых они с матерью сидели дома, и сказал Академику:

- Да, неплохо было бы мне разбогатеть!.. Я купил бы матери четыре стула и диван… И комод… И обои в цветочек… Можно такое?..

- В том-то и дело, что можно! Наконец ты понял…

- Заливаешь, дядя!? – как можно больше иронии постарался вложить Игнат в свой вопрос, но в иронию эту помимо его воли вкралась и надежда.

- Зачем мне заливать?..

- Так разбогатей сам, купи стулья, купи этажерки для книг!.. Раскладушку купи!..

- Я бы с большим удовольствием, только письмо твое именное, посмотри, что на нем сверху написано: «Игнат не бойся преград!..»

- Игнатов на свете много…

- Говорю тебе – именное. Зачем мне врать…Самойл сказал, что оно давно тебя дожидается… Другим Игнатам, наверное, припасены другие конверты… Где-нибудь есть и мое… только пока не нашлось, да и найдется ли?.. Говорят, что не каждому дано загадывать судьбу… А твоя – вот она, бери, живи, как напишешь…

- Сейчас, сейчас! – крикнул он вниз тете Марусе, продолжающей призывать его к тарелке с кашей.

- А про себя я вот что тебе скажу… Я тысячу книг прочитал, но, посмотри, какие это книги? Выброшенные, покалеченные, с вырванными страницами. За последние десять лет я ни одной книги от начала до конца не прочитал – то начала нет, то из середины выдраны страницы, то из эпилога – и всегда обрываются мои книжки на самом интересном месте… Неинтересные места не вырывают… Я не знаю, чем кончилось дело в «Капитанской дочке» - хорошо ли все сложилось у Гринева? А Швабрин получил ли по заслугам? А Пугачев, Пугачев в итоге победил?.. И за Анну Каренину переживаю – не случилось бы с ней худого!.. А Воланд со свитой убрались из Москвы?.. Не в наш ли город?.. А не можешь мне сказать, выздоровела Патриция

Хольман?.. Ах, не читал?..

Он задумался на минуту, продолжил:

- Хочу тебя попросить, когда будешь чего-нибудь загадывать, не поленись добавить всего одну строчку про меня - чтобы мне доставались целые книги – хоть потрепанные, хоть с загнутыми страницами, но целые, со всеми главами, со всеми предисловиями и послесловиями!.. Добавишь эту строчку, а? Что тебе стоит?..

- Так давай, я прямо сейчас и напишу эту строчку! – сказал Игнат. – Чего тянуть? И себе тысяч десять попрошу, нет – двадцать пять!.. Огрызок карандаша в кармане найдется…

- Не торопись. Сначала нужно найти, где расположен этот почтовый ящик, а потом уже и загадывать., А где он находится – в какой стране, в каком краю, в каком городе или деревне? – никто не знает… Я слышал, что на каком-то острове… Так что, придется тебе, малец, поплутать по свету… Но когда время придет писать желания – поймешь, что оно пришло, не ошибешься.

Игнат махнул рукой: что поделать, если выпадет плутать?.. Кто в жизни не плутал? Он ни на минуту не поверил придумке Бочарова с этим засаленным конвертом, но выбрасывать его не стал: все-таки, вдруг, не зря черная старушка толковала о всяких разломах? Чего только в жизни не бывает!

- Ладно, я пошел! - он поправил лестницу на плече и двинулся дальше по крыше.

- Пока! – сказал Бочаров. – Возвращайся скорее…

Он не произнес этого вслух, но ему вдруг показалось, что кто-то расслышал эти слова. Тонкий слух у этого «кто-то»…

Игнат подошел к разрушающейся арке, небольшой лестницы едва хватило, чтобы перебросить ее через образовавшийся провал. Он осторожно ступил на эти ненадежные мостки, из-под ног полетело кирпичное крошево, он сделал еще шаг, деревянная лестница затрещала; он не успел испугаться – прыгнул, и легко оказался на другой стороне каменного обрыва. Лестница же соскользнула с рассыпающейся кирпичной кладки, секунду балансировала на своде арки и рухнула вниз. «Как же теперь возвращаться?» - мелькнуло у него в голове, но он отогнал эту мысль, как будто возвращаться не собирался. Почему?

Он прошел по крыше типографского клуба, потом – склада, второго склада и вышел к

высоченной кирпичной стене, подтянулся на руках и оказался на самом гребне стены – весь квартал оказался как на ладони. Осторожно ступая, он прошел метров двадцать и оказался на краю еще одного кирпичного каньона – здесь тоже старинная кладка оказалась разрушенной, причем провал был не менее трех – четырех метров и нечего было думать перепрыгнуть через него, да еще на такой высоте. Между тем, Игнат был уверен, что еще несколько дней назад, как и в первом случае, никакого провала здесь не было. «Как будто отрезают мне все пути», - подумал он и усмехнулся: полная чепуха, кто все это может предусмотреть, а главное - кому это нужно?..

Оставался один путь – идти по черепичной крыше кладовой столовой национальных блюд, но черепица была в таком состоянии, что лучше было бы пробираться по минному полю. Но выбора не было – он спустился на крышу кладовой. Черепица трещала, казалось, что вот сейчас он полетит вниз – на огромные грязные кастрюли, мешки с проросшей картошкой, разбитые столы, безногие стулья. И тут он заметил на крыше нечто наподобие квадратного люка, черневшего ржавым железом на фоне серой черепицы. Он осторожно подошел к люку – вход охранял крошечный замок, наверное, таким замыкали некогда матросские сундучки. Замок как бы приглашал сбить его. Никогда прежде не видел Игнат этот люк, впрочем, и не присматривался особенно. Он дернул замок, и тот тут же открылся, а, может, только притворялся закрытым.

Игнат попытался открыть люк, он тоже легко поддался. Он заглянул в образовавшийся сумрачный проем и увидел, что внутрь ведет узенькая металлическая лестница. И совершенно коротенькая – ступенек пять-шесть – и упирается эта матросская лесенка в деревянный настил, выглядевший древним, трухлявым. Игнат спустился на него, предательски скрипнули доски, ему показалось даже, что весь настил повело куда-то в сторону. Он вцепился руками в прохладные поручни, но доски удержались. Глаза привыкли к темноте, и он рассмотрел, что настил, на котором он стоял – это некое подобие узкого деревянного балкона или галереи, протянувшееся вдоль старинной кирпичной стены. А внизу как раз и громоздились старые кастрюли, погнутые противни, волглые мешки со свеклой, всякая гадость из дешевой столовой. Наверное, снизу эта галерея под самой крышей

была незаметна, воспринималась, как обычное переплетение бревен и досок, да и кто будет таращить глаза, высматривать хоть что-то в этом хаосе строений, стен, заборов, проходов и арок, всего того, что накопил дряхлеющий город за последние четыреста лет, а, может, и больше?..

Игнат двинулся по балкону, доски под ногами кряхтели, прогибались. Паутины было столько, что казалось – сейчас набросятся со всех сторон злобные пауки, стерегущие эти заповедные края, и выпьют всю кровь до капли. Пауки решили не трогать его, и он благополучно добрался до конца галереи. Она упиралась в дощатую дверцу, закрытую на стальной крючок. Из-под двери пробивались неровные полоски света.

Игнат открыл крючок, толкнул рукой дощатую преграду. И зажмурился от потока солнечных лучей. Он стоял на крыше какого-то приземистого строения, за которым простирался огромный заасфальтированный двор. Ни этого строения, ни этого двора он прежде никогда не видел, чудо, да и только! Как могли они скрываться среди этих каменных теснин?.. Бывает ведь такое!..

В центре двора стоял самолет, пилоты располагались рядом со своей крылатой машиной, курили, пересмеивались. Слов их не было слышно из-за тарахтения мотора, но видно было, что настроение у авиаторов прекрасное. Да и могло ли быть иначе – погода летная, горючего полные баки, рядом надежные товарищи – душа так и просится в полет!

Пилоты заметили Игната, принялись махать ему руками, дескать, мы здесь, давно ждем тебя.

Один из них, чернявый, усатый, стройный, затянутый в кожу, перепоясанный ремнями, перекричал мотор:

- Командир, сюда! Все по местам!

Авиаторы растоптали папиросы, поправили портупеи и, придерживая маузеры, полезли в содрогающееся нутро самолета.

Игнат легко спустился с крыши, пошел к самолету. Навстречу ему чернявый ударил по асфальту строевым шагом, доложил звонко:

- Экипаж к полету готов! Машина исправна, синоптики дают добро!.. Отлично!..

Игнат положил ладонь на крыло; тонкая и прочная перкаль была тепла и чуть-чуть шершава.

«Пора!» - подумал он, и сам удивился этому: куда? Почему пора? Однако отвечать на эти вопросы ему совершенно не хотелось. Или ответ был известен давно?..
Он вспомнил Бочарова, который обещал объяснить все матери Игната. Выходит, он знал о том, что Игнат отправится в полет с этими бравыми авиаторами?.. И черная старушка у дома Мизиновых намекала на полет, говорила, что крылья его выдержат… Нет, не зря она про разломы эти самые толковала...
Чернявый, гожий летчик, так понравившийся продавщице, протянул Игнату парашют:
- Дорога дальняя…
Все знали, что дальняя, а к соседям-то можно пешком или на велосипеде.
Игнат протиснулся в кабину. Мерцание приборов, подрагивание стрелок, сияние крошечных лампочек – пора, пора…
- Вперед! – скомандовал Игнат, и в эту самую секунду во дворе появился вихрем мчавшийся велосипедист. Бывший истребитель Харитон Харитонович. Как раз успел!
- Стой! – закричал он. – Не сметь без меня! Без меня!.. Стой!
За секунду до разбега самолета Харитон Харитонович оказался на борту. Взревел двигатель, и помчались мимо крыла мусорные ящики, забытая кем-то зеленая полуторка без колес, бочки с карбидом, сваленные у какого-то склада, - все, что в изобилии водится во дворах – заброшенное, никому не нужное, ржавое и перекошенное - непонятно что. Все это промелькнуло за секунду и провалилось вниз, наклонилось, закружилось – и самолет, промчавшись над бурыми крышами покидаемого города, потянулся кверху, к облакам, где и место таким могучим машинам.
- Точно я попал! – радовался Харитон Харитонович. – Куда курс держим?
- Только вперед! – повторил Игнат.
- Ты командир, тебе виднее, - не стал спорить бывший истребитель.
А Игнату вдруг стало грустно, он вспомнил мать, подумал, найдет ли нужные слова для нее Бочаров, успокоит или наоборот заставит лить слезы? Что с него взять, не прочитавшего до конца ни одной книжки?..
Игнат украдкой вздохнул, прости, милая, мамочка. Так надо!.. Надо?
А самолет плыл над неширокой ленточкой Урала, отражался чайкой в зеленоватой воде, отражение атаковали ненасытные жерехи, пытаясь сбить его мощными

обмахами. Вслед за ними поднимались из сумрачных глубин под корягами гигантские сомы, провожая самолет взглядами крошечных глазок… На заливных лугах в траве по пояс звенели литовками косцы, махали руками вслед воздушным путешественникам, кричали «В добрый путь!..»
«Мы вернемся, обязательно!..» - сами собой в ответ шептали губы Игната. Но никто это не слышал.
Только вперед!..

Глава пятая: Данила

Раз, два, три, четыре -
Меня грамоте учили:
Не считать, не писать,
Только по полу скакать.

…2 – 3; 1 – 2; Ш; 1 – 13; Х…

Когда-то Данила знал, что земля плоская, и она была плоской, и держалась на трех китах, старых, добродушных, страдающих под тяжестью ноши, от глобального потепления, загрязнения мирового океана.
На плоской земле было удобно жить. Никуда не закатывались мячи и блестящие металлические шарики, которые и были его единственными игрушками в детстве. Да еще, пожалуй, кубарь, такая деревянная юла, которую запускали рывком коротенького ремешка, а потом подстегивали, заставляли крутиться почти бесконечно. Кубарь на плоской земле чувствовал себя замечательно, иногда он вращался с такой скоростью, что, казалось, замерев, стоит на месте, и только переливается, плывет на его боках разноцветный узор. На плоской земле не было и

никакого притяжения, Данила часто летал над нею, и нисколько не боялся высоты. Плоскость была хороша и в драке, она никому не давала преимущества, и бой был честен. Всегда побеждала справедливость, торжествовала правота, если, конечно, противник не брался за свинчатку.

Потом земля стала круглой, и куда-то задевались все мячи, шарики, кубарь больше не стоял на месте, а норовил закрутиться в темный угол, и, наконец, исчез там. Круглая земля не давала стоять на месте, все время подталкивала: шагай, шагай, не стой на месте, ищи!.. И Данила ходил, и однажды нашел старинные весы, этакое металлическое коромысло с крюком посередине. Весы были странные, их нельзя было уравновесить. Причем, когда на железные плечи весов не подвешивали никакого груза, они пребывали в полном равновесии. Данила нагружал на плечи весов одинаковые килограммовые гири, и равновесие тут же нарушалось. То перетягивала правая гиря, то левая, - и так бесконечно. По ржавому металлу капризного прибора шли какие-то таинственные знаки, будто арабские. Данила попросил перевести надпись старого казаха - Миртая, который не признавал никакого жилища, кроме юрты. Юрту он поставил в самом центре села еще до рождения Данилы, сыновья и снохи давно предлагали старику хороший дом, начальство - квартиру на пятом этаже крупнопанельного дома, все завидовали таким предложениям, но Миртай отказывался, говорил: вся вселенная устроена, как моя юрта, зачем мне бросать ее?.. Странный был старик, не как все…

Миртай долго вглядывался в надпись на весах, закрывал глаза, как будто дремал, потом сказал:

- Мне этот язык незнаком, но здесь написано, что равновесие устанавливается не весами, если оно есть на земле…

Данила удивился, как же Миртай перевел надпись, если не знает этого языка?..

Жизнь потом сложилась так, что Данила нашел много странных вещей, как будто он притягивал их, а, может так оно и было? Вещи были всюду: в степи, что открывалась сразу за селом, в маленьком покосившемся магазинчике на позабытом хуторе, на чердаке собственного дома… Он иногда думал, что эти вещи сами искали его. Он складывал их сначала в большой шкаф, оставшийся от бабушки, потом вещи стали загромождать весь дом… И он почему-то знал, хотя не в книжках это вычитал, не по

радио услышал, что все эти вещи были когда-то незаменимыми для людей, что расстались они с ними вынужденно, не по своей воле, и мечтают их вернуть, ищут их, но как им найти эти пыльные сюртуки, старинные книги, тяжелые подсвечники, связки писем, потускневшие портреты, пистолеты с отсыревшими зарядами, давнишние векселя, утерянные завещания?..

Он думал иногда, что, может быть, и родился для того, чтобы помогать находить утраченное, однажды показавшееся людям незначительным, ненужным, но обернувшееся, вдруг, самым дорогим. Как часто бывает такое в жизни!..

Данила родился в большом и богатом селе. Раньше в нем было два церковных прихода, и по праздникам все верующие умещались в храмах, молились, просили хорошего урожая, благодарили за дождь, если он бывал, поминали своих умерших, желали им царства небесного.

Новая власть, нагрянувшая с красными знаменами и пятиконечными звездами, церкви закрыла, в одной устроила клуб, во второй склад отходов. Часть народа разбежалась, часть померла, а остальным деваться было некуда, стали жить, как новая власть велела, сидеть на собраниях, плясать в самодеятельности, и работать от зари до зари. И потихоньку село окрепло, не так, как прежде, но все-таки оправилось, ожило. Запели опять по утрам петухи, замычали коровы, люди знающие стали поговаривать о том, что и церкви откроют. Ну не обе, конечно, а одну… Слава Богу!..

Было это задолго до рождения Данилы. Однажды собрались женщины, те, кто постарше, смелее, и отправились к самому высшему районному начальству, которое сидело в двухэтажном оштукатуренном доме, разъезжало на “газике”, а седьмого ноября кричало на площади торжественные лозунги.

Начальство выслушало женщин, не прерывало, не делало ненужных замечаний. А просили они открыть церковь, и громче всех Лукерья – бабушка Данилы.

- С Богом в душе, конечно, живем, - говорила она, - как же иначе?! Но без храма нелегко человеку!..

- Этот вопрос будет решен, - хмуро заверило женщин начальство, они не поверили, но делать нечего - отправились восвояси. Безбожное было начальство. А наутро они все пропали, а вместе с ними и старый слепой звонарь, доживавший свой век в

глиняной мазанке, пару подслеповатых окон которой смотрели на старую церковь. Больше никто их не видел. Люди осторожно интересовались: куда же они подевались, куда?.. Может, они власти понадобились, но зачем?.. У власти вона какие молодцы мордастые, с револьверами, петлицами, для чего власти старухи?.. Какой с них прок, кормить зазря?.. И тогда кто-то тихонько сказал: на Остров подались, не иначе. Есть такая земля, где всем хорошо, и никто никому не мешает. Хочешь петь – пой, желаешь плакать, – пожалуйста, там нет ни голода, ни запретов… Кто-то даже название земли той вспомнил – Беловодье… Беловодское царство… Хотя потом приезжали ученые лекторы и объясняли, что такого царства нет и быть не может, что все это выдумки, наука давно доказала невозможность существования этого царства, но в селе только укрепились в своей догадке: именно туда добралась-таки Лукерья с бабами. Там и поселились, и по сей день здравы. Вот ведь как, сколько мужиков искали туда дорогу, а не нашли… Сотни лет про то царство люди баяли, и вот случилось…

А однажды Даниле приснилось, что едет он по тенистой лесной дороге на странной тележке. Телега, в общем, самая обычная, только доверху набита старыми вещами, а странное то, что едет она сама по себе. Никто ее не тянет, не толкает, а небольшой гривастый конек легко бежит рядом… И дальше снилось ему, что выезжает он из леса и видит большой деревянный мост, а перекинут он через широченную реку, а, может, и через само синее море, а на другом берегу чудесный город, светлый, открытый… Он сразу понял – вот оно, Беловодье!.. Так ясно привиделся ему город этот, что разглядел он даже название одной из улиц – как будто Бархатная… И будто бы Данила пошел по этому мосту, по его теплым доскам, и так хорошо ему было идти, как будто ждало его впереди самое чудесное чудо…

Данила проснулся и стал размышлять. И чем больше думал, тем больше убеждался: сон не обманный, верный… Конечно же, город с Бархатной улицей есть!.. Не в нем ли живет его бабушка Лукерья?.. И разве не может телега катиться сама по себе? Если земля сейчас круглая, то нужна только хорошая смазка для колес, чтобы силу трения преодолеть, да и колеса на резиновом ходу, а потом толкни слегка телегу, – и поедет она, не угонишься за ней!..

С телегой хлопот не было. Сельский кузнец почти задаром отдал, на легких колесах

со стальными надежными спицами; гужевой-то транспорт кому теперь нужен? Все на мотоциклах, машинах, а сено на тракторе возят…

А вот смазку Данила долго подбирал. Остановился на топленом сливочном масле. Не успел смазать ось, как экипаж рванулся, еле удержал его. Данила даже не очень удивился – для того и существуют законы природы, чтобы служить людям.

Одним солнечным утром он загрузил в телегу свои находки, уложил их тщательно, - пригодятся. Людей-то по свету много, может, кто и признает свои потери? – и он тронулся. Чтобы от зевак не отбиваться, не вести бесконечные технические споры с новаторами движения, впряг для виду в телегу молодого конька, и поехал.

И куда, куда только человек рвется?.. Дорога не ведома, припасов съестных никаких… А случатся волки, лихие люди, чем отбиваться?.. Нет, не разумом живет человек, не точными расчетами, а чем?.. Чем?.. Родился, крестился, учился, родители думали, что в люди выйдет, может, в летчики, а может и на должность станет, но над ним дорога взяла силу, заколдовала, увела, должно быть, навсегда…

Месяц ли, год ли ездил на своей телеге Данила, менял старье на старье, выспрашивал верный путь, нужные координаты. Находились люди, которые будто бы сами бывали в Беловодье, даже книжки об этом написали, но дорогу подзабыли, память не держит мелочей, а может дорога та заколдована?..

Однажды подсел в телегу к Даниле усталый, хмурый мужичок. С виду непрост, очки на носу, а одежонка старая, тертая временем, непогодой. Ехали вместе не день, как-то у костра, за кашей с салом, мужичок разговорился. Оказалось, старый яицкий казак, большой ум, но отвергнутый, гонимый. А Даниле как раз он и нужен был. Земля сама сводит нуждающихся друг в друге. И рассказал он Даниле историю, хранимую яицкими казаками, которых прежде повелели называть уральскими, а ныне, говорят, и вообще их как будто нет. А они есть, и не забыли о Беловодье. Потому, что в стране той все по правде делается, чинится по справедливости. Правда это, или брехня, но потомки казаков верят этому. Тоска по казачьим вольницам не прошла. И поэтому ищут они, который уж век, заповедную землю, где царила бы благодать, где "истинная вера порождает истинное благочестие".

Вспомнил Данила, что где-то в телеге есть у него книжка, как-то вечером листал он ее: «Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». Покопался в телеге и

она, как будто ждала своего часа, легла на ладонь – небольшая совсем книжица, писанная неким Хохловым. Данила протянул ее старому казаку. Тот увидел, обрадовался ей, как старой знакомой:

- Как же, как же, произведение Григория Терентьевича, читали… А предисловие к ней написал сам Владимир Галактионович... Это тоже кое о чем говорит…

Он помолчал с полминуты, продолжил с прежней горячностью:

- Сердцем чую, что есть такая страна… Не дурнее нас люди были... Верили, да как верили! Скажешь, темные были?.. Нет, как раз просветленные… Ты любую вещь старинную возьми – глаз на ней радуется! Дома строили – до сих пор стоят, часы делали – идут точнее нынешних, книги писали, так одно слово – классики!.. Так почему же многие думают, что с Беловодьем они маху дали?.. Спросишь, так почему благодатная земля по сей день не открылась?.. Ан, не знаю, не скажу, может греха на нас много…Вот казаки поручали специальным делегатам заниматься поисками, мечтали, чтобы все Уральское войско со временем могло туда переселиться… Но куда только не уводили казаков дороги, а все пока не вывели к нужному месту. Но земля эта близко, она есть… Ходим мы вокруг, да около нее…

Старый казак часами мог говорить о Беловодье, горячился, норовил сорваться в спор, а Данила его и не очень слушал, иногда улыбался про себя: ведь катится же куда-то его телега? Не туда ли?..

Однажды Данила спросил:

- А вот найдете свое царство, туда все подадитесь?.. Тот долго молчал, смотрел на затухающий огонь, потом сказал:

- Может, кто и подастся, а большинство не тронутся никуда…

- Как же так? - поразился Данила.

- Притерпелись люди… А, кроме того, нельзя превращать надежду в дом, шубу, город, страну… Вдруг, в доме протечет крыша, а шубу потратит моль?.. А если в городе, не дай Бог, опрокинется трамвай или заведутся крысы?.. А на страну обрушится неурожай, завладеет ею недобрый царь?.. Что ж тогда станет с мечтой?.. Искать тогда другое царство?..

- Но ты ведь идешь в Беловодье?..

- Я иду, - только и ответил он. – Так ведь и ты туда идешь… Больше скажу: мы все, не

успеем родиться, а уже начинаем искать для себя другое место – чтобы теплее в нем было, чтобы хлеба вдоволь, чтобы ветра и снега в лицо поменьше…
- Как тебя звать, человек? - вдруг точно ударило Данилу.
- Из Хохловых мы, а зовут меня Егорием…
- Не из тех ли? – удивленно спросил Данила. Казак в ответ только улыбнулся.

Глава шестая: Кони на балконе

…Раз, два, три, четыре, пять
– я иду искать…
Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь, девять, десять,
Царь велел тебя повесить…

…4 – 10; Ы; 4 – 3; 5 – 8; 4 – 2; 3 – 13. (2 – 11;3 – 2; 3 – 1; 3 – 2; 4 – 10; 3 – 3; 2 – 5; Н)

Саша был космонавтом. Правда, не из тех, которые в крошечных капсулах мчатся над Землей, разглядывая планету в бронированный иллюминатор, и все время боятся нажать не на ту кнопку, потому что кнопок и рычажков ровно четыре с половиной тысячи. Саша входил в экспериментальную группу, занимающуюся дальним космосом, проблемами перемещения в пространстве со скоростью света, и выше скорости света. Значительно выше этой скорости. Считалось, что никакое материальное тело не может достигнуть скорости света, но Сашины коллеги только смеялись, их опыты доказывали обратное. Они научились забрасывать различные предметы на расстояния в тысячи световых лет. Сначала отправили в район Малого Магелланова облака вымпел из лучшей нержавеющей стали (Саша ухитрился сделать себе из такой стали ножик для рыбалки, вечный), на котором крупными буквами написали разные научные данные, координаты Солнечной системы, а

буквами чуть помельче имена ученых. Это на случай встречи с инопланетным разумом. Было там и Сашино имя. Потом такие вымпелы забрасывали в другие галактики, туманности и звездные скопления. Но ответа не было. Ученые ломали головы: то ли инопланетяне не могут разобраться в посланиях, то ли не хотят связываться с землянами, то ли все еще проще – нет никаких инопланетян, и живем мы в бесконечном пустом, мертвом мире, в котором дрожит на ветру под солнечными лучами одна живая пылинка – Земля?

Потом группа отправила в одну крабовидную туманность, где как будто в спектральном анализе мелькнула вода, кассеты с музыкальными записями, уверяя себя и правительство, которое должно профинансировать отправку, что язык музыки универсален, понятен всем разумным существам.

- Вы уверены, что там есть разумные существа? – уточнило правительство.

- Не уверены, но надеемся, - ответили ученые. – Если есть вода, значит, есть и жизнь… Или со временем разовьется…

- Вы думаете, они из этой туманности нам ответят? – в правительстве были очень настырные люди. – Вы обратный адрес на кассетах указываете? А то послушают музыку, и этим ограничатся…

- Адрес есть: Млечный путь, Солнечная система, планета Земля, до востребования.

- Какую все-таки музыку будете отправлять? – спросило правительство. – Моцарт, Чайковский, Бетховен?..

- Всего понемногу… И цыганские романсы – на любителя, и «Валенки» Нины Руслановой, и шедевры Леннона, и наигрыши самодеятельного виртуоза-балалаечника Иванова, сына писателя Иванова, того самого…

Правительство одобрило программу, особенно балалаечника, и кассета была удачно запущена в крабовидную туманность. В ответ ни слова, ни одной музыкальной ноты, ни диеза, ни бемоля.

Правительственные эксперты все больше склонялись к неутешительному выводу: мы одиноки во Вселенной.

Тогда решено было отправить к звездам коллекцию репродукций всемирной живописи, включая образцы высокой эротики. Леонардо да Винчи, Рембрандт, Гойя, Ренуар, Гюстав Курбе с его «Началом мира», Василий Сумароков, Альберт Гурьев и

еще тринадцать тысяч восемьсот тридцать два художника были удостоены чести представлять Землю в глубинах Вселенной.
Но и высокое искусство не пробудило галактический разум. Оставалось одно – послать туда человека, пусть разберется на месте, наладит полезные контакты, завяжет по возможности дружеские отношения.
Но существовали некоторые преграды на пути осуществления этого дерзкого проекта. Дело в том, что любой, перемещаемый на такой безумной скорости предмет, достигая скорости света, превращался в пучок фотонов, в луч, растянутый на расстояние от земли до нужной галактики. Иначе говоря, вымпел ли из нержавейки, кассета ли с «Двойной фантазией», репродукция ли «Начала мира» превращались в специальном фотонном трансляторе в электромагнитные колебания, которые, преодолев пространство, вновь становились исходными предметами. По сути дела на время путешествия материальное существование тела временно прекращалось. Для «Начала мира» это, наверное, было не очень страшно, а что будет с человеком, которому предстоит на время стать лучом света?..
Была и другая проблема. Расстояние до некоторых галактик составляло сотни тысяч световых лет. Значит, даже двигаясь со скоростью светового луча, путешествовать придется многие тысячи лет. Друзья Саши – башковитые ребята - легко решили и эту задачку, сумели во много раз перегнать скорость света. Но тут выяснилось, что перегнавшие время, скорее всего, окажутся в далеком прошлом. Может случиться, что им придется возвращаться, если, конечно, придется, за много веков до своего рождения. Общая теория относительности в послесветовых скоростях, оказывается, работает наоборот. А, может, и не наоборот – доказать или опровергнуть это сможет только человек. При личном свидании с далеким космосом. В распоряжении космонавта будут две попытки броска: одна в дальний космос, другая – назад.
И еще, существовала опасность, что миллионы и миллионы ватт энергии, которые потребуются для осуществления задуманного, могут пробить брешь в пространственно-временном континууме, то есть, нарушится непрерывная совокупность главных составляющих пространства. Во Вселенной образуется разлом, в котором причинно-следственные связи – пустой звук. Трудно представить, что тогда может произойти. Через эту прореху в наш мир могут попадать дикие для

нашего сознания предметы и существа; ученые предполагают, что в некоторой части Вселенной в ходу треугольники с четырьмя и более углами, у них в окружности не триста шестьдесят градусов, а значительно больше – до четырехсот. Представьте теперь их геометрию, а равно и архитектуру. Крыша там может быть полом, а стены крышей. И это самое безобидное. А что скажете вы о бомбах, которые сначала взрываются, а потом только их начинают собирать на специальных заводах? Вспомните, как образовалась Вселенная – в результате большого и видимо целенаправленного взрыва, так почему таким путем не может образоваться бомба? А как вам улитки-гепарды, акуловидные русалки, бабочки размером со стадион? Времена, эпохи, эры могут перетасоваться, как старая затрепанная колода карт. Понятия «сегодня», «вчера», «завтра» потеряют свой смысл, что, в общем-то, происходит уже сейчас, и это позволяет предположить, что где-то в бесконечном мире уже существуют такие разломы.

Так это или совсем по-другому – мог решить только смелый эксперимент. В общем, потребовались добровольцы.

Собралось много всякого народа: состарившиеся у костров пионеры-тимуровцы, уставшие чужие интересы ставить выше своих собственных; энтузиасты, всегда готовые хоть экспериментальные таблетки глотать, хоть босыми по битым пивным бутылкам ходить, хоть заниматься любовью под микроскопом; искатели приключений, засыпающие на ходу, потому, что во сне им снятся алые паруса, скалы на берегу океана, пираты в сюртуках, залитых кровью и мадерой; авантюристы, за жизнь не произнесшие ни слова правды, но готовые отправиться за тысячи верст, услышав в трактире бородатый анекдот про белый Остров на белой воде… Много приходило самоубийц, решивших, что стать лучом света – лучший способ свести счеты с жизнью. Отбою не было от мужей, мечтающих скрыться – хоть в самой враждебной галактике - от своих половин. Настойчиво просился в отряд космонавтов старичок ста шести лет от роду, говорил, что ему позарез надо в прошлое, где он еще в тридцать восьмом году должен был набить морду одному уроду, да вот не набил, а тот в результате да-а-а-а-л-е-к-о-о-о-о пошел, много крови попортил добрым людям. Правда в комиссии по отбору космонавтов старичку сказали, что морды бить надо в свое время, мордобой задним числом не приветствуется, да и дороже выходит. Один

чудак уверял, что ему знакомы многие межгалактические наречия, но проверить это не удалось – не сыскалось второго специалиста. Косяком шли изобретатели всего на свете, вровень с ними – писатели и журналисты, глаза и уши земли нашей. Приходил узнать условия запуска – подъемные, суточные, ну и все такое – один поэт, слагающий стихи для песен (между прочим, очень популярный – его «Гори, гори, не потухай» вошла в мировую антологию золотых застольных песен). Кстати, поэта сразу зачислили в отряд, и здоровье у него было подходящее, и родни никакой. Кстати, насчет родни было очень строго. По инструкции, в первую очередь зачислялись в галактический отряд люди одинокие, не обремененные многодетными семьями. Дело было вселенского масштаба, и никто не хотел осложнять его надрывом расставаний, истошными криками баб, зачисляемых во вдовы при живых мужьях, хныканьем детей: «Папа, привези мне железную дорогу, ты обещал железную дорогу, ну, папа, не забудь про железную дорогу!..» Особо опасались, если об эксперименте узнает телевидение – там белое превратят в фиолетовое, устроят танцевальное шоу «Звезда с звездою говорит», затеют бесконечный, как сама Вселенная, сериал «Мой любимый луч света», на ста пятидесяти телевизионных каналах поселятся ученые головы, объясняющие, что перемещение со скоростью света невозможно, что человечество обречено стариться вместе с Землей, разделить ее судьбу; идея межзвездных перелетов только отвлекает от реальных проблем, между тем как глобальное потепление грозит вторым всемирным потопом… Молодоженов рассматривали, как исключение, проводили с ними долгие собеседования.

Отклоняли предложения всех, кто старше тридцати, даже беспросветно одиноких. Все космонавты должны иметь приличный запас жизненных сил, они им понадобятся и в непредставимом далеке, и особенно по возвращению. Все кандидаты проходили специальное персональное тестирование, заполняли анкеты, в которых было ни мало, ни много, а шестнадцать тысяч триста семьдесят вопросов. Саша заполнял свою анкету полтора года, подчас изумляясь дотошности вопросов: за какой партой сидел в школе, какое любит мороженое (если любит), сочинял ли в восьмом классе стихи (если сочинял в девятом, то не указывать), сколько раз без отдыха переплывал в детстве знаменитую речку Чаган?..

Все зачисленные в группу давали строгую подписку, что идут на смертельный риск добровольно, что готовы к выполнению задания в любую минуту, что обязуются не жениться, что будут все относящееся к отряду хранить в строгой тайне, ну и, конечно, что не состояли, не сочувствовали, не привлекались.

Межгалактический центр обосновался на Свистун–горе, откуда видны были и Меловые горки, и пойма Урала, и сам город, в объятьях трех рек. Глубоко под землей разместились научные лаборатории, где гениальные ученые испытывали время – и на разрыв, и на сжатие, и на прочность, и даже сопротивляемость агрессивным химическим соединениям. В этот центр на вершине горы добровольцы должны были подниматься только пешком или на велосипедах, что было одним из испытаний, потому, что далеко не каждому это было по силам. Инструктор по комплексной межгалактической подготовке Ипатий Ильич рассказал как-то, что давным-давно на месте центра была старинная сторожевая башня. Столетия назад здесь стерегли землю, теперь пытаются присматривать за космосом.

В итоге зачислили семьсот семнадцать человек, которые сразу же приступили к усиленным тренировкам. Они учились ориентироваться на местности, выживать в пустыне, лесу, среди льдов, отрабатывали приемы карате, джиу-джитсу, фехтования на шпагах, двуручных мечах, бились на алебардах, стреляли из арбалетов, доводили до совершенства мастерство верховой езды, знакомились с биографиями королей, герцогов и даже менестрелей. Пробовали на вкус средневековую брагу, медовуху, заучивали рецепты пива, сливовицы, портвейна и вермута. Ученые почти не сомневались, что возвращение первого межгалактического космонавта произойдет в четырнадцатом или пятнадцатом веке. А, может, и еще раньше. А, может, и вообще не произойдет, может, легко распавшись на фотоны, люди затем превратятся в куски неживой мерзкой протоплазмы или их световая составляющая, вернувшись на Землю, попадет в тела коров, лошадей, обезьян, а, вдруг, вообще космонавты останутся блуждающими потоками света, как кометы?..

- Вы не просто космонавты, вы предтечи грядущего единения Вселенной! – говорил им инструктор по комплексной межгалактической подготовке Ипатий Ильич. – Через трагедию собственных судеб вам выпало право на великое познание…

Инструктор любил красивые слова, но космонавты понимали – это от полноты чувств

и неумения просто сказать о великом.
- Вы покинете Землю, но не покинете мир, - напоминал он им, - вы узнаете то, что не было дано до сей поры никому…
- Без сожаления готовитесь к этому неслыханному научному подвигу? – спрашивал он у них, и сам отвечал:
- Конечно же, с сожалением, как иначе? Прекрасен наш мир, но вы сознательно жертвуете им ради науки… Земля не забудет эту вашу жертву…
После этих его слов, шестнадцать человек покинули межгалактический отряд, сославшись на недомогания, занятость и невыплаченные долги.
- Вселенная покорится только людям с крепким духом, - сказал Ипатий Ильич. – Мы никого не держим. Наоборот, хорошо, что отсеваются нестойкие и сомневающиеся…
После этого отряд не досчитался еще трехсот двадцати человек. А один ушел, сказав, что космос – это вообще отвод зрения, на самом деле там ничего нет, ничего…
Ученых, между тем, тревожила еще одна проблема, очень непростая: как передать межгалактическую информацию, ведь если космонавт, вернувшись, попадет в глухое средневековье, то, как современные ученые узнают, с чем он прилетел? Разрабатывались различные хитроумные методы передачи, например, написать сообщение нестираемой краской на пирамидах в Египте, или из базальтовых плит где-нибудь в горах выложить гигантское слово – если мы не одиноки во Вселенной – «Да!», если никто так и не встретится в глубоком космосе, то – «Нет!». Современные ученые обнаружат эти чудеса света и все поймут. Миссия будет выполнена. Предлагались и другие способы: внести красноречивые вставки в тексты старинных книг, понятные расшифровщикам двадцать первого века; создать литературный шедевр, лучше всего стихотворный эпос, чтобы его передавали из поколения в поколение… Порешили на том, что странники во Вселенной будут стараться использовать все возможности донести свою информацию до современников. Разведчики Вселенной усиленно тренировали память, в далекий космос вместе с ними невозможно было отправить никакой аппаратуры – ни фотоаппаратов, ни видеокамер, ни даже простых записных книжек с карандашами. Да что там – им предстояло отправиться в путь без одежды; ученые пока не научились забрасывать в

галактические пространства одновременно с живыми существами и всякие приборы, снаряжение. Или человека, или приборы, а вместе – ни – ни! Ничего не поделаешь, такой закон природы. Поэтому предполагалось, что память должна стать одним из главных инструментов установления космических контактов. Спросят инопланетяне: как у вас дела с математикой, физикой, химией? А им в ответ Бином Ньютона, правило буравчика, закон Ома, Таблицу Менделеева – знай наших!.. Они насчет культуры, конечно, поинтересуются, а им наизусть «Преступление и наказание», «Под сенью девушек в цвету», «Лолиту»…

Саше досталось досконально выучить творчество Пушкина, знать и жизнь поэта. Для многих такая тренировка памяти была обузой, а Саша только обрадовался. Ему и прежде про Пушкина было все интересно…

Особое внимание было уделено лингвистической подготовке. Руководством межгалактического эксперимента было решено, что базовым должно стать знание курсантами шестнадцати языков, не возбранялось, если двадцати или даже сорока. Учили во сне, под глубоким наркозом, в барокамере и в центрифуге… Результаты были поразительными. Саша суахили выучил за день, английский за пару часов, с американским провозился полдня…

Само собой, группа была совершенно секретная. Мегасекретная. Каждый документ после прочтения нужно было сжечь, а пепел развеять на ветру. Если ветра не случалось, то нужно было для развеивания подниматься на самолете на высоту не ниже четырех тысяч метров. В общем, подготовка была нелегкой, но зато какой научный прорыв готовился учеными! И Саша был первым кандидатом на первый бросок.

Саше очень хотелось отправиться космос. Он еще в детском доме решил, что должен в жизни совершить что-нибудь героическое, о чем заговорят все. Буквально все – и в городе, и мире.

И в том числе физрук Николай Иванович, который всегда с усмешкой вызывал его подтягиваться к турнику, и потом с такой же усмешкой говорил:

- Будем считать, что один раз ты подтянулся. Столько же будет и баллов – один.

- Кол! Кол!.. – орал счастливый класс.

И в том числе Настена из параллельного класса, которая даже в домашних тапочках

умеет ходить так, что все думают, что она на каблучках.

И в том числе Митяй Митрясов, с которым старались водить дружбу даже старшеклассники, который не боялся ничего на свете, кроме насмешек, но посмеяться над ним мало, кто решался.

И в том числе, даже в первую очередь, его мама, которую он никогда не видел, но всегда знал, что она есть… Пусть она услышит о нем, пусть!..

Его не очень страшило расставание с Землей, не может ведь в космосе быть хуже, чем в строительной общаге, в которую он попал после детдома, а главное он ни на минуту не сомневался, что вернется; не может такого быть, чтобы не существовало способа быстрого и точного перемещения во Вселенной. Если есть Вселенная, то есть и способ ее постижения. А если этот способ существует, то к моменту его возвращения, башковитые ученые обязательно откроют этот способ.

Но, конечно, иногда ему становилось немного грустно. Он вспоминал, как однажды они вместе с параллельным классом ходили в поход, ночевали на берегу тальниковой речки Деркул, а днем ловили в ней огромных зеленых раков, похожих на броневики. Ловить этих неуклюжих чудовищ было очень просто, достаточно было на конец совсем недлинной нитки привязать кусочек мяса, добытого из ракушек, которых было в Деркуле огромное количество, или хвостик малька – и забросить эту приманку в воду. Не успевала она опуститься на дно, как в нее одновременно впивались мертвой хваткой клешни нескольких раков. Оставалось только потихонечку подтаскивать к себе обитателей глубин и, подведя в воде под них ладонь, пытаться схватить их. Правда, это не всегда удавалось, раки пускали в ход свое устрашающее оружие, больно щипали руки, но меньше чем за час удалось наловить полное ведро, и уже мальчишки принялись собирать хворост для костра – славная могла получиться пирушка, но Настена улучила момент и отпустила всех раков назад в Деркул. Мальчишки до того разозлились, что хотели ее поколотить, но не поколотили. Если честно сказать, то совсем немногим хотелось участвовать в приготовлении раков, наблюдать, как те заживо погибают в кипятке. Поэтому ругали Настену скорее для порядка и на ужин с удовольствием трескали тушенку с макаронами.

А потом сидели у костра, и физрук Николай Иванович растягивал меха

перламутрового аккордеона, и все негромко пели песню, почему-то казавшуюся невообразимо грустной: «То березка, то рябина, куст ракиты над рекой, край родной, навек любимый, где найдешь еще такой, где найдешь еще такой?...» И огонь костра отражался в перламутре аккордеона и аккордеон казался раскаленным – плесни на него водой из Деркула и он зашипит… «От морей до гор высоких, посреди родных широт, все бегут, бегут дороги, и зовут они вперед»…

Саше вспоминалось, как в седьмом классе они писали сочинение «Моя улица». Считалось, что это сочинение на свободную тему, учительница по русскому языку и литературе Песня Сольвейг (и почему ее так прозвали, ведь на самом деле она была, кажется, Лидией Семеновной?) думала, что в этой теме большой простор для фантазии, ведь всего в одном квартале пролегала Главная улица, а по ней в свое время гуляли и Пушкин, и Лев Толстой, и Алексей Толстой, да что там далеко ходить – гулял и Виктор Иванов, писатель, путешественник, знаменитый филуменист; рядом была и Чапаевская улица, где когда-то размещался штаб дивизии Василия Ивановича – много хорошего и поучительного можно было написать, если подойти творчески к этому заданию. Но семиклассники все поняли неправильно. Если все они живут на одной улице, то и описывать должны ее - Дмитриевскую – решили они. А что можно хорошего написать про эту узенькую, темную, колдобистую улицу?

Саша долго сидел над тетрадкой, в голову лезли почему-то одни прилагательные: окаянный, деревянный, оловянный, стеклянный… Он написал: «В нашем замечательном городе, есть замечательная…». Подумал чуть-чуть, и слово «замечательная» зачеркнул. Подумал еще, и зачеркнул все остальное. Но вспомнил строгие глаза Песни Сольвейг, и придумал улицу не существующую: «Моя улица, может быть, называется Мандариновой, потому, что мандарины бывают на новый год, самый лучший праздник. Тогда снег становится оранжевым от мандариновых корок. Вот и моя улица праздничная, хорошая улица. На ней много акаций, сирени, по весне все здесь расцветает, и улица становится похожей на сад… У меня полно друзей, мне с ними интересно, летом мы вместе ходим на рыбалку…» Саша поколебался с минуту и дописал: «А скоро я поеду на Черное море, в Сочи».

Даже самому себе не мог он объяснить, для чего написал эту последнюю строчку. Повыделываться на весь детдом захотел? Кого-то разжалобить? Но разве он здесь

один такой?..
Он знал все это, но твердо вывел в тетрадке эту свою строчку…
Оказалось, что почти весь класс писал про вымышленные улицы. Песня Сольвейг на другой день сказала об этом с изумлением и гневом:
- Не ожидала я от вас, не ожидала… Что в гороно скажут? Что у нас в городе нет улиц, достойных ваших золотых перьев, да? А, может, скажут, что мы, педагоги, не сумели в вас воспитать любовь к родному городу?..
- Не бойтесь, Песня… Лидия Семеновна, мы никому не скажем, честно! – принялся успокаивать ее отличник Бокаушин. – Правда, ребя?..
- Правда, правда! – дружно согласился класс. – Можете не сомневаться… Не выдадим!
- Предлагаете мне сговор, да? – возмутилась учительница. – Да как вы смеете!..
Но, кажется, до гороно ничего не дошло. Песня Сольвейг раздала тетрадки, даже не поставив оценок, а только закорючки – «См…», - значит, она смотрела.
Только через год Саша узнал, что Настена писала в своем сочинении как раз про узкую, детдомовскую улочку – Дмитриевскую, и начиналось сочинение так: «В нашем замечательном городе есть замечательная улица…».
Саше вспоминалось, как иногда по вечерам он удирал из детдома и бродил по городу. Это категорически воспрещалось, но все старшеклассники, да и ребята помладше, нарушали этот запрет. Он неплохо знал город: что-то в нем притягивало его к себе. Может быть, какие-нибудь его предки жили здесь?.. Директриса детдома как-то рассказала ему, что его нашли в купе вагона скорого поезда, так что место рождения он может себе выбрать практически любое.
Особенно он любил бывать в старом городе – Куренях или в столетних улочках нынешнего центра. Иногда, нырнув под какую-нибудь кирпичную арку, он попадал во двор, в глубине которого виднелась еще одна арка, а, пройдя через нее, оказывался в следующем дворе, который продолжался третьей аркой, а за ней чудился еще один двор, и еще один, и еще - и так, казалось ему, до бесконечности; это был мир дворов, стиснутых вековыми домами, мир крошащихся от старости кирпичных стен, чугунных колец, вделанных в эти стены, таинственных сараев, дубовые двери которых замкнуты ржавыми замками, которые не открывались со времен Иканского сражения

- здесь дремала старина, ждали своего часа удивительные открытия, отсюда должны были начинаться неслыханные доселе приключения.

Он стал брать в библиотеке книжки об истории этого города, их там было немного. Ему посоветовали полистать подшивки газет с краеведческими статьями – из них он тоже кое-что узнал, но не все, что его интересовало. Один краевед – старик с седой бородой, с седыми усами, - сказал ему, как в волшебное зеркальце глядел:

- В этом городе загадок спрятано столько, что телескопы надо не в небо наводить, а на этот край!.. Пора уже перестать их бояться!..

- А кто боится-то? Кто? – спросил Саша. – Чего бояться того, что прошло давным-давно?..

Краевед только засмеялся в седые усы.

Саша подолгу стоял у пятиметровых старинных стен, нередко ему удавалось прочитать нацарапанные на камне слова, даже целые послания, тогда ему хотелось думать, что это надписи прошлых веков: «Митя и Лера дураки», «Степа, дождись…», «Золотые коронки ставлю», «Для художниковъ краски в цинковых трубочках, цъны дешевыя», таинственное «2 – 6, 2- 12, 2-1, 2 – 2, 1 – 3, 2 – 7, 1 – 2, 2 – 6, 1 – 4, 1 – 3, 1 - 2, 1 – 1, 1 - 4», причем эти непонятные цифры повторялись в нескольких местах. А рядом с этими цифрами поражала и еще более таинственная надпись:

Кони-кони, кони-кони
Мы сидели на балконе
Чай пили, воду пили,
По-турецки говорили:
Чяби, чяряби
Чяряби, чяби-чяби.

Дурацкую считалочку кто-то старательно – буковка к буковке – начертал на стене, и судя по всему очень-очень давно.

- Чяби, чяряби
Чяряби чаби-чяби, - долго ходил и повторял Саша чепуховские слова; почему-то они запали ему в память.

Но эти воспоминания все-таки не отвлекали его от главного – он в любую минуту готов был отправиться в дальний космос. Но тогда он еще не встретил Дашу…

Как-то, когда подготовка к забросе в галактические дали подходила к завершению, он опять бродил по городу. Пройдя под очередной аркой, оказавшись в очередном дворе, он увидел девушку. Она стояла как раз у той стены, где были эти самые «чяби чяряби». Он подошел к ней и спросил:

- Вы на турецком умеете читать?

Она улыбнулась:

- Нет, я только на чабичарябском…

- Но при чем здесь кони-кони, и кто сидел на балконе?

- Наверное, вокруг было много коней, одни только кони, куда ни глянь – кони и кони, и они не знали о том, что на балконе можно выпить чаю, в крайнем случае, водицы. При этом, перемежая русские фразы с турецкими…, - она взглянула ему в глаза и расхохоталась. В то лето ее легко было рассмешить, ей было двадцать, ее счастливая жизнь только начиналась.

- Меня зовут Сашей, - сказал он.

- А я – Даша, - просто сказала она. – Я здесь часто бываю, мне почему-то старина нравится… Все, что прошло – реальнее того, что есть, что будет…

- Прошло уже три минуты, как мы познакомились, - сказал Саша, - это уже прошлое, как оно вам?..

- Это недавнее прошлое, оно еще не устоялось, - ответила она. – Кстати, тут на стенах много всяких считалочек, как будто кто-то боялся их позабыть… Вот, например: «Эна, бена, раба, Квинтер, финтер, жаба...» А рядом всегда эти странные двойные цифры…

- Точно, а здесь наверху почти поэма:

Жили были три японца:

Як, Як–Цедрак, Як–Цедрак–Цедрак–Цедрони.

Жили были три японки:

Цыпа, Цыпа–Дрипа, Цыпа–Дрипа–Дрипедрони.

Вот женился Як на Цыпе, Як–Цедрак на Цыпе–Дрипе, Як–Цедрак–Цедрак – Цедрони на Цыпе–Дрипе–Дрипедрони.

Вот у них родились дети: у Цыпы – Фо, у Цыпы–Дрипы – Фо-Ти-Фо, у Цыпы– Дрипы–Дрипедрони – Фо-Ти-Фо-Ти-Фо-Тифони.

Вот скончались три японки: Цыпа, Цыпа–Дрипа, Цыпа - Дрипа-Дрипедрони.
А их дети – Фо, Фо-Ти-Фо, Фо-Ти-Фо-Ти-Фо-Тифони и сейчас живут в Японии.
- Никогда не слышала таких японских имен…
- Странная считалка, - согласился с ней Саша. – Они, если разобраться, все странные. Как будто специально в них добавлено абсурда…
- Чтобы были заметнее и не забывались…
- Да уж, что-что, а считалки мы запоминаем на всю жизнь, - задумался Саша. – Пожалуй, никакие рифмованные строчки мы в детстве не повторяем так часто, как разные считалки…
- Вот еще одна надпись, - заметила она. – Полный абсурд:
- Дюба-дюба-дюба-дюба
Дони дони дони так
А шарли буба
А шарли буба
А шарли буба, буба, буба, буба
А-а-а
Адони мэ
А шарли бэ
Амри
Замри
Эни-бени-рики-таки
Турба-урба-сентябряки
- Кроме «замри» и «сентябряки» ничего не понятно, - сказала она.
- А «сентябряки» понятно? Что это за штучки такие? – спросил Саша.
- Может, это хорошие дни, которые случаются в сентябре?.. Или медали, которые вручаются гражданам, особо отличившимся в сентябре?..
- Тогда должны быть «октябряки», «ноябряки», «декабряки»,«январяки – с печки бряки», - подхватил он эту игру.
- Они наверняка есть! «Августяки», «февраляки», - продолжила Даша. – Но это уже не медали – ордена первой и второй степеней. Звучит как величественно! Августяк первой степени за заслуги перед Отечеством получает…

- А, может, «сентябряки» - это просто желтые сентябрьские листья? – предположил он. – Грустные, опадающие, шелестящие под ногами сентябряки?..
- Уж лучше пусть они будут хорошими днями в сентябре, - попросила она. – Грустного и так хоть отбавляй…
- Хорошо! – согласился он. – Тем более, что на дворе как раз сентябрь…
- И день неплохой, - кивнула она.
Потом она говорила ему, что это был самый лучший «сентябряк» в ее жизни.
В тот день они долго гуляли по городу; им и в голову не пришло после обсуждения считалочек вежливо раскланяться и разойтись по сторонам. Не сговариваясь, они двинулись вместе по старинным улицам, над которыми в кронах деревьев разгоралась осень. Они прошли мимо дома Мизиновых, как будто только что вынырнувшего из девятнадцатого века, в это время низко над его крышей протарахтел самолет; хорошо был заметен один из пилотов - чернявый, усатый, стройный, затянутый в кожу, перепоясанный ремнями,
- Знаешь ли ты, что Лика Мизинова – это Лидия Стахеевна? – спросил он для чего-то.
- Нет, не знаю, - призналась она. – К стыду своему, я не знаю кто такая Лика Мизинова…
- Как-нибудь расскажу, - пообещал он.
- Мне будет интересно, - согласилась она ждать, и в этом согласии мелькнуло будущее.
Тут к ним подошел странный тип, в кроссовках на босу ногу, без шнурков, всклокоченный, в пальто, утратившем цвет еще в прошлом веке.
- Извините, пожалуйста, - обратился он к ним вежливо, – не могли бы вы мне сказать, чем заканчивается книжка «Черемыш, брат героя», писателя Льва Кассиля? Очень интересная книжка…
Оказалось, что ни Саша, ни Даша не читали этого произведения.
- Очень жалко! – сказал парень в кроссовках, и только тут представился:
- Я – Бочаров… Жалко, что вы не читали про Черемыша…
- Мы обязательно прочитаем, - пообещали они ему, и отправились дальше, тут же позабыв про странного парня.
Они вышли к Атаманскому дому; Саша рассказал ей, что давным-давно сюда

приезжал Пушкин.
- Это каждый знает, - сказала она. – Здесь даже мемориальная доска есть…
- Но я об этом знаю такое, о чем прежде никто даже не задумывался, - ответил он. – Вот тебе, например, известно с какой стороны коляски он вышел, подъехав к дому?
- Кто это может теперь знать? – удивилась она. – Наверное, даже в тот день, когда он приехал, люди не обратили на это внимания… Так ли это важно?..
- Для кого-то это может быть очень важным, например, какому-нибудь непризнанному дарованию, которое не чает, как прорваться к знаменитому пииту, чтобы вручить ему тетрадку со своими виршами; если, паче чаяния, Александр Сергеевич сойдет с противоположной от парадного крыльца дома стороны, то можно будет рвануться к нему через не очень широкую Большую Михайловскую, а если Пушкин сойдет, как все и ожидают (а говорили, что поэт приехал нежданным, хотя молва всегда быстрее человека, да такого человека!), со стороны парадного, то пиши - пропало – окружат столичного гостя, возьмут под локотки, задушат любезностями – только и видали члена Российской Академии, камер-юнкера…, - Саша на ходу придумывал историю, врал напропалую, и сам не мог понять, чего его понесло, но остановиться не мог. И вот странное дело: где-то в глубине его сознания, где и рождалась эта придумка, не было ощущения, что это несусветная чушь; он даже думал, что, в его фантазии есть какая-то правда.
- Я могу сказать, с какой стороны коляски вышел Александр Сергеевич, - уверенно продолжил он, - с правой по ходу движения, то есть с противоположной стороны от парадного крыльца… Так что, если кто-то собирался передать поэту какую-нибудь тетрадку или что-нибудь еще – должен быть наготове, другого такого случая может и не представиться…
Саша подошел к самой стене дома:
- Вот на этом самом месте он стоял, ожидая, когда уляжется пыль, поднятая колесами коляски…
Он сам представил себе эту картину, и стал рассказывать дальше:
- Все дело тут как раз в знаменитой пыли Уральска… Кто бы не приезжал сюда, неизменно удивлялся этой невиданной пыли, в изобилии покрывающей улицы города; серая, мелкая, как пудра, невесомая - в ветреный день она закрывала город,

как чадрой; в безветренный, потревоженная телегами, конями или быками, она часами могла висеть над крышами домов. Александр Сергеевич приезжал сюда в начале осени… Как раз стояли «сентябряки»… А сентябрь в этих краях ветреный… Теперь понимаешь?..

- Не очень, - призналась она.

Он терпеливо продолжил:

- Теперь надо узнать розу ветров, и все станет яснее ясного. Я интересовался, в эту пору ветры здесь преимущественно северо-западные… Значит, когда подъехала коляска, то поднятую ею густую пыль снесло влево, и Пушкин, можно предположить с большой вероятностью, вышел с правой стороны коляски, если он только не хотел попасть в пыльное облако.

Даша с любопытством посмотрела на него: странные люди попадаются на этих улицах.

- Общепринятая версия этой пушкинской поездки очень скупа на краски, - разошелся Саша, как заядлый пушкинист, - почти не сохранилось деталей, это одна из наименее изученных страничек биографии поэта, да и то мы знаем о ней в основном со слов самого Пушкина, из его письма к Наталье Николаевне. Жизнь Пушкина расписана едва ли не по минутам, а тут целых два дня как будто выпали из нее: два десятка строчек – и все…Удивительно, что нет свидетельств местных жителей. Представь, в провинциальный городок приехал столичный гость, знаменитый поэт, важная персона, но это событие не нашло почти никакого отражения ни в местных документах, ни в воспоминаниях современников, ни в письмах – нигде!.. Почему? Загадка!.. Я скажу тебе, что есть люди, которые вообще сомневаются в том, что Пушкин приезжал сюда!.. Находятся даже такие, кто утверждает, что он был в Гурьеве, не в Уральске. Другие спорят: сопровождал ли его Жуковский? Сплошные темные пятна, астрономы сказали бы сегодня так: черные дыры.

- Ты кто по профессии? – спросила Даша. – Литературовед? Астроном?..

Он вспомнил свою профессию и ему, вдруг, стало грустно.

- Скорее астроном…, но временно безработный…, - ответил он, и добавил:

- Несмотря на это, мне удалось восстановить многие детали тех сентябрьских дней восемьсот тридцать третьего года… Может быть, они помогут серьезным

исследователям…

- При помощи все той же пыли? – спросила она. – Хорошее название – «теория пыли»…

- Не только…, - не услышал он насмешки. - Мой метод очень прост: не пренебрегать мелочами, самыми крошечными, соединять несоединимое. Мне важно все: не потерял ли один из коней подкову? Сколько мадеры взял в дорогу поэт? Не проспал ли на службу смотритель учуга – этого частокола поперек реки, чтобы красная рыба не поднималась выше Уральска? Уродились ли в том году в садах яблоки? Сколько времени показывали стрелки брегета атамана Василия Осиповича Покатилова?.. Два – три десятка пустяков, сложенных вместе, могут дать картину почти фотографической точности.

- Шерлок Холмс не так ли действовал? – поинтересовалась она.

- Он преступников выводил на чистую воду, а я…, - он едва не сказал, для кого припасены в его памяти знания о Пушкине, из которых и вырос его интерес к таинственной поездке поэта в Уральск, - а я…я… Мне просто интересно… А тебе, тебе это интересно?

Она почти не покривила душой:

- Да, очень… Во всяком случае не скучно об этом слушать.

- Правда? – обрадовался он, а она испугалась, что Пушкин никогда не оставит их наедине.

- Я определил время приезда поэта с точностью до минуты, знаю цвет его башмаков, мне известно даже, сколько носовых платков взял он с собой в дальнюю дорогу, я почти уверен, что в дороге около Кирсановского форпоста на берегу старицы он разговаривал с местным мальчишкой, удившем рыбу – мальчишка дал ему вязовую удочку, и он поймал золотую рыбку…

- Прямо-таки золотую? – спросила она.

- И красноперую…Чудо рыбка!..

- Скажи, а будущее ты можешь определять по своему методу?.., – перевела она разговор на другое.

- Наверное, могу… Но это не так интересно. Прошлое старается изо всех сил ускользнуть от нас, скрыться, загадать уйму загадок, а будущее само прет нам в руки,

можно просто сесть и дожидаться его – и вот оно!..
В этот день они не расставались до вечера. Ходили, разговаривали, загребали ногами желтые листья, стояли на берегу Чагана, затем шли на берег Урала и стояли на краю осыпающегося яра – и дух захватывало от пятнадцатиметровой высоты, от разворачивающейся панорамы Бухарской стороны, от бесконечности молодости. Вечером им тоже не захотелось расставаться, и они не стали расставаться… Ни назавтра, ни через неделю, ни через месяц… А галактика ждала.

Глава седьмая: Тайник в подвале

Ехал Грека через реку.
Видит Грека в реке рак.
Сунул в реку руку Грека.
Рак за руку Греку – цап!

Они поселились в старом доме Даши, который стоял почти в лесу, неподалеку от острова, который с незапамятных времен здесь называли Буяном. Дом был странным, как многое в этом городе. У него были метровые стены, тройные рамы, железная кровля, обнесен он был кирпичной стеной, как будто кто-то собирался держать здесь оборону. Под домом располагался обширный сумрачный подвал, под каменными сводами которого, казалось, хранились не только картошка – моркошка, деревянные кадки из-под солений, старые ящики из-под антоновки, но и сумрачные тайны. Почти под самой крышей на фасаде дома была укреплена круглая медная табличка, на которой было выбито: «1874 год. Санкт-Петербургъ. Российское страховое от огня общество». Саша никак не мог избавиться от странного ощущения, что дом этот не чужой ему, хотя он был уверен, что никогда прежде не бывал в нем.
- Такое ощущение, что строители этого дома чего-то боялись, - сказал как-то Саша, - и построили его на самой окраине, и стеной обнесли, и застраховали в столице. Как

будто старались сделать дом неприметным и одновременно несокрушимым. Такие стены выдержат прямое попадание артиллерийского снаряда. Может быть, где-нибудь в подвале замурован клад?.. Надо будет как-нибудь найти часок – и посмотреть, вдруг, сундук с бриллиантами найдем?..

Но этот часок для исследования таинственного подвала нашелся не скоро, Саше и Даше катастрофически не хватало времени друг для друга. Им казалось даже, что когда они вместе, а они почти не расставались, в минуте остается только тридцать секунд, даже меньше.

Даша даже оставила работу на швейной фабрике, Саша только изредка наведывался в галактическое управление, так что они были неразлучны. Часто ходили в лес, все его тропинки и лужайки были им знакомы, почти всегда Саша брал с собой легкую бамбуковую удочку и забрасывал ее с мостика; ловились караси, подлещики, жадно брали некрупные окуни.

Они прожили год, другой… И однажды Даша поймала себя на мысли, что Саша за эти годы неузнаваемо изменился. Словно какая-то тайная печаль терзала его; он становился все угрюмее, редко смеялся, к ним перестали ходить друзья. И прежде их было немного, а теперь они как будто вообще забыли о Даше и Саше. Она спрашивала у него:

- Скажи, у тебя на работе неприятности?..

Он отвечал:

- На работе как раз все в порядке, все хорошо, даже очень хорошо…

В подтверждение этих слов стал приносить домой больше денег, говорил, что повысили оклад жалования и даже повысили в должности.

- Так в чем же дело? – настаивала она. Он темнел лицом, отмалчивался. Не мог же он ей сказать, что в галактическом управлении объявлена повышенная готовность, что его могут отправить в космос в любой день. Он даже подумывал – не отказаться ли ему теперь от чести быть первым межгалактическим путешественником, но отогнал от себя эту предательскую мысль. Так много времени и средств было затрачено на его подготовку, так много надежд связано именно с его программой, что отказ на завершающей стадии выглядел бы просто дезертирством.

Он не находил себе места, стал чаще ходить в лес, словно старался отвыкнуть от

Даши. Но ничего не получалось, он с ужасом думал о том дне, когда ему предстоит покинуть ее навсегда.

- И зачем только меня потянуло тогда в эти бесконечные кирпичные дворы? – в какой уже раз спрашивал он себя. – Как оказалась там Даша?.. Нет, это не может быть случайностью…

Ответов на все эти вопросы не существовало, он, конечно же, догадывался, что случайностей на свете не бывает, но все равно пытался представить, как легка была бы сегодня его жизнь, не познакомься он с Дашей. Но представлялось нечто унылое, тусклое, темное. Как ни крути, а выходило, что она была светом его жизни. И теперь он должен будет ее оставить, и не сказать ей об этом ни слова. Боже, боже!..

Дашу тревожило его состояние, даже очень.

- Ты не заболел? – спрашивала она, а он только плечами пожимал.

Она не знала, чем отвлечь его – нежно обнимала, целовала, но он становился все сумрачнее.

- Может, он завел другую? – как-то пришло ей в голову, но она сразу отогнала эту мысль – быть этого не могло; она знала, что он любит ее.

Как-то она выбрала время, позвала его:

- Не хочешь ли заняться исследованием подвала?.. Сокровища ждут! – она надеялась хотя бы ненадолго оторвать Сашу от того, что мучило его. Но что его мучило, что?..

Они открыли тяжелую, обитую листовым железом дверь, ведущую в подвал, как крышку сундука. Вниз вели узкие каменные ступени, шершавые, как будто только вырубленные из скалы. Тяжелые своды подвала поддерживал каменный столб из такого же шершавого грубого камня. Все подземное пространство дома было забито отслужившими свой век вещами. И почему люди прежде так не любили расставаться со старьем, даже самая колченогая табуретка не выбрасывалась, а отправлялась в подвал, на чердак, в кладовку? Ответ кажется простым: раньше людям казалось, что, сохраняя эти вещи, они дольше не расстаются с былым. Но может быть и другое: нужно иметь перед глазами униженное прошлое, чтобы оправдывать настоящее?.. Но почему тогда сегодня не дорожат былым, оно уже достаточно унижено?..

Под сводами подвала теплилась одна тусклая лампочка, тени отверженных вещей

были огромны, гораздо больше истинных размеров всех этих стульев, похожих на троны, кушеток, вызывающих в памяти ложе разбойника Прокруста, шкафов, в которых не могло не быть пожелтевших скелетов, - несмотря на ободранную обшивку кресел, на диванные пружины, нацелившиеся ужалить, словно кобры, на гнутые и битые тазики, сковороды, словно старые кирасы после проигранной битвы, чудилось, что вещи эти служили титанам. Особенно поражали своими размерами двое одинаковых часов с маятниками, похожими на алебарды – они возвышались с обеих сторон лестницы, как сторожевые башни; на вид гиганты были вполне исправны.
На крышке разбитого письменного стола, за которым, наверное, бился над словом еще Владимир Галактионович Короленко, Саша увидел керосиновую лампу на высокой металлической подставке, с запыленным стеклом.
- А ведь она и сейчас готова светить! – сказал он удивленно. Смахнул пыль с плафона, чиркнул спичкой и поднес пламя к фитилю лампы. Фитиль затрещал, задымился и тут же вспыхнул. Саша вернул на место плафон – тени в подвале стали короче, отодвинулись в дальние углы призраки титанов.
У дальней стены стоял стеллаж, на котором громоздились пачки книг, журналов, перевязанные шпагатом, подшивки газет, в которых новостей было меньше, чем пыли. Саша взял один из журналов: «К спорту», датированный августом 1914 года.
- Никогда не слышал о таком журнале, - сказал он. – Здесь про войну больше, чем о спорте…
- А вообще, подвал странный, - продолжил он, помолчав с минуту. – Как сам город, загадочный, заброшенный, забытый, и, кажется, вполне сжившийся со своей заброшенностью…
- Город заброшенный, или подвал?
- Подвал тоже… Его как будто не открывали целое столетие, и в то же время в нем нет затхлости, обреченности…
- В нашей семье почему-то считали, что без особой нужды открывать подвал не следует, мало ли что в нем может быть? - Даше показалось, что Саша оживился. - Мама, например, панически боялась крыс, отца я почти не помню совсем, но знаю, что он плохо переносил замкнутое пространство. Бабушка рассказывала, что с самого раннего детства он мечтал стать моряком, капитаном дальнего плавания.

Двадцать лет назад ушел в плаванье, и не вернулся… Мать намекала, что этот последний поход состоялся при весьма странных обстоятельствах… Плаванье это было больше похоже на бегство…

У Даши слезы навернулись на глаза.

- Сколько себя помню, подвал всегда был закрыт, а ключ от него – вот этот самый – хранился в небольшом чемодане, там еще лежали всякие документы, коробочки с медалями, значками, ключи…

- Вот, скажи, если бы тебе довелось прятать здесь что-то, какое бы место ты выбрала? – спросил Саша. – Закопала бы где-нибудь в углу, под каменной плитой, или наоборот – замуровала стене?..

- Не знаю, не думала об этом… Пока прятать было нечего…

- А ты все-таки подумай… Прячут всегда только для того, чтобы в нужное время нашли…

Она подумала:

- Скорее всего, я сделала бы тайник вот в этой стене, облицованной камнем. Внизу не стала бы его размещать, так как по весне здесь бывают сильные паводки… Я постаралась бы спрятать тайник под камнем, который не бросается в глаза, где-нибудь на периферии обзора… Так?..

- А вот и неверно! – возразил он. – Это ход размышлений большинства кладоискателей и тех, кто хотел бы понадежней спрятать сокровища… А нужно устраивать тайник почти на видном месте, так, чтобы никто не подумал, что он именно здесь…

- Опять «теория пыли»? – улыбнулась она.

- Что-то наподобие… На этот раз нам тайну поможет открыть Урал… В прошлые годы паводковые воды поднимались на девять, десять метров и даже выше. И хотя дом построен на возвышении, вряд ли он гарантированно защищен от больших наводнений… Мне рассказывали, что в пятьдесят седьмом году по Чагану бревенчатые дома плыли, как деревянные фрегаты. В сорок четвертом вода подходила почти вплотную к Главной улице, говорят, что тогда вода поднялась почти на одиннадцать метров. Значит, нужно искать точку, которая выше одиннадцати метров над нулем поста…

- Нулем чего? – спросила Даша, удивляясь его разносторонним познаниям. Если бы она только догадывалась о том, что он знает еще!..
- Есть такое понятие – «нуль графика гидрологического поста» - в общем, это условная горизонтальная плоскость сравнения, необходимая при измерении уровня воды… Так что, если здесь хотели спрятать что-то серьезное, то наверняка искали самую высокую точку в подвале, во всяком случае, не ниже одиннадцати метров над нулем…
- Серьезное? – удивилась Даша. – Насколько мне известно, золото и бриллианты влаги не боятся… А что может быть в тайниках серьезнее драгоценностей – не подвенечное же платье прабабушки?..
Она улыбнулась, как еще его расшевелить?
- Платье вполне может быть дороже золота, - сказал он. – Это смотря кто его надевал… Кроме платьев и бриллиантов там могут быть такие документы, что весь мир ахнет!.. Например, карта таинственной неоткрытой страны… Или…или… Мало ли что там может быть!
- Ты так говоришь, как будто точно знаешь, что здесь есть тайник… А ведь скорее всего никакого тайника нет, это только игра воображения…, - она спорила с ним только потому, что прямо на ее глазах он преображался, уходили странная меланхолия, задумчивость, в глазах появился забытый блеск.
- Сейчас посмотрим, - произнес он с нажимом, как будто на самом деле не сомневался в существовании тайника с сокровищами. – Так, где у нас самое высокое место? Конечно же, под сводом подвала…
- Но есть и еще более высокая точка, - возразила она.
- Интересно, интересно! – загорелся он. – Где?..
- Первая каменная ступенька лестницы, ведущей в подвал, выше свода… И опять же она на самом виду, никому и в голову не придет, что там кто-то решится хоть что-то спрятать…
- Молодец, молодец! - прошептал восхищенный Саша. – Вот и ты почти вооружена «теорией пыли». Еще чуть-чуть и сможешь, не открывая тайников, сказать, что в них находится! А теперь остается проверить насколько ты права в своих предположениях…

Он поднялся по каменным ступеням, осмотрел первую из них. Пробежал по ступеньке пальцами, как слепец по тексту Брайля. Даже принюхался к холодному камню.

- Если здесь и есть тайник, то очень тщательно замаскированный, - сказал он, наконец. - До того замаскированный, что найти его, не раздробив камень, невозможно…

- А может не под самой верхней ступеньке нужно искать? – подала голос Даша. – Если кто-то вспомнит о возможных наводнениях, то ему легко может прийти в голову и предположение о самой высокой точке… Так что, умные устроители тайника могли спуститься на ступеньку ниже, тем более, что она все равно выше подвального свода…

- Браво! – сказал Саша. – Я думаю даже, что тайник под третьей ступенькой.

Он сделал два шага вниз, принялся осматривать ступеньку.

- Она явно отличается от всех остальных, - сказал он. – Как будто сделана из другой партии камня – она светлее, вот сейчас поднесем к ней лампу.

Он взял лампу за длинную подставку, поднес плафон совсем близко к верхним ступеням, и отчетливо стало заметно, что камень третьей ступеньки светлее своих каменных соседей.

- Как же он открывается? – задумчиво произнес Саша.

- Что, «теория пыли» не помогает? – спросила Даша.

- Сейчас, сейчас… Что здесь кажется особенно странным?..

- Все!.. – честно призналась Даша.

- Книги могут служить прикрытием какому-нибудь механизму, открывающему тайник?.. – спросил он.

- Наверное, могут…

- Может ли за нагромождениями старой мебели скрываться какая-нибудь секретная кнопка? Вполне!.. Сколько уж раз из кино, книг мы узнавали о скрытых рычагах, тайных шестеренках, неприметных колесах, которые в нужный момент приводились в действие!.. Но мы пойдем в своих размышлениях дальше. В подвале есть предметы, которые являются сложными механизмами, идеально подходящими для совершения всяких секретных действий – эти огромные часы с устрашающими маятниками, - он

подошел к деревянным гигантам; сквозь толстый слой пыли были едва заметны позолоченные циферблаты, причем один был с арабскими, другой – с римскими цифрами.

Саша смахнул пыль с обоих часов. Стрелки на арабском циферблате показывали двенадцать часов, на римском – без пяти двенадцать.

- Полночь или полдень? – спросила Даша.

- Не будем гадать, предположим, что полночь, - сказал Саша. – Заповедное время… Хотя эти часы, кажется мне, находятся здесь совсем не для отсчета часов и минут.

- И что теперь?

- Нужно попытаться запустить их… Сдается мне, что свой ресурс они не выработали… Но где же ключ?.. Часов почему-то двое, а ключа не видно ни одного…

- Мне почему-то кажется, что и ключ должен находиться на видном месте, - предположила Даша. – А возможно и сам ключ очень необычной формы?.. Такой формы, что далеко не каждый догадается, что это как раз ключ?..

Саша открыл тяжелые застекленные дверцы часов, там не было и намека на заводное устройство, не было и отверстия для ключа, только чуть пониже циферблата проходила узкая прорезь.

- Ты права, - сказал он. – Загадка все интереснее. У меня такое чувство, что эти таинственные часы я уже видел…

Он еще раз тщательно осмотрел огромные часы.

- Есть какие-то предположения? – спросил он.

Даша надолго задумалась.

- А вдруг в эту прорезь нужно вставлять бумагу с каким-нибудь шифром? – наконец, сказала она. – А бумага эта среди пропылившихся книг?..

Он улыбнулся:

- И все-таки «теория пыли»… А что, это не так глупо… Бумага может храниться веками…, - он потер лоб ладонью.

- Но она легко горит, - продолжил он, - ее разрушает вода, ее охотно пожирают крысы, не вдаваясь в секреты, которые она, может быть, хранила… нет, нет, все-таки это ненадежное хранилище секретов…

И тут его осенило:

- Постой, постой!.. Есть ли здесь лестница, обыкновенная приставная лестница?..
- Да вон она, лежит на полу у книжного стеллажа, - указала на лестницу Даша.
- Наверное, понадобятся какие-нибудь инструменты – отвертка, молоток, щипцы…
Она молча подала ему деревянный ящик с инструментами, не представляя, что он будет делать с ними, не разбивать ли такие величественные часы?..
Саша взял лестницу и двинулся с ней на выход, как на штурм неприступной крепости. Установил ее у фасада дома, верхняя ступенька точно доставала до медной таблички.
- А ведь, правда! – наконец поняла она его замысел.
- Табличка эта – ровесница дома, она его хранила – в прямом и переносном смыслах - долгие годы, - сказал он. – И она круглая!.. Приглядись, чем это не диск, с выбитой на нем информацией?..
Саша поднялся по лестнице, рассмотрел табличку внимательнее, присвистнул:
- Да тут нет ничего похожего на гвозди или шурупы!.. Странное крепление, нечто вроде байонета.
Он нажал на табличку, попытался повернуть ее влево или вправо. Раздался металлический щелчок, и табличка осталась в его руках. Он спустился, подошел к Даше:
- Смотри!..
С обратной стороны табличка сияла, как золотая. На ней была вырезана спиральная дорожка, почти как на граммофонной пластинке, только глубже, рельефнее.
- Вот это да! – сказал Саша. – Это и есть ключ. Признаться, даже я не рассчитывал на такой результат… Думал, что вот-вот, и закончится эта интересная игра… Теперь ничего не остается, как открыть тайник…
- Я волнуюсь! – призналась Даша. В самом деле, что за странный такой дом достался ей от родителей?.. Что они прятали, да и они ли прятали?
Они опять спустились в подвал, Саша осторожно вставил пластинку в прорезь под римским циферблатом. Раздался короткий щелчок – и все. Ни звука, ни движения. Через минуту раздался еще один щелчок, и пластинка показалась в прорези.
- Не хочет, - задумчиво сказал Саша. – Что-то ей не по нраву…
- Каждую мелочь принимаем во внимание, каждую…, - произнесла Даша. – Почему

один циферблат с арабскими цифрами, другой – римскими?.. Что у нас на востоке?..
- Солнце всходит, - сказала она.
- Вполне можно сказать, что там начинается время, - подхватил он. – Попробуем вставить пластинку в другие часы…
Едва он сделал это, как раздалось громкое жужжание, как будто начали вращаться невидимые колесики и шестеренки. Маятник дрогнул, еще раз…
- Подтолкни эту секиру! – сказала Даша.
Саша едва прикоснулся к маятнику, как тот пришел в движение – сначала пошел влево, затем замер на мгновенье, словно раздумывая – стоит ли пробуждаться после такого долгого сна? – и пошел вправо, и снова влево – часовой механизм ожил. Еще раз что-то зажужжало, и часы принялись бить – бамм! Бамм! Бамм! – и так двенадцать раз. Полночь…
Опять что-то щелкнуло, и медная пластинка выскочила из прорези. Саша вставил ее в прорезь под циферблатом с римскими цифрами. И тут же гигантские часы откликнулись целым набором звуков – от тонкого свиста до гулких колокольных ударов, и это продолжалось ровно пять минут, пока и эти часы также начали отсчитывать время – бамм! Бамм! Бамм! – и так до двенадцати. Полдень…
- А ведь они пробили не в одно и то же время! – сказала Даша. – Значит, они идут с отставанием, и отставание это как будто специально задумано кем-то…
- Наверное, так и есть… Один механизм двигает одно, второй – другое… А, может, учитывается поправка на вращение земли или что-нибудь еще…
Пол под ногами мелко задрожал, что-то заурчало под каменной лестницей, и тут же третья ступенька стала сдвигаться, как крышка пенала, и постепенно вся ушла в углубление в стене. Начала сдвигаться и вторая ступенька, и через минуту Даша и Саша увидели еще одну лестницу – лестничку – которая в узком лазе вела в темноту. Саша присвистнул: дела!.. Он взял лампу – и что бы они без нее делали? – и стал осторожно спускаться вниз. Даша без колебаний последовала за ним.
- Пригни голову, - предупредил ее Саша, - здесь дверь и низкая притолока…
Даша с Сашей огляделись: они находились в крошечной каморке, стены которой облицованы все тем же серым шершавым камнем. И каморка эта была совершенно пуста.

- Вот этого я не ожидал, - негромко произнес Саша; в этом каменном мешке хотелось перейти на шепот. – Не похоже, что до нас тут кто-то уже побывал… Такое впечатление, что сокровище так и не успели спрятать. Или…
- Что? – поторопила его Даша.
- Или только готовятся его спрятать…
- Что ты говоришь! Кто может готовиться к этому? Я? Ты? Какие-то невидимки? – она тоже понизила голос. – Или это проделки домового?..
- Не знаю, ничего не знаю…
Они выбрались из тайника, разочарованные.
- Неужели «теория пыли» ничего тебе не подсказывает? – спросила Даша.
- Представь, что впервые почти ничего…
Опять задрожал под ногами пол, раздалось знакомое жужжание, и вторая и третья ступеньки поползли на место. Клацнул невидимый запор и лаз закрылся. Как и не было его.
Саша посмотрел на часы.
- Ровно пять минут были они открыты, - сказал он, - может это и объясняет отставание одних часов от других?.. Во всяком случае, надо запомнить, что тайник закрывается через пять минут…
- И, может быть, имеет смысл иногда заглядывать в тайник? – предположила Даша. – Вдруг… вдруг…
- Ты совершенно права, мы даже на малый шажочек не приблизились к раскрытию тайны этого дома… Но мы теперь знаем – тайна эта есть!..
Через неделю он получил секретный приказ: старт назначен назавтра, а вечером нужно быть на точке сбора.
Прощай, Даша, прощай… Слезы навернулись на глаза.

Глава восьмая: Пути - дороги

Наша Маша
Рано встала,
Кукол всех
Пересчитала:
Две матрешки
На окошке,
Две Аринки
На перинке,
Две Танюшки
На подушке,
А Петрушка
В колпачке
На дубовом
Сундучке
4 – 1, 2 – 4, 5 – 5, 7 – 8, 9 – 8, 1 – 5, 1- 1, 1 – 2, 2 – 6, 2 – 7, 3 – 9, г ,5 – 1,1 – 2

Интересные люди попадались на пути Лизаветы. Чуть не на пороге ее дома, когда высока еще была опасность погони, и бабушка легко могла вернуть беглянку, путь Лизавете заступил странный человек, необычность которого состояла – Лизавета не сразу это поняла, а когда пригляделась - восхитилась – в его потрясающей обыкновенности. Все в нем соответствовало средним параметрам – серый костюм, серые носки, синий плащ и серая же кепка. Рост средний, сам не толстый и не тонкий, голос невыразительный, глаза непонятного цвета, выражение лица никакое. Встретив его второй, третий, десятый раз, никто не смог бы его узнать. С одиннадцатого раза кое у кого получалось. Когда он уходил куда-то, то всем казалось, что его никогда и не было, когда он приходил, все спрашивали друг у друга: а кто это такой? Поэтому он жил почти инкогнито. Его часто принимали за других

людей: милиция хватала его, потому, что большинство преступников было без особых примет; к нему набегало телевидение, объявляя его время от времени потерянным сыном, братом или даже отцом знаменитого писателя Иванова; соседи по коммунальной квартире норовили заселиться в его комнату, не замечая не только его комода, табуреток и раскладушку, но и самого этого мужика без примет.
Все эти подробности Лизавета узнала позже, а сначала мужик без примет принялся рассказывать о том, что в их доме поселилась нечистая сила: с бельевой веревки пропали две простынки, одна почти новая, и носки – несколько штук, и все на левую ногу…
- А разве бывают носки на левую ногу? – растерялась Лизавета. – Ведь это не сапоги, надевай куда хочешь – хоть на левую ногу, хоть на правую.
- У меня как раз были районированные носки, дифференцированные для каждой ноги, - сказал мужик без примет. – А еще ночами кто-то за стеной шуршит и стонет…
- Так вы в нашем доме живете? – спросила Лизавета. – В мизиновском?.. В доме с колоннами?
- Ну, конечно, - подтвердил он. – С самого почти рождения живу в нем…
- Что-то прежде я вас не замечала здесь?..
Он закручинился:
- Вы и сегодня бы меня не заметили, если бы я сам не подошел…
- Я знаю, кто за стеной газетами шуршит, - постаралась она участливой интонацией сгладить неловкость. – Это домовой… Он неплохой, переживает… Он, несчастный, по службе никак продвинуться не может, у них там строго – и чтобы с жильцами благополучно было, и чтобы крыша не текла, и чтобы посторонние не заводились… А какое уж у нас благополучие, сами знаете…
- Знаю, - вздохнул он, вроде как посочувствовал. - Про домового я давно подозревал, в таком доме без него не обойтись.
Он огляделся по сторонам, продолжил шепотом:
- Но у нас как раз и завелся посторонний. И уже, кажется, давно… Он, этот чужой, как-то заглянул в мою комнату, и так же, как ты, не заметил меня. А я глянул – и меня мороз по шкуре продрал!.. Холодом так и потянуло!
Лизавета вспомнила ледяное дыхание у себя за спиной, кивнула рассказчику

ободряюще.
- Со страху-то я не очень и разглядел чудище, подумал даже, что это с бодуна мне видение – такое невиданное уродство и жуть предстали передо мной, - продолжил мужик без примет. - Но я ведь с утра ни росинки во рту не имел, с чего глюки-то пойдут?.. Ты только представь себе: один невиданно гигантский глаз, не мигающий, глубокий, как бездна, и этот глаз размером со страуса, упирается в землю огромной когтистой лапой, тоже одной – левой, кажется… Вот для чего ему носки на левую ногу… Но ушей у него несколько – три или четыре… И еще нос, почти хобот!.. Воплощенное внимание – всевидящий глаз, абсолютный слух, безошибочный нюх; наверное, это демон слежки и гений зла…
- Но вас-то он не заметил…
- Я был парализован страхом, он вполне мог пренебречь такой почти условной величиной, как я…
- Скажите, а когти у него случайно не пятипалые? – вспомнила Лизавета.
- Кажется… Точно пятипалые…
Мужик без примет наклонился к Лизавете, да так близко, что самум чесночно-водочного аромата, накрыл ее с головой. Она едва не задохнулась. Включила моторчик и чуть-чуть отъехала от нового знакомого.
- У меня слух хороший, - сказала она, - ноги не годятся, а слух отменный…
- Понял, - сказал мужик. – Так вот, это страшилище оглядело комнату, так и не заметив меня, издало какой-то непонятный звук – не то смех, не то кашель, а, может и то, и другое, - и медленно растворилось в воздухе… Невидимым, значит, стало… Но еще долго ощущалось его присутствие, это все равно как стоять у открытого холодильника…
- Меня тоже иногда как будто ознобом охватывает, - сказала Лизавета, - и чудится смешок…
- Во! И я говорю!..
Лизавета строго посмотрела на него:
- А почему все это вы рассказали мне, а? Не в полицию – милицию отправились, не в секретные службы, не в какую-нибудь санитарно-эпидемиологическую инспекцию, чтобы дезинфекцию сделали и извели всяких вредителей, даже если они гении зла, а

меня тут подкарауливали – подкарауливали ведь, отвечайте?!
- Да, подкарауливал!.. Но перед этим я участковому все рассказал – дяде Жоре, а тот сказал: «Белочка к тебе пришла, каюк-петрович подкрадывается на хлипких лапках…»
- Какая белочка?
- Ну, белая горячка, значит… В органы я вообще побоялся идти, вдруг, это они сами испытывают какое-нибудь невидимое андронно-наноподслушивательное оборудование?.. Может, наш дом – это особый полигон по проверке сверхспособностей?..
- Так что вы хотите? – начала терять терпение Лизавета. – Я должна вступить в борьбу с этим чудищем?..
Она подумала, что вся ее жизнь – это и есть борьба с чудищем. Может быть, и не борьба пока, а постоянное присутствие неизвестной опасности и предвкушение борьбы с ней и обязательной – обязательной? – победы, но откуда узнал об этом странный мужик без примет?
Он как будто прочитал ее мысли:
- По телевизору я услышал, что у инвалидов – уж не сердитесь на меня за эти слова – обостряются все чувства, и они могут видеть, слышать, ощущать то, что не дано обычным людям. Вот у вас, извините, обоняние, случаем, не усиленное какое-нибудь? Может, память феноменальная?..
- Ага, помню то, чего не было, - вырвалось у нее.
- Я и говорю! – оживился ее собеседник. – Необычные способности могут очень помочь в победе над этим существом!.. Тем более, что ваши таланты усилены, можно так сказать, юностью… Вот поэтому я и подкарауливал вас, с целью привлечь в тайное общество по борьбе с чудищем…
- Общество? – удивилась Лизавета. – Специальное общество?.. Северное, Южное?..
- Общество секретное. Пока вы в него не вступите, не принесете торжественную клятву до конца бороться за освобождение земли от чудища, я не уполномочен распространять об организации хоть какую-нибудь информацию…
- Вот вам здравствуйте! – засмеялась Лизавета. – Как же вступать в общество, ничего не зная о нем?.. Где ваша программа, где устав?.. Будут ли собираться членские

взносы, и на что они пойдут?..
- Это обусловлено особенностями нашей борьбы, - строго сказал мужик без примет. – Наш враг невидим, почти неслышим, обладает, по нашим предварительным данным, мощнейшим психотропным оружием, поэтому нам надо быть особенно бдительными…
Лизавета не сдавалась:
- А с чего вы решили извести это существо? Может, оно безобиднее курицы, вдруг, от него даже много пользы и оно уничтожает вредных микробов, и втайне от людей гасит магнитудные волны и расплющивает цунами?..
- Да вы сами разве верите этому? – спросил мужик без примет.
Она не верила. Она ни на секунду не забывала тот ужасный, страшный день на аэродроме, когда она никак не могла избавиться от ощущения, что рядом с ней кто-то чужой, посторонний. Этот чужой холодом дышал ей в затылок, он словно подталкивал всю семью к краю бездны, и еще неизвестно, почему упал тот вертолет?
- Я готова! – твердо сказала Лизавета. – Я вступаю в ваше общество!..
- Тогда нам нужно в первичную ячейку - клятву приносить, подпись кровью скреплять, знакомиться с материалами последнего, исторического, пленума Общества, - сказал мужик без примет. – Там вам в торжественной обстановке будет присвоен Псевдоним Борца, вручен персональный компьютерный код, по которому вы всегда сможете узнать товарища по борьбе.
- И много членов Общества? – спросила Лизавета.
– Вообще-то, это тайна, но вскоре эта информация будет вам доступна. Наш путь сейчас к Слепому.
- ?..
- Ну, да, к модератору организации… Так его зовут…
- Но он не слепой?
- Нет, хотя в нашей борьбе мы больше полагаемся на сверхспособности, чем на обычные органы чувств…
И они отправились в штаб-квартиру Общества. Лизавета включила моторчик коляски на полную мощность, мужику без примет пришлось бежать впереди, показывая дорогу.

Слепой жил в старой сапожной будке. Здесь же располагалась штаб-квартира Общества. Это было очень удобно, потому, что застекленная дверь будки выходила на главную улицу города, позволяя держать эту магистраль под наблюдением. А, кроме того, в двух шагах от этого места находился географический центр города, и вот, что было удивительным, от этого центра было ровно восемьсот семьдесят четыре километра до Москвы, и столько же – восемьсот семьдесят четыре – до Казалинска, только в другую сторону. Никто не мог объяснить столь странный феномен, хотя некоторые пожимали плечами, говорили:

- Ну и что такого!..

Как бы там не было, такое расположение офиса организации борцов с чудищем – ОРГБОРЧУД – внушало невольное уважение членам тайного общества, что в свою очередь не могло не укреплять их веру в конечное торжество идей Общества. Слепой, используя последние достижения современной конспиративной науки, открыл в будке кооператив с вывеской «Не проходите мимо» - и все прохожие тут же потеряли к будке интерес. Она как будто исчезла, прикрытая приглашением, как шапкой невидимкой. Даже почтальоны не брались разыскивать будку, таксисты не могли вспомнить, где она находится, в адресном бюро понятия не имели о том, где она располагается. Лучшего места для подпольной деятельности было не найти.

- Вот если бы я написал «Вход строго воспрещен, за нарушение штраф», - тогда народ пошел бы сюда валом, - говорил Слепой, и добавлял свою любимую присказку: «Бес противоречия смущает наш дух». Несколько лет назад известнейший повсеместно и в Куренях писатель Виктор Иванов вывел его в одном из своих нашумевших романов, небольшой отрывок из которого поможет раскрыть характер этого неординарного человека: «Вообще-то Слепого звали иначе, а это прозвище, как ни странно, он получил за свою зоркость, за то, что всегда был в курсе множества событий. Если весной на Урале начинался ледоход, он знал об этом уже тогда, когда первая льдина со скрежетом и треском вставала на реке дыбом; если первые пестрые кузнечики появлялись в траве, он уже знал – в степи наступает страшный итальянский прус; если еще затемно полетели по главной улице черные машины, он говорил уверенно, что скоро случится денежная реформа… Он знал, что город дал приют тринадцати тысячам проституток и семидесяти трем тысячам шлюх, для него

не было секретом, что пулеметов и автоматов в городе больше, чем швейных машинок, не могло укрыться от него и то, что все больше в городе становится асфальта и все меньше травы… Он знал многие тайны народа, который живет на крышах, понятны ему были и чаянья помойных людей, ему приходилось мирить враждующие группировки людей подземелий… В этом городе для него не было тайн.
Однажды хорошо известный на помойке второго жилгородка поэт Верзила (рост – 199 сантиметров) сказал:
- Ты, наверное, будь даже слепым, знал бы все обо всем!..
- Ха-ха, нашел Слепого! – засмеялись друзья, и, может быть, именно тогда и прилипло к нему это прозвище.
Днем Слепой занимался кооперативными делами, вечерами к нему приходили друзья; у него было много друзей, потому, что он их любил. В тесной будке всем было просторно, друзья читали стихи, пели песни под гитару; они были поэтами, музыкантами, художниками, только случайно не признанными…
- Такая жизнь, что слепец должен видеть лучше зрячего, глухой слышать, как кошка, хромой бегать быстрее олимпийского чемпиона», - говорил он.
Мужик без примет представил Лизавету Слепому.
- Как хорошо, что именно вы решили вступить в ОРГБОРЧУД, – сказал тот. – В нашей борьбе нужны люди с обостренным восприятием действительности. Таких не так много. Представьте себе, что большинство людей разделяет мир на одушевленный и неодушевленный… Вот, скажи, цветок одушевленный или нет? Лизавета вспомнила, как расцвел у нее на подоконнике кактус, и твердо сказала:
- Конечно, одушевленный!..
- А табуретка? – спросил он.
Лизавета задумалась.
- Не знаю… Не уверена…
- Ученые НИИВК проводили такой эксперимент: подключали к табуретке самые разнообразные датчики, фиксировали их показания в относительно спокойном состоянии. Потом брали отточенный топор и с размахом заносили его над табуреткой. Большинство приборов показали отклонения, как если бы табуретка испугалась… Я утверждаю, что так оно и было, табуретка испытала чувство страха…

- Интересно! – сказала Лизавета. – А что это за НИИ?..
- Научно Исследовательский Институт Второй Кочегарки, там собраны, пожалуй, самые блестящие научные силы народа кочегарок. Они, например, успешно решили проблему остужающейся памяти, теперь одного укола достаточно для того, чтобы все вспомнили всех; пока, к сожалению, не удается справиться с побочными эффектами: на третий день пациенты сходят с ума. Вы, наверное, уже слышали, что, наконец, удалось определить, что было раньше – яйцо или курица?.. Так это тоже удача НИИВК… Из последних разработок – монета, всегда выпадающая «решкой», горячее мороженое, мощный МБ-компьютер, который все свои высокоскоростные вычисления выполняет с оговоркой – «может быть, правильно» или «может быть, неверно»… Вы спросите, зачем нужна такая техника? Не поверите, но все, кому приходилось работать на этих поистине умных машинах, значительно повышали свой – IQ – уровень интеллекта…
- Мне приходилось соприкасаться с этими аппаратами! – не без гордости сказал мужик без примет.
- Да, наши края щедры на таланты, - согласился Слепой. – Я знаю, что в лаборатории ШНП - шиворот-навыворот проблем - проходит испытание зеркало, в котором человек отражается, мягко выражаясь, спиной, затылком… Короче, вид сзади… Испытания еще не завершены, но заказов на эти зеркала множество…
- Наука не стоит на месте…, - сказал мужик без примет.
- Кстати говоря, - перебил его хозяин будки, - каждого члена Общества мы со временем вооружим таким карманным шиворот-навыворот зеркальцем. Дело в том, что чудище, которое по некоторым сведениям именуется Ку-Эн-Зимом, не обладает способностью быть невидимым, как считают некоторые члены ОРГБОРЧУД. Но оно умеет всегда находиться у нас за спиной. Как бы мы не поворачивались, оно опережает нас, оставляя нам ощущение холода на затылке и наглый смешок… С зеркальцами мы сумеем держать его в поле зрения, и может быть, сможем определить его уязвимые стороны…
Затем Слепой изложил основные положения программы и устава тайного Общества. Сто сорок восемь пунктов программы касались борьбы со всемирным злом во всех его проявлениях, а в последнем – сто сорок девятом пункте содержалось

предупреждение, что, в общем-то, зло непобедимо, речь не идет о его полном уничтожении, а об установлении разумных пропорций добра и зла. Откуда возьмется тень, если не будет света, не становится ли белое белым только в контрасте с черным?.. Но это, конечно, не означало, что члены Общества готовы к компромиссам со злом, в частности с чудищем, поселившемся в мизиновском доме. Кстати говоря, этот сто сорок девятый пункт был предметом острых дискуссий философов, сочувствующих идеям ОРГБОРЧУДа. Одни одобряли его целиком и полностью, другие не принимали даже по частям. Принципы борьбы разумной, не саморазрушительной, отстаивали одни, а вторые призывали победить или погибнуть. Устав организации был в русле демократического централизма, объяснили Лизавете, и она только кивнула головой.

Она легко согласилась с положениями программы и требованиями устава, решительно потребовала нож для того, чтобы своей кровью подписать заявление о вступлении в Общество.

Мужик без примет смутился:

- Это я для красного словца о клятве, о подписи кровью…

- Нам вполне достаточно вашего честного слова, - сказал Слепой. – Вам присваивается Псевдоним Борца. Отныне товарищи по борьбе будут знать вас, как Ольгу Южную. Поздравляю!..

- Можно спросить? – отчего-то заробела Ольга Южная. – А Ольга Восточная или Западная есть?

- Они еще не вступили в Общество, - сказал Слепой. Он сделал небольшую паузу и продолжил:

- Вам присваивается и персональный компьютерный код – homabrutto123321… Поздравляю!..

- Готова хоть сию минуту сражаться с чудовищами! – решительно сказала Лизавета. – Но прежде мне нужно закончить кое-какие свои дела… Мне на один остров съездить нужно… Почему-то мне кажется, что на нем живут счастливые люди… Там не бывает горя… Может, все пропавшие, все сгинувшие тоже там находятся?...

Она хотела сказать, что в старом телевизоре видела эту заповедную землю, ей даже показалось, что на экране мелькнули мужчина и женщина, как две капли воды

похожие на ее папу и маму, но она промолчала. Вместо этого спросила:
- А сколько в нашем Обществе членов?..
- В ближайшее время намечается прием еще двух кандидатов, с ними нас станет пятеро… Пять бесстрашных бойцов!.. И миллионы сочувствующих!..
- Мы победим! – сказала Ольга Южная. – А сейчас мне пора… Постараюсь вернуться скорее, и тогда ударим в полную силу!..
И вдруг она вспомнила, что не рассказала о своих видениях, о странных снах бабушки, о пятипалой птичьей лапе каминных щипцов. Вдруг, это окажется важным для их общей борьбы с тем, чье ледяное дыхание время от времени ощущают жители мизиновского дома? И хотя Лизавета очень спешила на Остров, она все-таки задержалась в будке Слепого еще на некоторое время.
- Иногда, особенно когда слезы наворачиваются на глаза, или идет дождь, и дождинки попадают на лицо, я вдруг через эти капли начинаю видеть то, что находится за много километров от меня, за сотни и тысячи километров, - начала она свой рассказ, - и подозреваю, что тогда взгляд мой проникает в другие времена, а, может, и другие измерения… Часто вижу старую шхуну, шкипер которой много-много лет ведет свой корабль на восток, к далекому острову – я почти уверена, что именно к тому самому острову, на который нужно и мне. Изредка он подносит к глазам бинокль, и тогда становится заметной наколка на его руке – «Чяби чяряби…2 – 6, 2 - 12, 2 – 9, 2 - 1, 2 – 2, 1 – 3, 2 – 7, 1 – 2, 2 – 6, 1 – 4, 1 – 3, 1 - 2, 1 – 1, 1 – 4, ! » Прямо-таки шифровка какая-то…
- Иногда этот отважный шкипер как будто объясняет мне, что татуировка фамильная, передается от отца к сыну, - продолжила Лизавета. - И у шкиперского деда такая была, и у прадеда. Тут какая-то семейная тайна… Время придет и станет понятным для чего нужен этот шифр. Бабушка моя тоже умеет различать какие-то вещи на большом расстоянии, и тоже, когда на глаза наворачиваются слезы… Тогда прямо как в подзорную трубу смотрит… И еще бабушка иногда вспоминает события, которые случились задолго до ее рождения. Иногда она забывается и словно оказывается в другом времени – не то в прошлом, не то в будущем… Бабушка рассказывала мне, что однажды она зажгла спичку – без всякой на то надобности – и глазами что-то ищет… Спичка обожгла ей пальцы и она поняла, что озиралась в поисках камина, а

ведь камин до этого она только в кино видела. А другая рука ее потянулась за каминными щипцами, концы которых, откуда-то помнит бабушка, были выкованы в виде когтистых лап какой-то птицы…

- Может, это когти той самой одноглазой птички? – задумчиво спросил мужик без примет.- И не кажется ли вам, что кто-то как будто старается предупредить нас об этом чудовище?..

- Похоже, что так оно и есть, - сказал Слепой. – Наверное, давно сюда пожаловало оно… Или с начала времен живет здесь?..

Лизавета попрощалась с новыми друзьями, пообещав надолго не застревать на Острове.

- Счастливой дороги! – сказали они. – Не отговариваем тебя от такого опасного путешествия, потому, что на Острове, наверное, смогут раскрыться самые тайные тайны, самые загадочные загадки, сбыться самые несбыточные надежды…

Лизавета подумала, вдруг, что вовсе не обязательно раскрывать все тайны, отгадывать все загадки, да и все сбывшиеся надежды заставят подумать: такими уж несбыточными они были? Если все сбылось, то во что верить, о чем мечтать? Дорога манит нас, а не ее конец…

И она отправилась в путь. Сыщики, брошенные за ней в погоню, не могли угнаться за проворным креслом. Не успевали прийти сообщения, что коляску засекли в Алма-Ате, а она уже оказывалась в славном городе, в котором небо держится на заводских трубах – Усть-Каменогорске. От Алтайских гор она в неделю успевала добраться до монгольских степей, от прохладных вод Керулена она в мгновенье ока попадала к устью речки Бзыбь… Она искала свою главную дорогу, но пока не находила. А кто говорил, что в пути легко? Кто-нибудь хотя бы намекал на это?..

Агенты, шедшие по ее следам, применяли самую совершенную технику слежки, но никакая электроника не успевала за настойчивой девочкой. Но с какой бы скоростью не перемещалась она, время от времени слышала за своей спиной короткую усмешку, ледяное дыхание стягивало холодом затылок…

В городе Бузулуке она познакомилась с человеком, облаченным в необъятный брезентовый плащ, выцветший, как паруса бригантины. Надо сказать, что Лизавете часто встречались люди в брезентовых плащах – то ли потому, что много на земле

стало непогоды, то ли потому, что эти встречные думали, что в любую минуту может разразиться страшный шторм и нужно всегда быть к нему готовым.

- Что делается, что делается! – закричал он. – Сдается мне, что никому больше не нужно древнее искусство устроения дупел!..

- Дупел? – удивилась Лизавета.

- Ну, да, предлагаю дупла дубовые, грабовые, липовые…

- Для птиц? – спросила она. – А они сами не умеют?

- При чем тут птицы? – строго спросил новый знакомый. – Пусть себе дятлы стучат, пусть кукушки подкладывают яйца в чужие гнезда – мы их не тронем!.. В нашем распоряжении дупла иного рода…

- Для людей?

- Конечно, для них… Вы не представляете себе, как прежде были востребованы дупла, на них даже существовала очередь, мастера древнего ремесла не успевали выполнять заказы… Существовали дупла для всякого рода надобностей…

- Простите, я не очень хорошо понимаю, о чем вы, - перебила она его.

- Вот я и говорю, пропадает ремесло… нынче человеку ничего не стоит носить в себе всякую дрянь!.. Раньше как было? Обманул купец другого купца, деньги занял и не вернул, или неправедно отсудил усадьбу, да мало ли еще чего… От стыда уши горят, бессонница замучила, страшные сны снятся – что делать? Шел тогда купчишка к своему заветному дуплу, выговаривался в это дупло, кричал о чем душа наболела – в общем, выкрикивал из себя все дурное, не стеснялся в выражениях: так, мол, и так, а выходит, что сучий сын я оказался, варнак косорылый, зенки мои бесстыжие, не сыскать никого окаяннее меня! Кому он туда говорил, кто там в том дупле таился – никто не ведает, и только мы, мастера-дуплостроители знали – слушала там человека его же больная совесть… А другому невмочь хранить тайну, но поклялся страшной клятвой, и нарушить ее невозможно. И он тогда ищет свое дупло, шепчет туда сокровенное.

- Так вы мастерили выговаривальные дупла? – поняла Лизавета. – Интересно…

- Были загадывательные дупла, были приворотные… всякие… Ремесло, скажу вам, непростое. Не один день потратишь, отыскивая в лесу нужное дерево. Не каждая лесина годится для этого… Бывало, ходишь, слушаешь дерево за деревом, а оно

молчит, таится, а иногда так сразу и открывается тебе навстречу; перед тем, как оно будет слушать тебя, нужно выслушать и его…

- Это язычество какое-то, - заметила Лизавета.

- Может быть, - не стал спорить мастер дуплостроения, - только сдается мне, что все хорошо, что помогает душу хранить… Разве не так?..

- Наверное…, - не была в этом сильна отважная путешественница.

- Так вы будете заказывать дупло? – спросил мастер. – Или обойдетесь?..

Лизавета хотела сказать, что обойдется, но вдруг передумала.

- Нет ли у вас дупла исполнения желаний? – спросила она.

- Есть! Конечно, есть! – откликнулся мастер. – Только на той неделе нашел в лесу такой дуб – вековой, но еще крепкий, звонкий… Любое желание выполнит….

- Прямо-таки любое?

- Конечно, если ты не станешь просить летающего крокодила. Хотя, кажется, и крокодила этот дуб сможет достать…

- Теперь будете его сверлить? – спросила Лизавета, и ей стало жалко дуб, тем более, если он звонкий. Почему-то ей представилась зубная бормашина и она даже вздрогнула.

- Не нервничайте, барышня. Я же не дровосек, ничего рубить и сверлить не стану, - успокоил он ее. Мы используем только то, что дает нам природа. В любом дереве есть заметные и незаметные полости, пустоты и нужно только найти их, распознать; иногда они прикрыты корой, часто просто не видны. Наша задача открыть дупло, вычистить его, определить к чему оно склонно – выслушивать исповеди или тайны, или дарить надежду тем, кто в ней нуждается… Так что, ничего не сверлим, ничего не пилим, птичьих гнезд не разоряем. Но бывает, что птицы сами покидают некоторые дупла, будто понимая их иное предназначение…

- Ладно, ладно, показывайте дорогу, - согласилась Лизавета.

- Езжайте за мной! – сказал он девочке и оседлал велосипед времен Фридриха Барбароссы. – Наш Бузулукский бор давно славится заповедными местечками.

И он помчался с огромной скоростью (а еще пожилой человек!), только полы его просторного брезентового плаща хлопали, как и положено парусам. Лизавета не отставала от него, моторчик коляски трещал, как пулемет.

Час, другой, третий неслись они по дорогам, дорожкам и тропинкам, изредка останавливались для того, чтобы мастер устроения дупел мог свериться с компасом.

- Далеко еще? – спрашивала Лизавета.

- Путь не близкий, - отвечал он.

Города и села попадались на их пути, они не останавливались, только махали руками в ответ на приветствия местного населения. Наконец, сделали привал на крутом берегу быстрой речки.

- Мои родные места, - сказал мастер дупел. – Люблю степи, леса, приволье…

- Так кто же не любит приволье? – удивилась девочка.

Он только рукой махнул.

- А почему же бор оказался так далеко от Бузулука? – спросила Лизавета. – Мне казалось, что он должен быть совсем близко?..

- Так мы его давным-давно проехали, - сказал мастер. – К другому лесу путь держим…

- А почему к другому? Чем плох Бузулукский бор?

- Он хорош, очень хорош, но тогда нам с тобой пришлось бы расстаться еще три часа назад… А у меня с детства мечта – путешествовать по земле куда глаза глядят. Просыпаться в палатке, прислушиваясь к дождю, барабанящему в брезент, разжигать последней спичкой костер, пить чай из прокопченной алюминиевой кружки, ощущать под днищем байдарки перекрученные струи близкого переката… Возьми меня с собой, а?.. Я не буду в тягость…

- Вообще-то, я еду не куда глаза глядят, я ищу один остров… заповедную счастливую землю, - сказала Лизавета. – Искать ее никому не заказано, давайте будем искать вместе… А как же с дуплом, исполняющим желания?

- Вообще-то, все леса для нас годятся… Дупло это обязательно найдем… Но прошу заметить, что оно только выслушивает желания, а уж исполнит или не исполнит их – этого никто не знает…

- Пусть так! – легко согласилась Лизавета, обрадованная появлением попутчика.

Они тронулись в путь, переехали через мост, и тут же на них надвинулся вечерний лес, встал стеной вдоль дороги. Они свернули на почти неприметную тропинку, справа мелькнул какой-то обелиск, на котором угольком кто-то вывел: «Дурак, буду

ждать тебя вечером в 8 часов у «Летнего», обязательно приходи!», затем показался пологий берег небольшой речушки с дощатыми мостками, и они выехали на небольшую поляну, вокруг которой поднимались столетние дубы – внизу у земли черные, а сверху окрашенные закатом.

- Мне кажется знакомым этот пейзаж, - сказала Лизавета.

- Все пейзажи в чем-то повторяются, - ответил ее спутник. – Даже если на одном голая степь, а на другом непроходимая чаща – в них есть что-то общее…

- Что? - спросила девочка.

- Ну, например, воздух, солнце, ветер… Согласись, что на портретах редко увидишь ветер…

- Как вас зовут? – спросила она.

- Извини, что не сразу представился – Аристарх…без отчества…

- Аристарх, будем сейчас дупло искать, или завтра с утра начнем?..

- А чего его искать, мы неподалеку от нужного нам дерева – я чувствую это…

«Да, - подумала Лизавета, - это самый точный прибор, врученный нам природой – чувства. Кажется, он ошибается ничуть не чаще всяких вольтметров, манометров, гетеродинов и детекторов… Ой, а что такое гетеродин?»

Аристарх из бездонных карманов необъятного плаща достал деревянный молоток – киянку, стетоскоп, принялся обходить дубы, постукивая по стволам, затем прикладывая к ним конец трубки. Наконец, он закончил свой осмотр, и, кажется, остался доволен.

- Здешние дубы все оказались пригодными для нас, но особенно вон тот – с краю, кряжистый, разлапистый, - сказал он. – Тоны у него самые яркие…

- Стоны? – переспросила Лизавета.

- Именно тоны, - поправил ее Аристарх. – Как тоны сердца, как тоны музыки…

- Ну, если тоны сердца, то успех нам гарантирован, - Лизавета все-таки не очень верила в это лесное ведовство, но ей очень хотелось, чтобы все, что она готова попросить, - сбылось.

- Я подготовил дупло, оно совсем низко, - сказал Аристарх. – Я помогу тебе подобраться к нему, а потом уйду… Оставлю вас наедине…

Так он и сделал, подкатил коляску, подложил по колеса толстые сучья. Из дупла

почему-то пахло земляникой и свежескошенным сеном. Может потому, что Лизавета с самого детства любила эти запахи, и еще запах печеной на костре картошки. Она обняла ствол, поднесла губы к дуплу, шепнула:

- Это я…

- Это я…, - откликнулось дерево.

- Царь леса, царь деревьев и цветов, родников и ручьев, полян и опушек, помоги мне!..

- Царь…, - сказало дупло.

- Укажи дорогу на заповедный Остров! Открой секрет! Помоги найти счастливую страну!.. Страну, где все здоровы, где все любят, и всех любят… Разве нет такой страны?..

- …нет такой страны? – аукнулось из дупла.

Лизавета прижалась всем телом к дубу, просила всерьез:

- Я не боюсь того, который всегда за спиной, но я боюсь не найти Остров… А мне очень нужно, очень!.. Говорят, там все устроено правильно и больше трех гроз за лето не бывает; мне снилось, что там можно время повернуть назад, а мои сны часто сбываются… Помоги, царь леса!.. Не молчи!.. Скажи хотя бы слово, хотя бы «нет»… Но лучше «да»!..

- Да!.. – ответил старый дуб.

Слезы навернулись на глаза отважной девушки. За время скитаний она вытянулась, похорошела, повзрослела – да, да, настоящая девушка, прелестная барышня. Она хотела поблагодарить царя леса, но не смогла произнести не слова, потому, что в это мгновенье увидела, что в середине уже совсем темного леса разгорается странная заря. Пульсирующий свет исходил из кого-то предмета, напоминающего огромное яйцо – Лизавета отчетливо видела его, но также видела и какую-то встревоженную девушку, смело пробирающуюся по ночному лесу, и большой каменный дом на самой опушке леса, а за ним реку, быстро бегущую в море, а в море старую шхуну, и шкипера со странной наколкой на руке…

Свет усилился, и стенки гигантского яйца стали почти прозрачными, и Лизавета заметила, что внутри его стоит совершенно голый человек. Она оглянулась: видит ли это Аристарх, но тот отрешенно смотрел в противоположную сторону. Лизавета

заметила, что и далекая девушка тоже не видела этого пульсирующего свечения. Она хотела крикнуть им: «Смотрите, смотрите, какое чудо!», но вдруг светящееся яйцо вспыхнуло, как молния, и молния эта словно огненная спица пронзила черные небеса, и исчезла. Лизавета смотрела во все глаза, вдруг оно появится опять, но оно не появилось. Как не было его. Она по-прежнему видела девочку в лесу, море и шкипера, а прозрачного яйца не было. Странно… «Наверное, кто-то отправился в дальний космос, - подумала она, - счастливого пути!»

Глава девятая: Над Землей и Луной

Шла машина темным лесом
За каким-то интересом
Инти-инти-интерес
Выбирай на букву «С»
А на буковке звезда
Отправляет поезда
Если поезд не придет
Машинист с ума сойдет.

Мотор работал как часы, внизу проплывали квадраты полей, ленты рек, зеленые пятна лесов – вся географическая геометрия или геометрическая география земли. Первый пилот в кожаных перчатках, кожаном шлемофоне, с маузером на боку,

держал штурвал - с виду совсем не крепко. Но в его взгляде читалась непреклонная воля, решительность – он легко мог посадить свою мощную машину в степи, на опушке леса, а если понадобится – на вершине горы. Если понадобится. Второй пилот что-то сосредоточенно слушал в наушники, иногда коротко отвечал: «Есть! Так точно! Никак нет!» Штурман, молодой и неулыбчивый, как вся его профессия, время от времени заглядывал в карту, снимал показания приборов, заносил их в толстенный журнал. Ничего не укрывалось от его внимательного взгляда – и высота полета, и курс, и скорость.

И чем легче пилот держал штурвал, чем отрывистее отвечал в микрофон второй пилот, чем строже становился взгляд штурмана, тем яснее становилось Игнату, что экипаж понятия не имеет, куда держать путь. Ну ладно бы в самом начале полета – в самом начале многие не знают, куда двигаться, а ведь летят они уже не первый день. И, кажись, не первый год. А куда?..

Харитон Харитонович зарос бородой, только фыркал, когда пилоты и штурман по утрам мылили-скоблили щеки.

- Не гоже казаку быть с голым лицом! – говорил он.

- А вы в каком из казачьих войск состоите? – спрашивал первый пилот. – В Яицком, может быть?

Вопрос, думал пилот, был с подвохом: давным-давно не было никакого Яицкого войска, да и Уральское почти перевелось. Но Харитон Харитонович был начеку.

- В каком надо, в таком и состою! – ответил он с достоинством. – В Хлебном, Яблочном, Ежевичном!.. Есаул Ежевичного войска, позвольте представиться!..

Но, в общем, жили дружно, установили дежурство – мыть полы, чистить картошку, открывать банки с тушенкой. Штурман был большой мастер по части шашлыков, они получались у него ароматными, сочными – за уши не оттащишь - и иногда по вечерам он доставал мангал, шампуры; ему в меру сил помогали все, даже первый пилот, доверявший время от времени самолет автопилоту. Ну и второй пилот в таких случаях был начеку, снимал на полчаса свои наушники.

У штурмана, конечно, был свой шашлычный секрет, дело было в маринаде, специях, но подробностей он не раскрывал. Да никто на этом и не настаивал.

Под шашлык шло красное вино, но в меру. Игнат первое время не пил вообще,

плевался, чего в нем хорошего – кислятина, с вишневым вареньем не сравнится? - но когда подрос, плеваться перестал.

Время от времени первый пилот затягивал песню:

- Первым делом, первым делом самолеты…

Харитон Харитонович с удовольствием подпевал:

- Обнимая небо…

Игнат удивлялся:

- Это ведь разные песни!

- Ну и что? – невозмутимо отвечал бывший истребитель, есаул Ежевичного войска. – Когда у человека душа поет, для него не имеют значение ни слова, ни мелодия… Главное в песне душа – согласен?

- Согласен! – отвечал Игнат, который время от времени доставал письмо счастья: как же он сумеет понять, что настал момент исполнения желаний и пора уже доставать из кармана карандаш и разборчиво писать: «Хочу…» Или наоборот: «Ни за какие коврижки не хочу…». Бочаров намекал, что он поймет, когда нужно браться за желания, но скоро ли это случится?

Но иногда экипажу и пассажирам приходилось вступать в настоящие сражения. От воронья отбиваться было легко – несколько выстрелов из маузера, и черные, истошно вопящие птицы, рассыпались во все стороны. Второй пилот еще на часок снял наушники, постучал молотком, повизжал электропилой и собрал трещотку, которая строчила как пулемет. Теперь при налете воронья второй пилот открывал дверь самолета, предварительно пристегнувшись ремнем к металлической стойке, и открывал трещеточную пальбу – бескровную, но очень эффективную – вороны стремительно уносились прочь.

- Почему они нападают на нас? – силился понять Игнат. – Может, наши пути пересекаются? Может, мы просто мешаем друг другу, и проблема сама собой решится, если поменять немного высоту полета или изменить курс – совсем чуть-чуть?..

- А если дело в том, что этих дурных воронов кто-то натравливает на нас? – спросил Харитон Харитонович?

- Кто? Зачем?..

- У меня на счету сто восемьдесят семь боевых вылетов, тридцать сбитых самолетов противника, - сказал ежевичный есаул, - но никогда мне не приходилось воевать с птицами… Боюсь, что главные сражения впереди…

И он как в воду глядел. Как-то под вечер показалось на горизонте небольшое белое облачко. Облачко совершенно обычное, за эти годы Игнат насмотрелся на них от души. И не сразу он заметил, что все остальные облака плывут по ветру, как и положено им природой, а это против ветра. Но точно наперерез самолету.

- Харитон Харитонович! – позвал он истребителя.

- Вижу! – откликнулся тот. – Наблюдаю гигантскую стаю пеликанов, курс встречный! Если попадем в этот крылатый водоворот, то мало не покажется никому!

И вдруг кто-то в самолете коротко рассмеялся. Путешественники переглянулись недоуменно: кому же так весело в эту минуту? Все были серьезны. «Послышалось!», - решили все.

- Всем пристегнуть ремни, набираем высоту! – скомандовал первый пилот. – Будьте готовы к тому, чтобы надеть кислородные маски. Экипажу приготовить оружие!

Клацнули затворы маузеров, а второй пилот вытащил откуда-то связку гранат, судя по всему – противотанковых.

- Гранаты отставить! – сказал Харитон Харитонович.

- Здесь командует первый пилот, он же командир экипажа, - сказал второй пилот. – А вы гражданское лицо.

- Это я – гражданское лицо? – закричал бывший истребитель, герой воздушных боев. – Я бился с врагами и побеждал прославленных асов, когда ты еще путал самолеты с воздушными змеями!

- Я – путал?..

- Ты «Пе-2» не отличишь от «МиГ – 21»…

- Я – не отличу? – второй пилот от возмущения потерял дар речи.

Командир вынужден был вмешаться.

- Отставить базар! – подал он неуставную команду. – А заодно отставить и гранаты, если не хотите, чтобы нас всех разорвало в клочья.

Конфликт был, как будто, исчерпан, второй пилот спрятал гранаты.

Самолет резко принялся набирать высоту, задирая нос, содрогаясь от напряжения.

Натужно ревели двигатели, белое пеликанье облако приближалось, уже видны были во главе стаи крупные птицы, похожие на гидросамолеты, вожаки.

- Вы знаете, что пеликан достигает нередко пятнадцатикилограммового веса, а размах крыльев у него более трех метров? Просто пикирующий бомбардировщик, и столкновенье с ним может окончиться для нас плачевно! – закричал командир. – Думаю, вам интересно будет узнать, что в некоторых европейских странах пеликан является символом жертвенности, а также и стайности, так что не удивительно, что они атакуют нас. Как будто их кто-то специально организовал… Не много ли совпадений?

Он скомандовал:

- Огонь!

И добавил:

- Прицельно по вожакам!

И тут же загремели выстрелы. Было видно, как головные птицы стаи, словно наткнувшись на невидимую стену, полетели к земле, кувыркаясь, теряя перья, но это никак не подействовало на всю бесчисленную стаю – она упрямо шла на сближение с самолетом.

- Огонь! Огонь! – опять и опять командовал командир, и все новые пеликаны валились с высоты, похожие на растрепанные подушки, но оставшиеся курс не меняли.

- Попробуем уклониться! – сказал командир, и положил самолет на правое крыло. Двигатели были готовы захлебнуться от натуги.

- Смотрите, смотрите, они тоже поворачивают! – закричал Харитон Харитонович и показал рукой на стаю, которая явно свернула с прежнего маршрута.

- Что я вам говорил! – почти радостно закричал первый пилот. – Они преследуют нас!.. И, думаю, не они сами это придумали! Ох, и посчитаюсь я с этим наводчиком, попадется он мне!..

В самолете опять прозвучал язвительный смешок.

- Да! – закричал командир – Попадется! Обязательно попадется!..

- А ведь птички эти постепенно начали отставать, - заметил Харитон Харитонович, - и по высоте сдают, и по скорости…

- Радоваться пока рано, - сказал командир, - в стае есть бакланы, скорость которых выше, чем у пеликанов, и они, вижу, группируются в отдельный отряд. Поразительно!
- Это просто засадный полк, - сказал Игнат. – Видать, сильно мы кому-то насолили!
Бакланы оторвались от стаи, и пошли к самолету, как на рысях. Никто, наверное, до этой поры не видел такой погони!
Самолет забирался все выше и выше, но и бакланы не отставали. Воздушные странники облачились в кислородные маски.
И тут, как всегда бывает с искателями приключений, кончились патроны, пальба стихла. В то же мгновенье самолет потряс мощный удар – слева в фезюляж врезался баклан, за ним второй. Но, скорее всего, это были небольшие птицы, вырвавшиеся вперед, да и ударились они в летательный аппарат не на встречном курсе, а как бы вскользь. Самолет подбросило, как на взрывной волне, и он еще больше задрал нос, и, дрожа всем корпусом, стал карабкаться еще выше.
Игнат посмотрел в окно: вся стая прошла ниже самолета, и теперь разворачивалась, чтобы продолжить погоню, но было видно, что вряд ли ей
удастся забраться на ту высоту, которую одолела рукотворная птица.
В кабине заметно потемнело, а над самолетом зажглись совсем близкие звезды, как старое ржавое колесо на стене коридора коммунальной квартиры повисла луна.
Командир показал знаком, что они будут подниматься еще выше, и что необходимо облачиться в теплую одежду – меховые комбинезоны, унты, кожаные шлемы. Второй пилот, кроме того, выдал всем наушники и ларингофоны – для связи. Можно, конечно, слушать и музыку. У второго пилота была большая коллекция записей – и «Валенки, валенки, не подшиты стареньки», и «Girl», и «Фуражечка, фуражечка, носить тебя не грех», и даже «На краю Руси обширной…»
Харитон Харитонович открыл ящики, которые находились под сиденьями, и достал меховую одежду, и только тогда все почувствовали, как зябко стало в кабине.
Игнат опять взглянул в окно: стая воинственных бакланов далеко внизу выглядела уже не кучевым облаком, а белым перышком, планирующим на землю.
- Пронесло! – подумал Игнат.
После перенесенных потрясений, стали устраиваться на ночлег, развернули спальные мешки.

- Харитон Харитонович, а вы на реактивных летали? – спросил Игнат.
- Летал, конечно… На семнадцатом МиГе, на двадцать первом. Да, на чем только не летал, кажется, даже на монгольфьере…
- А никогда не думали, что это опасно? Что авиатор – профессия небезопасная…
- Думал… Еще как думал, - ответил старый истребитель, - но вот был у меня приятель – поварским делом занимался, картошку жарил, огурцы резал с баклажанами, так нечаянно его самого сварили в кипящем масле… А он еще до этого часто повторял: «У меня горячая профессия, опасная, как у сталевара». А другой друг у меня – шахтер Василий. Так пятнадцать лет проработал в забое – без аварий, взрывов и обрушений. Правда, десять лет назад пропал…
- Как пропал? – удивился Игнат.
- Ушел в забой вместе со своей сменой, как и положено, а назад не вернулся. Не вышел на поверхность.
- Как же так? Может, несчастный случай?
- Искали его два месяца – никаких следов! Как будто растворился под землей. Говорят, что это не первый случай, когда люди там пропадали. Например, в 1913 году. Может, в старых выработках теряются? А кто говорит, что некоторым удается подземную дорогу найти в счастливую страну… Но я не верю… Так что, не угадаешь безопасную специальность.
И Харитон Харитонович мирно засопел. Только иногда что-то говорил во сне, повторял одно и тоже, как будто хотел накрепко запомнить, и хотя трудно было разобрать – дыхательная маска мешала, но все-таки Игнат понял, что он произносит какую-то считалочку – не то «вынул ножик из кармана», не то «царь велел меня повесить»… «Нервы сдают у ветерана, - подумал Игнат, - на сон грядущий всем полезно повторять что-нибудь успокаивающее».
Часа через четыре, кажется, штурман растолкал их:
- Луна, вам интересно?
- Дайте поспать! – отмахнулся Игнат.
- Какая такая Луна? – сонно поинтересовался истребитель.
- Одна у нас Луна, - равнодушно сказал штурман, - Селена…
Харитон Харитонович с головой ушел в свой спальный мешок, дескать, видали мы

эту Селену сто раз – и на бреющем над ней проходили, и пике над ее кратерами закладывали, и выли на нее с тоски – случалось, а вот поспать по человечески никогда не выпадает, обязательно найдется хмырь, которому самому не спится, и он другим покоя не дает!

Игнат рывком поднялся, и не сразу осознал, что же заставило его встать с постели: в кабине самолета было тихо. Моторы молчали, пропеллеры не вычерчивали прозрачные диски, не содрогался корпус скоростной машины. Дверь была открыта, и в ее проеме стоял командир. Игнат выглянул через его кожаное плечо, присвистнул: ржавая равнина с необычно близким горизонтом окружала искусственную птицу. Резкие тени отбрасывали мрачные горы, окружавшие равнину – ни травинки, ни цветочка, ни стрекотания кузнечиков, ни ветерка.

- Что это? – спросил пораженный Игнат.

- Море Спокойствия… или Море Безмятежности, - ответил командир. – Здесь столько морей! Морей и кратеров. Все эти моря никто не знает…

- Так что, это на самом деле Луна? – закричал Игнат. – И вы так спокойно об этом говорите?..

- А что, орать прикажешь? – ответил командир. – Воздух здесь чистый какой, одно слово – лунный!

- Погоди, погоди! – совсем запутался Игнат. – Так что же выходит? – мы за ночь долетели до Луны?.. Почти полмиллиона километров?..

- Так мы же не пешком шли, в самом деле, - сказал штурман, - моторы у нас мощные.

- И про воздух не сходится, - не отставал Игнат, он, как истинный моделист-конструктор был человеком дотошным, понимающим толк в самых крошечных деталях и детальках. – Нет на Луне атмосферы, ученые это давно доказали!

- Кому они доказали? – наконец, выполз из спального мешка Харитон Харитонович. – Что они доказали? Пифагоровы штаны во все стороны равны? Тише едешь – дело мастера боится? Куй железо, не отходя от кассы? Ты уже большенький, мог бы уже знать, что не существует аксиом и окончательных доказательств: сегодня легко дышится в безвоздушном пространстве, а завтра, может быть, будем биться, как рыбы об лед…

- Все равно нужно как-то отметить наш прилет на другую планету? – предложил

Игнат. – Табличку какую-нибудь установить. Все-таки не так часто ступает сюда нога человека.

Отметить дружно согласились все. Нашлась бутылка «Розового игристого», открыли и разогрели на электроплитке пару банок «Субпродуктов рубленых». Аппетитные ароматы поплыли над Луной.

- Узнаю субпродукты Уральского мясокомбината! – мечтательно произнес первый пилот. – Как будто вернулся в детство! Казалось тогда, что вкуснее еды нет на свете.

- Разное детство по-разному пахнет, - пробурчал второй пилот. – Я так любил свиные шкварки…горячие, с лучком, с горбушкой…

Игнат тем временем вышел из самолета – оглядеться, если повезет найти что-нибудь – камней, других подручных материалов, которые могут пригодиться для сооружения памятного знака.

Воздух был действительно чистым, прохладным, или таким казался после дыхательной маски. Камней вокруг было много, в одной груде он даже заподозрил развалины какого-то старинного дома, но быстро отогнал от себя эту мысль: кто мог здесь жить, и когда? Какие – такие старинные дома могут здесь быть?.. Их и на Земле все меньше остается…

Игнат довольно быстро соорудил из камней нечто похожее на пирамиду – пирамидку. Они выпили игристого, закусили субпродуктами, хотели шашлычку поджарить, да оказалось, что маринад весь вышел… Потом все-таки накарябали на куске фанеры: «Были здесь Харитон, героический экипаж самолета – Вася, Валя и Ваня, а также Игнат.

Фанеру эту укрепили на вершине пирамиды, а потом завели моторы, и самолет взлетел, взял курс к новым приключениям.

Глава десятая: Сквозь время и пространство

Ягодка -
Малинка,
Медок-
Сахарок.
Вышел
Иванушка -
Сам
Королек.

Вспышка. Темнота. Небытие.
Небытие…
Вспышка…
Саша открыл глаза. Бескрайняя сверкающая в лучах двух солнц стальная равнина расстилалась вокруг. Слева, справа, спереди и сзади была только сталь. Одной ногой он ощущал глубокий холод металла, пальцы сводило космической стужей, под второй ногой сталь была горячей, почти как утюг – терпеть было невозможно. «Антимиры» - понял он, - все здесь чуждо человеку», - и принялся прыгать – то на горячее место, то на холодное. Получился странный танец. «Но долго мне не выдержать, - подумал он, - Ну, сутки, ну, двое я буду так танцевать, а потом что? Свалюсь, и одна моя половина зажарится, другая – заледенеет? Не дождутся тогда от меня известий ученые, если они, конечно, появятся на Земле; вдруг я своим гиперсветовым броском через галактики нарушил-таки причинно-следственные связи, и, может быть, теперь не только ученых, но и мало-мальски грамотных людей подвергают невиданным гонениям? Не премии им миллионные за бомбы, танки и

ракеты, не дачи в Подмосковье, а презрение всенародное? Может, палят на кострах академиков с профессорами, а доценты, да кандидаты на растопку идут? И никто не будет ожидать моего «Да» или «Нет?.. А Даша выйдет замуж за какого-нибудь серфингиста? Или парикмахера? Но почему именно за серфингиста? А почему – за парикмахера? Пусть уж лучше выходит за летчика… Да хоть за бродягу!..

И тут он осознал, что перестал прыгать. Горячее стало прохладным. Холодное значительно потеплело. И металл под ногами заметно завибрировал. Он почувствовал, что стальная равнина стала уползать из-под ног. Саша подумал вдруг: «Что-то происходит, а я без штанов…»

Движение ускорилось, и он увидел, как посредине равнины стала открываться гигантская диафрагма, как в фотоаппарате. Только в сто тысяч раз больше. В открывающемся отверстии стало заметно что-то переливающееся, волнующееся, изумрудное. Он напряг зрение, и точно: это была зеленая весенняя степь, с миллионом тюльпанов. Он знал это место, мальчишкой ездил сюда на пригородном автобусе, рвал охапками красный и желтый таблак, так тюльпаны называли в их местах, а потом рассчитывался за проезд цветами, и даже суровые кондукторы, надорвавшиеся в неравной борьбе с зайцами, улыбались, норовили пристроить тюльпаны где-нибудь в тесном и душном салоне, и все пассажиры, отработавшие вторую смену на посадке картошки, тоже улыбались – и так ехали до самого города и беспричинно улыбались.

Он не стал ломать голову над тем, как попала сюда эта степь, а побежал к этой живой зелени. И не очень удивился, когда увидел Дашу.

- Саша! – закричала она. – Это я!!!

Он кинулся к ней.

- Вижу! Вижу! – кричал он на бегу. – Прости меня!..

Ему нужно было повиниться перед ней, броситься на колени, объяснить, как же случилось так, что он оставил ее одну, не открыл ей этого чепухового галактического секрета, не сказал ей, что в любую минуту может исчезнуть по заданию суровых руководителей эксперимента… Да нет, не это самое главное. Он вообще не имел права влюбляться в нее! А она?..

Она поймет, простит, может, только спросит: ну, как, стоил того секрет? Стоит вечной

разлуки страшная научная тайна? Есть ли, в самом деле, здесь жизнь или будем завозить ее с Земли? Потащим в контейнерах зельц рубленый, консервы из рыб частиковых пород, протянем водовод «Каспий – Седьмая галактика», засеем бесхозные планеты рапсом, горохом и соей?..

Он нежно обнял Дашу: «Я очень сожалею, родная! Только сейчас я понял, что нет ничего драгоценнее любви!»

Даша чуть-чуть отстранилась, прошептала драматическим шепотом:

- Я - не Даша, мое имя невозможно произнести ни на одном языке, которыми ты оперируешь, но если ты будешь говорить мне Наша-Тыр, я буду знать, что ты обращаешься ко мне. Хотя для того, чтобы выговорить мое имя на нашем языке тебе может понадобиться целый час – так оно длинно, полифонично и многозначно.

- Как же так? – растерялся Саша. – Полное портретное сходство… Откуда?

- Мы только отражаем те образы, которые вы несете в себе. Обычная зеркальная интерференция, ничего больше. В тебе наиболее яркий образ был этот – она показала руками на себя…

Он опять вспомнил, что стоит перед ней без штанов, и принялся стыдливо прикрываться руками.

- Прежде, когда явление зеркальной интерференции не было поставлено на службу интересов нации, дело доходило иной раз до трагедий, - продолжала Наша-Тыр. - Некоторые межгалактические путешественники – из Запредельного космоса – они уже были у нас семьсот лет назад, увидев наш подлинный облик, начинали вести себя неадекватно – некоторые норовили оседлать, а кое-кто был готов и огонь открыть… Теперь же недоразумения исключены, каждый видит только отражения своих образов и сразу понимает, что перед ним представитель высокоразвитой цивилизации; мы все не сомневаемся, что принадлежим именно к таким, точно?

Саша кивнул согласно, как жалко, что это не Даша! Но очень на нее похожа, очень. А, может, все-таки это она?.. Нет, нет, к сожалению, нет.

- А можно увидеть, как вы выглядите на самом деле? – спросил он с сумасшедшей надеждой: вот сейчас эта Наша-Тыр рассмеется, обнимет его и скажет:

- Ну и разыграла я тебя! А ты поверил, да?

Но она не рассмеялась, кивнула головой, отошла от него на несколько шагов,

щелкнула кнопочкой в какой-то коробочке, и молочный туман заволок все вокруг. А когда туман рассеялся, то он увидел прекрасное женское лицо, груди с крупными коричневыми сосками, лавину волос, проливающуюся на… на… конский круп. Он ошеломленно подумал: «Может, правильнее говорить «кобылиный круп?»
Вслух он спросил:
- Вы кентавры?
- Вы можете так называть, хотя на нашем языке звучит, конечно, иначе, - ответила она. - И потом наш уклад вряд ли соответствует образу жизни мифологических существ. Во всяком случае, как вы себе это представляете, я ведь могу судить о кентаврах только по вашему представлению о них.
- Так вы все мои мысли читаете? – спросил он, пораженный.
- Ну что вы! – возразила она. – Только образы, хранящиеся в вашей памяти. Хотя и мысли ваши декодировать тоже несложно…
- Несложно?
- Конечно. Но этические соображения никогда не позволят мне сделать это…
- Да, теперь у меня не осталось сомнений в том, что вы принадлежите к очень высокоразвитой цивилизации, - сказал Саша. – Не могу представить, чтобы на Земле нашлась хотя бы одна женщина, которая сознательно, по этическим соображениям отказалась бы от возможности прочитать чужие мысли!
Наша-Тыр ударила копытом, щеки ее налились румянцем.
- Не могу не сказать, что и в нашем обществе подчас находятся люди, которые не могут справиться с подобным искушением, - сказала она и покраснела еще сильнее.
- Все-таки шепните мне на ушко, о чем я думаю, - попросил он. – Я никому не скажу. Пожалуйста! Должен ведь я убедиться в ваших телепатических способностях?
Он попытался сосредоточиться на свершившемся событии – долгожданной встрече с внеземным разумом, но у него, видимо, ничего не получилось.
- Если вы все время будете думать о моей груди, то я не смогу точно прочитать ваши мысли о свершившемся межзвездном контакте, - сказала она негромко, как-то очень по-домашнему. Пришла пора краснеть Саше.
Ну а потом начались встречи с дружелюбным межгалактическим населением, обмен научными достижениями, свершениями в области культуры. Саша читал им стихи

Пушкина, сонеты Шекспира в переводе Пастернака. Очень понравилась кентаврам «Москва кабацкая». Они странно аплодировали – руками и копытами – получалось очень громко, от всей души, или от всех копыт?

Действительно, кентавры оказались очень восприимчивым на стихи народом. И трудно было Саше поверить в то, что до его появления, здесь понятия не имели о поэзии. Вообще литературного творчества в этой части вселенной практически не было. Это объяснялось особенностями языка, в котором было двести семьдесят звонких гласных звуков и всего три согласных, и вообще самое короткое слово состояло из шестидесяти двух букв и обозначало «любовь». Но оно, выяснилось чуть позже, имело три тысячи восемьсот двадцать семантических оттенков. Так что, самое короткое стихотворение заняло бы пару толстенных томов. Само название этого невиданного языка было примерно такое: Чяби-Чаряби-Чаряби –Чабский. Поэтому, когда кентавры услышали стихи на лаконичных земных языках, то были просто очарованы, и практически мгновенно выучили английский, турецкий, русский и многие другие языки – для них это оказалось плевым делом. Правда, не очень были довольны этим радетели родного языка, и их можно было понять – они не без основания считали свой язык первым в галактике по напевности, по морфологическому богатству, семантической насыщенности, и последовательно выступали за развитие своего языка. Но земные языки было уже не удержать. Кентавры попутно одолели и некий олбанский язык, как утверждали они – сочный, выразительный, емкий, и что важно – универсальный, понятный широким слоям населения. «Это язык многонационального общения, - говорили они, и добавляли по олбански:

- Нравицца этот язык!

Саша и не знал, что в его мозгу гнездился и этот неведомый язык, а ведь именно в его голове кентавры черпали земные знания. В знак благодарности они познакомили его с некоторыми основополагающими законами вселенной – теорией искривленных полей, теорией парного казуизма, законом неадекватного реагирования, правилом перфоратора и многими другими. Кентавры с удовольствием растолковали ему и закон пространственной незыблемости, согласно которому путешествия во времени возможны, но напрасно волновались земные фантасты: изменить прошлое, а тем

более будущее – невозможно! Раздави хоть всех бабочек в палеозойском лесу, перестреляй всех динозавров в мезозойской эре, а результаты выборов в парламент не изменятся, сборная по хоккею опять пролетит, как фанера над Конотопом. Возьми револьвер, садись в простенькую машину времени и отправляйся разыскивать ефрейтора Шикльгрубера, но чем бы дело не кончилось, а придет время и смотри – загорелся Рейхстаг.

- Так что, ничего исправить невозможно, - ласково говорила ему Наша-Тыр. – Ни в прошлом, ни в будущем, которые, в общем-то, просто-напросто принимать во внимание не следует. Все свершается в едином настоящем времени, в нем и нужно свои теоремы решать, использовать на всю катушку то, что тебе в твоем времени дано, а не надеяться на будущее… Будущее обязательно осудит, для того оно и будущее, чтобы казаться лучше прошлого, а в прошлом – мы все там иногда бываем - только потухшие костры, холодные головешки, драные палатки; время – обманная штука, так и хочется сказать, что его нет вообще… А, может, и на самом деле нет? Как ты думаешь?

Он не сказал ничего, собираясь с мыслями. Она тоже помолчала с минуту, потом продолжила:

- И это правильно, да? А то напортачишь в своем мире и своем времени, нагадишь во всех углах, а потом через двадцать лет осознаешь, ужаснешься и кинешься исправлять пакости задним числом – шасть в прошлый век – одному там подножку дашь, на другого кирпич уронишь ненароком, третьего отправишь в круиз на «Титанике» - и вот уже совесть мучит меньше, и все, кто тебе руки двадцать лет не подавал, наперебой с тобой раскланиваются, и дети, какие нужно, родились, и мемуары правдивые написаны – и в них не то, что случилось двадцать лет назад, а что исправлено тобой вчера во время полета во время, которое прошло, но, как оказалось, в которое можно вернуться и отредактировать его.

- Так неужели в этом самом законе незыблемости нет никаких лазеек, а? – спросил он с душевной мукой: неужели все было попусту? Многолетняя подготовка, затраченные огромные средства – все коту под хвост? Их молодые жизни – туда же? Их любовь с Дашей – огонек спички, поглощенный огромным костром?.. – тоже зря? Выходит, что все было напрасно, и Даша, которую отделяют от него миллионы

парсеков, так никогда и не узнает, куда он подевался – затянула его трясина, или просто сбежал, поджал хвост, как заяц, - и скок, скок за кусты?

Наша-Тыр его успокоила:

- Да вот как раз нашлись среди наших ученых молодые дерзкие головы, которые утверждают, что прежняя доказательная база закона незыблемости не отвечает современным представлениям о строении мира, и что вполне возможно ограниченное взаимодействие разных временных пластов. Например, вы можете, побывав в завтрашнем дне, узнать биржевые котировки, но воспользоваться этими знаниями для обогащения не удастся – неправедно заработанные деньги будут рассыпаться в труху… Но есть, конечно, и здесь исключения.. Без исключений нет жизни…

Саша повеселел:

- Я почему-то всегда уверен, что на любой закон обязательно имеется анти-закон, иначе скучно. Не мог мир быть изначально задуман скучно? Для чего его тогда было задумывать? В нем полно загадок, но ровно столько же и отгадок…

- Да, - вспомнил он, - почему вы не отвечали на наши многочисленные сообщения? Вы их не получали?..

- Не все, не все… Но музыкальное послание нам очень пришлось по душе, «Валенки» даже стали хитом сезона, эту замечательную песню крутили по всем каналам, хотя наш народ не очень ясно представляет себе что такое валенки…

- Валенки вполне могли найти широкое применение на ваших стальных поверхностях, - сказал Саша. – Как вы тут себе ноги… копыта не сбиваете на этих стальных просторах?

Наша-Тыр погрустнела.

- Не от хорошей жизни все это… Поэтому мы не могли ответить на ваши послания… Наши стальные планеты – на самом переднем краю галактической обороны…

- Война? – спросил Саша.

- Не то, чтобы война, скорее – тысячелетняя битва за выживание… Наша галактика находится на самой границе с Непонятыми мирами, - начала свой рассказ Наша-Тыр. – Не первое тысячелетие пятимся мы под натиском космической эрозии. Эти силы загадочные и ужасные одновременно. Они колонизируют целые звездные скопления

– галактики и метагалактики, приводят их в соответствии с собственными представлениями о мироустройстве; надо сказать, что многое в этом представлении кажется даже привлекательным: строгая унификация прав и свобод, дисциплинирующее единообразие культуры, стандартные и неукоснительно соблюдающиеся наборы социальных благ, тысячелетиями неколебимые идеологические установки. Их города похожи друг на друга, как две капли воды: памятник Гениальному вождю галактики, триумфальная арка в честь Великих Побед, стадион для ликования народных масс в дни официальных праздников, прямые, как стрелы, улицы, огромные прямоугольные площади, на ровной брусчатке которых заметен каждый, даже самый маленький человек. Впрочем, маленьких там не бывает, все стандартного роста. В этих городах удобно жить, у них у всех одинаковые названия, все имеют один и тот же адрес, да и квартиры в домах одинаковы, с одинаковыми телевизором, телефоном, стиральной машиной; для удобства живущих все телефоны имеют один и тот же номер, поэтому, когда вы говорите, вас могут слушать все желающие и наоборот. Вы в принципе можете одновременно разговаривать со всеми. Скрыть там ничего нельзя. Да и что там скрывать – все у всех, как на ладони. Но зато все в этом сообществе имеют совершенно равные права и обязанности, поставлены в равные условия: Гениальный вождь Галактики, если у него разольется желчь, лежит в одной десятиместной больничной палате вместе с сантехником, комбайнером, пекарем и шестерыми гвардейцами из его личной охраны. Он вместе со всеми питается в общественных столовых, ездит на работу в переполненном трамвае, правда крыша этого трамвая укреплена специальной броней на случай, если планета подвергнется метеоритной атаке… Людям, утомленным перезрелой демократией, все это кажется привлекательным, но ровно до той поры, пока они не узнают, что обустроенные таким унифицированным образом галактики, затем планомерно уничтожаются агрессорами, причем все эти миры они взрывают вместе с собой. Только пепел, только безжизненные планеты, только черное безжизненное пространство остаются на месте некогда цветущих галактик. Уничтожение не может быть полным, если остается в живых тот, кто уничтожает, - считают в Непонятых мирах. – Полная гармония достижима только в полном ничто…
- Что, так никто и не может их понять? – перебил ее Саша.

- Я сказала бы так: никто не хочет понять… Тысячи научных работ, специальных исследований посвящены Непонятым мирам, но все они имеют общий изъян, или, если хотите, - достоинство – проблема в них рассматривается с точки зрения нашей, гуманоидной, логики, в них отстаивается наш миропорядок. Ученые заранее ставят перед собой задачу объяснить, почему же в Непонятых мирах все так чудовищно, почему все так неправильно, и как эффективнее бороться с этой вселенской эрозией. Никто не захотел или не сумел взглянуть на мир с изнанки, в самых смелых работах только обозначена необходимость всестороннего изучения врага. В результате эрозия распространяется, все новые и новые галактики попадают в зависимость к Непонятым мирам, из разных уголков вселенной приходят сообщения, что там постепенно верх берут сторонники унифицированного бытия…
- Так эти самые Непонятые миры – это цивилизация такая, сообщество цивилизаций – что это такое? Нельзя что ли, в конце-концов, их разбомбить, если они такие кровососы? – никак не мог понять Саша.
- Никто однозначно не ответит вам на вопрос – что же представляют собой Непонятые миры, на то они и непонятые. Они очень многообразны, как вообще многообразно зло, - Наша-Тыр старалась не походить на мудреца, снисходительно растолковывающего школяру аксиому. - Вы замечали, что зло превосходит добро в своих проявлениях; если добро это счастливая и немного наивная молодость мира, которая довольствуется самим фактом счастья и молодости, то зло – угрюмая зрелость, тонущая в бесчисленных мерзостях?.. Добро проще зла, оно объяснимее, многим кажется, что добро и логика едва ли не одно и то же. Добро, думаем иногда мы, заложено в самой нашей природе – не нужно особых усилий, чтобы оно восторжествовало – надо только не очень мешать ему.
Зло изобретательнее добра, оно всегда на поле битвы, оно в полной боевой готовности – и нередко побеждает… А разбомбить Непонятые миры невозможно, ведь там проживают многие миллиарды гуманоидов, виноватых только в том, что покорились злой воле. А кроме того, бомбить – это значит помогать Непонятым мирам, которые сами стремятся к полному уничтожению. Парадокс…
Эмиссары Непонятных миров рыщут по вселенной в поисках доверчивых планет, их локаторы, телескопы, сканеры денно и нощно ощупывают близкий и дальний космос,

они неустанно следят за Конфедерацией Демократии, в которую входит и наша галактика. Вот именно поэтому наши приграничные планеты нам приходится экранировать стальными листами. Получить сообщение из глубин космоса незаметно от врага вполне возможно, а вот отправить вам послание – все равно, что указать агрессорам адрес вашей молодой цивилизации. И тогда пиши пропало!

- Мы стоим начеку, - продолжила Наша-Тыр, - но в последнее время эмиссары Непонятых миров проникают на планеты через временные разломы, которые на некоторых планетах называют разломами судеб. Их становится все больше, потому, что растет число путешественников во времени, а каждое проникновение в будущее, а особенно прошлое, оставляет после себя такой разлом, долго заживающую рану в ткани времени. В таких местах скапливается много непознанной энергии, проникающей сюда из метагалактических глубин. Эта энергия приводит в движение такие силы, о которых до поры до времени мы даже не подозреваем… Через эти разломы проникают и разведчики Непонятых миров, начинают свою разрушительную деятельность. Они не брезгуют никакой, даже самой малой, пакостью… Они тайно поселяются в домах, чаще всего вблизи от временного разлома, стараются сделать так, чтобы на дома эти обрушивалось как можно больше разных бед, чтобы обитатели этих жилищ жили в постоянном предвкушении несчастий, чтобы жизнь их постепенно превращалась в земной ад. Начинаются, на первый взгляд, случайные происшествия: обрушиваются на то место, где вы минуту назад сидели, многопудовые книжные полки, до этого не одно десятилетие висевшие над диваном, и, казалось, укрепленные намертво стальными кронштейнами; приходит время стрельбы незаряженных ружей – даже ржавые, со спиленными курками они начинают палить во все стороны, и только чудом не попадают в сердца, а иногда попадают; выползают из-под земли на свет неразорвавшиеся бомбы, и оказывается, что они сто лет ждали своего часа под вашей колыбелькой; на поверхность дачной речки, куда вы жарким полднем отправляетесь смыть потную июльскую пыль, вдруг выныривают страшные, как демоны, рогатые морские мины; отравой становится простая и, казалось бы, целебная хлебная водка, которой лечились в вашей семье три поколения…

- Просто страшно становится от вашего рассказа, - сказал Саша, до конца не

уяснивший суть злодейства Непонятых миров. – Хорошо, что на нашей Земле нет пока такой мерзости.

- Думаю, что вы заблуждаетесь, - сухо сказала Наша-Тыр. – Ваш бросок через пространство и время открыл очередной временной разлом, и, наверняка, первый Ку-Эн-Зим (примерно так на земных языках можно называть разведчиков и диверсантов Непонятых миров) уже на Земле. Можете не сомневаться… Они никуда не торопятся, могут выжидать и вести свою подрывную деятельность на протяжении веков и даже тысячелетий. Они терпеливы…Тем более, что на вашей Земле только-только динозавры появились, ваш межгалактический бросок перенес вас в прошлое примерно на семь миллионов лет назад…

- Как хоть они выглядят? Ку-Эн-Зимы? – догадался спросить Саша.

- Мало кому удавалось видеть эти жуткие существа, но даже те, кому это доводилось, не могут точно описать их. Кто уверяет, что они состоят только из одних ушей, кто утверждает, что Ку-Эн-Зим - это огромный глаз, на одной когтистой и мощной лапе… Некоторые рассказывают о других гипертрофированных частях тела, даже о гигантских гениталиях. Ку-Эн-Зимы снабжены специальными детекторами, позволяющими им всегда находиться за вашей спиной. Как бы человек не старался рассмотреть этого злобного космического пришельца, сделать это невозможно – он неизменно опережает человеческий взгляд. Можно только иногда почувствовать ледяное его дыхание у себя за спиной…Ку-Эн-Зимы, впрочем, иногда могут принимать человеческое обличье. Когда им надо, они становятся даже очень привлекательными.

- Так вы говорите, что борьба с Непонятыми мирами идет не первое тысячелетие, и вы все время пятитесь под их натиском… Что же случится, если борьба эта все-таки будет проиграна?..

Наша-Тыр задумалась. Потом сказала грустно:

- Надежда наша только на то, что вселенная все-таки бесконечна…

- То есть, как бы зло не побеждало, места для добра все равно останется больше?.. Да?

- Примерно так… Но если мы принимаем модель расширяющейся вселенной, то она по определению должна быть конечна, иначе что же тогда и куда будет

расширяться?..
- Да, - сказал Саша удрученно, - пообщался с вами, как меду напился… Вот уж точно, что во многих знаниях многие печали.
- Не грусти, посланец далекой Земли, - принялась его утешать Наша-Тыр, - никто не может отнять у нас веру в гармонию – она обязательно восторжествует!..
- Нам в детдоме учитель по физкультуре рассказывал, что на Земле есть заповедная страна, где все люди счастливы, где справедливость, равноправие, честность… Мы, конечно, не верили, хохотали, а физрук уверял, что у каждого в жизни бывает возможность попасть на этот остров, нужно только не проморгать момент… Он тоже говорил про гармонию. Дескать, даже на фронте она есть, даже в бою… Но нам было смешно это слышать, а физрук грозил пальцем: «Многие из вас уже проглядели свою дорогу на остров счастья!..» Извините, но и ваши слова напоминают мне рассказы физрука, в которые он сам не верил…
- Гармония в бою…., - задумчиво повторила Наша-Тыр. – Остров счастья… Это точно не об наших стальных планетах… Знаний у нас много, а счастья… его не хватает, как и повсюду…
Еще три недели провел Саша в гостеприимной, но не очень счастливой галактике, из последних сил сдерживающей натиск Непонятных миров. Хозяева звезд и планет Конфедерации Демократии ознакомили гостя с памятниками и достопримечательностями галактики. Он удостоился чести побывать на взрыве сверхновой звезды, которую специально взорвали в честь редкого гостя – фейерверк получился грандиозный. И только в последний день своего пребывания в галактике, Саша узнал, что вокруг этой сверхновой вращалось двести сорок пять обитаемых планет, и все они сгорели в ядерном пламени взрыва.
- Как же так? – спросил он, расстроенный до слез. – Ведь там столько миллиардов людей проживало?..
Один из кентавров, мудрый На-Лим-Ты, объяснил ему:
- Во-первых звездная эта система попала под влияние Непонятых миров, и рано или поздно была бы уничтожена самими Ку-Эн-Зимами, а во-вторых каждую секунду во вселенной гибнет от катаклизмов, войн и просто глупости одиннадцать миллионов населенных разумными существами планет, - и нами было определено путем

непростых манипуляций со временем, что эта планетарная система прекратит свое существование именно из-за неосторожного обращения с оружием массового поражения… Мы взорвали звезду за секунду до этого печального события… Так что, мы только на мгновенье ускорили развязку.

- Вы просто-напросто убили их! – возмутился Саша. – Разве нельзя было предупредить, чтобы они не баловались с оружием в руках?..

- Не горячись! – сказал мудрый На-Лим-Ты. – Ты ведь уже знаешь, что невозможно, ну, почти невозможно ничего исправить во времени: в будущем произойдет только то, что произойдет…

- Мне их жалко, - сказал Саша.

Кентавры попросили его подробнее рассказать об этом чувстве.

- Вы не испытываете жалости, - сказал им отважный земной космонавт, - так чего ж вы жалуетесь, что вам счастья не хватает? А счастья без жалости не бывает…

Кентавры ничего ему не ответили, а он подумал: а все-таки с разумными ли существами довелось ему встретиться в этой далекой галактике?

- Не огорчайся, - успокоил его кентавр На-Лим-Ты, - когда ты за одно мгновенье перенесешься на свою планету, здесь по теории относительности пройдут миллионы лет, и на месте взорванной сверхновой расцветет новая цивилизация, цивилизованнее прежней.

Ему еще показали Поющую звезду, которая вот уже восемьсот миллионов лет поет одну и ту же, неизвестную кентаврам, песню «Аршин мал алан, брожу по горам…», Туманность влюбленных Ку-Эн-Зимов, где как раз никогда не было разведчиков Непонятых миров, а названа так туманность для того, чтобы лишний раз подразнить врага, полюбовался Саша и на Красные карликовые звезды, которых в спичечном коробке умещалось около двухсот, - в общем, ничего не скрыл от него противоречивый, но, в общем-то, по-своему добрый народ кентавров. Перед самым Сашиным броском в родную галактику хозяева устроили многолюдные проводы. Несметное количество кентавров собралось на огромной площади, а Саша и руководители галактики разместились на гигантской террасе, подвешенной на прозрачных тросах. Говорили речи, поднимали тосты, для чего из созвездия Водолея завезли звездолетами миллион литров сидра, миллион литров сухого вина и две

бутылки портвейна Talass – для любителей. Саша выпил портвейна, он был знатоком, и вдруг вспомнил считалочку, что так поразила его однажды в лабиринтах старых дворов Уральска:

Кони-кони, кони-кони,
Мы сидели на балконе
Чай пили, воду пили,
По-турецки говорили:
Чяби, чяряби
Чяряби, чяби-чяби.

«Вот он, неистребимый фольклор, который останется в веках, - подумал Саша. – Вот что, наверняка, будут на протяжении всей своей жизни помнить люди! «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал: многие души могучие славных героев низринул...» - будут помнить в библиотечных склепах, а считалки будут жить до той поры, пока не переведутся сами игры… А разве «игра» и «жизнь» - не синонимы?.. Разве не произносим мы часто в конце жизни – «Игра закончена»?.. Финита…

Саша поблагодарил гостеприимных кентавров, и тут пришло время отправляться на Землю.

Вспышка. Темнота. Небытие.

Небытие…

Вспышка…

Глава одиннадцатая: точка, где все возможно

Катилася торба
С великого горба.
В этой торбе
Хлеб, рожь, овес, пшеница.
С кем ты хочешь поделиться?
Говори поскорей,
Не задерживай добрых людей!

Бочарову сегодня повезло. Библиотека решила избавиться от очередной залежи никчемных книжек, и ему удалось затащить на свой чердак несколько пачек, удивляясь про себя, как быстро книги становятся ненужными. Еще вчера, кажется, без цитат из вот этих книжек в несгибаемых коленкоровых переплетах, не обходились даже на свадьбах, а сегодня коленкоровая броня уже не может их защитить от самой страшной судьбы, которая может выпасть книгам, – быть сданными в макулатуру. «Вообще-то, это можно считать книжной реинкарнацией, - размышлял Бочаров, - из этих книжек, возможно, будет сделан хороший упаковочный картон, который принесет немало пользы людям, а после следующей переделки он опять станет бумагой, на которой будут отпечатаны произведения Гомера, Джойса, Иванова, - и так вечно будет совершаться этот книговорот? В результате произойдет почти естественный

отбор, и останутся жить только шедевры?..»

В одной из пачек, добытых в этот раз, он обратил внимание на почти новую книжку, но с оторванными обложками, без многих страниц, как будто какой-то книгоненавистник пытался разодрать ее в клочья когтистыми лапами, а книга отчаянно сопротивлялась ему. Вчитался, и удивился: все в этой книге было о Лизавете, которая жила с бабушкой в квартире на третьем этаже дома Мизиновых. С тех пор, как в авиакатастрофе погибли родители Лизаветы, бабушка стала немного странной, всех предупреждает о разломах судьбы, говорит о том, что нельзя вслух говорить о желаемом, потому, что за спиной всегда незримо присутствует тот, кто постарается, чтобы это желаемое никогда не сбылось…

Бочаров слышал, что Лизавета, прикованная болезнью к инвалидной коляске, уехала, куда глаза глядят, оставила бабушку одну… Ну, не совсем одну… С ней остался старый домовой, да кактус… Был еще кенар, но тот умер в одно осеннее утро, от горя, наверное.

И вот уже книжку кто-то успел об этом сочинить. Похоже, что это знаменитый писатель Иванов… Он ведь написал целое собрание сочинений о людях этого квартала, этих дворов. И откуда только он узнал о Лизавете, ее отчаянье, ее побеге? Вечно эти писатели ковыряются в чужих жизнях, просто с головой готовы в них окунуться!.. А все-таки интересно, что он там накропал? Ну вот, на первой же не разодранной странице говорящий кактус:

«Мои предки, благородные мексиканские кактусы - Opuntia compressa – попали в эти места триста миллионов лет назад, когда не было еще ни Америк, ни Африк, а был единый огромный материк, а вокруг него плескался праокеан, горячий, как неостывший компот, - начал он. - В глубинах океана и недрах земли водились ужасные твари – плавающие, летающие, прыгающие, изрыгающие пламя – они истребляли друг друга, все живое вокруг себя. Особую неприязнь и одновременно любовь (как-никак, деликатесы) у них вызывали почему-то кактусы, их дальние, в общем-то, родственники. Эта ненависть возникла, возможно, из-за их независимого характера, неуживчивости, непомерной гордыни за свою древнюю историю. Кактусы на протяжении тысячелетий защищались колючками, шипами, но со временем это становилось все труднее и труднее. Динозавры ступили на путь эволюции,

изощреннее стали их методы уничтожения кактусов. Подумать только, миллионы моих предков стали жертвами необузданного аппетита этих кровожадных монстров!.. Динозавры даже создали фермы по выращиванию кактусов!.. Вспоминаешь, и колючки встают дыбом, как на грядках – в рабстве и обреченности – выращивались бесправные, немощные, но гордые духом кактусы!.. Первая цивилизация динозавров продержалась десять тысяч лет, пока не пала под напором мощной культуры шмелей, которая издевалась над Землей тридцать тысяч лет, пока ее не сменила жестокая цивилизация снежных людей, обладавших свойством оставлять вокруг себя ледяную пустыню, - и вот под напором лютых холодов мои предки стали отступать на север, обретая все более прочную броню, разящие колючки, развивая интеллектуальную мощь нации… Вторая и третья цивилизации динозавров были быстротечными – по восемь тысяч лет; эти хозяева Земли были лояльны по отношению к моим предкам, но любви друг к другу мы все-таки никогда не испытывали… Ну, четвертая цивилизация ящеров – это уже новое время, когда они понадеялись, что смогут существовать на этой планете бок о бок с человеком, поверили в это… В итоге они превратились в изгоев – драконов, многие из них стали ручными, как домашние собаки, стремительно стали терять самобытность, национальную идентификацию, да что там – им грозит полная деградация… А мы, кактусы, развивались иначе, полагаясь и на прихоть эволюции, и на полученные за тысячелетия знания… Любовь к размышлениям, природная неспешность давала свои, не всегда заметные стороннему взгляду, преимущества. Нам удалось выжить, совместив и революционный и эволюционный опыты развития…»

Бочаров огорчился, что на этом месте вырваны две страницы, и продолжил читать:

« В последние два столетия моим предкам и мне пришлось выполнять различные государственные миссии, нередко деликатного свойства, и мне прочили блестящее будущее на дипломатическом даже поприще. К тому времени, когда я впервые увидел Лизавету, я уже находился на подоконнике столичной квартиры консула одного серьезного государства, и вот-вот мы должны были переехать в Париж… Но судьба распорядилась иначе: в гости к консулу пришли родители Лизаветы и привели дочь с собой. Ей было тогда года три, и две смешные косички, отдаленно похожие на кактусовые колючки, украшали ее голову. Взрослые принялись произносить слова,

улыбаться, пить вино из неудобных бокалов, а Лизавета стала бродить по консульской квартире, рассматривать статуэтки, фотографии в рамочках – и статуэтки, и фотографии были пожелтевшими, жизнь их покинула давно.
…И тут Лизавета заметила меня. Мне не забыть это мгновение! Как будто не взглядом коснулась она меня, а отметила невидимой волшебной палочкой. Я полюбил ее в ту самую минуту, вернее, я любил ее всегда - мне сейчас это только открылось. Не знаю, почему, не ведаю - зачем произошло это со мной: она только посмотрела на меня, и я вспомнил, что навеки принадлежу ей, буду служить только ей, стану боготворить только ее.
Она подошла к окну, легко прикоснулась к моей пылающей любовью голове, произнесла:
- Какой красивый! Похож на зеленого ежика, но не колючий совсем…
Я подумал тогда: «Хочу, чтобы меня подарили ей!!!». И так сильно я этого захотел, что консул на самом деле подарил очаровательной девочке горшок с кактусом, не без сожаления.
И я поселился в ее комнате. Это было самое счастливое время в моей жизни. Она часто разговаривала со мной, обычно по утрам, когда ей приходилось есть кашу или даже яичницу. Она сетовала: «Вот тебе не нужно поглощать эту противную манку, как я тебе завидую! Наверное, чудесно жить на подоконнике, ты первым встречаешь солнце…». Она рано научилась грамоте и стала читать мне вслух всякие замечательные книжки; я только беспокоился, что чтение ее совершенно бессистемно – жуткая мешанина из сказок, женских романов, героических приключений с самого детства поселилась в ее голове. А когда стала подрастать, туда добавились Монтень, Ларошфуко, Ницше, Федоров с его «Философией общего дела» - все, что попадалось на глаза у друзей, одноклассников, в скудных городских библиотеках…
В ее комнате жил и старый домовой, когда-то слывший хорошим собеседником, не злой, немало повидавший на веку, и вот он и смутил мою душу.
- Я понимаю, что она значит для тебя, - говорил он мне. – Стоит ей войти, как ты преображаешься, ты готов превратиться ради нее в бессмысленную розу, тепличный гладиолус, засахаренную гвоздику… Она приходит – ты живешь, она за дверь – ты

умираешь…

Что я мог сказать ему?

- Ей уже почти пятнадцать лет, она взрослеет на глазах, - продолжал он. - Через пару лет закончит школу и уедет за тридевять земель – в университет, замуж – куда угодно… Уедет и оставит тебя на этом подоконнике, может, только польет на прощание – нет, не слезами, не надейся…

Я молчал, но сердце мое разрывалось.

- Я могу тебе помочь! – сказал он как-то. – Если это можно назвать помощью, а не погибелью… Дорога, которую могу тебе предложить – не для сомневающихся… И только в одну сторону…

- Говори! – закричал я. – Говори, я на все пойду, чтобы не оставаться на подоконнике…

- Все очень просто, - сказал домовой. – Для того, чтобы не остаться на подоконнике, нужно перестать быть кактусом…

Поначалу я оскорбился. Он предлагает мне отречься от древнейшей культуры кактусов! Как он смеет?..

…А спустя день разбился вертолет, и у Лизаветы не стало ни матери, ни отца. Как казнился домовой, что не смог уберечь дорогую семью, как тяжело вздыхал он в своем кресле, как всхлипывал по ночам, что разговор этот как бы сам собой завершился тогда. Но не забылся…

Уже не помню, когда в доме появился кенар, желтый, как тоска. Помню только, что за всю свою жизнь он не нащелкал ни единой радостной, бодрой ноты. Он пел о любви, разлуке, горестях, но Лизавета его любила, и мы с домовым тоже старались его не обижать… Но он умер… Что-то тяжелое, мрачное было в воздухе несчастного лизаветина дома…

Тогда Лизавета уехала… Нажала на кнопку кресла, оно выкатилось из квартиры, из дома… И девочка пропала. Где она?.. Жива ли?..

Я не сразу осознал, что произошло. И только когда навзрыд зарыдала бабушка, когда принялась звонить в милицию-полицию, даже в бюро находок и пожарное депо, даже на таможню и пограничные заставы, я осознал, что ее больше нет в этом доме, и, может быть, она никогда не вернется сюда. И тогда я вспомнил наш разговор с

домовым.
- Помнишь? – сказал я ему. – О кактусах и некактусах?..
- Конечно, - сказал он. – Ближайшие родственники опунций – динозавры, это прекрасно известно. Не буду пускаться в долгие объяснения, скажу только, что могу превратить тебя в одного из них… Это называется несколько иначе, но сложный научный термин тебе ни к чему, а суть такова, что ты станешь динозавром – велоцираптором… Это хищник с огромными когтями, безжалостный и кровожадный… Кактусом снова ты никогда стать не сможешь…
Не скажу, что это прозвучало для меня совершенно неожиданно; что-то такое я предполагал. Домовые – большие мастера на подобные штуки. Но, когда я представил себе, что придется на всю жизнь влезть в чужую шкуру, то отчаянье охватило меня. Но я справился с ним. Любовь сильнее отчаянья, и ради нее можно стать велоцираптором.
- Я согласен! – мое решение было непоколебимым. Обретя ноги, я смогу разыскать Лизавету, а, получив ужасную силу и устрашающие когти, я буду защищать ее от всех врагов.
Не простым оказалось мое превращение в динозавра, только в сказках все разрешается мгновенно – поцеловал ее, а она возьми и проснись, откусил от молодильного яблочка, и черные кудри поперли там, где лысина незапятнанная сияла, пустил стрелу в болото, а там царевна уже дожидается, - в жизни чудеса свершаются трудно. Домовой укутал меня каким-то коконом, в котором я пребывал без движения две недели. Хорошо, что кактусам не привыкать к такому положению. Я размышлял о любви и чувствовал, как накапливается энергия будущего движения, наливаются мощью еще отсутствующие мышцы, готовы высекать искры стальные когти.
Наконец, кокон опал, и я увидел себя в зеркало. Нет, не зря боялись велоцираптора семидесятитонные травоядные ящеры. Малиновым злобным огнем пылали мои глаза, пасть была усыпана устрашающими зубами, все трехметровое тело было создано для агрессии. Атака и победа – такова была суть этого существа. И, знаете, внезапно оно мне понравилось. Сила была на его стороне, казалось, что и правда тоже… Я сделал шаг, и задрожала земля под ногами, откашлялся – и пронесся

могучий рык. И внезапно ко мне пришел небывалый аппетит; я еще не знал, что теперь постоянно мне придется бороться с ужасающим голодом, смирять себя, сжимать в кулак волю, а по ночам мне будет сниться охота на огромных пожирателей растений, трусливых диплодоков, бронтозавров и стегозавров.

- Хорош, нечего сказать! – напутствовал меня домовой, и добавил фразу, суть которой я понял не сразу:

- А я остаюсь здесь… Заходи, если понадоблюсь…Но вряд ли понадоблюсь…

И я отправился в путь.

Даже представить себе я не мог, как страшно динозаврам на земле. Опасности поджидали меня буквально на каждом шагу. Не успел я выйти из дома, как на меня налетела злобная дворничиха:

- Шляются тут панки всякие, весь лифт похабщиной разрисовали!..

- Я и рисовать-то не умею, - попробовал оправдаться я, но она раскричалась еще сильнее:

- Конечно, не умеешь! Если бы умел, то не в лифте бы мазней занимался, а в Эрмитаже на стенке висел бы…

- Вы ошибаетесь, - переубеждал я ее. Но она была неумолима:

- Ты посмотри на себя, урод уродом! Взяли моду башку красить, как бабы! Да ты на Змея-Горыныча похож, точно… Змей вылитый! Сейчас милицию вызову, лучше убирайся отсюда!..

- Так я ничего плохого не сделал, я девушку одну ищу!..

Она накрепко вцепилась в мою руку:

- Ага! Девушку он ищет! Представляю ту девушку, которая с тобой пойдет!.. Сейчас милицию вызову!..

Так хотелось разорвать ее в клочья, но боевого опыта у меня не было никакого, да и не хотелось с этого начинать поиски Лизаветы. Я дождался момента, когда женщина немного ослабила хватку, вырвался и пустился наутек.

- Помогите! Убивают! – закричала она мне вслед. Хорошо, что сейчас на этот крик люди почти не реагируют, и мне удалось благополучно скрыться.

Я оказался среди огромных металлических ящиков, заполненных всякой всячиной. В этой всячине копались мужчины и женщины.

- Эй, ты! – окликнула меня одна из женщин.
- Вы меня? – спросил я.
- Кого же еще, чучело! – сказала она. – Ты ведь из помойки второго жилгородка?.. Забыл, что сегодня понедельник – лучший день недели?.. Мусорные баки полны, как закрома родины, а вчера еще и праздник всенародный был – не помню какой… Тут такого навыбрасовали!.. А Кулема, придурок, свалил отсюда. Можешь вставать с этого края, заодно и мне поможешь коробку вытащить…
- Конечно, помогу, - сказал я, - но вставать с этого края мне не нужно, я девушку ищу – Лизавету… Не видели, на кресле-каталке с моторчиком…электрическим?
- Попадаются в мусоре и девушки, - сказала женщина, - но пока без моторчика.
И представилась:
- Я – Ксения… Она отбросила с глаз рыжую прядку, поправила на голове серый кашемировый платок, стала знакомить с другими бездомными:
- Глеб!.. Лидия! А это Петр – Пятый… Мусором стал промышлять еще его прадед… А это Сидор Павлович, это Паша, Глаша и Саша… Вон тот самый высокий – Гулливер – имя самое настоящее, так назвали его родители, теперь они живут в Англии…
Так я познакомился с помойными людьми, самобытным народом обитающими у мусорных баков, на свалках, около продуктовых складов, на заброшенных стройках, у руин старых заводов. Я узнал, что помойные люди делятся на несколько кланов; мои новые знакомцы называли себя бичами. БИЧ – бывший интеллигентный человек. Бичи отличаются миролюбием, высоким уровнем знаний, тягой к устройству хоть какого-то жилья. Хотя далеко не каждому из них удается заполучить кров над головой. Они довольно коммуникабельны, спустя некоторое время я узнал, что у них издаются несколько газет, литературный журнал, регулярно выходят в эфир передачи телевизионной станции «Freedoom» - бичи очень просили не путать с «Freedom».
- Все-таки подсоби с коробкой, - попросила Ксения. - Чего-то тяжелое выбросили, буржуины…
Я с готовностью помог привлекательной женщине, но даже вдвоем мы не без труда выволокли из бака большую картонную коробку. Открыли ее, а в ней груда книг в солидных коленкоровых обложках, тисненными золотом именами авторов этих трудов: Сталин, Ленин, Маркс, Энгельс…

- Книжки-то совсем, не читанные! Просто новехенькие! – обрадовалась Ксения. – Букинисты за них хорошие денежки могут дать…

Она взяла в руки один том:

- Даже страницы не разрезанные… Вот это да! А год издания пятьдесят второй!.. Это же раритет! Нет, не случайно мне сегодня приснились молочные сосиски!..

У Ксении была небольшая тачка, мы погрузили книги в нее и отправились в букинистический магазин. По дороге я рассказал ей о Лизавете, о том, что должен разыскать девушку.

- Сам-то ты кем ей приходишься? – спросила Ксения.

Я отшутился:

- Кактусом…»

На этом месте в книге не хватало еще нескольких страниц, а на оставшихся Бочаров с трудом разобрал, что кактус, превратившийся в динозавра, тоже отправился на поиски Лизаветы. Купил, не без труда, ведь к динозаврам в нашем обществе отношение прохладное, билет в поезд дальнего следования, и уехал в шесть сорок пять утра, а всю ночь перед отъездом бродил по старому городу, который прежде открывался ему только с подоконника, а нынче все его вековые дома, лабиринты переулков, западни дворов словно придвинулись к нему.

В одном из дворов у векового дровяного сарая он увидел странную группу мужиков. Собственно, ничего особенного в них не было, люди, как люди. Только один был совершенно фиолетовый - и уши, и щеки, и шея были фиолетовыми, и даже ногти на руках, и даже дырявые носки на ногах, и даже ноги, заметные в дыры носков, были цвета спелой свеклы. Другой вообще не имел примет - ни одной, даже самой неприметной - ни родинки, ни бородавки, ни заметного косолапия, ни густых седых волос из ноздрей. Он был похож на всех людей на свете и одновременно не похож ни на кого, даже на самого себя. Кожа на лице третьего мужика была заскорузлой, как на пятках человека, всю жизнь ходившего босым. Да что там кожа - он весь был заскорузлым - и одежда, и обувь, и даже походка у него была такая.

- Не знаете, самолет уже улетел? - спросили мужики у динозавра.

- А что, здесь аэропорт? - ответил он вопросом.

- Нет, не аэропорт и даже не полевой аэродром, - ответил тот, который без примет, -

но самолеты иногда здесь случаются, ведь вам должно быть известно, что именно здесь находится один из крупнейших в мире разломов времени...
Динозавр вспомнил, что самолет однажды здесь был, но в каком году, да и в этом ли веке?
- Пролетал как-то самолет, - сказал он. - Но давно это было... Да и самолет совсем крошечный...
- Вот - вот, небольшой, - сказал заскорузлый мужик. - Значит, улетел... Придется на поезде ехать...
И мужики отправились на вокзал, и тоже купили билеты на поезд дальнего следования. И все они оказались в одном купе.
И последний обрывок из безымянной книги: «И потянулась за вагонными окнами февральская холодная равнина, мокрая и желтая, и бесконечная. И показалось, что поезд ходит по кругу, все время возвращаясь к одному и тому же месту, и ничего не менялось за окном - то буксовал у самых рельсов в вязкой желтой глине обшарпанный грузовик, то проплывало мимо понурое степное дерево - и опять буксовал грузовик…»
«А ведь они, герои книжки, сами не зная об этом, отправились по той же дороге, по которой укатила Лизавета, - подумал Бочаров, откладывая в сторону несчастный, без стольких важных страниц, томик, - может быть, на поиски заповедной земли? Что с ними было в пути, какие приключения они пережили, с кем знакомились, кому помогали, каких бед избежали, - обо всем этом, наверное, можно было бы прочитать в книге, но кто-то изуродовал ее непоправимо.
Бочаров заглянул в выходные данные книги: "Тираж - 1 экз." Наверное, это опечатка, - подумал он, - скорее всего сто тысяч, в крайнем случае - десять тысяч... Но, впрочем, нынче такое время, что и одного экземпляра может оказаться вполне достаточно. Читателей-то все меньше, преобладают писатели…
Бочаров огляделся. Рыжая жесть кровли никогда не казалась ему пустыней, здесь обитало несколько неприметных народов, поговорить всегда было с кем, но с тех пор как улетел Игнат, пространство крыш как будто стеснилось, сузилось, какая-то неведомая тревога поселилась в этих жестяных и черепичных краях. Бочаров сам для себя назвал это «тревогой ожидания». Но что могли ожидать эти просторы, он

этого, конечно, не знал.

На крыше хорошо летом, ранней осенью, но лучше всего - зимой. Почти не беспокоят пожарники, менты панически боятся скользкой, заледенелой кровли, а настоянные на поддельном портвейне невежественные служители жилищных кооперативов осмеливаются только выглядывать из темных амбразур чердаков; в прошлом году в соседнем квартале один долго летел с четырнадцатого этажа, дрыгал ногами, что-то орал; ему бы расправить крылья, задохнуться счастьем полета, пронзить взглядом воздушное пространство и найти далеко внизу пятачок для приземления, например, на опутанной бельевыми веревками площадке, где замерзают на ветру и обретают недостающую им в жизни форму трусы и лифчики, - и уже к шестому – пятому - четвертому этажу к нему стало приходить нечто похожее на понимание основного закона воздушных стихий (не летая, летать не научишься), и он даже попытался поймать ледяной восходящий поток, который тащил в зенит сотни тонн тяжелого асфальтового воздуха (что там восемьдесят килограмм портвейнового ужаса?), и уже руки его завибрировали, как элероны, и уже наполнились удивлением голубые глаза, но время - с четырнадцатого этажа до первого - отводится до обидного мало, и он врезался в натянутую брезентовую крышу пивного заведения, которое по случаю зимы было закрыто, и декабрь спас ему жизнь, ведь соверши он это пике летом, когда жаждущие припадают тут к кружкам, как к сосцам, - не уйти ему от сурового возмездия. А так он отделался переломами всех конечностей, полудюжины ребер, и время от времени приходил на костылях к запорошенной снегом пивной палатке и стоял понуро у места своей предполагаемой гибели, глядя на пробоину в брезентовой кровле, очертания которой походили на силуэт парящего орла.

Зимой черепичный, жестяной, рубероидный мир кажется необъятным. Эти пространства и в самом деле мало изучены, хотя летом легко обмануться, уверовав в конечность крыш, ведь горизонты этой вселенной лежат в разных уровнях. Скажем, люди пятьдесят третьего года облюбовали себе двухскатные крыши тяжелых, из красного кирпича, с гипсовой облупившейся и рассыпающейся лепниной четырех и пятиэтажных домов. У них свои горизонты, закрываемые многочисленными печными трубами. В дома давно провели водяное отопление, а трубы остались, как напоминание о никуда не двигающемся времени. На эти крыши не суются даже

гебешники, особенно они. У них могло бы обнаружиться много знакомых.
Некоторые из людей пятьдесят третьего года тоже интересовались книгами, но многие из них сами писали – читать им было некогда. Когда они с марта пятьдесят третьего стали заселять эти, урчащие голубями просторы, то многие из них приносили с собой письменные принадлежности, и скрипели перьями у чердачных окошек, но большинство из них со временем оставили свое занятие – то ли чернила кончились, то ли они, наконец, поняли, что литература умерла. Но некоторые так и пишут, о чем?.. Бочарову не доводилось читать эти опусы.
Попадались здесь и люди тридцатых годов, и даже двадцатых, правда, редко. Они обитали на крышах старинных, замшелых домов, еще сохранивших непонятные вензеля своих хозяев, нашедших свое последнее пристанище под чужим небом.
Много было более поздних людей – шестидесятых годов, семидесятых… Очень много – начала нового века…
Многие люди шестидесятых годов тоже писали, даже издавали журнал вполне либерального направления, печатали исповедальные романы, лирические стихи с легким упреком незадавшейся судьбе. Впрочем, среди них были состоявшиеся люди. Один держал большую теплицу, где выращивал огромные, кривые, как сабли, огурцы и мясистые, жирные, как сердца алкоголиков, помидоры. Другой сочинял детективные романы и печатал их внизу под псевдонимом, причем выбрал себе женское имя. Под этим псевдонимом он прославился, получал большие гонорары, и хотя связи с «нижними» людьми всегда опасны, он умел избегать неприятностей, наверное, отстегивал кому-то немало…
«Вообще, потаенных народов вокруг множество, только приглядеться надо, - думал Бочаров. - На легальных-то правах людей живет много меньше, чем прячутся по подпольям, чердакам, подворотням, кочегаркам. И много от них пользы бывает».
Кстати, именно шестидесятник из теплицы едва ли не первым в городе открыл, что на крыше появился чужак. Однажды он задержался в теплице - то ли урожай случился хороший, и пришлось остаться на внеурочную работу, то ли его помощница – Лидия, красавица, затейница – невзначай показала ему ножку выше колена; теперь уже не упомнишь, какие обстоятельства привели к тому, что он остался в теплице. Важно, что он остался, да не один.

Вечер был солнечный, яркие закатные лучи преломлялись в тысячах стекол, они с Лидией оказались как бы внутри гигантского калейдоскопа на пересечении оранжевых стрел, среди блуждающих бликов. Они отражались одновременно во всех мыслимых ракурсах. Он обнимал ее, она обнимала его, но вдруг вздрогнула всем телом, шепнула еле слышно:

- Смотри!

И он увидел, что в бесчисленных стеклах отражается еще кто-то, присутствующий здесь, но всегда умудряющийся быть невидимым. Жуткое создание находилось у них за спинами – гигантский глаз на одной огромной крючковатой лапе, кажется пятипалой. А еще этот глаз имел большое ухо, несколько носов, похожих на хоботы. Создание тут же поняло, что обнаружено, издало нечто среднее между смехом и кашлем, и стало неспешно двигаться к выходу из теплицы. Шестидесятник, человек отчаянной храбрости, схватил лежавший недалече черенок от лопаты и бросился на чудовище. Но оно легко прибавило скорости и исчезло из поля зрения. Но не надолго. Лидия опять обнаружила его отражение в одном из стекол.

- Он за спиной у тебя! – закричала она шестидесятнику. – Врежь ему!

Шестидесятник наотмашь врезал, и вот что удивительно – бил почти наугад, а попал точно по хоботу. Чудовище заорало чудовищным голосом, и исчезло из теплицы.

- Что это было? – спросил шестидесятник. – Уж не гебистская ли придумка? Какой-нибудь подслушивающий и подглядывающий робот, биокристаллический сексот?

- Кем бы он не был, - сказала задумчиво Лидия, - но по морде он схлопотал…

И она сделала глубокомысленный вывод:

- Значит, и чудовищ можно бить. Значит, и им, врагам человеческим, бывает больно… Не только мы страдаем.

А шестидесятник подумал о другом: «Повадится теперь на крыши этот глазастый – не к добру это, точно не к добру!.. Надо или когти рвать отсюда, закрывать, продавать теплицу, или лучше сразу сдаться?..»

Однажды тетя Маруся особенно настойчиво звала Бочарова есть кашу, и он, как не тянул время, все-таки вынужден был спуститься с крыши, хотя в этот день ему попалась особенно интересная книга – «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

Как и предполагал Бочаров, это была со стороны тети Маруси только уловка, каши не было и в помине. Рядом с ней стояла бабушка с третьего этажа Мизиновского дома, сухонькая, маленькая, в чем-то темном - не разберешь в чем, в общем, одни глаза из-под кашемирового – тоже темного – платка смотрят. Бочаров знал бабушку, это ее внучка Лизавета укатила на своем электрическом кресле-каталке куда глаза глядят – не выдержала отчаянья, не смирилась с потерями, не справилась с тоской. По ее следам двинулся целый отряд шерлоков холмсов, а с ними, само собой, верные докторы ватсоны, но прошла уйма-уймища времени, а девочку эту никто не нашел… «Хотя, - думал Бочаров, - кое-кто знает, где она, ведь там, где Лизавета проезжает, наверняка есть люди, причем, всякие люди, даже такие, которые задают всякие ненужные вопросы и любят, чтобы на них отвечали. И как Лизавета умудряется избегать ненужных вопросов? И тем более ответов на них?..»

- Меня зовут Ксения Павловна, - сказала черная бабушка.

- А я Бочаров! – сказал Бочаров.

- Очень приятно! - сказала она. – Я много о вас слышала – от Марии… Марии…

- Называйте меня просто тетей Марусей, - подсказала ей тетя Маруся.

- Конечно, конечно, - согласилась бабушка, но так и не решилась назвать тетю Марусю тетей Марусей. – Я собственно хотела вас спросить…, не доводилось ли вам в последнее время видеть на крышах и чердаках что-то необычное?

- Тут много необычного, - осторожно ответил Бочаров. – Собственно, здесь все необычно. А что вы имеете в виду?..

Черная старушка перешла на шепот:

- О разломе судеб вы, конечно, знаете?..

- Я слышал, что кто-то говорил о каком-то разломе.

- Назвать можно как угодно, - еще тише сказала она. – Давайте будем обозначать это веретеном времени, пространственным переходом…

- Вы любите фантастику? – не удержался и спросил Бочаров.

- Фантастика – это то, что придумывают писатели – про космонавтов, пришельцев, войны миров? – переспросила Ксения Павловна.

- Примерно да.

- А ведь придумать ничего нельзя, - сказала с печалью в голосе черная бабушка. –

Бедные писатели, бедные… Большинство из них не знают, что самая смелая их фантазия, самая небывалая небылица – только отражение того, что было, есть на самом деле, или будет через миллион лет, и в наших головах, как в ячейках памяти, хранится все, что было от сотворения мира и что будет в самом конце. Поэтому, богатая фантазия – это всего-навсего хорошая память. Так что, фантастику я, наверное, люблю… которая – жизнь…

- Я только читатель, - сказал Бочаров.

- Похвально! – сказала бабушка. – Вы можете проводить меня к этому самому разлому?..

- Так никакого разлома нет, - сказал Бочаров. – На этих крышах, в этих дворах много чего разбитого, прохудившегося, погнутого и заржавевшего… А вот этого, про которое вы говорите, я не видел…

Он, конечно, врал. Но почему он должен проводить к этому самому разлому подозрительную старуху, от которой даже внучка сбежала? Да, может быть, это и не разлом никакой? Да, скорее всего.

- А чудовище с одной единственной, но страшно когтистой лапой здесь показывалось? – перевела она разговор на другое, но в сущности это было одно и то же, и они оба понимали это.

- Такое глазастое? – на всякий случай уточнил Бочаров.

- Я сказала бы – одноглазое. И дыхание у него ледяное…

Бочаров не стал врать:

- Сам я не видел его, но люди местные встречались с этим прыгающим одиноким глазом. Кое-кто даже подраться с ним успел…

- От него, думаю я, все мои беды!.. Все наши беды…, – тяжело вздохнула Ксения Павловна.

- Вредит, собака?

- Еще как вредит! Думаю у него задача такая, чтобы вредить всем.

- И кто такую задачу перед ним поставил? – спросил Бочаров. – Фашисты?..

- Да мало ли врагов у человека! Он, человек-то, и сам пограничное создание, одна половина его принадлежит злу, вторая – добру. И борются в нем во всякое время и в любом месте эти два начала. То первое побеждает, то второе, качаются, как на

качелях… Так и живет большинство народа в зыбком равновесии, и требуется совсем небольшой толчок, чтобы это равновесие нарушить – в ту или иную сторону. И порою для этого нужно всего-навсего что-то шепнуть в нужное ушко, подкинуть записочку, щелкнуть фотоаппаратом, опоздать на минутку, посоветовать выбрать именно этот корабль, подсунуть шоколадку… Этот глаз с когтями и ушами, сдается мне, послан именно для нарушения этого баланса… Но он и просто убивать горазд, для него это любимое развлечение.

Она помолчала, словно собираясь с духом, и Бочаров ожидал, что она продолжит свой страшный рассказ. Но она сказала коротко:

- Этот всевидящий глаз попал на Землю должно быть через разлом судеб и времен…

Бочаров решился, и сказал:

- Здесь недалеко… Идите за мной…

И повел ее к Мизиновскому дому, где в зарослях акаций виднелось давно заколоченное досками, а поверх досок - для верности - листьями жести, второе крыльцо, вход в здание со двора. Похоже, что во дворе когда-то был сад и обитатели дома летними вечерами выходили через это крыльцо в сад, а потом возвращались назад, и, пройдя через широкий проход, поднимались по широкой мраморной лестнице. Один пролет этой лестницы на первом этаже давно обрушился, так что, подняться на второй или третий этаж, или еще выше – к чердаку - не было никакой возможности. Во всяком случае, так казалось. Несколько листов жестяной кровли на чердаке теперь были задраны ветром, через эти дыры в кровле осенью на чердак ветром натаскивало охапки желтых листьев, и чердак становился похожим на заброшенный сеновал. А как-то весной сквозь лежалые листья пробился березовый росток, и как только он, любящий лес и волю, смог прижиться на старом чердаке?.. За лето росток окреп, потянулся зелеными листочками к разодранной ветром крыше, а на другую весну листочки выбрались наружу… В конце-концов – под березовым напором или от старости и неухоженности - обрушилась и часть чердачного перекрытия, завалила бревнами, кирпичом и мусором лестницу. Но если изловчиться, то можно было забраться на пролет второго этажа, и тогда взгляду открывались уцелевшие пролеты лестницы, как будто ведущие в никуда – в самое небо – через обломки алебастровой лепнины, через гремящие куски ржавой жести,

через трухлявые доски, утыканные ржавыми гвоздями. Забравшийся по этому аварийному пути, мог попасть все на ту же крышу типографии, вплотную примыкающую к Мизиновскому дому. Как-то Бочаров поднялся на крышу именно этим путем, было это в сентябре, когда на пыльных, еще совсем летних, листочках акаций только угадывалась желтизна, даже еще не желтизна, а скорее скука длинных осенних вечеров, октябрьское одиночество. Бочаров любил это переломное время, в этой поре было много ожидания, но это не было обычным ожиданием смены времен года, или предвкушением грядущих холодов – ничего конкретного он не ждал, его волновала сама возможность каких-то перемен. Он всегда опасался их, и всегда ждал.

Он забрался на крышу, огляделся: все здесь было, как обычно – ржавчина, ветер, пара котов, охотящихся за голубями. Еще куски рубероида. Еще моток проволоки. Еще деревянная лестничка, которую затащил сюда Игнат. Но было здесь что-то еще, чего он пока не видел, но чувствовал, что вот сейчас увидит – через минуту, через секунду… И увидел.

Бочаров посмотрел вниз – внутрь лестничного провала, взглядом проник через открытую тогда дверь заброшенного подъезда - и обомлел: там внизу – и это отчетливо было видно - цвели акации - яркими желтыми цветочками были усыпаны ветви, свежей весенней зеленью сияли листья, только что бывшие пыльными и скучными. Бочаров закрыл глаза, тряхнул головой в полной уверенности, что видение растворится в сентябрьской прохладе, но когда открыл глаза, то акации по-прежнему цвели. Он догадался посмотреть вниз не через провал, а с самого края крыши: акации у Мизиновского дома были осенние, пыльные, как и положено в сентябре. Он вернулся к провалу, заглянул: внизу был май, цветочки акаций соревновались с такими же желтыми бабочками, на тех и других сердито гудели пчелы, и казалось, что все они сейчас поднимутся и улетят в далекое далеко, откуда, наверное, и прилетели.

Бочаров попытался слезть вниз через провал, но едва он ступил на самую верхнюю ступеньку уцелевшего лестничного пролета, как раздался устрашающий треск, надломилось одно из бревен перекрытия и угрожающе стало сползать в провал. Посыпалась штукатурка, обломки дранки, все заволокло пылью – Бочаров отступил.

Он слез вниз по приставной деревянной лестнице, оставленной Игнатом, и подошел к заброшенному второму входу, с опаской взглянул на старые акации – никаких цветов и в помине. Может, это и есть тот самый разлом времени?..

Больше он никогда не пытался подниматься через этот провал, помня о нависшем сверху бревне, но несколько раз заглядывал туда сверху, с крыши. Но к тому времени дверь заколотили, и цветущих в сентябре акаций было не разглядеть.

- Я думаю, что это здесь, - подвел он Ксению Павловну к полуразрушенному подъезду. – А, может, я ошибаюсь…

В этот миг где-то за их спинами прозвучала странная усмешка – короткий недобрый хохоток, хриплый, как скрип старой табуретки. Ксения Павловна оглянулась, но, конечно, никого не увидела, махнула рукой.

- Никак не могу привыкнуть, что он всегда за спиной, этот лупоглазый, - сказала она огорченно. – Но погоди, вражина!..

Она погрозила кулаком куда-то себе за спину.

- Хрюкает, значит, ему что-то не нравится, - заключила она, - а наша задача - как раз и делать все ему поперек…

Она подошла вплотную к заколоченной двери, взялась за ручку, потянула на себя, и дверь подалась. Медленно и бесшумно, как дверца сейфа, она стала открывать пространство старого подъезда.

- Надо только захотеть сильно, и все, что может открыться - откроется, - сказала Ксения Павловна.

Дверь распахнулась, и они, пройдя пять шагов, увидели сияющую белизной мраморную лестницу, ступеньки которой были покрыты мягким ворсистым ковром; в вазонах цветы склоняли бутоны, словно приглашая гостей, чудилось, что сейчас подаст голос важный, как барин, швейцар.

- Ни фига себе! – сказал Бочаров. – Здесь же еще минуту назад все было разрушено!.. И пролет вот этот лестничный разбит, и вазоны расколочены вдребезги, как после революционного штурма, и все засыпано мусором, досками и бревнами…

Тут подала голос тетя Маруся:

- При Мизиновых так здесь и было!.. Порядок, чистота! Моя мать, царство ей небесное, рассказывала, что видела здесь даже Лидию Стахеевну… На этих

ступеньках. Не девушка была – чайка белокрылая. А потом все прахом пошло.
- О ком ты? – спросил Бочаров тетю Марусю.
- Жили раньше люди, - неопределенно ответила она. – А теперь одно название, что жизнь, а скоро, небось, и это название отменят…
- О чем ты, мама? – переспросил Бочаров, но та только рукой махнула.
- Попробуем подняться по этой лестнице? – предложила Ксения Павловна. – Но, чует мое сердце, Лизавета здесь не проезжала… Хотя все тут, в этом мире ржавых крыш, сообщающихся, как смежные сосуды, дворов, связано друг с другом, запутано в один клубок, и с какого конца ни начни его распутывать – запутаешь еще больше. Так все непросто устроено, что о приготовленных к мартовским идам ножах можно было заранее узнать в сапожной будке, а солнце Аустерлица взошло за пару веков до сражения… И так всегда - все ответы не обязательно находятся в непосредственной близости от вопросов. Даже наоборот. Поэтому, чем неуместнее вопрос, тем неожиданнее может быть ответ.
Ксения Павловна осторожно ступила на первую ступеньку, затем на вторую, третью. Бочаров не решился последовать за ней, он помнил о надломившемся бревне чердачного перекрытия, и хотя лестница сейчас выглядела совершенно надежной, он не доверял ее несокрушимости.
Ксения Павловна тоже остановилась – дух перевести.
И тут опять подала голос тетя Маруся:
- Здесь нельзя пройти, - сказала она. – Здесь закрыто…давно…
- Почему же нельзя? – спросила Ксения Павловна и сделала еще один шаг. И снова остановилась.
- Нельзя, и все тут! – стояла на своем тетя Маруся. – Если закрыто, то, как пройдешь? Никак…
- Но ведь я не так давно здесь даже на крышу поднимался, - вспомнил Бочаров.
- Мало ли что было не так давно, - упрямилась тетя Маруся. – Дверь может быть распахнутой настежь, а может быть закрытой на замок, так и здесь…
Ксения Павловна сделала еще шаг, но видно было, что дался он ей с большим трудом, будто она несла в руках огромные и тяжелые чемоданы.
- Какая-то тяжесть навалилась, - пожаловалась она. – Просто с места стронуться не

дает.
- Не может быть! – не поверил Бочаров, и решительно направился вверх по мраморным ступеням. Но сумел преодолеть три ступени, и как будто уперся в невидимую стену.
- Как будто магнит какой-то отталкивает, - сказал он, попытался сделать еще шаг, но ничего не вышло, он даже не сумел подняться до ступеньки, на которой остановилась Ксения Павловна.
- В общем, я и не думала, что разлом открыт всегда и для каждого, - сказала она. – Он не для зевак, не для случайных прохожих, не для докуки…
- А для кого, для чего? – спросил Бочаров, спускаясь вниз и опасливо поглядывая наверх – не видать там того, давнишнего бревна?
- Не знаю, - сказала Ксения Павловна. – И, может быть, никогда не узнаю… Даже скорее всего – не узнаю. Разлом есть, и этого знания о нем мне вполне достаточно. Разве мы все обо всем знаем?.. О вселенной, о смысле жизни, о самих себе?.. Может быть, разлом это - клапан между галактиками, да что там – бери выше – между параллельными вселенными, уравновешивающий давление в бесчисленных мирах? А вдруг это лифт из одного сознания в другое?.. А если это проход из никуда в ничего, из ночи в полночь, из тьмы во мрак? Или это точка, где все возможно? Буквально все?.. А что, мне нравится это определение. Согласитесь, что оно звучит интереснее, чем «разлом судеб, разлом времени»?.. Точка, где все возможно...
Какой-то неясный звук раздался сверху, с лестничной площадки на третьем этаже. Они подняли головы и увидели, что с самого верха на них смотрит человек в странном одеянии. На нем были надеты какие-то заплатанные портки, серая рубаха из грубого полотна, потерявшие цвет и форму, разбитые башмаки. Он стоял у кадки с чайной розой, которая додумалась цвести в сентябре. Он неуверенно поднял руку и помахал ею Бочарову и его спутницам, - и исчез. То ли солнечные лучи переломились по-другому, то ли ветер сильнее подул, то ли пронзили пространство над домом невидимые, но очень мощные лучи, - пропала кадка с цветущей розой, пропал ворсистый ковер, пропал человек…
Точка, где все возможно…

Глава двеннадцатая: Бессонница чужого века

Шалуны — балуны,
Выбегайте — во дворы,
Становитесь-ка — играть,
Воеводу — выбирать.
Воевода — из народа,
Выходи — из хоровода.
А ты — добрый молодец,
Становись — в самый конец!

Вспышка. Темнота. Небытие.
Небытие…
Вспышка…
Вечерний ветерок, прилетевший с Бухарской стороны, сорвал с огромного черного тополя листок, едва начавший желтеть, и листок, медленно кружа, поплыл к далекой земле, уже присыпанной сентябрьским богатством. И уже готов был он упасть на едва заметную тропинку, как опалила его ослепительная вспышка, и он оказался на плече у совершенно голого человека. Человека этого мгновенье назад не было здесь.
- Вот и дома! – подумал Саша. – Дома ли?
Он огляделся: огромный осокорь, у подножья которого он стоял, показался ему знакомым, светлый лес тоже как будто не был чужим, а уж недалекая речка, с деревянными мостками у берега, и подавно выглядела родной. Он подошел к речке поближе, вон и удочка лежит, и ведерко для рыбы, и даже кажется, что плещутся в нем красноперые окуни и медные караси.
- Неужели, дома?..
Он осторожно двинулся по тропинке, как будто тоже знакомой. Сейчас за зарослями шиповника направо, потом прямо до родника, а затем еще направо – и будет

груздевая полянка… Нет полянки?.. Нет?

В двух шагах от Саши послышался звонкий девичий голос, не Даша ли?

- Каквас! Каквас ко мне! – девушка кого-то звала, наверное, собаку. Вспомнив, что он голый, Саша едва успел спрятаться за кусты.

Девушка была быстрая, верткая, с трудом стояла на месте, казалось, ей нужно было вращаться вместе с земным шаром. Эх, молодость, молодость! Девушка была смуглая, чернобровая, тонкая и гибкая, как бывают гибкими все девушки ее возраста, и гибкость ее только подчеркивал длиннющий зеленый сарафан, обшитый снизу доверху галуном. Диковинный ее наряд дополняла блузка с широченными рукавами.

- Вот вырядилась! – подумал Саша, заметив, что девушка ко всему прочему и босая. «Ну, вот – собрались голые и босые», - пришло ему в голову.

В эту секунду из леса пулей вылетел огромный пес, лохматый, рыжий, суматошный, как все дворняги. Он подлетел к девушке, и только сейчас стало заметно, что и девушка ярко рыжая. Пес принялся радостно лаять, наверное, целую минуту с хозяйкой не виделся, а Саша замер – сейчас, сейчас он будет обнаружен, и таким ли добрым тогда будет пес, каким он кажется издалека? Саша не стал проверять это, закричал через кусты:

- Девушка, девушка, не пугайтесь!..

- Кто тут, кто? – все равно испугалась она. – Выходи, если добрый человек!

- Человек-то я добрый, - крикнул Саша. – Но так получилось, что я голый. Поэтому, если вам не трудно, не подходите пока ко мне.

- Каквас! – вспомнила она про собаку.

Пес тотчас ринулся в атаку, остановился в метре от Саши, оскалил огромные желтоватые клыки, зарычал.

- Убери собаку! – закричал Саша. – Не вор я, не злодей…

Наверное, в голосе Саши прозвучало такой отчаянье, что наряженная в сарафан отозвала пса:

- Каквас ко мне!

Тот нехотя повиновался.

И тут она заглянула за кусты, вскрикнула:

- Ой! Взаправду без шароварьев, даже без исподников! Бесстыжий!..

- Обворовали меня, - придумал Саша, - когда я купался… Я бросился за ними, да их трое было, один как жахнет дрыном по голове, я и упал… ничего не помню.
- В сентябре купался? Ильин день, чай, давно прошел, – удивилась она. – Эко разомлел! Дак жары никакой не видно… Или не сам чебултыхнулся, а подмогли люди?..
- У меня кровь горячая, - решил он пошутить. Но девушка его юмора не приняла.
- Устряпался, однако, ты, - сказала она. – Но, видать, не балясник… Чего делать-то с тобой? Братьев шумнуть? Дак они тебе могут ребра намять…
- Этого не надо! – проникновенно попросил Саша.
Девушка в сарафане поразмышляла с минуту, решилась на что-то:
- Жди меня здесь, я счас…
И умчалась. Каквас за ней, задрав хвост трубой.
- Смелая девка, - подумал Саша, и тут же спохватился: не спросил у нее, какой год на дворе? Может, никакого смещения времени не произошло, и Даша все глаза проглядела, дожидаясь его? А девка с Каквасом – ряженая, из местного фольклорного ансамбля?.. Он вздохнул и стал ждать ряженую.
Уже начало темнеть, когда она прибежала. Кинула ему за кусты сверток с какой-то одежкой. В свертке оказались нечто наподобие широченных штанов и рубаха без пуговиц, с какими-то тесемками.
- Все стиранное, не бойсь! Тут надысь музланы нанимались жать, а как расчет им вышел – на радостях и одежу забыли, загуляли, - сказала она. - А обувки не нашлось, не взыщи… Да, чать, и босой до дома добежишь?..
- Может, и добегу, - неопределенно сказал он.
- Ты откудова будешь? – спросила она. – Не казачьих, видать, кровей? По говору чую – пришлый ты… Не рассейский, случаем?
- Местный я, давно здесь жил, очень давно, - сказал он.
- Не упомню я тебя, - засомневалась девушка. – А я в нашем краю всех знаю – и тех, кто давно жил, и тех, кто недавно… У нас, однако, все давно живут, ох давно… Брешешь ты чегой-то.
Пес, почуяв строгость в ее голосе, на всякий случай зарычал.
- Каквас, не бреши попусту! – одернула она его, и продолжила свои изыскания:

- А кто совсем давно живут – те старики, а ты, какой же старик – совсем есчо молодик! Вижу, брехать ты горазд, как сивый мерин!.. Но меня не обджалганишь, я с виду только простячка…

- Само собой не простячка, - сказал Саша, понимая, что на дворе явно не тот век, в котором осталась Даша. – А если ты такая ученая, то скажи, какой ныне год?

- Год-то? – переспросила она. – От сотворения мира?..

Задумалась, что-то стала подсчитывать на пальцах. Повторила:

- Какой ныне год, спрашиваешь?.. А зачем тебе?

- Любопытно.

- Старики бают, что семь тысяч триста тридцать третий, - наконец, вспомнила она.

- Ты от Адама считаешь? Сколько же будет по-нашему?..

- По-вашему не знаю, а от Рождества Христова – одна тысяча восемьсот тридцать третий…

Саша приуныл: оборвалась последняя ниточка надежды. Даша родится почти через полтора века…Вот и все…Нужно только найти способ передать в двадцать первый век ценную информацию, полученную им на границе двух враждующих миров. Но как ее передать?.. Не пошлешь же письмо с пометкой: «Вручить в 2010 году».

- Так, какой, говоришь, год? – спросил он у чернобровой.

- Ты глухой?

- Тысяча восемьсот тридцать третий?..

- Он самый…

Отчаянная идея, вдруг, родилась у Саши. Впрочем, не такая уж и отчаянная. Даже вовсе не отчаянная. Нормальная. Очень остроумная.

- Число-то сегодня какое? – шагнул он к девушке. Она отпрянула от него. Хоть теперь чужак в штанах, но ухо надо держать с ним востро.

- Надысь Успение Пресвятой Богородицы прошло… Второе… кажись…

- Сентября?..

- Не генваря же…

- Значит, еще почти двадцать дней у меня в распоряжении? – сам у себя спросил он.

И уточнил у девушки:

- А это точно Уральск?

- Ты не умом, случайно, решился? Не Петербурх ведь…
- Слушай, - решил он, что без помощи чернобровой ему не обойтись, - хочу рассказать тебе одну занимательную историю…
Девушка насторожилась. Видимо, не так часто рассказывали ей такие истории.
- Сказиньки баешь?
- Да не сказиньки, а чистую правду! - рассердился Саша. И вспомнил, что даже не спросил, как ее зовут:
- Кличут-то тебя как?
- Эка! На имя, на отчество величать будешь?
- Буду!
- Какой, однако, великатный… Только нам это ни к чему. А кличут меня Нюркой… Анюткой…
- Так вот, Анютка, для начала хочу спросить тебя: слышала ли ты хоть что-нибудь об Александре Сергеевиче Пушкине?
- Пышкине?.. Не из коловертновских ли он будет? Или из мергеневских?
- О Пушкине, о Пушкине! – поправил ее Саша. – Поэт знаменитый российский такой есть…
- Как будто баяли о нем… Не помню… Так об этом твоя сказинька? Не больно антиресная…
- Слушай дальше, - перебил ее Саша. – Этот пиит столичный двадцать первого сентября приедет в Уральск, остановится у Покатилова… войскового атамана Василия Осиповича Покатилова, генерала…
- Он, сказывают, не енерал ешшо…
- Скоро будет генералом, попомни мои слова.
- Откудыва все знаешь? И про пиита этого, и про атамана, и про енерала?.. Нет, шумну я братьев!..
- Анюта! – придал он голосу строгости. – Ну что ты все одно заладила: шумну, да шумну! Тебе первой и достанется! Лясы точишь здесь со мною уже целый час, штаны с рубахой притащила - одела меня, можно сказать, с ног до головы по последней моде, в общем, потеряла бдительность! Братья зададут тебе!
- Прям испужалась индаль дрожу! Пуганы мы перепуганы…

- Ну, если не испужалась, то имей терпение дослушать меня до конца. Мне до зарезу нужно увидеться с Пушкиным, когда он приедет, передать ему одну бумагу… Там очень важное известие… Для всех людей нужное…
- Не заметила я чтой-то у тебя никакой бумаги…
- Так ее еще написать надо, бумагу-то, - признался он, - и здесь я рассчитываю на твою помощь… Потому, что, если честно сказать, у меня на всем свете нет ни одного человека знакомого… Нет у меня ни двора, ни кола… Один я… А тут еще ограбили… В общем, податься мне некуда. Да, по голове меня сильно ударили – не помню ничего… Совсем ничегошеньки! Выручай, станишница!..
Он быстро взглянул на Анюту – возымели хоть какое-нибудь действие его слова? Действительно, в более отчаянном положении ему бывать еще не приходилось: без одежды, без крыши, без средств к существованию, без всякой поддержки. Долго ли продержится такой в первой трети девятнадцатого века в казачьем краю? А ему ведь не просто прятаться надо…
«Все здесь серьезнее, чем мы предполагали во время подготовки к межгалактическому броску, - размышлял он, - неразрешимой проблемой могут стать даже простые сапоги… На дворе осень, босым болтаться по девятнадцатому веку и подозрительно, и холодно уже. Тем более, невозможно без подходящей одежды выполнить все задуманное. Попробуй, подойди босым к важному барину – к самому Пушкину, гостю из столиц. Сапоги здесь - немалая ценность. Заработать на них я вряд ли смогу, тут все мои познания и умения ничего не стоят. Конечно, можно попытаться организовать курсы компьютерной грамотности и разбогатеть, объясняя казакам кто такие чайники и чем они отличаются от ламеров. Даже, если я украду сапоги, то разве учили меня наворачивать портянки, или как они тут называются?.. А вообще, план мой очень неплох. Передать Александру Сергеевичу текст послания грядущим поколениям. Надо так написать так, чтобы он заинтересовался… Но даже, если не заинтересуется, то текст этот наверняка будет обнаружен в бумагах поэта после его гибели… Эх, предупредить бы его еще насчет сволочи этой – Дантеса… Может, попробовать?»
Он вспомнил о том, как Наша-Тыр втолковывала ему миллион лет назад, или миллион лет вперед, или просто сегодня, в общем, совсем недавно, закон

пространственной незыблемости, согласно которому изменить хоть что-то в будущем и прошлом невозможно – хоть разбейся, хоть лопни, хоть из крупнокалиберного пулемета в Дантеса стреляй – с его головы даже волоска не упадет, но все-таки Саша так и не решил для себя – попытаться рассказать Пушкину об этом хлыще, или не вмешиваться в ход истории? Он подумал, что хотя бы намекнуть на опасность не будет лишним. Александр Сергеевич наверняка все поймет, как-никак, а гений!

- Ну что скажешь, чернобровая? – спросил он.

Она на минуту задумалась, потом махнула рукой:

- Ладно, айда со мной! Небось, не всю жизню в кустах собираешься сидеть? Будешь покамест в базу, а там видно будет.

- А как же братья? – спросил он.

- В Серебрякове они, дни три там пробудут… Айда!

Она решительно направилась по едва заметной в наступившей темноте тропинке, за ней тронулся Каквас, последним пошел Саша. Идти пришлось недолго, минут через пятнадцать показался темный куб дома – бревенчатый, с большим огороженным двором.

Виднелись еще какие-то строения, погруженные в темноту. Чувствовалось – по звукам ли, по особой ли теплоте, исходящей от этих темных строений, или еще по чему-то иному – Саша не мог этого понять – все здесь наполнено жизнью. Лошади, быки, коровы, птица, другая живность – заполняли эти помещения, прятались за высокими плетнями, но не от них только исходил этот дух жизни, может быть, от самой этой земли, обжитой, прирученной? Саше внезапно стало спокойно, уютно.

Анюта распахнула невысокую дверь:

- Здесь баз у нас. Ночуй тута. Матри только, не пракудничай! Не балывай! У меня, если чо, топор под рукой. Огонь не зажигай, месяц вон вышел – все видать…

И на самом деле, откуда-то из-за облака выплыла луна, как будто по команде Анюты, высветила близкий лес, улицу, глядящую окнами на лес, и Саша узнал это место.

- Случайно, там не остров Буян? – показал рукой он в сторону невидного сейчас Чагана. – А улица эта – не Буянная ли?

Анюта строго взглянула на него.

- А говоришь, по калгану тебя треснули? – сказала она с улыбкой. – А он, калган-то,

пока варит у тебя… Щас еды принесу…
Она вышла и тут же вернулась с провизией.
Саша сидел, как громом пораженный. Дом на Буянной, неподалеку от острова Буяна! Ведь именно на этом месте через полтора века будет стоять другой – каменный дом, и в нем предстоит (предстоит?) поселиться им с Дашей! В голове мелькнуло: а, вдруг, Анюта доводится Даше какой-нибудь пра-пра-пра?.. Он подумал, что нужно как-нибудь тактично поинтересоваться анютиной фамилией, хотя за полтора века много фамилий утекло…
- Молока выпей с калачом, оголодал, небось? – сказала Анюта, придвинула к нему большую кружку, хлеб. – Журму не варила сегодня…
- Спасибо! – сказал Саша, невольно восхищаясь ею: не побоялась привести в дом совершенно незнакомого типа, подозрительного, без одежды, без дома – без всего! И в двадцать первом веке немного бы отыскалось таких, а тут ведь девятнадцатый…
- Мне понадобится листок бумаги, чернила, перо попытаюсь сам сделать, гуси-то, небось, у вас есть?
- Как не бывать, - не без гордости сказала она, - когда первый к избе подходит, последний еще в речке плавает – вот сколько их! А вот с чернилой даже нязнай как получится, я ведь не писариска. В церкве чернила эта самая есть. А можбыть, во врачебнице раздобуду…там чегой-то пишут, в книги заносят… Наши-то не ходят туды, для болезней столетник имеется. В крайности – бабка Василиса хворь, как рукой, снимет - она заговорщица добрая.
- Спасибо! – еще раз поблагодарил ее Саша.
- Ну ладно, укладывайся, поздно уже, - сказала она. – Перин для тебя не запасли, не обессудь, а махров тут полно, от музланов осталось… И подстелить есть чего, и укрыться тоже найдешь…
И она улетела. Точно, ветер. За ней верный Каквас.
Долго не спал в эту ночь Саша. Казачий дом был наполнен звуками. То раздавались прямо в головах чьи-то тяжелые шаги, слышались вздохи, а то и негромкий неспешный разговор, в котором, как ни старайся, ни одного слова не разобрать, как будто кто-то о чем-то печалился, переживал – может, беспокоились души давних обитателей дома, может, сердились на чужого человека?

Время от времени начинали скрипеть половицы, хотя Саша разглядел, что пол в помещении земляной, а едва успокаивались невидимые половицы, как начиналась таинственная возня в углах: казалось даже, что кто-то тоненько смеется взахлеб, а, может, и рыдает взахлеб – не поймешь. А потом как будто ледяным холодом потянуло откуда-то – кажись, из щели, а, может, коснулось его чье-то морозное дыхание? Саша понял: в чужом веке и бессонница чужая.

Но ближе к утру все-таки уснул, и тут же приснилась ему Анюта. Ну, надо же, давно не виделись! И она строго сказала ему во сне:

- Всию тайность твою я расповедала, знаю откудова ты, музлан, кошомно брюхо, мочальны кишки. Ты – из ниоткудова. Там, в ваших краях и люди ниоткудышние, и жизнь, как ржава – одно жалезо кругом, чугун и огнь забористый. Не живете, а маетесь, в журму толченый мел добавляете, землю всю варом залили, законопатили – запеклась земля, как губы в горячку, не вздохнуть ей, ни выдохнуть. Ходят там по вашим следам диковинные звери, глазастые, смрадные… Но тянет тебя на эти чугунные поля, на отравленные реки, к тем, кто забыл, как пахнет скошенная трава, кто никогда не видел, как в июле с радуги к ногам скатывается золотое антоновское яблочко, кто кровавые зори принимает за рассветы, кто, если бы мог, не родился бы никогда… Но помогу тебе, потому, что жалко… Просыпайся, чего…..

И Саша проснулся. Баз был залит светом, в небольшое окно заглядывало огромное румяное солнце. Саша огляделся: у окна стояло нечто похожее на верстак, рядом с ним плотницкие инструменты – пила, молотки, долота… «Пригодится! – подумал Саша и удивился самому себе: для чего ему может пригодиться этот инструмент?» Дверь с треском отворилась и в баз ворвалась Анюта, видимо, медленно ходить она еще не научилась.

- Ну вот, солнышко выглянуло, - сказала она, - я уж коров подоила, а ты все дрыхнешь. Счас дойду до врачебницы, чать придумаю чего-нить, чтоб чернилы этой самой тебе раздобыть… А ты поешь пока, - и она выложила на верстак помидоры, огурцы, поставила чашку с каким-то варевом – тыквенником, как узнал он позже.

- Однако, влипаю я с тобой в подозрительную историю, ох как влипаю, - покачала она головой, но Саша понял – по озорным огонечкам в ее глазах, по всей ее нетерпеливости, быстроте решений и действий, по молодой смелости, закипающей в

ее казачьей крови, даже по рассыпанным на ее щеках веснушкам, – что такой, как она, влипнуть в подозрительную историю не страшно, и даже хочется влипнуть в нее.

Принеслась Анюта, кажись, не прошло и получаса, протянула ему несколько листов сероватой бумаги и бутылочку темного стекла, на дне которой плескалась почти черная жидкость.

- В аптеке сказывали, что эта чернила самая наилучшая, старинная, орешковая, заграничная, - похвасталась она своей удачей. - Взяла шкалик, если не хватит, то можно водой ее разбавить. Дорогущая, зараза!.. А бумага писчая, простая, ты уж не обессудь!..

И она широко улыбнулась, довольная собой: вот какая она, расторопная, срушная, а уж умница – не высказать!

- Перьев тоже не забыла, - протянула она ему целый пучок. – Баяли, что из левого крыла перья-то лучше, для руки изгиб у них подходящий. Так я левых и набрала…

- А ты грамоте учена? – спросил он у нее, невольно подстраиваясь под ее манеру говорить.

- А как же!.. Чернилой не писала, врать не буду, а на аспидной доске доводилось. И Писание читаю, и Псалтырь…

- Ну что ж, возьмемся за письмо и мы, - бодро сказал Саша, однако он чувствовал, что не все так гладко бывает с письмами в девятнадцатом веке. И он не ошибся.

Едва не целый день он потратил на очинку перьев: Саша вспомнил, что перо на самом кончике должно иметь ращеп, а само перо должно быть специальным образом обрезано, чтобы получилось нечто вроде желобка. Так вот, с этим ращепом ничего не выходило. Вернее, если выходило с ращепом, то ничего не получалось с желобком, и наоборот.

- Дай-ка сюда пшак, горе луково, - вмешалась Анюта, и двумя - тремя движениями ножа сделала все, что нужно.

Но пришлось испортить два листа бумаги, прежде, чем стали выходить слова, которые он сам с грехом пополам стал понимать. Анюта сокрушалась зазряшнему переводу бумаги, приговаривала:

- Нашему Ивану нигде нет талану: к обедне идет – обедня итойдет, домой придет –

пообедали.
Перо в руках Саши скрипело, наверное, как тележное колесо, во все стороны летели чернильные брызги, да так, что не только попадали на бумагу, но и на щеки, нос, лоб сочинителя.
Наконец, он взялся за само письмо. Как же обратиться к поэту? Камер-юнкеру двора, холеному барину, баловню великолепных женщин?
«Милостивый государь!» – написал Саша и его как-то покоробили оба слова – «милостивый», да еще «государь». Милостивый к кому – к Саше, заброшенному через века? Просто, безотносительно милостивый, как черта характера? В двадцать первом веке, если послание дойдет, немало найдется зубоскалов над этим «милостивым государем». Но, в самом деле, не напишешь ведь «Привет, Саша!» Но он добавил для надежности, чтобы потомкам понятнее было, кому адресовано было послание: «Александр Сергеевич!»
Анюта через его плечо внимательно следила за тем, какие строчки появляются на бумаге: «Прошу пожертвовать мне всего одну или две минуты вашего драгоценного для русской литературы времени!..»
- Подобострастно сверх меры, - пробормотал Саша, - тем более, что он сам написал, что «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботах суетного света он малодушно погружен; молчит его святая лира…». Вот именно, «меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Так что, его чуткого слуха не будем касаться божественным глаголом…
Но он ничего не стал исправлять, а продолжил: «Моя история, господин Пушкин, покажется Вам невероятной, даже более того, я рискую предстать перед вами сумасшедшим…»
- Не надо было про сумасшедшего, - произнес Саша, но опять ничего не стал исправлять – слишком тяжело давалось каждое слово, выведенное гусиным пером, отчаянно скрипевшим, рассыпавшим веером мелкие чернильные брызги.
«Пушкин точно решит, что я круглый двоечник, - подумал он, но успокоил себя: «что ж, мы царскосельских лицеев не оканчивали».
И он продолжил: «Я родился в конце двадцатого века, да-да, я не ошибся – я человек из будущего. Пожалуйста, не откладывайте со скукой этот листок в сторону!..»

«Вот чем я смогу его убедить, - догадался он и написал: «Согласитесь, что если я прибыл из будущего, то легко меня проверить, спросив о том, что произойдет с вами завтра, через неделю, через год... Начну с событий нынешнего, 1833 года, уже произошедших, но до провинции вполне возможно не дошедших: в двадцатых числах марта в издательстве Смирдина вышел в свет роман в стихах «Евгений Онегин», событие небывалое и величайшее в русской словесности. Скажете, что это многим уже известно, но я назову вам даже сумму полученного гонорара — 1200 рублей. В июле у Вас родился сын, назвали Сашей... А теперь о том, что еще только должно произойти: Вы не планировали ехать в Уральск, собрались нежданно для самого себя, а я вас уже здесь поджидаю с этой бумагой. Согласитесь, что это по меньшей мере странно? Пойдем дальше: в Уральске вы пробудете два с половиной дня, покинете город 23 сентября, по пути в Болдино заедете к братьям Языковым, которые все трое – вот удача! - окажутся дома. В Болдино приедете 1 октября, а уже 14 закончите «Сказку о Золотой рыбке», что даст повод нашим литературоведом в будущем говорить о том, что сказка эта навеяна в том числе и впечатлениями от поездки в Уральск, где местный народ величает Урал не иначе, чем речкой с «золоченым донышком…», - Саша изо всех сил напрягал память. Вот когда пригодились знания, запасаемые впрок в школе космонавтов.

«А еще в четыре дня будет написан «Анджело», удастся закончить «Историю Пугачевского бунта», а также написать «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях»… И, наконец, в конце октября будут написаны вступление, первая и вторая части "Медного всадника"… Мне даже известно содержание вашего письма из Оренбурга Наталье Николаевне от 19 сентября, то, где Вы пишете: «Я здесь со вчерашнего дня. Насилу доехал, дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к Яицким казакам, пробуду у них дни три — и отправлюсь в деревню через Саратов и Пензу…». Там же вы жалуетесь на своего человека – это Гаврила, верно? – который пьет Вашу мадеру и закусывает Вашими же холодными дорожными рябчиками… Разве Вам не хочется спросить, откуда я все это знаю?

Саша прервался, взглянул на Анюту. Она смотрела на него почти с благоговением.

- Ты тоже, небось, сочинитель, - сказала она. – Как это у тебя ловко выходит, словечко к словечку складываешь, настоящий письменник…

И вдруг какая-то неясная тревога отразилась на ее лице, она не стала скрывать этой тревоги:
- Однако, такие люди на дороге не валяются… А ты валялся… Ох, нечисто тут, ох, нечисто… Откудова ты все-таки, откудова?.. Скажешь, али нет?..
- Погоди с новым допросом, - попросил он ее, - вот допишу письмо и попытаюсь тебе все объяснить. Попытка – не пытка, может, и поверишь мне… А, вдруг, и поймешь?..
И он продолжил: «Господин Пушкин! Поверьте! Я попал сюда из двадцать первого века. Участвовал в экспериментальном межгалактическом броске и вместо своего две тысячи десятого года угодил в девятнадцатый век. Огромной важности информацию должен я донести да своего времени, да и вашим современникам это знание не помешало бы. Она, эта информация умещается буквально в трех словах: мы не одиноки! Во вселенной мы не одиноки, полно галактик битком набитых планетами, заселенными разумными существами. И они ждут контакта с ними, и готовы поделиться своими знаниями, технологиями. Но в дальнем космосе полно и недругов, только и мечтающих поработить и уничтожить человечество. Чего стоят Непонятые миры и их злобные разведчики – Ку-Эн-Зимы…
Александр Сергеевич! Извините за некоторую сумбурность письма, вполне, думаю, простительную – не каждый день мне приходится общаться с классиками. В полном смысле этого слова вы – человек будущего, вас любят и ценят в нашем веке, в нашем даже, пожалуй, больше, чем в вашем. Поэтому я к Вам и обращаюсь. От Вас не требуется никаких особых хлопот, я просто прошу это мое письмо сохранить в вашем архиве, уверяю Вас, так оно наверняка дойдет до потомков. Но если мое послание заинтересует ваших современников, то лучшего я и пожелать не могу.
Вот, пожалуй, и все, хотя хочется сказать Вам очень многое, очень! Вы даже не представляете, как волнует меня сама возможность увидеть Вас. Одно это, наверное, оправдывает мое запредельное путешествие.
Александр Сергеевич! Знаю, что вмешательством в прошлое, не изменишь будущее, и, тем не менее, решаюсь дать Вам один совет: держитесь подальше от одного блестящего офицера – Жоржа Дантеса, который или только что появился в Санкт-Петербурге, или появится в столице нынешней осенью.
Заранее благодарен Вам за все!»

Саша на минуту задумался: не подогрел ли он своим предостережением заранее интерес поэта к Дантесу? Станет ли задира – Пушкин держаться подальше от красавчика?

Затруднился Саша и в том, как подписывать эту непонятную бумагу? Просто поставить имя и фамилию или предварить подпись каким-нибудь витиеватым титулом, например, «первый в мире межгалактический летчик»? Или «пионер – галактонавт»?..

Решил поставить только свою фамилию, и число – 3 сентября 1833 года. Пусть это будет для тутошних людей еще одном доказательством его правоты.

«Тутошних!» - отметил он про себя: «Казачий говор, как бы сам по себе проникает в душу… Поживи тут год – другой, и оказачишься!..»

Он поставил точку, смахнул со лба капли пота – что ни говорите, а нелегко писать послание гению русской литературы.

Анюта не отрывала от него изумленного взгляда. Вот так находка! Вот какие голые мужики попадаются ныне в лесу… Погодь, погодь, не леший ли часом затесался в ее дом, они мастера на такие проделки. Они известные безобразники!.. В позапрошлом годе к Серебряковым постучал в ворота человек, с виду приличный, хоть и музлан, попросил напиться. Воды, конешено, не жалко, полный Урал воды, но ведь не понятно с каким умыслом человек стучится в дом, если в трех шагах речка течет? Да и колодец общественный стоит близехонько. «Мил-человек, - спросили у него, - нешто это не вода – пей на здравие?..»

- Из рук человечьих-то вода слаже, не только жажду утоляет, но и усталость снимает, как рукой.

Странный человек.

Серебряковская девка-то, Грунька, не стала расспрашивать прохожего, поднесла ему ковш с колодезной, холодной, ажник зубы ломит. Он выпил все до капли, поклонился, сказал:

- Славно-то как!..

И ушел. Никто даже вслед ему не поглядел.

В аккурат на Петра и Павла Грунька пропала. И прежде девки пропадали, не часто, но случалось – девки-то, они, как румяное яблочко, не углядишь – надкусят. У

казаков, конечно, строго, не забалуешь, но человек слаб, а баба так и подавно, грех душу подтачивает, как ржа, исподволь. Не успеешь оглянуться, а уж лукавый у плеча стоит, нашептывает, а посулы у него сахарные: только разочек, только мизинчик, вроде, как понарошку, только нынче – пока папаня с маманей в Требухи уехали, только на полчасика, и никто не проведает, а уж сладко будет – словами не высказать! Легко люди попадают в тенета греха, Анютина родня об этом все уши прожужжала.

А с Грунькой особый случай вышел. Обычно вместе с девкой что пропадает? – узелок с пожитками нехитрыми, гребешок какой-нибудь, рождественская картинка – что еще она может прихватить с собой? Да и сама девка вскорости находится на каком-нибудь форфосе (так казаки произносили слово «форпост»). А Грунька исчезла в чем была, в домашнем. Вышла коров доить и пропала. И кричали, и искали, и свечки за нее ставили, и молитвы шептали – и ничего. Пропала. И тут вспомнили, как она воды подала прохожему. Знать, подальше нужно держаться от прохожих, что у них на уме, кто знает?

А она, Анюта, притащила в избу чужака, да еще голого. Что люди скажут, если откроется это дело? Да и братья – Мартьян и Прокопий – по головке, небось, не погладят? Она из сердоболия, как лучше, как человечнее хотела, о дурном не думала... А вообче-то, он симпатичный, даже оченно, хотя и не казачьих кровей.

«Дуреха! – одернула она себя. – Вот он бесовский соблазн, его даже в мысли пускать не след…Гони его взашей!..»

«Кого гнать-то? – лукаво спросила у самой себя – мужика энтого или соблазн?»

Вслух же произнесла:

- Ну, сказывай все как есть, раз пообещал…

Саша вздохнул – ох, и нелегкое предстоит ему испытание, но делать нечего.

И он все ей рассказал. О галактиках и крабовидных туманностях, о Непонятых мирах и коварных разведчиках – Ку-Эн-Зимах, о цивилизации кентавров и космическом антагонизме, о Даше, которая осталась ждать его в доме на окраине леса, о бросках во времени и пространстве…

Анюта слушала его заворожено, подперев кулачком веснушчатую щеку, время от времени даже смахивала непрошенную слезу. Когда Саша завершил свой рассказ,

она всхлипнула, сказала:
- Бедная, бедная… одна осталась. Ты не дури, не Пушкина своего карауль, а беги бегом к ней, болезной. И галактики эти самые твои подождут, никуда не денутся, и важные сообчения – их, важных-то, по жизни без счета бывает. А любовь, которая настоящая, что ни говори, одна… Одна… А кому и одной не достается… Так что, беги к ней…
- Далеко бежать, - сказал он. – И дороги не знаю…
- Сердце подскажет… Вот коня тебе нужно доброго, без коня, как без рук. Что-нить придумаем!..

Глава тринадцатая: Золотая рыбка

Ежик, ежик, чудачок,
Сшил колючий пиджачок.
Встал в кружок и ну считать -
Нам водилку выбирать!

Гаврила дремал вполглаза, барина побаивался, помнил, как однажды тот высадил его посреди дороги – за пустяк какой-то, за стаканчик мадеры, а от мадеры этой веселья никакого, только в сон бросает. Вообще, не поспишь шибко на этой дороге. Не зря ее называют здесь Старой уральской, рытвины, ухабы, колея нарезанная колесами телег – всего этого вдоволь; добрый человек давно бы вернулся, не выматывал бы душу и тело этой тряской, но только не этот. Терпеливый, как будто ничего не замечает, иногда даже, когда дорога идет в горку, и кони тащатся еле-еле, или колея особенно глубокая, выходит из коляски, идет рядом, и жадно смотрит по сторонам. На что тут глазеть? – степь матушка, она и есть степь – в какую сторону не посмотришь – глазу зацепиться не за что. Барин время от времени что-то записывал карандашом, от скуки, должно быть.
Гаврила поглядывал на него: не генерал, а встречали его в том Оренбурхе чище

генерала. Гостевал на даче у самого губернатора, но не сиделось ему на месте, где шампанское, барышни, а все мотался по деревенькам, городишкам степным, то с беззубой старухой разговаривал, то везли к нему старика какого-нибудь замшелого – и что за интерес такой – со стариками балясы разводить? У них известно что, у стариков-то: вот в наше время и соль была солонее, и трава по пояс, и бабы уступчивее!.. Врут они все по немощи своей. А было все также точно, как и теперь – и недороды, и война ни разу не кончалась, и управляющий завсегда в зубы норовил дать. Вот, может, на волю тогда сильнее хотелось – на Дон, или вот сюда, на Яик?..

А что она есть, воля эта? Пить и жрать от пуза? Тогда и Гаврила волен, даже хозяйские рябчики ему перепадают, а мяса-то в них с гулькин нос… Воля – это когда не надо сено косить, а спать до полудня? Ляксандр Сергеевич иногда до темна из постели не выбирается, а подневолен он, еще как подневолен!..

Скольких она, воля эта, поблазнила, а обернулась чем? – колодками, рваными ноздрями, иссеченным топором колбаном, который пришлось обнимать в последнюю свою минуту… Да ну ее, волю эту! Если есть добрый кусок хлеба, то простой человек вспоминает о ней с трудом. Эх…

Гаврила с раздражением вспомнил, как в Оренбурхе - в Бердах, барин одарил одну старуху – кажись, фамилие ее - Бунтова, за ее рассказы и песни – целым червонцем. И ведь не пошло в прок, не сгодилось. Ни к чему старухе деньги! Накинулись на нее тамошние бабы, говоря, что она самому Антихристу угождала своими рассказами. А, может, и верно это? Здешние казаки старообрядческого достоинства, у них все строго. А у барина и впрямь на руках ногти лопаточками, ну, чисто, когти. На пальцах — перстни, а сам черный, бойкий — такого любой испугается! Вот бабку на другой день и притянули в Оренбурх из Берд разбираться, уверяя, что в писании будто бы сказано об Антихристе, что он будет любить старух и дарить их золотом. Не он ли это в обличьи Пушкина?

Ляксандр Сергеевич хотя и смеялся над этим, хватался за бока, кричал «ой, не могу», но какая-то тревожная искорка мелькнула в его глазах. Может, Гавриле показалось?

В Оренбурхе этом самом с ними повсюду ездил их благородие Владимир Иванович, с чудной фамилией – Даль, небось, из немчинов будет. Так вот, он много чего о Пугаче

рассказывал, такие страсти! Не приведи Господь! А потом смешное поведал, как в Бердах Пугач зашел в церковь, где было полно людей, прошел в алтарь и развалился на престоле, сказав «Как давно я не сидел на престоле!». Пушкин назвал Пугача за это свиньей, но тоже смеялся над его невежеством.

Гаврила осенил себя крестным знамением, не приведи Господь, чтобы бунт повторился! Столько в этих краях кровушки пролилось, по большей части безвинной. Береги нас Бог!

От Оренбурха в Уральск с барином увязался Карелин, человек подозрительный, ученый. Гаврила слышал в Оренбурхе, что тот оказался в этих пустых краях не своей волей. Лет десять назад его сослали сюда будто бы за предерзкий стишок на самого графа Аракчеева. Он и сейчас не угомонился, легкий человек, такие готовы все на смех поднять. А что хорошего в этом смехе, пустом? Ну, ладно смеются от радости, а чего просто так надрываться?.. Пушкин быстро с ним сошелся, сам позубоскалить горазд.

Еще Карелин рассказывал, как в прошлом годе ходил на лодках по морю, чтоб крепость поставить на берегу, крепить, значит, державу и с этой стороны. Море здешнее – Каспийское прозывается, оно только за свои размеры морем наречено, а на самом деле оно наподобие озера, как пруд большой, в окиян из него на корабле не попадешь.

- Представляете, Александр Сергеевич, - говорил Карелин, - люди на этих берегах селились еще много веков назад, найденным следам древних поселений на Каспии – десятки тысяч лет! Каспий – удивительный мир. Здесь только видов рыбы обитает до ста… Живет каспийский тюлень…

- Вы, Григорий Силыч, просто кладезь познаний! – восторгался Пушкин.

- Для меня высокая честь быть рядом с вами! – отвечал Карелин.

Пушкин погрузился в молчание, потом опять что-то записал в тетрадь.

Слева от дороги, сначала вдали, а потом совсем рядом, потянулась лента леса, уже тронутого осенней ржавчиной. После голой сентябрьской степи, глаз отдыхал на лесном разноцветье. Сосна, черный тополь, вяз, изредка березки, заросли краснотала, терна – лес был светлый, не густой, с птичьим гомоном; хорошо, должно быть, перевести дух в таком месте усталому путнику. В просветах между деревьями

мелькала вода.
- Зараз Кирсановская станица, а за ней Генварцевский форфос, - подал голос кучер.
- А потом станицы Рубежинская, Трекинская…, - откликнулся Александр Сергеевич, - я в подорожной смотрел; говорящие названия…Особенно Требухи, Дьяково, Гнилое…
Желтый суглинок дороги сменился прикатанным песком, коляска побежала резвее. И покатила вдоль высокого речного обрыва.
- Кирсановская старица, - сказал кучер.
- Удильщик! – показал рукой Александр Сергеевич. Внизу под песчаным осыпающимся яром сидел человек с вязовым удилищем в руках, напряженно смотрел на застывший поплавок.
- Остановимся, братец! – попросил Пушкин. – Удильщики тут в редкость в такое время. Мне рассказывали, что у казаков с рыболовством строго, в любой час не отправишься с удой на реку, а только по заведенному порядку. Зимой у них случается…как его…багренье – по выстрелу из пушки начинается – и ни на минуту раньше! Уж тогда баграми из-подо льда выхватывают осетров, да белуг. А весной и осенью у них плавни бывают, тогда рыбачат с лодок своих – будар…
Пушкин выбрался из коляски, за ним Карелин. Гаврила с неодобрением смотрел им вслед: не барское это занятие – глазеть на то, как какой-то мужик себе на ушицу ершей добывает.
Мужик оказался подростком лет тринадцати - четырнадцати. Увидев, что к берегу подъехала коляска и из нее вышли два господина в городской одежде, он положил удилище на деревянную рогатку, ополоснул руки в воде старицы, спокойно стал ждать, когда неведомые гости подойдут. Один из них был вполне диковинного обличья: черный, но не из персиян, персиянское обличье среди казаков – не редкость. Глаза у него блестящие, быстрые, и сам движениями скор, резок. Если б не одежа барская – чисто разбойник – с усами, бородой, в измятой шляпе. Того и гляди – бросится, убивец!..
Но так показалось только издалека, а когда подошли – в глазах чернявого не холод, не барская заносчивость, а что-то доброе, прямо-таки свойское.
- Доброго здоровья! - по-взрослому поклонился мальчишка.

- Ловится рыбка-то? – спросил Александр Сергеевич.
- Маненько берется, - ответил подросток, и в это время поплавок, сделанный из сухого камыша – куги, – буквально заплясал на воде. Мальчишка, как бы извиняясь, развел руками, дескать, поговорить не дает эта рыба, поднял удилище, выждал с минуту, когда поплавок почти целиком погрузился в воду, и только потом резко подсек – и тут же гибкий кончик удилища выгнулся, как туго натянутый лук.
- Есть! – негромко сказал мальчишка, словно опасаясь спугнуть удачу. Он оглянулся на Пушкина и Карелина, как будто приглашая их присутствовать при его удаче.
Александр Сергеевич сразу загорелся.
- Можно, я вытащу эту рыбку? – протянул он руку к удилищу. Мальчишка, будто ожидая этой просьбы – кому не охота порыбалить-то? - передал ему гибкий вязовый прут, и петербургский гость тотчас почувствовал на противоположном конце снасти живую, упирающуюся, пульсирующую тяжесть.
Александр Сергеевич понадеялся на крепость снасти, и резко потянул удилище на себя. Кончик вязового прута согнулся еще больше, того и гляди сломается.
- Ослобони чуток! – закричал мальчишка, и Пушкин с готовностью подчинился, хоть и крепка леса из конского волоса, но и она может не выдержать напора обитателя речных глубин.
- Щас, я сак подведу! – сказал юный рыболов, и взялся за ручку большущего сачка. – Хорошо, что захватил его, а Гринька, неразумный, смеялся, мол, вся старица суды влезет!.. Ан, сгодился.
Минут пять - десять пришлось повозиться Пушкину, пока с помощью мальчишки он вытащил на берег крупного язя, с алым оперением, золотистым отливом. Он взял рыбину в руки:
- Хороша!.. Как хороша! Фунта четыре, не меньше!..
- Не думал, что вы подвержены охотничьей страсти, - сказал Карелин.
- Она, наверное, сродни любой страсти, - ответил Александр Сергеевич. – Как от нее убережешься, друг мой?
Он положил рыбину на траву к ногам подростка, сказал:
- А ведь истинно золотая рыбка…
- Не зря Яикушка наш зовется золоченым донышком, - совсем по-взрослому добавил

мальчишка.
- Как зовут тебя, малец? – спросил Александр Сергеевич. – Да не такой уж ты и малец?
- Никиткой прозывают меня, - все также чинно ответил он. Чувствовалось, серьезный человек. – Родители в городе проживают, а меня на лето к баушке отправили, на форфос… Савичевы мы…
В это время из-за зарослей тальника показался странный человек. В руках у него был свернутый в трубку лист бумаги. По обличью как будто не казачьего корня, но на коне добром прискакал. Никитка его давно приметил, с самого утра. Он как будто торон (терн) собирал, но какой тарновник станет его собирать у самой дороги? Да в этом году и не уродился он, вот в прошлом годе ветки так прямо-таки были усыпаны ягодой. После первых заморозков торон - быдто сахарный! А ныне одно название – не торон. Хотя зимой за милу душу уплетать его станешь, когда он моченый.
Человек этот явно кого-то дожидался, терн его не интересовал. А кого в эту осеннюю пору можно дождаться на Старой Уральской дороге? Ну, казаки остатное сено повезут из лугов, старик какой-нибудь по своим стариковским делам проедет в Рубежинскую, и все… Этих кто станет поджидать?.. А вот если из Оренбурха тройку ждать, то она аккурат в эту пору проходит. Никитка так и подумал: незнакомец, как попало одетый, ждет гона из Оренбурха. Может, известие какое должно быть, а может человека какого-то ждет…
- Похож на челобитчика, - сказал Карелин, - может, полагает, что Даль едет, как – никак, а чиновником по особым поручениям при Перовском состоит. Но почему челобитчик в присутствие не едет, если нужда какая, а на дороге начальство поджидает? Странно…
- И одежда у него совсем плохонькая, - заметил Пушкин, глядя на приближающегося незнакомца. – Однако, он явно принимает нас не за тех, кого ему хотелось бы видеть, и кто помог бы ему.
Незнакомец подошел совсем близко, шагов двадцать, не более разделяли их с поэтом, и Пушкин с Карелиным разглядели, что он совсем еще молод. Но не только это бросалось в глаза. Была в нем какая-то непонятная стать, нездешинка что ли, которую и объяснить нельзя было, только почувствовать. Обликом человек бледен, и

это в конце лета? Да в этих степных краях человек за три дня прокаливается насквозь солнцем и жгучими ветрами.

- Здравствуйте, господа! – не доходя шагов десяти, начал Саша, а это был, конечно, он. Произнес приветствие и почувствовал его фальшь: мальчишка – удильщик тоже выходит «господин»? Или его он вообще не приветствует, только тех, кто в шляпе или цилиндре?

Пушкин округлил глаза: откуда знает его этот странный человек?

- Александр Сергеевич! – продолжил Саша. – Простите, Христа ради, дело вот у меня какое… С первого раза оно может показаться странным, непонятным…

Ему оставалось пройти еще пару шагов, он уже протянул ладонь для рукопожатия, внутренне сомневаясь: в ходу ли были тогда рукопожатия, может, достаточно было поклонов? Но поздороваться за руку с Пушкиным не пришлось – на дороге показались два всадника. Они шли не быстрым аллюром, но, увидев коляску, людей на берегу, повернули коней в их сторону.

С раннего утра, от самой Трекинской гонялись за Сашей эти двое. Скорее всего, разъезд казачий какой-то. Они окликнули его, может, за малостью какой, а он пустился от них вскачь, решив не испытывать судьбу. Вознамерился он уйти от казаков, природных наездников! Но ему повезло, у одного из казаков что-то произошло с амуницией, он спешился, за ним остановился и другой. Это позволило Саше оторваться от преследователей, да они не очень и торопились, понимая, что он от них никуда не денется, больно приметный музлан.

И вот все-таки настигли! Как быть – попытаться выяснить, что им угодно, но тогда он, чужак, рискует попасть в кутузку, и тогда уж точно - ни Пушкин, ни кто-нибудь другой не узнает о его галактическом открытии, или все-таки драпать?.. Ноги сами подсказали решение, они сорвались с места и понесли Сашу к зарослям тальника, где он оставил коня.

Казаки же опять задержались, потому, что к ним обратились с вопросами проезжие господа.

- Вам известен этот человек, почему он от вас убегает? – спросил у всадников Пушкин.

- Обличьем больно странен, но, видать, не воровского племени, - ответил один.

- Он побежал, а мы за ним, - добавил другой. – Оченно антиресно стало – кто таков?..
Саша тем временем торопился в Уральск, - теперь осталась только одна возможность передать его послание Пушкину, когда тот приедет в город. А пока нужно опять отсидеться в доме, смотрящем окнами на остров Буян, в котором приютила его Анюта, сначала тайком от братьев – от Мартьяна и Прокопия, а потом – не прятать же его вечно от них - представила его, как обобранного разбойниками русского купца шедшего в Казанку, и теперь ожидающего помощи от родни. Братья, конечно, не поверили, мало ли тут народу дурного шляется, каждого не пригреешь, да и пришлый не больно похож на купца. Братья стали гнать его взашей, но Анютка вступилась, дескать, человек безобидный, грамотный, ест мало, по хозяйству может помочь, а там, глядишь, и вправду родня его приедет, еще пайда немалая может получиться. Братья сначала слышать ничего не хотели – пусть идет со двора, и дело с концом! Но Анютка настырна, если закобызится, то не скопятишь ее с места – характерность у ней такая, прям, беда! Набирючилась: останется здесь чужак – и разговору больше нет!
Не любили бы братья сестру, то вылетел бы Саша с казачьего подворья, так еще бы и отмочалили его, что не возрадуешься. Но братья души не чаяли в Анюте, рассудили меж собой и решили: пусть этот пришлый поживет пока у них в доме, а там видно будет. Лишние руки в хозяйстве никогда не помешают. Но глаз с него не спускать. И чтоб соседям на глаза не показывался лишний раз, мало ли чего могут люди подумать?..
Так остался он в этом доме, удивляясь своему везению, ведь он легко мог сгинуть в негостеприимном веке, в неулыбчивом краю, среди простых и суровых законов здешней жизни. Но пока не сгинул… И принялся придумывать, как же ему передать свое послание поэту? Нужно предусмотреть не одну, а несколько таких возможностей, ну хотя бы две. Одна – поджидать Пушкина у атаманского дома, где он остановится. Там, если сработает «теория пыли», он сможет воспользоваться тем, что Александр Сергеевич сойдет из коляски с правой стороны по ходу движения, так как невесомая и густая уральская пыль согласно розе ветров будет вероятно снесена ветром влево от коляски. Вторая возможность – передать письмо еще на дороге, ведь маршрут движения столичного гостя известен. Но для этого нужно иметь доброго

коня. И уметь держаться на этом коне. Он с благодарностью вспомнил занятия по верховой езде в галактической школе.
Саша решил: лучше всего перехватить Пушкина между Кирсановской станицей и Генварцевским форпостом, в котором, весьма вероятно, тот и остановится на ночлег. В любом случае, Пушкину не миновать этого места. Да, это правильное решение!..
Коня – Орлика – разрешили взять Мартьян с Прокопием, пообещав калган снести, если что. И все шло хорошо!..
Эх, если бы не окликнули его эти два казака!.. Он оглянулся: погони видно не было… Видимо, казаки увлеклись разговором с Пушкиным. Да, неудача!.. Хотя, с какой стороны посмотреть, - он разговаривал с великим поэтом!.. Кроме того, он теперь точно знает, что Пушкин едет не один, и с ним нет Даля, и завтра его нужно поджидать у дома наказного атамана. Пушкин наверняка приметил Сашу, что может облегчить задачу. Или, наоборот, усложнить?..

Глава четырнадцатая: Теория пыли

Подогрела чайка чайник,
Пригласила восемь чаек:
- Приходите все на чай!
- Сколько чаек? Отвечай!

Чуть светало, а Гаврила поднялся. Нужно быть на ногах прежде барина. Его не поймешь: то семи нет, а он уже вежды открыл, то к десяти не добудишься. Но вечор велел разбудить пораньше, дескать, до Уральска не десять верст ехать. Перед закатом пошел на речку, долго стоял на высоком глинистом яру, под которым

закрученные в желтые косы речные струи подтачивали берег; нет – нет, да слышался под яром громкий всплеск - осыпалисьрым закрученные в желтые косы, косы, постоял десяти не добудишься. _____ в воду огромные глыбы, иногда вместе с ними обрушивались высоченные осокори, а время от времени раздавались на воде и резкие шлепки, как будто выстрелы – это вылетали шересперы, бьющие на перекатах малька, изредка выворачивались из глубины меднобокие сазаны, у самого берега гонялась рыбная молодь, - так, наверное, было здесь сто лет назад, тысячу лет назад – всегда, и чего было смотреть на то, как река вершила свою каждодневную работу – Гаврила этого не понимал. Вода она и есть вода. Она течет.

Гаврила вспомнил, как вчера у Кирсановской старицы барин баловался удой, как пытался пристать к нему странный человек, умчавшийся потом от казаков на резвом коне. «А, неча выходить из коляски у каждой речушки, расспрашивать встречных - поперечных, так и на ушкуйников каких-нибудь, упаси Господь, нарваться можно. Места здесь дикие, разбойные, тутошний народ чуть что, сразу за топоры берется, да не за топоры только – и сабельки у них есть, и пушечный припас, не зря отсель смутой, как сквозняком, всегда тянуло. Одно слово – казаки. Им воля, как мед головы кружит.

Нет, с барином ухо надо держать востро, случись чего – с него, с Гаврилы, шкуру снимут.

Пора будить барина. Он и в постели все пишет. Вот у изголовья тетрадь открытая. Что там?..

Если бы Гаврила был обучен грамоте, он прочитал бы:

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б - наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал -
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал...

1833,дорога, сентябрь.

Как не собирались, как не торопились, а пока выпили кофею, то выехали не раньше десяти, да ждали пока Александр Сергеевич не поговорил еще с одним визитером – полоумным стариканом, припершимся из переулка, который звался здесь «пьяным» - не зря звался, подумал Гаврила. Старик что-то шамкал про Пугача, ярой кверху дырой, про царицу Устю – сроду Гаврила не слыхал о такой царице, а солнышко тем временем поднялось над рекой, ранним золотом подернулся лес, что стеной стоял на противоположном берегу.

- Красота какая! – сказал Карелин.

- И какая сила, и какое притяжение, - добавил Александр Сергеевич.

- А чуть позжее дождь пойдет, - заметил кучер, но откуда ему сие известно, он объяснить не мог. На небе не облачка, а он говорит – скоро дождь пойдет. И вот странно, чаще всего его прогнозы сбывались.

Тронулись небыстро, но постепенно набрали ход. Пушкин с Карелиным опять завели разговор о красоте этих мест, и о том, как скудно живет еще человек посредине этой лепоты. Потом перешли на вчерашнего чудака, который узнал поэта и обратился к нему по имени – отчеству.

- Что-то оригинальное было во вчерашнем просителе, назовем его так, - сказал Карелин. – Его речь, его взволнованность, наконец, выдает в нем человека весьма образованного… Не похож он на умопомешанного…Но почему он так испугался казаков?..

- Да, есть здесь какая-то тайна, какая-то странность, - согласился поэт. – В этих краях полно тайн и загадок… Возьмите неизбывную веру казаков в Беловодское царство. Мне рассказывали, что все время находятся люди, которые будто бы бывали там, живали там, вкусили от пирога справедливости, всеобщего счастья; будто бы в этой таинственной стране нет ни нищих, ни сирых, ни напрасно обиженных… Вот вы, Григорий Силыч, по земле немало хаживали, под парусом ходили, на веслах, вам открывалось такое, что многим смертным и не приснится, но, скажите на милость: хоть сколько-нибудь правды есть в этих сказках о царстве справедливости? Ответьте только «да» или «нет», не как отвечают некоторые мудрецы: сначала уверяют нас в чудных открытиях, а потом с таким же рвением доказывают, что быть такого не

может…

Карелин улыбнулся и сказал коротко:

- Да…

- Теперь его нужно только найти, - расхохотался Пушкин. Тройка катила вдоль берега Урала, по Старой Уральской дороге, которая то удалялась от реки, то петляла по ярам, и казалось, что один неверный шаг – и улетит экипаж в быструю, водоворотистую воду, и становилось жутко, мороз пробивал по коже, и только спокойное безразличие ямщика к опасности, напевающего себе под нос что-то нечленораздельное – кажется, «приехали на ятовь…» или что-то в этом роде - немного успокаивало. Да и сентябрьская красота леса, реки, степи, открывающейся в лесных прогалах, словно утверждала: ничего дурного здесь случиться не может.

…Саша знал, что с путешественниками ничего не случится, что сегодня они благополучно доберутся до Уральска, приедут к атаманскому дому. Он заявился на Большую Михайловскую едва рассвело, нужно было выбрать место, удобное для наблюдения за улицей, домом, чтобы успеть передать Пушкину письмо, когда он только выберется из коляски, до того времени, когда петербургского гостя окружат гостеприимные хозяева и пробиться к поэту будет невозможно. В общем, в его распоряжении может быть не более минуты времени. Саша надеялся, что его великий тезка запомнил его по вчерашней неудавшейся встрече, и будет внимателен к нему.

Совсем неподалеку от атаманского дома стоял недавно выстроенный трехэтажный дом с колоннами, сияя свежей побелкой. Перед фасадом здания был устроен небольшой палисадничек, в котором трепетали под ветерком крохотные дубки и вязы. Саша присмотрелся: ну, конечно же, как он сразу не узнал, это был дом Мизиновых. Рядом с ним каменщики вели кладку еще каких-то стен, неподалеку чернели остова сгоревших строений – видимо, не так давно полыхал здесь страшный пожар, - и уже угадывался будущий лабиринт дворов, высоченных кирпичных стен, вечно закрытых на ржавые замки сараев.

Круглое окошко чердака мизиновского дома могло стать идеальным местом наблюдения. Но как туда забраться, ведь это не многоквартирный дом, где всем все безразлично, и каким ему предстоит стать еще не скоро, а наверняка

присматриваемое жилище известной семьи? Если попытаться подняться по стене – с помощью веревки или даже лестницы, если ее удастся найти, то он будет мгновенно замечен, а что может произойти в этом случае, об этом он даже думать не хотел. Оставался единственный путь – через парадный подъезд…

Саша, осмотревшись, решительно потянул на себя ручку парадного. Он сделал шаг, другой, третий, ожидая окрика, лихорадочно придумывая, что он может сказать, если будет сейчас остановлен. Ничего правдоподобного в голову не приходило. Вор-домушник – вот кто он. Интересно, существовали они в начале позапрошлого века?..

Мраморные ступени лестницы, прикрытые ковром, словно приглашали его наверх – на второй, третий этажи – и дальше на чердак. Сбоку от лестницы был проход, заканчивающийся дверью. «Выход во двор, - догадался Саша. – Второе крыльцо…»

Он начал подниматься по лестнице, почти не дыша. «Сейчас, вот сейчас кто-нибудь появится! – стучало в висках. – Швейцар, охранник, будочник – кто еще может быть?..

И тут где-то совсем рядом прозвенел женский голос:

- Дмитрий, мил дружок, ты сегодня уезжаешь? Я совсем запамятовала…

В ответ прозвучало что-то похожее на «бу-бу-бу-я сейчас…»

Саша замер, не дойдя пары ступенек до второго этажа.

Женский голос продолжил:

- Василий Осипыч просил быть к вечеру, говорят, важная персона должна быть… Не слышал?..

«Бу-бу-бу-не слышал…», - Саша понял, что отвечающий плещется где-то у рукомойника. Или в ванной. Или… что было в этих домах почти двести лет назад? Он осторожно продолжил подниматься по лестнице. И вдруг где-то внизу хлопнула дверь, и на лестницу выбежал огромный пятнистый пес.

- Все! – мелькнуло в голове Саши. – Не просто повяжут, еще и порвут на клочки!..

Собака, не спеша, двигалась по направлению к Саше. Он остановился, готовясь хоть как-то защитить себя. Хотя устрашающие клыки в пасти собаки не оставляли ему никакой надежды.

Пес негромко зарычал, но, как показалось Саше, совсем не враждебно, и, задев незваного визитера гладким боком, прошел мимо, остановился поодаль, потянулся и коротко пролаял. Кого-то звал.

«А ведь он меня не заметил, - подумал Саша, - почему? Прошел рядом, как мимо пустого места… Он как будто не видит меня…Слепой?.. И обоняние его подводит? Нет, тут что-то не то… Или… я для него не существую?..»

Саша благополучно добрался до лестничной площадки на третьем этаже. Выше, на чердак, вела узкая деревянная лестница с перильцами. У лестницы стояла кадка с чайной розой. Всю площадку через венецианское окно, выходящее во двор дома, заливало утреннее солнце.

Саша зачем-то посмотрел вниз, и отшатнулся. Снизу на него во все глаза смотрели трое людей – две пожилые женщины и молодой мужчина. Что-то в облике этих людей поразило его. Ну да, их одежда. Так не одеваются в девятнадцатом веке, не носят кроссовок без шнурков, старушки не разгуливают в платьях, едва прикрывающих коленки.

Он поднял руку, дескать, вижу вас, вижу! Но внезапно странная троица исчезла, как не было ее. Мгновенно растворилась в сентябрьском воздухе. Саша даже протер кулаками глаза: померещилось?.. Скорее всего. Ну, тогда и он им померещился, ведь они явно смотрели на него. И еще одно: он готов был поклясться, что видел уже этого парня в кроссовках без шнурков, больше того, он видел его и даже разговаривал с ним в этом же дворе, только в двадцать первом веке. И он вспомнил, как этот парень спрашивал у них с Дашей, чем заканчивается книга «Черемыш, брат героя»…

И они даже пообещали ему прочитать эту книжку.

«Значит, временной коридор пробит…, - подумал Саша. – Броски между галактиками не прошли бесследно, гигантское количество энергии, затраченное на это, спровоцировало образование того самого разлома времени, о возможности которого предупреждали ученые… Но почему он образовался именно здесь? В этом городе, в этом месте, в этом доме? Может быть, потому, что здесь сошлись какие-то параллели и меридианы времени, потому, что давно уже в этом месте ожидала своего часа неприметная калиточка – нужно было только легонько толкнуть дверцу, - и вот теперь ее толкнули?».

- Накаркали яйцеголовые, - произнес он, - теперь можно ожидать чего угодно… Посыплется через эту прореху всякая космическая дрянь, закружится небывальщина, старики начнут молодеть, деньги дорожать, жены еще больше изменять мужьям…»

Он открыл дверцу на чердак и оказался в центре светового пятна – солнечные лучи били сюда через круглое окошко. На самом чердаке стояли какие-то ящики, коробки, кривились непременные старые табуреты, казалась штурвалом неведомого корабля брошенная здесь прялка… Саша вздрогнул, почувствовав на себе чей-то безмолвный взгляд. Он обернулся и увидел, что из сундука с разбитой крышкой на него смотрят куклы – целая дюжина. Некогда кто-то наряжал их на веселый итальянский карнавал, но вот карнавал прошел, или не состоялся из-за разыгравшейся бури, или случилась беда – и его отменили, а куклы так и остались в итальянских костюмах, - и до сих пор ждут, что вот-вот - и взлетят в небо разноцветные шутихи, грянет музыка, но вот уже не первый год никто даже не заглядывает на чердак, и гримасы недоумения не сходят с глиняных кукольных лиц. Саша взял одну из кукол, сдул с нее пыль, и Пиноккио, а это был он, едва слышно прошептал: «Спасибо…»

Саша выглянул в окошко: чуть не весь город был как на ладони. Справа видны были маковки Старого собора, а за ними лента Урала и лес на Бухарской стороне; чуть левее - полуразрушенная Петропавловская церковь, которая была почти не видна из-за громады церкви Казанской Божьей Матери. Если же смотреть влево, то заметны были приземистые коричневые коробки пороховых складов. Отчетливо просматривалась и Большая Михайловская, почти до самого городского вала, на котором были видны зубчатые башни ворот, через одни из этих ворот должен проехать Пушкин…

Саша устроился удобнее у окошка, по его подсчетам карета с Александром Сергеевичем должна появиться ближе к полудню. Или чуть раньше, в зависимости от того, где он заночевал. На оконный карниз, шумно захлопав крыльями, сели два диких голубя, черными бусинками глаз с интересом посмотрели на притаившегося человека. И Саше внезапно стало грустно, он пристроил на каком-то разбитом стуле Пиноккио, сказал ему:

- Вот, братишка, какие дела…

Пиноккио промолчал, но видно было, что и ему не весело. Да и с чего веселиться? Кукольная подневольная душа всегда тоскует по свободе, но разве может она жить без ниточек, которые управляют ею?.. Долгоносый актер многое мог рассказать своему новому другу – о коварстве Коломбины, неотесанности Пьеро, равнодушии

Мальвины, но он почувствовал, что Саше теперь не до этого, коротко спросил:
- Нашел?
Кого только в нашем мире не касается этот вопрос, кто только у нас не ищет? Кто только не находит, а найдя не терзается: зачем я это откопал?
Саша покачал головой: то, чего я больше всего хочу найти – найти невозможно. Впрочем, испокон веков все у нас только это и ищут.
- Дашу я оставил, даже не намекнул ей, куда отправляюсь – дурак. Не спорь со мной, я – полный идиот! Даже больше – скотина!.. Космический секрет оказался мне дороже Даши… Даши…
Слезы навернулись на глаза Саши, он украдкой смахнул их ладонью, посмотрел: не заметил ли Пиноккио? Кажется не заметил, глиняное личико куклы было бесстрастно.
- А ты нашел? – спросил у Пиноккио Саша. Тот промолчал. Значит, тоже не нашел.
Так за содержательной беседой пролетело пару часов. Откуда ни возьмись, прилетел зябкий ветерок, быстро обшарил обширный чердак и вылетел через окошко прочь, стал отгонять от Большой Михайловской крошечную рваную тучку, но не справился с ней, она повисла прямо над атаманским домом, а ветерок унесся к Уралу, и за Урал – в лес, пропал там в желтеющих листьях осокорей. Тучка вдруг выросла, расползлась на полгорода, из нее брызнул дождик, и дождик этот почему-то встревожил Сашу, он никак не мог понять чем. Чем?
Он принялся размышлять над этим: неразгаданные или прочно забытые загадки всегда тревожили его. Но в это время на городском валу у въездных ворот обозначилось какое-то движение. Саша напряг зрение – так и есть, тройка. Должно быть из Оренбурга. Пушкин!
И тотчас от ворот к центру города - мимо солдатских казарм, мимо Войсковой канцелярии – полетел всадник. «Докладывать атаману!» - догадался Саша. Всадник был отчетливо заметен на фоне опустевших от дождика улиц. Дождик быстро кончился, но пыль успел прибить…
- Вот оно! – с отчаяньем подумал Саша. – После дождя нет пыли, и все мои предположения лопнули, как мыльный пузырь. «Теория пыли» пала под легким осенним дождичком…
Он бросился к выходной дверце, но вернулся, попрощался с Пиноккио:

- Держись, мы еще покажем себя!
- Счастливо тебе! – сказал Буратино и принялся смотреть, как по Оренбургской улице движется экипаж первого поэта России.
Саша выбрался на мраморную лестницу и лицом к лицу оказался с человеком в военном мундире, кажется майорском.
- Дымоходы в порядке, я же говорил Егорию, - сказал он. – Так, нет же, втемяшилось ему – дымоходы, дымоходы!..
Саша вжал голову в плечи, и бочком-бочком двинулся вниз.
- Постой приятель, - окликнул его офицер, - возьми на водку за труды…
Саша вернулся и получил двугривенный на водку, неловко поклонился и вышел на улицу. Около парадного крыльца атаманского дома суетилась челядь. Кто-то ширкал метлой, какая-то баба протирала влажной тряпкой двери, здесь же крутился не то вестовой, не то адъютант. Часовой в полосатой будке на углу дома вытянулся во фрунт, подобрав живот.
Как и предполагал Саша, на противоположной стороне улицы собрались зеваки, правда, немногочисленные. Зеваки нутром чуют, где можно поглазеть. Им не нужны подробности, они их придумают сами. Они – создатели мифов, без них жить было бы неинтересно.
Неопределенного возраста баба говорила кому-то:
- У жаны его все юбки трахмалены чистым трахмалом, вон оно как!..
Мужик с холщевым мешком через плечо убеждал другого, тоже с мешком:
- Точно говорю, оземь ударилась и оборотилась девкой…
- Пымали? – спросил второй с мешком.- Али утекла?..
- Кого «пымали»? Никого и не ловили? – опешил первый.
- Ну, девку-то пымали?
Первый с мешком только махнул рукой. В это время кто-то крикнул:
- Везут!..
Саша небыстро двинулся через улицу, рассчитывая, когда подкатит тройка, подойти к парадному крыльцу на возможно близкое расстояние.
И вот послышался звон колокольцев и показался экипаж. Конечно же, никакой пыли после дождика не было. Саша на всякий случай приготовил письмо – вдруг все-таки

удастся прорваться к Пушкину. «Будь что будет! – решил он. – Подбегу к поэту, а там пусть хоть в кутузку…». А от нее в эти дни уберегли его только чудо, да старания Анюты.

Пушкинский экипаж сбавил ход, но не остановился, как ожидал Саша и зеваки, а завернул за угол дома, где в полосатой будке брал «на караул» солдатик, и въехал во двор – к заднему крыльцу. Теперь нечего было и думать о том, чтобы подойти к Александру Сергеевичу. Саша едва сумел разглядеть Пушкина, который быстро прошел в широко распахнутую дверь. Послышались приветственные голоса, смех, - и тут дверь закрылась, ничего расслышать, а тем более увидеть не удалось. Саша стоял опустошенный, оглушенный неудачей. По сути дела вся его миссия близка к полному провалу.

И вдруг он увидел пушкинского слугу, тот стоял у экипажа, осматриваясь вокруг: куда это занесло в этот раз неусидчивого барина?

Саша осторожно вошел во двор, стараясь не привлекать к себе внимания, сказал негромко, вспоминая, как обращались к слугам в романах девятнадцатого века:

- Любезный друг, тебя, кажется, Гаврилой зовут?

«Любезный друг» оглянулся, и в его сонном взгляде промелькнуло нечто вроде узнавания, но и удивление тоже, и даже испуг. Что за такой непонятный человек? И одежа непонятная, и разговор не мужичий. Барин-оборванец?

- Чаво тебе? – спросил он тоже негромко, но чувствовалось, что если что – он горазд заорать во всю свою луженую хозяйской мадерой глотку.

- На водку хочешь получить? – спросил Саша, вспомнив про двугривенный.

Гаврила выразительно посмотрел на него: покажи мне доброго человека, который от водки отказывается? Потому что нет таких людей на белом свете!.. Но спросил настороженно:

- А чаво сделать прикажешь?

- Сущий пустяк! – заверил его Саша. – Отдай хозяину вот эту бумажку – и всех делов-то…

- Барину-то? – переспросил слуга. – А по шеям за это не надает? Может тут антимония какая вредная?..

- Ба-а-а-рин стро-о-огай у меня! – набивал цену Гаврила.

- А у меня двугривенный, - выложил свой аргумент Саша. – Не хошь как хошь…
И он развернулся прочь.
Он и шага не сделал, как Гаврила схватил его за рукав:
- Давай двугривенный!
- Сначала возьми бумагу, - сказал Саша.
Гаврила без видимой охоты взял свернутый листок, сунул в карман, уставился ожидающе. Саша вложил в его ладонь монету, пристрожил:
- Бумага важная очень, обязательно отдай хозяину!
- Это как водится, - туманно пообещал слуга и вразвалочку двинулся прочь, его дело служивое – торопиться некуда.
- Не забудь! – сказал ему вслед Саша. Тот даже не обернулся.
Гаврила знал цену всем бумажкам, никакая из них двугривенного не стоит. Одно коровоженье от всей этой чепухенции, как говорил оренбургский кучер. Пока еще в нашем царстве-государстве важнее ассигнаций бумажек не водится. Так-то вот оно. Водочки-то Гаврила, конечно, в этот вечер откушал, но что такое двадцать копеек в шинке, где каждый второй друг, каждый третий – закадычный друг? Водочка плещется, переливается, да быстро кончается. Пришлось приложиться к хозяйской мадере, закусить жареным рябчиком. Рябчик не больно жирен, весь жир на пальцах и остался; заметит хозяин – спуску не будет. Вытер Гаврила пальцы бумажкой, которую ему сегодня непонятный человек всучил за двугривенный, а бумажку изодрал, да бросил в кусты во дворе. Вздохнул, перекрестился: так лучше будет, спокойнее – и ему, Гавриле, и барину, у которого таких бумажек полон Петербурх. Ну, и непонятному человеку, невелика потеря – всего-то двугривенный.
…Прошло два дня, и что-то опять потянуло Сашу к атаманскому дому. Он долго кружил вокруг творения архитектора Дельмедино, которым уральцы станут гордиться спустя полтора столетия, для начала почти разрушив здание. Саша опять решился зайти во двор, хорошо, что челядь была не так бдительна – петербургский гость уехал, чего теперь строжиться? И Саша в кустах нашел обрывки своего письма, и даже не очень огорчился, как будто и раньше предполагал, что от лакея толку не будет – рабская душа, что с нее взять?..
«Это только один из вариантов, - успокоил он себя, - и он не удался, ничего

страшного, попробуем достучаться до наших потомков по-другому…
И он усмехнулся. Невеселой вышла эта усмешка.

Глава пятнадцатая: Самолетчики

Плыл по морю чемодан,
В чемодане был диван,
На диване ехал слон.
Кто не верит - выйди вон!
1 -18, 1 - 19, 1 - 5, 1 - 9, 1 - 3, 1 - 5, 1- 20, 1 - 15,1 - 5, 1- 17, 1 - 18, 2 – 17, 1 - 20, 1 - 7, 4 – 1, 3 – 5, 4 – 25, 4 – 25, 4 – 25, 1 - 4, 1 - 12, 2 – 12, 1 - 17, 2 – 5, 3 – 2, Я

А где же самолет, где отважные самолетчики, крылатые путешественники, благородные люди? Да вот же они, парят под облаками – не низко, но не очень все-таки высоко. Чтобы все было видно на земле, да и до неба можно было при случае дотянуться.
Ровно работает мощный мотор под присмотром строгого командира – первого пилота крылатого корабля. Харитон Харитонович тоже внимателен, и хотя зарос бородой, ничего не может укрыться от его пронзительного взгляда.
- Командир! – обратился он к первому пилоту. – Не сфокусировать ли оптику прибора

дальнего видения на шестнадцатом квадрате? Кажется, там, в бурном море, терпит бедствие судно…

Он помолчал чуть-чуть и добавил:

- Интересное судно…

- Конечно, Харитон Харитонович! - командир привык, что бывший истребитель попусту не станет отвлекать от пилотирования. – И шкипер на корабле достойный внимания…

И тут же на экране дальновизора возникло обветренное лицо шкипера. В глазах тревога за судьбу корабля, за отважный экипаж, ведь все выше волна, все яростнее ветер, все отчаяннее положение небольшого суденышка. Крепко сжимал шкипер штурвал, но силы человеческие не беспредельны…

- Впереди по курсу шхуны каменистая гряда! – заметил Игнат. – За этой грядой крошечный песчанный островок…

- Корабль сносит на эти подводные скалы! – определил по приборам штурман. – Двигатель не справляется с таким напором!..

- Можем ли мы хоть как-то помочь морякам? – спросил Харитон Харитонович, и сам же ответил:

- Это вряд ли…

Двигатель на корабле выбивался из последних сил; в нем были заключены сотни лошадиных сил, но что этот табун мог поделать с ужасными десятиметровыми волнами?

- Неужели мы будем безучастно наблюдать за гибелью судна?! – спросил с отчаяньем штурман.

- Что мы можем сделать?.. – сказал Харитон Харитонович, и в глазах его засветилась безумная надежда.

- Можно… можно попробовать хотя бы взорвать скалы… Сколько у нас гранат, есть ли взрывчатка?..

- Немного есть, но для этих скал наши заряды, как детские пистоны, - ответил командир. А вот если… если…

- Не томи, времени нет ни у экипажа шхуны, ни у нас, - сказал Игнат.

- Конечно, безумная затея, тем более при таком ветре, но ничего другого в голову мне

пока не приходит…

- ???

- Хорошо, что у нас есть приличная бухта каната, - принялся объяснять свой замысел первый пилот, - попытаемся сверху набросить петлю на мачту шхуны. Хорошо, что у нашего самолета есть люк, через который можно сбрасывать грузы, а если понадобится, то и бомбы. Ну, а мы попытаемся поймать болтающийся на волнах кораблик. Снизимся на минимально возможную высоту и набросим лассо на мачту… Самый конец каната нужно укрепить в самолете… Может быть нам повезет и мы не утонем вместе с этой шхуной… и у нас даже получится отвернуть судно в сторону от каменных глыб.

- Да, о таком мне даже слышать не приходилось, - сказал штурман, - это полный шиз, но в любом случае медлить нельзя.

Шхуну неумолимо несло на скалы.

- «Полный» что? – не понял Игнат.

- Потом объясню, - крикнул Харитон Харитонович, - а сейчас давай скорее канат!

Они размотали канат, сделали петлю, второй пилот открыл люк, и в самолет ворвался вой ветра, бушевавшего внизу.

- Спаси и помилуй! – сказал штурман и они стали травить помалу тяжелый канат, стараясь не думать о том, что с ними случится, если их сумасшедшая затея не удастся. Не нужно было быть провидцем, чтобы понять, что у них, скорее всего, не было ни единого шанса. Даже полшанса не было у них. Ну, разве четвертушка шанса?

Первый пилот взял на себя управление могучей крылатой машиной.

- Снижаемся! – скомандовал он. – Всем, кто может, пристегнуться! Будьте внимательны!..

Самолет пошел вниз, к бушующим волнам.

Первый заход не принес ничего. Канатная петля пронеслась мимо мачты, задев антенну, которая рухнула на палубу. Только сейчас капитан заметил самолет, одного взгляда старому мореходу было достаточно, чтобы понять замысел самолетчиков. Он глянул на неумолимо приближающиеся скалы и дал отмашку рукой: С Богом! Дерзайте!.. Получается у тех, кто пробует!..

Первый пилот повел свою машину на второй круг. Ветер заглушал рев моторов, ни на миг не потухали голубые когтистые молнии, дождь хлестал, как из брандспойта, клочки соленой морской пены долетали до самых крыльев, казалось, будто все стихии мира взялись сегодня испытывать человека.

На втором заходе самолет пронесся в метре от мачты, но порывом ветра петлю отнесло в сторону от мачты.

- Думаю, что у нас осталось времени на одну только попытку! – прокричал Харитон Харитонович.

Командир в ответ только слегка кивнул, он видел, что из самых последних сил сопротивляется шхуна. И в третий раз он повел самолет на цель. Казалось, что вот – вот и он рухнет прямо на корабль, но в последнее мгновенье первый пилот резко задрал нос своего летательного аппарата, петля точно захватила мачту, и бухта с канатом в самолете стала быстро разматываться. И вот она уже натянулась, как струна, самолет будто наткнулся на невидимую стену, завис над бушующим морем, привязанный к шхуне канатом. Двигатели шхуны и самолета ревели в унисон – страшно, отчаянно. Корпус самолета начала сотрясать мелкая дрожь, еще десяток секунд и судно затянет его вместе с собой на скалы…

Но именно этих коротких секунд хватило на то, чтобы шхуна отвернула от ужасных каменных глыб и уверенно пошла по направлению небольшого песчаного острова.

- Топор! – крикнул первый пилот, и штурман понял, что нужно делать. Одним ударом он перерубил канат, и самолет, словно освободившись от пут, взмыл вверх, чиркнув задним колесом по пенному гребню самой высокой волны.

- Получилось! – обрадовался второй пилот.

- Не бывает ничего невозможного, вот что это значит, - сказал Игнат. – Но если бы я не видел этого своими глазами, ни за что не поверил бы этому. Ни за что!

- Но теперь шхуну несет на песчаную отмель, - сказал Харитон Харитонович, - прямо на остров…

Злобно зашипел под днищем корабля песок, шхуна заскрипела, как рассыхающийся вековой сундук, и стала заваливаться на левый борт.

- Самое время покидать терпящее бедствие судно, - поторопил экипаж Харитон Харитонович. На шхуне как будто услышали его слова, шкипер дал команду на

эвакуацию экипажа. Тут же на воду была спущена шлюпка, и четыре человека перешли в нее с корабля.

- Их всего четверо! – сказал Игнат.

- Сам шкипер, да еще какой-то матрос в тельняшке, а с ними немолодая женщина, да паренек, скорее всего, юнга…и все…, - рассмотрел в дальновизор Харитон Харитонович.

- Они по-прежнему в нелегком положении, - сказал Игнат, - волна высока, ветер силен…

- Я не назвал бы и наше положение легким, - сказал первый пилот. – У нас проблемы с двигателем, видимо, ему такая нагрузка не пошла на пользу… Будем садиться… вернее, пробовать сесть на этот остров…

- Вряд ли нас ждет мягкая посадка…, - предположил штурман. Все промолчали, слова были не нужны.

Самолет пошел на очередной круг. Он пронесся над скалами, над островом, и командир, внимательно осмотрев этот кусок земли, принял решение: садиться на узкую полоску суши между песчаным пляжем и густым лесом, покрывающим весь этот остров.

- Где наша не пропадала, - сказал второй пилот, тоже, видать, бывалый малый, - да и тут не станет пропадать!..

И он оказался прав. Самолет коснулся колесами берега, промчался по узкой безлесной полосе и затормозил в паре метров от огромных лип, растущих на склоне невысокой горы. Все вздохнули с облегчением.

- Мастерская посадка! – похвалил Харитон Харитонович, а он понимал толк во взлетах и посадках.

- Что со шлюпкой? – вспомнили об экипаже севшей на мель и наверняка обреченной шхуны.

Самолетчики выбрались из своего летательного аппарата и увидели, что и шлюпка благополучно достигла берега, и те, кого она принесла на остров, махали руками, кричали что-то, а что – заглушал ветер. Но видно было, что они рады негаданному спасению. Экипаж самолета был этому рад не меньше, и никто не хотел думать, что же может их ждать на необитаемом острове посреди разбушевавшегося моря.

Когда, наконец, сошлись два экипажа – морской и воздушный, и отважные путешественники из двух стихий принялись знакомиться, радостно восклицать, жать друг другу руки, то каково же было изумление Игната, когда в пожилой женщине он узнал ту самую сухонькую черную старушку – в черной юбке, черной кофте, черной шляпке, которая в день отлета у Мизиновского дома таинственным шепотом предупреждала его об открытых разломах судеб.

- Драсте! Как вы сюда попали? – поздоровался он с ней. – Помните, мы с вами встречались не так уж давно… или все-таки давно?..

- Помню! – сказала она. – Вы и тогда так громко говорили, хотя у Мизиновского дома никакого шторма не было, и можно было так не кричать.

- Вы тогда говорили мне о каких-то разломах, - сказал он. – Кстати, не только вы…

- Мы можем продолжить этот разговор, - ответила она, но в это время к ним подошел матрос – человек неопределенного возраста в тельняшке, грубых брезентовых брюках. Да что там брюки – даже лицо его было заскорузлым, как пятка…

- И вы здесь? Какими судьбами? – не смог скрыть Игнат удивления, узнав и его, сокрушавшегося в памятный день отлета по поводу безграничных способностей тех, кто наверху, наблюдать за тем, что происходит на земле, и рассматривать мельчайшие подробности – хоть шоркания спины в ванной, хоть разных политических недоразумений.

- Мы всегда там, где нужно, - с достоинством сказал заскорузлый, - главное – не торопиться, а внимательно прислушиваться к судьбе, понимать ее тайные знаки и она выведет человека именно туда, где он должен быть…

Игнат с интересом посмотрел на заскорузлого. И это говорит забулдыженский забулдыга, пьяница, спекулянт ситцем? А еще кое-где он известен, как Ботаник, гроза заповедных рептилий. Непрост человек, ох, непрост…

Черная старушка отстранила заскорузлого, сказала Игнату:

- Я же предупреждала вас, что бумажные крылья не прочны…

- Не бумажные, а перкалевые, - поправил ее Игнат. Он подумал чуть-чуть, и добавил:

- Прочность в нас самих.

- Это точно! – поддержал его заскорузлый. – Когда я, например, служил в консъержах, то мне удалось в первые же дни работы задержать нескольких

вражеских шпионов, в их числе оказался и дворник, и истопник, и врач – стоматолог… К слову сказать, стоматологи - самый подозрительный народ, все время заглядывают людям в рот, что-то сверлят, пломбируют; разве вы можете быть уверены, что вместо пломб они не вставляют вам секретные приемо-передающие устройства, и прямо из вашего рта не идет прямая трансляция в НКВД?..

- НКВД давно не существует, - сказал Игнат.

- Ха-ха-ха, - закатился заскорузлый. – Верите прессе? Лживым сообщениям врагов? Секретная служба не может исчезнуть, она долговечнее вечной мерзлоты, вот мерзлота эта самая скукоживается от глобальной оттепели, а НКВД будет жить до полного скончания времен. Секретная служба не спит, не считает ворон, она не может пропасть, как шрам от занозы на пятке…

Он помолчал с минуту, собираясь с мыслями, продолжил:

- Но я, в общем, не об этом, о внутренней человеческой крепости. Как только тогда не уговаривали меня, как ни давили на жалость – и жена дворника прибегала, и детишки обсопливленные, кажется, скреблись в дверь, но я не поддался на уговоры, выполнил свой конституционный долг, дал нужные следствию показания. Указал и на то, что дворник бросил пить (спрашивается, чего здоровому человеку изнурять себя завязками?), и на то, что книжки по ночам читает, и даже революционные – «Овод», «Новое платье короля» и даже «Остров» Виктора Иванова – и где только берут эти карбонарии вредную литературу? Но главное – я не стал скрывать, что он хранит и накапливает оружие, в том числе и огнестрельное. Отнял у шпаны поджиги, нунчаки, кастеты, но не сдал куда следует, а почему? Ответ тут простой – заговор, русский бунт, а то и революция вызревали в дворницкой. И нечего улыбаться, революции всегда выходят на улицы из дворницких, истопницких, кочегарок, котельных, бойлерных.

Не забыл я указать, что на руке у этого матерого шпиона, прикрывавшегося личиной дворника, сделана интересная наколка. Вот, скажите на милость, нормальные люди что себе накалывают?..

- Ничего не накалывают? – предположил второй пилот.

- Вот и я говорю, что голых женщин, «не забуду мать родную», китайских драконов, да кое-кто Сталина Иосифа Виссарионовича забыть не может, - продолжил заскорузлый.

– А у этого шифр из цифр и букв… Я цифирки эти дурацкие даже запомнил… Кажется, 2 – 6, 2- 12, 2-1, 2 – 2, 1 – 3, 2 – 7, 1 – 2, 2 – 6, 1 – 4, 1 – 3, 1 - 2, 1 – 1, 1 – 4… Да еще какие-то «чяби чяряби» были на той наколке…

Шкипер прислушался к интересному рассказу заскорузлого, а тот совсем увлекся воспоминаниями:

- Говорят, дворник этот выкручивался из последних сил, кричал, что не знает секрета наколки, что с детства она у него на руке, но наши органы не поверили этому детскому лепету, впаяли вражине десятку, и хорошо, что без права переписки – чтоб, значит, не смущал человеческие души своими письмами…

- А ты знаешь, что такое «без права переписки»? – спросил тихо шкипер. – Это расстрел.

- Неужели? – изумился заскорузлый. – Выходит, я маху дал, на расстрел он, конечно, не тянул… А вот десятка ему в самый раз…

- Кровожадный ты какой! – сказал Харитон Харитонович. - Не жалко тебе человека?..

- Может, и жалко, - ответил заскорузлый, - но за что он мне в кабинете у следователя по уху врезал? До сих пор в ухе стреляет… А, кроме того, я слышал, что освободили его вскорости, - чего жалеть-то…

- Может, прервем на время этот вечер воспоминаний, - предложил первый пилот, - и разберемся с тем, что мы имеем сегодня?.. А имеем мы очень немного. Во-первых, полуразбитую и сидящую на мели шхуну – даже не знаю, называть ли ее в числе того, что мы имеем?

- Судно крепкое, - вставил шкипер, но почему-то добавил:

- Должно быть, крепкое…

- Во-вторых, - продолжил первый пилот, - самолет с надорвавшимся двигателем, сможем ли мы его отремонтировать?.. В самолете есть взрывчатка, патроны к маузерам, две буханки хлеба и круг печеночной колбасы… Пяток банок тушенки, пяток - субпродуктов рубленых… Одна фляжка воды… Есть мангал… Впрочем, мангал забыли на селене, раззявы! Но шампуры целы… На все это богатство семь, восемь, девять…, да девять человек, девять ртов… Пару дней легко продержимся… Когда шторм кончится, попытаемся добраться до шхуны, хотя, думаю, она к утру затонет.

- А потом? – опасливо спросил заскорузлый.
- А потом продержимся еще пару дней…
- А потом?
- Бросим жребий, кого съедим первым…
- Шуточки у вас! – поежился заскорузлый.
- Вам нечего пока опасаться, специалисты пойдут в последнюю очередь, - перебил его первый пилот, - ведь вы же специалист? Боцман или как там у вас называется?
- Да, я специалист…по боцманскому делу…
Шкипер рассмеялся:
- Ты хоть при мне не врал бы… «по боцманскому делу»… в котел пойдешь первым…
- Даже шутить так не смейте! – взвизгнул заскорузлый.
- В третьих, - продолжил счет командир, - имеем необитаемый остров, а на нем наверняка ядовитые змеи, гигантские сколопендры, динозавры и плотоядные грибы… А кроме того, шторм на море не стихает, мы все промокли до нитки и никому из нас не помешала бы кружка горячего чая…
- Я не отказался бы от чашечки горячего шоколада, - вставил заскорузлый. – Помню, когда я в дремучих лесах под Могилевом охотился на дракона, то была у меня привычка встречать утро горячим шоколадом…
- Продолжение воспоминаний откладывается! – перебил его командир. – Все мужчины мобилизуются на исследование острова. Нужно найти хоть какое-то убежище от ветра, дождя. Если повезет, то здесь могут быть пещеры, гроты, другие естественные укрытия… Что за остров без пещер?
- Предлагаю разбиться на две группы, - сказал Харитон Харитонович, - по четыре человека в каждой… Одна двинется на запад, другая на восток…
- Но нас девятеро, - подала голос черная старушка.
- Женщины остаются в тылу! – сказал штурман.
- Не хочу я одна оставаться! – запротестовала старушка. – Чтобы тут на меня напала дикая акула?
- Акулы по суше не ходят, - напомнил ей шкипер, он принципиально не употреблял слово «плавает», так как, по мнению большинства бывалых моряков, «плавает» только дерьмо.

- Все равно, я не хочу тут в одиночестве торчать под дождем! – заупрямилась она. – И вообще, нужно идти на поиски всем вместе… А вдруг тут циклоп, вдруг птеродактиль?.. Вместе победить их легче, чем раздробленными силами.
- А что, так и надо поступить, - внезапно согласился с ней командир самолета. – Оружие наизготовку, выступаем!..
И сейчас же отважные путешественники, осторожно ступая, не теряя друг друга из виду, углубились в лес. В руках самолетчиков поблескивали вороненые маузеры.
- Да какие тут циклопы! – бурчал заскорузлый. – Все циклопы после семнадцатого года вымерли.
Но на всякий случай он держался поближе к вооруженным самолетчикам.
- Нашла! Нашла! – раздался крик.
- Тут что-то белое ветками прикрыто! – старушка первая проворно и бесстрашно бросилась разбирать кучу веток, и уже через минуту все увидели охапку белого шелка со стропами – парашют.
- Вот тебе и на! – удивился Харитон Харитонович. – Как минимум один циклоп воспользовался здесь парашютом…
- А вот второй! – закричал штурман, вытаскивая еще один парашют. – Кто-то разбрасывается шелком…
- Или не успел убрать в надежное место, - предположил первый пилот, - поглядите, ветки-то совсем свежие…
- Дня два прошло с тех пор, как их наломали вот с этих деревьев, - показал второй пилот на ближайшие сосны.
- Кто-то так же, как и мы, потерпел здесь крушение? – предположила черная старушка.
- Или проводил здесь десантную операцию, - сказал опытный Харитон Харитонович. – Или еще проводит…
- Вряд ли, - взял под сомнение его слова штурман. – Судя по количеству пустых пивных банок…
И он показал на целую кучу жестянок из-под пива, валявшихся на земле у ствола одного из огромных деревьев.
- Если он здесь пару дней, а уже столько пива выпил, то это на самом деле циклоп,

-сказал Харитон Харитонович.

Лес внезапно кончился, и они оказались у подножья невысокой горы. На ее склоне темнел вход в пещеру.

- Пещера!!! – радостно закричали путешественники, усталые, промокшие, толком не оправившиеся от потрясения, которое нынче выпало всем им. – Все в укрытие!..

Но не успели они сделать и шага по направлению к пещере, как над лесом, над горами и скалами раздался громовый голос:

- Стойте на месте! Ни шагу!

Голос был так громок, что перекрывал грозовые раскаты, вой ветра и шум дождя.

- Вот и циклоп! – потрясенно прошептал заскорузлый. – По-русски понимает…

- В случае неповиновения открываю огонь! – проревел циклоп, и сейчас же в подтверждение его слов откуда-то сверху ударил пулемет. Путешественники, как подкошенные, рухнули на траву. Только старушка не успела этого сделать, стояла под градом пуль.

- Что вы безобразничаете! – закричала она. – Мы потерпели крушение, нуждаемся в помощи, а вы стрельбу подняли!.. Так-то вы встречаете путешественников, преодолевших полмира… Так-то вы выполняете талдыпанскую конвенцию по кругосветным путешествиям?..

- Плевать я хотел на вашу конвенцию! – проревел циклоп. – Пусть она даже женевская будет! Выметайтесь с острова, вот что я вам скажу!

- Вы что, купили его? – подал голос заскорузлый.

- Сейчас, отчитываться перед тобой буду! Я его в карты выиграл, в буру…,– заскорузлый таки втянул циклопа в спор. – Вы что, из финпола?.. Документы в порядке! Лучше проваливайте с моей собственности!

- Молодой человек, - обратилась к хозяину острова старушка, по какому, скажите, праву вы разговариваете с нами таким тоном?

В ответ ударила пулеметная очередь. Старушка опять не стала падать, более того, сделала несколько шагов по направлению к пещере.

- Предупреждаю, следующая очередь пойдет не в небо, а по вашим упрямым головам! – предупредил стрелок.

Командир самолета поднялся с травы, с завистью посмотрел на пустые пивные

банки. Он поддел носком сапога одну банку, она задребезжала жалобно.
- Эх, люди пьют «Бобруйское светлое», мировой бренд, - сказал он. – А этого, циклопа недоделанного, давайте не станем пока злить… Предлагаю разбить палатки, обогреться, устраиваться на ночлег.
Он поймал вопросительный взгляд шкипера, ответил:
- Парашюты – лучшие в мире палатки, их и устанавливать не сложно…
Вскоре были установлены две палатки, путешественники чуть-чуть привели себя в порядок. Циклоп время от времени трубил:
- У меня, между прочим, договор с аборигенами Тандырных островов, стоит мне подать сигнал, как они придут мне на помощь. А они, прошу запомнить, не чураются каннибализма. Вам же лучше будет, если уберетесь отсюда!.. Или пойдете на завтрак к тандырцам… тандырчанам… тандырянам…
К тому времени закончился дождь, стих ветер, закатное солнце принялось медленно погружаться в море, и казалось, что там, где светило соприкасается с бурным еще морем, вода закипает.
Неподалеку от разбитого лагеря путешественники обнаружили родник с замечательной на вкус водой. Циклоп вопил из своей пещеры:
- Источник мною отравлен! Предупреждаю! Последствия употребления этой воды могут быть самыми ужасными! Лучше вам тихо скончаться от жажды, чем покинуть этот свет в страшных мучениях! Имейте это в виду!
Путешественники постепенно привыкли к угрозам циклопа, даже развели костер. В самолете нашелся котелок, пара пачек чая. Чайные чашки легко соорудили из консервных банок.
- Чай индийский? – спросил из пещеры циклоп.
- Конечно! – сказал Харитон Харитонович. – Не фруктовый ведь… Второй сорт, со слониками…Если ты толк в нем знаешь…
Циклоп шумно вздохнул.
- Предлагаю обмен, - минуту помолчав, сказал он, - за пачку чая даю вам полбанки пива… Почти полную банку… Совсем не тронутую… И еще обещаю оставить в живых того, кто принесет пачку в пещеру.
- Почему-то этот циклоп не нападает на нас, – принялась размышлять вслух черная

старушка. – Это неспроста. Могу предположить, что ему не по силам справиться с нами – или он немощный какой-то, или совсем небольшой… Росточку крошечного совсем… Ох, сдается мне, что нам попался циклопий лиллипут…

- Голос – то какой у него зычный, - сказал второй пилот. – Прямо мороз по шкуре продирает.

- Голос – то громкий, а вход в пещеру, посмотрите, – нормальный человек едва-едва притиснется, а как там циклоп поместился? – продолжила свои размышления старушка. – Думаю, надо сходить в гости к этому великану, посмотреть, чем он дышит…

- А пулемет? – напомнил заскорузлый.

- А надвигающаяся ночь? – подал голос Игнат.

- А дикие звери? – сказал штурман.

В общем, решили ночевать в палатках, до утра не тревожа подозрительного великана, но обменную операцию «чай на пиво» поддержали большинством голосов, как – никак команда подобралась в основном мужская. Тому, кто отважится отправиться к циклопу, поручалось по возможности провести и разведку, осмотреться, приметить все, что будет приметного, потом действовать по ситуации. Вызвался Игнат.

- Только мне на всякий случай маузер дайте, - попросил он. – Хотя бы всего с одним патроном, чтобы, если что, не мучаться в зубах чудовища, не терпеть ужасные пытки.

Голос помимо его воли дрогнул, и путешественники на миг представили, как грозный циклоп пожирает Игната, как шоколадный батончик, а потом запивает его индийским чаем второго сорта «со слониками».

Первый пилот протянул Игнату маузер в лакированной деревянной кобуре – новехонький был маузер:

- Держи, брат, эту славную боевую машинку, - сказал он. – Обойма полная, модель двадцатизарядная. Если что, открывай огонь без предупреждения; циклоп он или не циклоп, вряд ли он устоит против девятимиллиметровых маслят…

- Я тоже пойду! – вдруг вызвался заскорузлый. – Вдвоем, как никак, веселее…

- Думаю, что в этом нет никакой нужды, - в голосе старушки прорезался металл, - кто-то должен и лагерь обустраивать… Я понимаю, что мужчине проще погибнуть в

лапах циклопа, чем хворост собирать, огонь поддерживать, ужин готовить на девять ртов… Хорошо бы хоть какой-то рыбы наловить.

Игнат повесил кобуру на ремешке через плечо, взял пачку чая и начал подниматься по склону горы к пещере.

- Что за деревяшка у тебя подмышкой? – спросил циклоп.

Игнат ответил:

- Я же не спрашиваю, что у тебя самого подмышкой. Мы вообще тебя еще не видели, кое-кто утверждает, что ты вообще шибздик… Знаешь, кто такие шибздики?..

- Стой! – опять перешел на крик великан. – Ни с места! Держу тебя на мушке!..

Игнат остановился.

- Покажи деревяшку. Это не топор? Подними ее выше!..

Циклоп явно никогда не видел маузера в деревянной кобуре.

Игнат поднял оружие над головой, помахал им, изо всех сил стараясь показать, что деревяшка совсем не тяжелая. Циклоп поразмышлял немного, молвил:

- Продолжай движение, но не слишком быстро, резких движений не делай.

Игнат зашагал к пещере. Склон был не очень крутой, но после дождя ноги скользили, разъезжались. В конце концов Игнат грохнулся оземь, кое-как поднялся. Циклоп звучно хмыкнул. Игнат разозлился: сидит в пещере чудовище, лакает пиво, да еще над людьми насмехается.

- Эй ты, весело тебе? – крикнул он ему. – А, знаешь, мы, пожалуй, передумаем насчет чая. Пей свое пиво!..

- Ладно, мужик, не сердись, - почти миролюбиво произнес циклоп, - вы меня тоже должны понять. Вторгаетесь на занятую территорию, устраиваете здесь всякие кораблекрушения, авиакатастрофы, а каково местным жителям – вы об этом думаете?.. Думаете?

- Так мы не специально, стихия вынудила, - сказал Игнат.

- Все так говорят, а местным покоя нет – то с моря, то с воздуха валят гостечки непрошенные.

- И много привалило? – поинтересовался Игнат.

- Вы – первые, - ответил циклоп. – Но не зря говорят, лиха беда – начало. По натоптанной дорожке теперь могут нагрянуть туристы разные, исследователи,

археологи – все перекопают, все могилы раскроют. Еще и с вами не знаю, как поступить – расстрелять всех или в море со скал сбросить, а тут и новая головная боль может начаться…

- Стой! – закричал циклоп, когда Игнату осталось до пещеры не более десяти шагов. – Кидай пачку!

Игнат бросил, и пачка упала в шаге от черневшего зева пещеры. Оттуда высунулась длинная палка, загребла пачку вовнутрь.

- Пиво возьми из ящиков под деревом, - сказал циклоп. – Можешь банки три взять…

В густеющих сумерках Игнат рассмотрел, что неподалеку от входа в пещеру, под разлапистым деревом были свалены беспорядочно десятка два ящиков, плотно набитых мешков, большущих узлов. Рядом лежал большущий кусок брезента, очевидно предназначенный для спасения этих ящиков и узлов от непогоды, но руки у хозяина пока до этого не дошли.

- Будь другом, - попросил циклоп, когда Игнат взял банки с пивом, - закрой все там брезентом…

- Да, без проблем, - сказал Игнат и взялся за кусок брезента. В минуту он прикрыл пожитки, отметив про себя, что лежат они здесь не более двух дней. И еще, ему бросился в глаза футляр от портативной пишущей машинки. Заметил он и упакованные в целлофан пачки бумаги. «Кому может прийти в голову тащить на необитаемый остров пишущую машинку? – подумал он. – Странно, очень странно…»

Он вернулся к парашютной палатке, рассказал о том, что увидел у входа в пещеру.

- Есть у меня кое-какие предположения, - сказала старушка, удобно устраиваясь у костра, - но о них завтра… Кое что нуждается в уточнении… А сейчас, насколько я понимаю, нужно кое что выяснить относительно нас самих…

- Да, накопилось немало неясного, - сказал второй пилот. – Кстати, меня зовут Ваней…

- А меня можно называть Васей, - представился первый пилот, он же командир на самолете.

- А я – Валя, - сказал штурман.

- Мое имя и отчество – Ксения Павловна, - с достоинством кивнула черная старушка.

Шкипер встал, поклонился:

- Григ… Вообще-то Григорий, но так почему-то зовут с самого детства…
- Григ даже удобнее, - успокоил его Вася, первый пилот.
- А меня зовут Алешей, - кажется, впервые за все время подал голос юнга.
- Замечательно! – подбодрил его Харитон Харитонович. – Вот мы все и перезнакомились, а теперь, молодой человек, отправляйтесь вместе со всеми за хворостом… Ночь хотя и летняя, но без огня может показаться очень долгой…
- Есть! – козырнул юнга Алеша.

Через полчаса все приготовления к ночлегу были закончены. Черная, беззвездная ночь опустилась на остров. Где-то неподалеку раздалось злобное рычание, откуда-то сверху донесся сатанинский хохот и ясно послышался тяжелый топот многих ног. Путешественники – народ не пугливый, но и они теснее сомкнули кольцо вокруг костра. На всякий случай.

По кругу пошли банки с пивом – для поднятия настроения.

- На шхуне ром кубинский остался, - сказал Григ и вздохнул.

С минуту все молчали, слушая шум невидимых волн. Наконец, нарушил молчание юнга Алеша.

- Как много, оказывается, выпадает на долю моряка потерь, - сказал он.

На него удивленно посмотрел второй пилот Ваня, вот дает, салага!

- Теперь подашься в счетоводы, там спокойнее? – спросил он у него.

Тот опять ответил не по-детски:

- Может, и подамся, мне важна надежность. Мы вообще ценим стабильность…
- Ну, надо же! – сказал Ваня. – «Мы» - это кто? Юные нахимовцы?..
- Мы – это мы! – загадочно произнес юнга.
- Прибился ко мне этот паренек пару месяцев назад, - сказала Ксения Павловна. – Ершистый, но, кажется, добрый. А мне было так одиноко…
- Как это так прибился? – удивился Ваня. – Он что, бездомный, без роду и племени… прибивается то к одному двору, то к другому?
- Выходит, что так, - сказала она. – Заметила я, что на самой верхней лестничной площадке старого, заколоченного, подъезда нашего дома как будто поселился кто-то. Из нашей квартиры только и видать эту площадку. Да и то – из лизаветиной комнатки. Лизавета часто на своей коляске подъезжала к этому окну и подолгу смотрела в

него… Я не решалась тогда беспокоить ее… Что она там видела?..
- Ничего особенного, ржавые крыши, провал улицы, - быстро откликнулся юнга. – Ничего хорошего нет на крышах…
Ксения Павловна пропустила его слова мимо ушей:
- Но когда приказал долго жить кенар, когда расцвел кактус, а Лизавета уехала, куда глаза глядят, то я впервые за много месяцев посмотрела в это окно…без особой надобности, а там Алеша…
- Так вы бабушка той самой девочки?.. – спросил Игнат.
- Да, той самой, - ответила она, смахнула со щеки слезу и продолжила свой рассказ:
- И тогда я позвала его, и он рассказал мне, что круглый сирота, что сбежал из детского дома, где с ним обращались бесчеловечно. К сожалению, такое случается нередко – полно еще несчастья на наших улицах, в наших домах… Я обитала одна – одинешенька в огромной квартире, а он почти под открытым небом – несправедливо это. И я предложила Алеше пожить у меня…Он согласился, и никогда не давал мне повода пожалеть об этом…
- Странный сегодня получился день, - сказал Харитон Харитонович. – Странная получается ночь…
Словно в ответ ему опять над головами путешественников раздался ужасный хохот и хлопанье огромных крыльев. Из пещеры циклопа давно уже слышался богатырский храп.
- Странная жизнь получается, - добавил шкипер Григ. – Вот в нашей семье завелась давным-давно традиция, наносить мальчикам на левую руку непонятную наколку. Обязательно мальчикам – не девочкам. Наверное, это связано с какой-то семейной тайной…
- Что за наколка? – взволновался заскорузлый.
Шкипер, увлекшись рассказом, не услышал вопроса:
- Считалось, что у нас в роду обязательно будут мальчишки, и так на самом деле было много – много лет: родились мальчишки и им делали эти странные наколки, приходило на смену новое поколение – и оно получало наколку, а вместе с ней и предание, что тайна татуировки будет открыта только тогда, когда в семье не родится ни одного мальчишки… Так вот, моя жена произвела на свет девчонку… Дашу мою

милую…

И голос его дрогнул. Давным-давно не видел он свою дочь, почти двадцать лет… Или даже больше?..

- Что за татуировка такая? – повысил голос заскорузлый.

- Вот смотри! – Григ вытянул руку в сторону огня, по локоть закатил рукав рубахи. Оранжевый отсвет лег на ряд цифр: «2 – 6, 2- 12, 2-1, 2 – 2, 1 – 3, 2 – 7, 1 – 2, 2 – 6, 1 – 4, 1 – 3, 1 - 2, 1 – 1, 1 – 4». И рядом: «Чяби чяряби…»

- Ой! – испуганно воскликнул заскорузлый. И еще раз:

- Ой-й-й!!!

- Я тебя сразу узнал, иуда! – сказал ему Григ. – Думал в море тебя утопить, да море поганить жалко…

- Я только выполнял свой долг! – принялся оправдываться заскорузлый. – Время было такое… Я три года перебивался с хлеба на воду… После моей эпопеи с ловлей дракона никто не хотел брать меня на работу, да еще я остался должен главной Академии, где брал аванс на поимку доисторической рептилии. Едва ноги не протянул, и вот подвернулась не пыльная, в общем, работенка – консьержем, еще и комнату дали, правда в полуподвальном помещении, но нам выбирать не приходится… Но поставили условие – стучать. Представитель органов так и сказал: тем лучше жить станешь, чем больше сумеешь настучать. Должен помогать в выявлении врагов, как внешних, так и внутренних. А врагов у нас хоть завались!..

- Вот из-за таких как ты, гадов, люди во всем мире нас боятся, - сказал Григ, - просто шарахаются от нас… Вот заходил я как-то в Марсель…, впрочем, это о другом…

- Так неужели ты ему хотя бы по уху не дашь? – спросил у шкипера захмелевший от пива Вася, первый пилот. – Вот так и обойдется ему, стукачу? Если сам не хочешь, поручи мне. У меня завсегда душа горит по брылам настучать падлюге какой-нибудь.

- Он уже дал мне по уху, - поспешил напомнить заскорузлый, - на очной ставке…

- Ну почему же, - ответил шкипер, - по уху я ему, пожалуй, врежу… еще раз…

Он встал, подошел к заскорузлому и дал ему по уху, несильно, но чувствительно. Заскорузлый заохал, откатился от костра, запричитал:

- Публичные экзекуции устраиваете, да? Сладили с одним, да? Сладили? Ну, ничего, найдется и на вас управа. Найдется!

- Это он циклопа, наверное, имеет в виду, - сказал Игнат.
- А, может, и не только его, - сказал юнга Алеша.
- Что вы о себе вообразили? – продолжал бывший ловец драконов, бывший консьерж, бывший стукач. – Думаете, все вам позволено? А кто вы такие?.. Вполне подозрительные личности, болтаетесь по волнам и долам, сами не знаете, что ищете, да это еще вопрос – ищете ли? Может, только вид делаете, что ищете?.. Кто вы? Откуда? Зачем?.. Не можете ответить, не по зубам вопросы?.. А я вам скажу, кто вы. Вы – хаос, и сеете хаос и абсурд.
Человек не должен мотаться из стороны в сторону, сам по себе, он должен подчиняться порядку. Даже айсберги имеют свои маршруты, а это горы, горы! У всего должен быть свой путь, своя карта. Нельзя сегодня на Луну, а завтра на необитаемый остров, а послезавтра, вообще, куда глаза глядят, куда ветер дует, куда приснилось… Как будто вас ничего не держит на земле, разве это хорошо, когда ничего и нигде не держит человека? Может, вас и вообще нет, а? Может, это чистый обман зрения, а на самом деле вы даже в зеркале не отражаетесь? Человек – не Бог!.. Человек всего лишь – человек…И дана ему не воля, а доля… Доля!..
Все притихли, не ожидали такого.
- Ну, чего ты, чего? – почти примирительно сказал Григ. – Я и ударил-то тебя едва-едва, как погладил. Прости… Насчет другого, тоже согласен – носит нас по этому миру, носит… Хотя, не боги мы, конечно…
- Мне кажется, - сказал второй пилот, что мы в Бога не верим…не научились верить.
- Бога нет, - казалось, что заскорузлый после горячей обличительной речи, вот-вот сорвется на крик, но он произнес это почти печально; ему все-таки хотелось, чтобы Бог был.
- Бог далеко, - задумчиво произнес истребитель Харитон Харитонович.
- Бог всегда рядом, - сказала черная старушка – Ксения Павловна. – Господь милосердный…
Костер мирно потрескивал, замолк рев ночных чудищ, не слышно было и хлопанья огромных крыльев, из пещеры доносился богатырский храп циклопа – тишина и покой наполнили весь остров тишиной и покоем, стали засыпать и путешественники, да не все.

- И все-таки скажи, как получилось, что тебя не расстреляли? - спросил у шкипера Харитон Харитонович. Ксения Павловна тоже прислушалась к рассказу Грига, и они не заметили, как из палатки осторожно выбрался заскорузлый, за ним неслышно выскользнул юнга Алеша. Уж больно интересным был рассказ бывалого морского волка.

Глава шестнадцатая: Григ

Вышел ежик из тумана
выпил водки полстакана,
вынул ножик, колбасу -
хорошо в родном лесу.
Тихо песню затянул,
о несбывшемся всплакнул.
Посмотрел в пустой стакан
и опять ушел в туман
2 – 9; 2 18; 2 – 23; 7 – 1; 6 – 1; 1- 17; 3 – 3; 5 – 10
Сколько Григ помнил себя, столько за ним и следили: в детском саду воспитательницы, на улицах дядьки в велюровых шляпах, на танцах в Фурманском садике улыбчивые друзья. И всем была интересна его жизнь. Ему тоже были интересны их жизни, но не настолько, чтобы спрашивать: «А что твой отец говорил вчера вечером о денежной реформе? А камин вы вчера разжигали?»
Этот камин всех особенно интересовал, из пожарной охраны иной раз так на дню два раза приходили – и в дымоход заглядывали, и выстукивали, и замеряли, и вольтметр со стрелкой, а может, и не вольтметр, на камин наводили, и стрелка куда-то показывала, должно быть, на север.
Не успевала дверь захлопнуться за пожарниками, как вваливалась комиссия по контролю за архитектурой; комиссия тоже первым делом ныряла в камин, принималась щупать каминные щипцы, выспрашивать: когтистые лапы какой птицы,

или не птицы, изображены на щипцах? Комиссия еще забиралась в подвал, спрашивала, нет ли тут какого тайника, и почему в подвале стоят двое одинаковых, таких огромных, часов с маятниками, похожими на алебарды?

Вслед за комиссией в дверь стучали ревизоры электричества, и тут же спрашивали про камин и подвал, и про огромные часы в подвале. «Вот, зачем вам этот камин? Ни у кого в городе нет каминов, а у вас есть, почему?», – спрашивали ревизоры, изучив каждый квадратный сантиметр камина, прослушав каждый его камень слуховыми трубками. И, казалось бы, какое дело ревизорам электричества до камней старого камина, до часов с алебардами, до когтистых пятипалых лап на каминных щипцах, но они и не думали хоть как-то объяснять этот свой интерес, а все спрашивали и спрашивали. Но вот они уходили, и, сейчас же, на их место прибывали профессора исторических и даже доисторических наук, и сразу с головой залезали в камин, ковырялись в часах, предлагали на месте камина сложить экономичную печь с изразцами. И ничего не нашли эти комиссии, ревизоры и контроллеры, но интерес у них не убавлялся. Правда, в последние годы ревизоры и уполномоченные глаз не кажут, но время от времени обнаруживается, что кресла у камина сдвинуты, щипцы лежат не на своем месте; в самом камине валяется смятый «гармошкой» окурок «беломорканала» - кто-то тайно продолжал орудовать в доме.

Но особенно интересовали наблюдателей, сексотов и других часовых нашей жизни альбомы с фотографиями, старинные письма, дневники; ведь в давнишнее время чуть ни каждая барышня вела дневник, да и ребята этим не брезговали: о звездах, о любви, о поездках на кислые воды, о первой охоте на вальдшнепа, о странном человеке, появившемся в городе. Любопытствовали и старинными книгами, статуэтками, монетами. Но дед Григория, а когда был жив – и прадед отличались крутым нравом, казачьей неуступчивостью. Выведать у них нельзя было ничего, а чуть что – так и кулаки могли пустить в ход. Отец Григория был такой же закалки, лазутчиков на дух терпеть не мог – скольких визитеров взашей вытолкал! А все фотокарточки, письма, бумажки, какие были, велел женке своей Антониде так спрятать, чтобы она и сама не могла найти. Она и спрятала.

А чего искали – ревизоры не говорили, наверное, сами не знали, слышали звон, да не ведают, откуда он.

Следили за Григорием и тогда, когда он подался в мореходку. Спрашивали: откуда такое желание – стать моряком – у парня из степного городка? Он отвечал: «Детская мечта». Не мог же он рассказать им о странном семейном наказе, который передавался от деда к отцу, от отца к сыну – и так на протяжении многих поколений, а говорилось в нем, что все мужчины в роду должны иметь на руке татуировку: непонятные двойные цифры и еще менее понятную детскую считалку с «чяби чяряби…». Кроме того, и мужчины, и женщины семьи, должны были, где только смогут, повторять незатейливые детские считалки, записывать их в школьных тетрадках, в альбомах, пересылать их в письмах, выводить на транспарантах, лозунгах и стенах – всюду, куда дотянется рука. А когда родится в семье мальчик, которого назовут Григорием, нужно будет стать ему моряком. Обязательно моряком, и откроется ему однажды заповедный остров.

И особо строго требовал наказ хранить родной дом.

Соседи, знакомые косились: что это за родители такие, сами своих мальчишек заставляют наколки делать? Другие оберегают детей от этой дикарской скверны, а эти сами ведут их, чуть ли, не к заплечных дел мастерам. И не только косились, но нередко и сигнализировали, куда следует. Там, где следует, давным-давно держали подозрительную семейку в фокусе строгого внимания, - и протоколы составляли, и рапорты писали, и отчеты в пухлых пачках сдавали под охрану. Много накопилось подозрительных фактов и даже улик, а про что эти важные матерьялы – там, где следует, пока не знали. В голове крутилось, с языка готово было сорваться, но не выкручивалось, ни срывалось.

Начальник того, где следует, догадывался, что семья Григория – это верхушка международной подрывной организации, которая – страшно даже вымолвить – не брезгует колдовством, магией всех расцветок, волхованием. Улики были непонятные, но настораживали. Например, одна из пожарных комиссий обнаружила в доме пачку старинных открыток с видами города, на которых были старательно выведены не «Люблю! Цалую! Жду!», а детские считалочки: «Эна, бена, раба, квинтер, финтер, жаба…», «Кони, кони…Чяби Чяряби…».И посланы они не из поселка Джамбейты, не из города Средняя Ахтуба, а из центра Европы – из города под названием Палермо. Да и отправлены открытки как раз в тот день в

шестнадцатом году, когда на острове Капри у Максима Горького Ленин играл в шахматы с Богдановым. Не в покер он резался с «карикатурным большевиком», не в примитивную буру, не в благородный преферанс, не в освежающее «двадцать одно», а в шахматы. Причем, поговаривают, была разыграна защита Арона Нимцовича. Вот, именно, Арона.

Именно в этот день некто, подписавшийся как «Александр Чаби-Чярябский», посылает эти открытки со считалками из Италии в Уральск: «Трынцы-брынцы, бубенцы, раззвонились удальцы…». Кто он такой этот Чяби-Чярябский? И что это за фамилия такая? Или это титул? Поди, разберись! И, скажите, пожалуйста, кто в Уральск из Палермо станет слать открытки с видами Уральска?

И другие улики подстать: «Соглашение о страховании имущества в Российском страховом от огня обществе, Санкт-Петербург». Датировано соглашение 1874 годом. А кто не помнит, что именно в этом году родилась поэтесса Аделаида Герцык, а также Гертруда Штайн, тоже писательница. Казалось бы, никакой связи между этими событиями нет и быть не может, но для того и государственная тайная охрана, чтобы подозревать не только подозрительное, но и все немногое, что пока не состоит на подозрении… Ну, зачем, скажите, страховать свой дом в далекой столице? В городе прекрасно обходятся вообще без страховок всяких, и без этого тут знают, как деньги тратить, они ведь, денежки, не через край. Страшные пожары регулярно выжигали город? – так это кара свыше.

Нет, только подумайте – страховать свое жилище и имущество в столице!

А это разве не улика? Кажется, ревизоры по охране нравственности в очередной свой заход нашли в подвале того дома – два лотерейных билета «Большой лотереи» благотворительных заведений за 1874 год. По инерции переписали номера – 88388, 70311. Долго не знали, что с ними делать, пока секретный агент Грищак не предложил: «Нужно их проверить, а что же еще?». Умный агент оказался. Конечно, трудов пришлось положить немало, разыскивая таблицу розыгрыша, состоявшегося больше века назад. Тут кандидаты и доктора исторических наук доказали, что не зря едят свой хлеб, там, где следует. Два с половиной года не выходили они из подвалов тайных служб, забыли, как сирень пахнет, с какой стороны солнце встает, но откопали–таки таблицу. Проверили, и оказалось, что оба билета выигрышные – по

тысяче рублей ассигнациями. Выше был только один выигрыш – пять тысяч. Он выпал на билет под номером 11243.

- Не удивлюсь, что этот билет тоже может найтись в этом подозрительном доме, - сказал самый высший начальник того, где следует. Он был не глупее секретного агента Грищака. И приказал искать билет. Тогда пошла на дом очередная волна ревизоров, учетчиков и огнеборцев.

В сотый раз осмотрели все углы, камин и подвал, подняли все половики, перелистали все книги, ощупали все простынки, наволочки, не побрезговали исподним – такая служба, понимать надо. Но билет под номером 11243 не обнаружился. Помилуйте, а вообще как такое могло случиться, что все билеты с крупными выигрышами оказались в одном месте?

И тогда Грищак сказал, потупив глаза, чтобы не выпячиваться перед начальством:

- По самому главному билетику, видать, выигрыш был получен, пять тысяч – по тем временам немыслимая сумма…, однако, за полтора столетия, надо думать, денежки пристроить успели… А тысячные билеты не стали обналичивать, чтобы не вызывать подозрение, или просто не успели…Так что, зря ищем…

- Молчать! – закричал высший начальник. – Зря или не зря – это мне только известно! Ваше дело работать и помалкивать в тряпочку! Понятно?..

- Так точно! – рявкнул Грищак.

- Я перед Правительством отчитываюсь, а не вы! – никак не мог успокоиться высший начальник.

Его так задело, наверное, потому, что Уполномоченный от Правительства, которого друзья, знакомые и даже собственная жена звали за глаза Уопом, как-то спросил, между прочим:

- Вот вы уже многие годы разрабатываете это дело – про считалки, про разные странности…

- Стало быть, с самого тысяча восемьсот тридцать третьего года! – отрапортовал высший начальник. – С того дня, когда от сексота Обмаха было получено письменное донесение о том, что появился в городе подозрительный субъект, который пытался тайно передать камер-юнкеру Пушкину какую-то бумагу. В этот же день сигнализировал и сексот Варка: по его сведениям субъект попал в город совершенно

голым. В чем мать родила. Абсолютно так! С первых же дней наблюдения стало понятно, что это чужой человек… Подозрителен, очень подозрителен, но в воровских злодеяниях не замечен, в инакомыслии – тоже, вот только считалочки идиотские повсюду пишет, но насчет считалочек, к сожалению, пока статьи нет… Лет на тридцать – сорок он вообще выпадал из поля зрения, пропадал куда-то…
Уполномоченный хмыкнул, сказал обидно:
- В общем, сдвигов никаких не видать за полтора века… И вывески менялись на вашей конторе, и начальники приходили и уходили, а толку… толку… сам понимаешь сколько от вас толку…
Высший начальник с трудом сдержался, чтобы не вспылить, дескать, а от Правительства какой толк людям? То война, то мор, то восстановление народного хозяйства. Но сказал другое:
- Конечно, взять бы эту семейку за цугундер, прижать, как следует, для этого есть славные проверенные средства – ледяной карцер, горячее через день, кружка воды на сутки, а можно и по ребрам резиновым шлангом, очень вразумляет такая мера, но ведь именно Правительство было против…
Короче говоря, пока Правительство либеральничает, играет в гуманизм и права человека, у патриотов, болеющих за судьбу государства, руки связаны…
Уполномоченный нахмурился, вообще Правительство не любило, когда тайная охрана начинала сильно думать про судьбу государства.
- Скажите, может быть, вам, в Правительстве, известно нечто такое, чего не знаем пока мы? – вкрадчиво спросил высший начальник.
- Да, думаю, пришла пора раскрыть карты, надежды на то, что вы сами это заметите, не осталось, - ответил Уполномоченный Уоп. – Этот субъект, который старался прорваться к Пушкину, пропал в 1834 году под осень, причем пропал внезапно, а появился в 1874 году, как снег на голову свалился…
- Это нам известно, - козырнул осведомленностью высший начальник, - причем первый доклад от сексота Обмаха-второго указывает, что впервые субъект в том году был замечен в фотоателье на Крестовой… Мы осторожно – еще в те годы - наводили справки, самого чудика допрашивали… Нет, нет, без спецсредств… Тогда нипочем этого нельзя было. Говорил, что напали на него в лесу, отобрали одежду, паспорт

отобрали лихие люди… Подозрительно, но не более того…
- Эх, вы!.. Не более того…Потеряли бдительность, нет никакой творческой ухватки! – с горечью произнес Уоп. – Хорошо, что наша Особая Тайная Стража не дремлет. Ведь этот странный человек объявился в 1874 году точно таким же, каким был тридцать пять лет назад…
- Нет, он был не голый…
- Да, не голый. Вы только это и запомнили? А ведь главное – он вернулся не постаревшим ни на один годок, ни на один денек… Ни одной морщинки, ни одного седого волоса… Вот, что вы проморгали! Вот чего не выяснили! А должны были! Должны! Может быть, у него в руках самая тайная тайна мироздания, самое жгучее из самых жгучих знаний? А вы «взять за цугундер, шлангом по ребрам»! Как были костоломами, так и остались…
Да, неприятно услышать такое от самого Уполномоченного. А тут еще Грищак вякает! Подсидеть, собака, хочет?
И высший начальник приказал усилить исследовательскую работу, еще дотошнее выведывать-расспрашивать, следить денно и нощно, в том числе через бинокли и телескопы, слушать в три уха, не спать, не дремать – каждую мелочь примечать, каждый шажок брать на заметку, все протоколировать, переводить в цифровой формат, чтобы ни одна запятая, чтобы ни одна козюлька не осталась незамеченной. Григу и его семье несладко пришлось. Сейчас-то все кажется нестрашным, уже всем рассказали по радио и в книжках, что не страшно, что никаких там иголок под ногти, никаких щипцов и сапог испанских, никаких похищений больше не бывает, а сидят там в тайной и даже самой тайной-претайной охране культурные люди в белых халатах – все кандидаты и бакалавры, щелкают на автоматических счетах – фактик к фактику прищелкивают, а после работы не в тир, как прежде, а в театр на «Жар-Птицу», в музей на постимпрессионистов, в аптеку за презервативами – и искусство высокое теперь там, где прежде темные казематы были, и любовь там, где страдали тысячи безвинных.
Про былые годы и вспомнить жутко. В пионеры Грига не приняли, лишен он был радости дудеть в горн, колотить в барабан, орать счастливую песню «Взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры – дети рабочих», не носил он красных штапельных

галстуков, тем более – шелковых, шуршащих, холодящих шею. Не выбирали его звеньевым, председателем совета отряда, не давали разучивать приветствие делегатам коммунистического съезда по заранее заготовленной бумажке: «Спасибо партии за наше счастливое детство!..» И в шеренге отличников не кричал он звонко на сцене областного театра имени Александра Николаевича Островского о профессиях: «Все работы хороши, выбирай на вкус! Я мечтаю стать сталеваром! Я – пилотом! А я – счетоводом-бухгалтером, а я – директором плодоовощного совхоза, а я – дегустатором на спиртозаводе!..»

Да и что бы он закричал? «Хочу стать капитаном и помочь людям найти заповедный Остров?» Так на смех бы подняли, какой такой Остров, где Робинзон тебя дожидается?

В мореходке ему не дали доучиться, придрались: почему его называют не своим простым и понятным именем Григорий, а каким-то Григом? Иностранщина, низкопоклонство перед Западом! Еще пеняли за то, что поет по вечерам в общаге подозрительные песни на иностранном языке «Yesterday, love was such an easy game to play…», хотя толком и слов не знал, да и голоса у него не было. Да и слуха тоже. Кроме слуха, у него и характер был скверный. Чуть что, и с кулаками лез: не обижайте маленьких, не трогайте чужого, не притворяйтесь умными!..

Об этом велели каяться на общем собрании, признавать свои многочисленные ошибки. А он каяться не стал, вместо собрания пошел в пивную и орал там весь вечер старую добрую песню «Сорок человек на сундук мертвеца…». А собрание – восемьдесят семь человек и парторг училища ждали его, думали – не дурак ведь он окончательно, сейчас придет, повинится, получит выговор с занесением, и будет дальше изучать историю КПСС, диамат, который расшифровывается, как «диалектический материализм», истмат, который в свою очередь расшифровывается, как «исторический материализм»; (материализмов было бессчетно, но все усердно изучали их, потому, что без них нельзя было и шага ступить)…

Но что об этом говорить, если Григ так и не пришел на собрание, а подрался в пивной с мужиком, который утверждал, что река Урал короче и мельче старинной речки Яик. Обидно стало за Урал.

И Грига в конце концов выставили из мореходки. Лишился он общежития, стипендии,

морской формы. Он подался сначала домой, пытался устроиться в Уральское речное пароходство, чтобы таскать по реке баржи с гравием, песком и бутовым камнем, набираться, ходя по воде, уму-разуму, выйти в старпомы, а потом и, чего только не случается, в капитаны, заработать себе на пальто, справить сапоги яловые, шапку каракулевую. А уж в шапке каракулевой можно весь мир обойти – хоть на бударке, хоть на сипящем пароходе, шлепающем плицами по желтой воде! Но в пароходстве посмотрели его характеристику из мореходки, полистали еще какие-то бумажки, и сказали «вакансий нет». Он пошутил: «Я не вакансии ищу, а работу…», но никто на его шутку не откликнулся.

Он прочитал на столбе объявление, что в речной порт требуются крановщики плавучих кранов. Краны, конечно, не пароходы, но все-таки по воде чуть-чуть ходят, и он пошел в порт. Оказалось, что сначала надо пройти годовые курсы, сдать экзамены. И ему в библиотеке курсов выдали знакомые учебники по материализму и один незнакомый – «Сопромат», который, наверное, расшифровывался, как «сопротивление материализму».

Он стал ходить на курсы, и там познакомился с Варей, которая сразу велела называть себя Варварой. «Чтобы знали, какой я породы, - говорила она, - Чтоб боялись!..»

Другие взаправду сторонились рослой девушки, но не Григ. Он и сам был под два метра, да и не робкого десятка. Он повел ее в кино, как раз показывали про Тарзана, и все, сидящие позади них, шикали, предлагали им сесть на пол, потому, что их целующиеся силуэты на экране, мешали следить за поворотами судьбы попавшего в джунгли мальчишки.

- А я иногда завидую Тарзану, - сказал он Варваре.

- Да кто же ему не завидует? – удивилась она. – Жить в лесу, купаться, сколько душе угодно, кататься на лианах, как на качелях, понимать язык зверей, птиц и, может быть, рыб…

- Насчет языка как раз не все понятно… Он понимает речь животных, а человеческую – нет, как же жить среди людей?

- Думаешь, Тарзану это обязательно? – хитро прищурилась она. – Вдруг, мы все завидуем ему именно за то, что он не живет среди людей?

На них стали еще больше шикать в кино, и они вышли на улицу, как раз к их выходу подоспела осень: желтые листья, мелкий дождь, лужицы на тротуарах. В городском сквере стучали топоры – местные власти торопились дорубить плохо зарекомендовавшую себя сирень, а попутно и акации: у жены градоначальника в пору цветения сирени развивалась аллергия. А решили рубить сирень осенью для того, чтобы на ее месте сразу же высадить более благородные растения, возможно, самшит, мангровые деревья и финиковые пальмы. Говорят, что осень для пальм самое благодатное время.

Для Грига и Варвары осень тоже казалась благодатным временем, может, в их жилах текло хоть чуть-чуть пальмовой крови? Он полюбил ее, а она – его. Что тут можно сказать? Он привел ее домой, познакомил с родней. Мать сказала: «Хороша! А как будет в жизни – жизнь и покажет». И добавила:

- Гоженька, хоть не казачьего корня!..

И непонятно было, то ли похвалила, то ли наоборот – не похвалила.

Варвара спросила как-то о татуировке:

- Что это за шифр такой непонятный?

Он сказал ей, что ничего непонятного в этом шифре нет, что давным-давно, кажется, еще прадед Григория, расшифровал эти двойные числа. Ключом этого простейшего шифра служат детские считалочки, поэтому шифр всегда сопровождает или картинка или указание на считалочку. Вот у него наколка со считалочкой «Кони, кони…». Ну а дальше совсем просто: первая цифра указывает на номер строчки в считалочке, а вторая на букву в этой строке. Надпись на моей руке гласит: «Да! Мы не одиноки». Иногда в других, обнаруженных им в разных местах дома шифрованных считалочках, добавляются какие-то слова – «Любимая!», «Прости!», а основной текст не меняется – про одиночество, а точнее про его отсутствие.

- Так все просто? – Варвара была явно разочарована. – И зачем эту надпись передавать из поколения в поколение?.. Конечно же, мы не одиноки, вон сколько миллиардов народу живет и в Африке, и в Европе, и даже в Антарктиде!.. И кому предназначена эта шифровка?

- Вот в этом-то все дело! – сказал он. – Может, кто-то через года и даже столетия подает сигнал с необитаемого острова, дескать, остров оказался обитаемым – и

Пятница объявился, и даже Среда, и даже Суббота. А, может, некто сообщает, что его философия, ну, допустим, «общего дела» получила полное подтверждение, что появились ее последователи, и что они далеко не одиноки, что «русский космизм» приобретает все больше убежденных сторонников… Согласись, что могут быть разные смыслы у этого сообщения… У нас в семье, например, считают, что это послание из…

Тут Грига позвала мать. Нужно было помочь ей по хозяйству, кажется, дров нарубить, или убрать со двора принесенные ветром палые листья, или наточить затупившиеся ножи.

- Поправь, сынок ножи на оселке, - тихо сказала она ему, и еще тише добавила:

- Не спеши раскрывать все секреты…

Он хотел возразить ей, ведь Варвара – это…Варвара…, но промолчал, даже не знает – почему промолчал.

Стали жить поживать, сдавать экзамены по бесчисленным материализмам, зачеты по технике управления плавучим краном. К концу весны Варвара родила дочку – Дашу. И уже приближалось окончание курсов, торжественное вручение бумаг с гербами и печатями, дающими право вести погрузку и разгрузку сыпучих и прочих грузов на баржах и пароходах.

Но по весне Грига отчислили с курсов – если разобраться, за пустяк. С одним своим дружком они решили прокатиться на «Бравом» - буксире, который как раз привел в затон имени Чапаева учебный кран. Из трубы буксира валил черный дым с искрами, сиплая сирена слышна была в каждом доме поселка, смотрящего на затон с желтого речного яра, чувствовалась в самом буксире, его криках огромная сила, что-то нездешнее, морское, может быть, океанское. Ну, как тут было не попробовать постоять за его штурвалом?

Капитан буксира отправился вечером в клуб, где фокстротили лучшие девчонки затона, собирались здесь и мясокомбинатовские крали, и все капитаны вздыхали по красавице Томе Корзун. Тамаре Михайловне…

Григ со своим дружком пробрались на «Бравый», сторож в будке на берегу затона хлебал лапшу, а к лапше у него тоже было. В буксире пахло горячим маслом, как на камбузе, а еще бухарскими дынями. Неужели в Бухару тоже есть водная дорога?

Сначала приятели просто постояли на мостике, покрутили штурвал, представляя себя капитанами, и дружок сказал: «Ну, хватит, пошли по домам», но Григ не собирался оставлять корабль, не испробовав, каков он на ходу. Сделать это было не так просто, потому, что буксир был прочно принайтован канатом к огромному плавучему крану.

Это только раззадорило Григория.

- Кружочек дадим по затону, - сказал он, разбираясь с канатом. – А потом по домам…

Двигатель они запустили неожиданно легко, и мощный дизель зарычал под сталью палубы. Григ дал протяжный сигнал, не гоже кораблю отправляться в дорогу молча, не простившись с родными берегами.

- Ты что делаешь? – закричал дружок. – Ты дурной, да? Все, кашпец нам пришел!

Из будки на берегу выскочил, на ходу надевая штаны, сторож, оказывается, у него к чекушке и лапше была и Фиса, диспетчерша с большим стажем.

- Полундра! – завопил сторож и принялся вести по отходящему буксиру прицельную стрельбу из одностволки шестнадцатого калибра. Курок щелкал громко, а самих выстрелов не было, потому, что сторожу по сторожевому уставу был положен только один патрон, и он его давно отдал Пашке – браконьеру за «мерзавчик» зубровки.

- Полундра! Захват судна! – вопил еще громче сторож, но и так уже все услышали сиплый рев сирены, к берегу стал сбегаться затонский народ.

«Бравый» легко отвалил от борта плавучего крана, за кормой забурлила вода, вспенился белый бурун. Григ прибавил газу, буксир задрал нос и, наверное, стал похож на торпедный катер. Но, может быть, и не очень похож.

И в это мгновенье буксир как будто налетел на невидимую скалу и резко остановился, задрожал от напряжения всем своим буксирным телом. Григ с дружком повалились на пол, увидев над головой стрелу накренившегося плавучего крана.

Григ стремглав поднялся на ноги, заглушил двигатель.

- Что это? – спросил потрясенный дружок.

- Там был второй канат – на корме…Мы его не заметили… Второй его конец на кране был закреплен…

- Что теперь будет? – спросил дружок.

- Беги со всех ног, - посоветовал Григорий. – Я это придумал, мне и отвечать.

Дружка уговаривать не пришлось, он кинулся в воду и поплыл к баржам с песком, там переждал часок, и потом спокойно отправился домой.

Хорошо, что не опрокинулся кран, не миновать тогда Григу тюрьмы, а так его продержали три дня в отделении, где участковый дядя Семен допрашивал Грига в послеобеденное время:

- Вот, скажи, чего ты пракудничаешь, а? Другие не хуже тебя будут, а дерутся не часто, реже, чем ты, ну, в сады за яблоками лазают, ну, девок щупают – все у них, как у людей, а тебе все вокруг перебутырить надо, все переколошматить – чистый каскыр!..ложено_____

_____

Григорию нечего было сказать дяде Семену. Тот пенял незлобно:

- И эта туту…туты…тута…тьфу-ировка! К чему она? Человек должен быть чистым и телом, и другими своими частями. Нас сюда присылают в каком виде? Смекай! Без этих самых туты-туту… Вот такими мы и должны до самого конца оставаться… Понимаешь, садовая твоя башка? Скажу по агромадному секрету, что надысь тобой интересовался товарищ из органов, а эти товарищи на пустяки не размениваются. Серьезнейший офицер, кремень! Такие возьмутся за дело, так быстро вспомнишь все секреты – и те, которые на самом деле знал, и те, о которых понятия не имеешь… Всю правду вывалишь. Даже писать станешь чистой правдой!..

- Чего вы меня пугаете? – спросил Григ. Ему бы хоть притворно задрожать голосом, не пожалеть единой слезы, сказать, что осознал, прочувствовал, что никогда в жизни не станет больше угонять буксиры, но голос его не только не задрожал, а даже и окреп:

- Душа приключений просит, дядя Семен! – опрометчиво сказал он, обманувшись почти домашним видом власти, сидевшей за столом в старенькой милицейской форме, в домашних тапочках – мозоли замучили – на босу ногу. Не понимал он тогда еще, что власть, даже когда она на босу ногу, надо бояться. А он не боялся. А дядя Семен тем же вечером накатал на Грига серьезную бумагу, куда следует, где изложил все свои подозрения: и корабль хотел угнать, конечно, за границу, и угнал бы, если бы не решительные действия представителей законной власти, и ты-ту-та-ировка у него явно вражеская, и высказывания у него не наши – насчет приключений, и тому

подобное.
В общем, с курсов его турнули, велели сдать в библиотеку все материализмы, к которым он так и не привык. Помыкался он без работы неделю-другую-третью, да устроился дворником – пока дело дойдет до путешествий и приключений нужно хоть какую-никакую копеечку в дом приносить. А в доме молодая жена, мать, а главное – подрастала Дашка, таращила ясные глазки, агукалась.
Хотели выгнать с курсов и Варвару, но пожалели, как мать малолетней дочери. Она успешно сдала экзамены по материализмам, а также по всем другим дисциплинам – принципам полиспаста, законам куба, правилам веретена, условиям Ре-Фа-Има, и получила допуск на управление не только неповоротливыми кранами на баржах, но и самоходными красавцами кранами СУ-31 – Скоростными Универсальными, грузоподъемностью в 31 тонну. Варвара сразу приглянулась одному речному строительному управлению, и ее позвали работать на новеньком СУ-31 – возводить мост из Европы в Азию. Почему-то тогда все хотели в Азию, а все время попадали в Европу, и этого не могли объяснить даже политические обозреватели. Потом, правда, открыли какой-то магнетизм, за это открытие хотели дать даже Нобелевскую премию, но от этого Азия не перестала перетекать в Европу.
Варвара с удовольствием управляла СУ-31, мост рос прямо на глазах. Иногда к ней на реку приходил Григ, смотрел, как ловко управляется жена со сложной техникой, как на двадцатиметровой высоте подвешена над желтой водой кабина крана, и из этой кабины Варвара передвигает стальные балки, бетонные конструкции. Но он не завидовал, в его представлении то, что не движется, или движется медленно – не заслуживало таких сильных чувств. Он спрашивал:
- Какую максимальную скорость можно выжать из твоего СУ-31?
- Двадцать узлов, даже больше, - отвечала она.
- А ты когда-нибудь ходила с максимальной? – допытывался он.
- Слушай, миленький мой, не подзуживай меня! – сердилась она. – Брось хоть на время свои замашки.
Однажды Григ приехал на реку на велосипеде. На велосипедной раме на специальной подушечке сидела Дашка, совсем еще крошечная девчушка. Она увидела плавучий кран, ужасно заволновалась и закричала, показывая на него рукой:

- Пароход! Пароход!

Это было едва ли не первое, произнесенное ею, слово. Ну, может быть, второе или третье. В общем, она тогда только-только начинала говорить.

Постепенно Варвара вышла в передовички кранового производства. А что такого? Не пила, не курила, исправно поднимала и переносила с место на место то, что нужно было переносить. Ей даже дали грамоту с напечатанными на ней красными флагами и портретом любимого вождя. А потом премировали отрезом на платье, веселенький такой сичик, и платьице к лету получилось веселеньким. Дошло до того, что ее раскрашенное анилиновыми красками фото повесили на доску почета возле дома Карева; этот дом в ту пору велели всем называть домом Кирова, но все называли правильно – домом Карева, некоторые даже добавляли: «Карева Александра Тимофеевича», как будто знали лично этого купца.

Дальше – больше. На партийном собрании, хотя она была беспартийной, Варваре вручили путевку в дом отдыха «Уральский».

- Двадцать четыре дня будешь на четырехразовом питании, - поздравил ее начальник речного строительного управления, - да еще по вечерам простоквашу будут давать. У нас умеют людей ценить!

И тут же он велел писать ей заявление в партию, родную, коммунистическую. Вскоре Варвару приняли партийным кандидатом, год она должна была читать устав, участвовать в общественной жизни речников.

Так что, в дом отдыха она приехала, оставив Дашку на попечение свекрови и под пригляд мужа, политически очень подкованной, на всякий случай взяла с собой несколько материализмов, как посоветовал начальник речного управления:

- Вполне может пригодиться, на все случаи жизни книги. Я даже на ночь читаю их. Жена валерьянку капает на сахар, а я учебники по материализмам тащу в койку.

Григорий в это время подметал тротуары, следил за тем, чтобы не пропадал противопожарный инвентарь, чтобы дворовые пьяницы не плевались и не бросали куда попало окурки.

Заскорузлый, работавший тогда здесь консъержем, к тому времени уже написал на него пару доносов куда следует. Где следует накапливали на Грига материал, и материал выходил не шуточный.

Григ пару раз навещал жену в доме отдыха – приезжал с Дашкой на велосипеде, приносил Варваре яблок. Этих яблок было и в доме отдыха хоть коров корми, но он не знал этого, и яблоки приходилось в итоге выбрасывать. Варвара тискала дочь, рассказывала о том, что здесь отдыхает много заслуженных людей, например поэтесса Глинская-Арбузова, и на днях состоится встреча с ней. Подъедался в доме отдыха и капельдинер по фамилии Капельдинер. Специальность у него вроде, как с музыкой связана, но он не играет даже на балалайке, а только спит до обеда, а потом курит и курит – в день полторы пачки «Казбека». Своеобразный феномен. А еще здесь набирается сил знаменитый испытатель паровозов. Мы вот все знаем о летчиках-испытателях, а ведь испытатели паровозов заслуживают славы не меньше летчиков. И машины у них сложнее самолетов. Она познакомила его с испытателем паровозов, на самом деле тот оказался мировым мужиком. Они распили с ним поллитру белого, и тот раскрыл душу:

- Гриша, хорошая, конечно, у меня профессия, нахожусь, можно сказать, на переднем крае, копченая колбаса дома не выводится, чай пьем и внакладку, и вприкуску, кому как по душе. А, знаешь, где у меня эти паровозы? Чисто в печенках. Ведь это не аэростаты, не самолеты, даже не легкокрылые планеры, которые куда хотят – туда и летят, а паровоз только по рельсам, только по рельсам, как собака на цепи…

- А я что говорю! – закричал Григ. – Все дело в свободе передвижения! Я скажу даже больше – просто в свободе!.. Держи краба!

Несмотря на душевность испытателя паровозов, на сорок седьмой размер обуви поэтессы Глинской-Арбузовой, что, согласитесь, было довольно забавно, Григ перестал навещать Варвару в доме отдыха. Действительно, выходило, как будто больная она. А она была здоровой, и даже раскатисто хохотала над анекдотами, рассказывать которые был мастак один еврей, почему-то носивший пиджак, надетый на голое тело. Григ никогда не видел еврея в пиджаке на голом теле, и тоже сначала хохотал над анекдотами про Сару и Мойшу, а потом перестал приезжать к Варваре в дом отдыха. Нет, не потому, что ревновал ее к этому анекдотчику в пиджаке или даже к капельдинеру, а чтобы не думали, что ревнует – вот, мол, и таскается поэтому, следит за молодой женой. Варвара огорчилась, но не очень. Почти не огорчилась.

В доме отдыха не только кормили четыре раза в день, но и устраивали по вечерам

танцы под аккордеон. Сразу после вечерней простокваши по распорядку дня был отбой, но он не касался перламутрового аккордеона с белыми клавишами, уверяли, что трофейного, более того, кое-кто намекал, что когда-то давным-давно его голос нравился некоему Шикльгруберу. Вот же, морда, он еще и сюда свои лапы тянул! Аккордеон заводил аргентинское танго, и тягучая аргентинская тоска начинала бередить души, тем более, после простокваши.

Варвара приходила на танцы, а что по вечерам еще делать, не вязать ведь? Ее приглашал Капельдинер, она иногда путала и говорила: «Товарищ камердинер, уберите руку с бедра, то есть, извините, ягодицы». Тот конфузливо отдергивал руку и махал ею в прохладном вечернем воздухе, как обожженной.

Однажды ее пригласил сам начальник речного управления, мужик на все сто – усы, сапоги гармошкой, косоворотка навыпуск, портсигар из чистого серебра.

- Мост к своему концу идет, Варя, - сказал он, умело водя ее в танце.

- Вообще-то, я – Варвара, - вспомнила она.

- Все равно идет к концу,- сказал он, - скоро торжественная сдача объекта. Будет начальник главка, ожидают даже самого министра.

Про министра он прошептал ей в самое ушко.

- Самого министра? – ужаснулась она.

- Вот именно! – прижался он к ней.

Она отстранилась, спросила:

- Ну и что?

- А то, - ответил он с грустью, - что меня переводят на другой объект, в другой город, в другую область, на другую реку… Все там, Варя… Варвара, другое…

- И вас там не будет! – опять он прижался к ней. Она опять отстранилась.

Он заговорил с горячностью:

- Варя, поедемте со мной! Поедемте! Что вам этот шелапут с татуировкой?

Варвара оттолкнула соблазнителя:

- Он муж мой!.. Отец моей дочурки. Прошу не забываться!

Но начальника речного управления понесло. На глазах всей танцующей публики он обнял ее, принялся целовать в щеки, шею. Ее ошеломил этот речной натиск.

- Что он может дать тебе, что? – спрашивал он у нее. – Одни только страдания,

неустроенную жизнь? А у меня двухкомнатная квартира в обкомовском доме, а в случае переезда в Конотоп обещают трехкомнатную, у меня «Победа», у меня на книжке одиннадцать тысяч!..

- Я люблю его, - отбивалась Варвара.

- Да кто он такой, чтоб его любить?

- Он – Григ! – с достоинством отвечала она.

- Да, на него давно дело заведено, там, где положено! – вырвался у него секрет, который шепнул ему недавно один друг из главка, а откуда тот знал – лучше молчать.

- Шифр-то этот на руке у него, говорят, шпионский, - добавил начальник управления, - а за связь со шпионами у нас по головке не гладят, сама знаешь.

- Да чего там секретного, - закричала Варвара, - он давно расшифрован. Там написано: «Да, мы не одиноки!»

- Откуда ты это знаешь? – спросил речной начальник.

- Мне Григ сказал, а еще, кажется, что они знают, откуда это послание…, - она замолчала на полуслове, заметив в глазах кавалера сторожевой интерес.

Эх, Варя – Варя, которая велела, чтобы ее звали Варварой!

- Только никому об этом не говорите…, пожалуйста! - жалобно попросила она. – Могут всякое подумать…

Он кивнул головой, и в это время аргентинское танго закончилось.

Этим же вечером Григу сказали, что его вызывают в контору домоуправления. Он удивился, никогда прежде не вызывали в контору на ночь глядя. Дашка уже спала, он чмокнул ее в смешной курносый носик и отправился. В конторе никого не было, даже дверь была на замке. Около двери стояло двое мужиков, наверное, ждали третьего: «Горит зарей восток, магазин недалек. Трижды семь - двадцать один, на поллитру сообразим!».

Действительно, они ждали третьего – Грига, но не соображать на троих, а везти его в «черном воронке» туда, куда следует. А там взялись за дело круто:

- Ну вот, шифр твой тайный нам теперь известен, - сказал Грищак, а допрашивал именно он.

- А мы что, перешли на «ты»? – вспомнил Григ, как должны отвечать на допросах узники Войнич и Сю.

- Перешли, перешли, - ответил Грищак. – Нашими сотрудниками расшифрованы и все надписи на стенах, так что все твои шпионские связи, матерый вражина, доказаны! Ну, надо же, детскими считалочками прикрывались, всех считали за дураков. Но органы не дремлют! Органы начеку! А если понадобится, то и дом ваш раскатаем по кирпичику по бревнышку – найдем вражьи матерьялы!

Григ усмехнулся.

- Ты еще улыбаешься! – закричал Грищак. – Ничего, улыбка у тебя быстро пропадет, статья-то у тебя расстрельная… Так что, в твоих интересах сотрудничать со следствием, может и выйдет послабление…

- Я ни в чем не виноват, - повторил Григорий вечную формулу узников, и он очень удивился бы, узнав, что из его уст она прозвучала только в этой тюрьме за последние пять лет двенадцать тысяч триста пятьдесят два раза. – Что я такого сделал? Что? Он был в том возрасте, когда вполне еще можно вести со своими тюремщиками разговоры.

- Ни воровал, ни грабил…, - продолжил он.

- Лучше бы ты воровал, - откровенно сказал Грищак, человек в этих делах искушенный, опытный следователь. На его счету было немало серьезных дел; он не так давно раскрыл банду переселенцев, которые жили впроголодь, перебивались с тюри на тюрю, но зато в кладовке у них нашли шесть мешков муки, три ящика макарон, три пуда соли и три пуда сырого сахарного песку. Следствие тогда определило, что у банды было задание от милитаристского европейского центра – уничтожать высококачественные советские продукты. Правда, главарь банды до самого расстрела твердил, что запасались они едой на случай голода, что хлебнули горюшка, опухали от бескормицы, носили зимой одни лапти с драными онучами на всех, - до того их жизнь испугала, что стали откладывать про запас каждую лишнюю крошку, каждую лишнюю горошину.

Вот как враги ухитряются вредить трудовому народу!

- Ну, что, будем признаваться? – спросил Грищак. – Или будем запираться?

- В чем признаваться?

- А вот расскажи мне о ваших семейных преданиях?.. У вас ведь есть в семье предания, да? Ну, например, о таинственной земле, которая откроется…, кому

откроется? Или россказни про какого-то найденыша безштанного?.. Или это все на вас наговаривают?.. Не находили никого в лесу без штанов, потом он не пропадал почти на сорок лет, а когда объявился, оказалось, что опять без штанов?..
- У нас в семье штанов хватает, - ответил Григ, - зачем нам без одежды по лесам шляться?..
- Не умничай, шпион несчастный! – закричал Грищак, но вспомнил, что высший начальник приказал вести допрос умно, а главное в рамках законности, а самое главное – выведать все про этого безштанного, про то, как сохранял он свою молодость. Поэтому продолжил он почти нежно, с улыбкой:
- Вот расстреляют тебя, кому от этого будет лучше? Мне будет лучше? Дочке твоей будет лучше, жене?.. Хотя, жена – молодая, красивая – утешится скоро… Да не жги, не жги меня глазами, у нас вон огнетушитель есть…Жалко, поверь, очень жалко… Молодой такой, и не пожил совсем. И ведь ничего особенного от тебя не требуется, а только чистосердечно во всем признаться…
Но как не бился Грищак, однажды даже не выдержал и применил спецсредства, запрещенные высшим начальником, но Григ вытер кровь с разбитых губ, сплюнул и сказал только:
- Дубина ты стоеросовая!
В общем, приговорили его к расстрелу. Без всякого суда, без апелляций и прошений – чего тянуть, ведь не один же он такой. Жене сказали – десять лет без права переписки за связь с белоказачьим подпольем. Уполномоченный Правительства долго противился такому приговору: вдруг вместе с Григом исчезнет навсегда ценная информация о долгожительстве, а оно, это долгожительство, очень нужно Правительству. Но, в конце концов, и уполномоченный согласился: не миловать же теперь белоказачье отродье? Шифр узнали, потом и все остальное откроется. Обязательно откроется!
Григ сидел в камере, ожидая расстрела, и думал: может, на самом деле нужно обо всем рассказать? Что случится-то? Скорее всего, ничего особенного и не случится. Но вспоминал, что и отец, и дед повторяли: «Больше всего опасайся, чтобы все, что ты знаешь и что узнаешь, не попало в недобрые, в нечистые руки. Особенно берегись Ку-Эн-Зимов, тюремщиков и тех, кто притворяется добрым. А тех, кому все

рассказать можно, придет время, ты узнаешь».
«Но если меня расстреляют, то тот, кому предназначена зашифрованная информация, тот, кто может понять ее смысл, никогда не получит ее? - размышлял он. – Что же делать?»
«Бежать, конечно, бежать!» - пришла в голову простая и ясная мысль. И почему она пришла только перед самым расстрелом?
Загремели засовы, защелкали открываемые замки, брякнула тяжело цепь – неужели в ржавых кандалах поведут туда… куда?.. туда?.. Дверь открылась, и на пороге возник все тот же Грищак. Повели Грига на последний допрос. А, может, сразу на расстрел? Хотя говорили, что расстреливают по ночам, а сейчас за окнами - яркое солнечное утро. Но мы сами придумываем правила, сами же их нарушаем. И, правда, почему ночью? Может, за ночную работу приличные сверхурочные получаются? Или днем те, которые стреляют, работают где-нибудь в прачечной, или хлебопекарне, или дежурят на проходной, - и не могут отлучиться?
- Ну, что, пришли в голову умные мысли? – спросил майор, а у Грищака было именно это промежуточное звание, и ему очень хотелось в подполковники, полковники, а там и до генерала рукой подать. – Погибать будем во цвете лет, или искупать свою вину, надеясь на помилование?
Григ молчал, рассматривая огнетушитель на стене.
- Будешь говорить, сволочь? – заорал майор. – Бу…бу…
Григ изо всех сил ударил его в челюсть, майор шлепнулся на каменный пол, что-то хрустнуло в нем и, должно быть, сломалось, потому, что он начал повторять один и тот же слог: «Бу… бу… бу…». Григ бросил его на топчан, вытряхнул из мундира, сапог, натянул на него серый арестантский наряд, сам кое-как влез в майорские галифе, гимнастерку. Достал из кобуры пистолет, взвел курок – ну, конечно же, без патронов. «Они так уверены, что мы испугаемся одного только вида их наганов и винтовок, - зло подумал он, - что держат их незаряженными».
- Конвой! – рявкнул он, и два молодца всунулись в камеру. Наверное, двоим входить в камеру тоже было не положено, но они вошли. Он наставил на них пистолет, приказал:
- На пол, суки! Мне терять нечего!

Конвоиры повалились на пол.

- Оружие сюда, быстро!

У этих пистолеты тоже не были заряжены.

Он подумал, что для того, чтобы вырваться отсюда, ему понадобится сумасшедшее везение, если оно бывает на земле, и еще должно помочь верное и неохватное «авось»: Ванька забыл зарядить, авось, пронесет, Санька поленился повернуть ключ три раза в замке, авось никто не заметит…

- Сейчас выходим и идем до конца коридора, - сказал Григ, - чуть что – стреляю сразу в пузо, а это очень больно, поняли?

- Угу! – ответили конвоиры, и по их лицам было заметно, что они очень жалеют, что не зарядили свои пистолеты, как положено по уставу, но еще больше было заметно, что они боятся пули в пузо.

- А этого, - Григ указал на Грищака, - приковать к огнетушителю, пусть обнимается с ним.

Щелкнули наручники, и майор оказался в паре с огнетушителем: «Бу…бу…бу…»

- Хватит бубнить, начальник, - сказал ему Григ, - вставай, пора идти… В коридоре не шали…

Грищак с готовностью кивнул, только робко спросил: «Огнетушитель-то зачем?..»

- Для красоты, - ответил Григ и подумал: «На самом деле, для чего огнетушитель, он только мешать будет?». Но все равно они вышли в длинный тюремный коридор с ярко-красным огнетушителем. Их сразу заметили, один из охранников закричал:

- Товарищ майор, а огнетушитель-то зачем? Осужденного гасить?..

И кричавший захохотал… А что, действительно, шутка остроумная получилась.

- Вот именно, - негромко ответил Григ, но понял, что мямлить в этой ситуации нельзя, и крикнул в ответ:

- Это не огнетушитель, это сербрияз!..

- Какой такой сербрияз? – переспросил охранник, не без некоторой задумчивости, и Григ понял, что все внимание охраны сосредоточено теперь на огнетушителе.

- Серебряно-цинковый! – вспомнил он старую студенческую шутку, когда мимо вахтерши в общежитие проносили ворох плодового вина в огромных бутылках, объясняли ей: «Это, мать, сербрияз с родины прислали», и она согласно кивала: «Я

тоже прополис пью по вечерам».
Сработала шутка и теперь, видать, охрана, не живала в студенческих общежитиях:
- Ааа…, понятно…
Охранник сказал кому-то невидимому:
- Говорит, что свинцово-цинковый сербрияз…
- Знаю, однажды на охоту с собой брали, - откликнулся невидимый охранник, -мировой маринад, а если внутрь, то один к двум нужно разбавлять… Крепкий, собака!.. А еще лимонадную эссенцию брали… Семьдесят пять градусов!..
- Умели раньше делать, - сказал первый, - вот, помню, в сорок девятом годе…
Дальше он не стал рассказывать, потому, что увидел дуло пистолета направленное на него.
Из караульной высунул голову доселе невидимый, но хорошо слышимый, охранник, округлил глаза, и тут же поднял руки.
- Еще кто-то есть в караулке? – спросил Григ.
- Вася спит, - сказал первый охранник.
- И вы заходите туда, быстро! – скомандовал Григ. Те повиновались быстрее, чем положено по уставу караульной службы, и даже по строевому уставу.
- Ты тоже сюда! – втолкнул он в дверь Грищака, который немного оклемался и даже прикидывал: получение травмы в бою с белоказачьим бандитом и опасность, которой он подвергал себя, вступив в противоборство с преступником, не скажутся ли, в конечном счете, положительным образом на его карьерном росте? Полковничьи погоны зашывырялись в кармане арестантской робы.
Григ осмотрел пистолеты охранников: и эти не заряжены!
Может быть, какой-нибудь теоретик и знаток тюремного дела докажет, что такого никогда не бывает, что оружие охраны всегда наготове, и даже один патрон в патроннике. Не станем с ним спорить, вспомним, что Григу нужны были в этот день сумасшедшее везение и небывалые совпадения. Иногда, если очень попросишь, судьба, как бы вспоминая о недодаденном, насыпает в кулечек немного того и другого.
- У кого часы есть? – спросил Григ.
Оказалось, что у всех, кроме Грищака. (Он соврал, жалко стало часов, они были

серебряные, с памятной гравировкой «Люби меня, как я тебя» - и принадлежали какому-то расстрелянному комбригу, а какому – он не помнил; всех не запомнишь.)
Григ взял «луковицу» у первого охранника, завел часы до упора, бросил их в питьевой бачок, постучал три раза по крышке.
- Механизм заведен на тридцать минут, - сообщил он своим напрягшимся пленникам. – Ин вино веритас! Малейшее движение и вы распадетесь на атомы. Чтоб полчаса сидели, как каменные, иначе так громыхнет, что яйца ваши испарятся! Жить хотите – не шевелитесь! Ясно, гниды?
Им было ясно. Хотя каждый из них знал, что вода в питьевом бачке обычно не взрывается, даже если ее разбавить спиртом, не должны взорваться и часы первого охранника – с какого перепугу они станут взрываться? – но, вдруг, эта белоказачья сволочь что-то подложила туда такое, такое, такое!.. В общем, они подстраховались и сидели, не шевелясь, восемь часов, даже когда саперы тщательно осмотрели бачок и «луковицу», они долго отказывались сойти с места.
А Григ взял связку ключей у одного из охранников, взвалил на плечо огнетушитель, как короткое бревно, и двинулся дальше – по коридору, по гранитной лестнице, по металлической лестнице. Пару раз его окликнули:
- Товарищ майор, чего вы сами надрываетесь, возьмите зека на подмогу.
И всюду помогал, хотите, верьте, хотите – нет, прикол про сербрияз. Но когда он выходил уже во внешний двор (ворота открыты! открыты! открыты! – грузовик с какими-то досками (не для эшафотов ли?) только что зашел) – ему в спину спросили:
- Товарищ майор, вы пропуск на обмен сдавали? Зайдите в караульное помещение, распишитесь, получите временное удостоверение…
Он еще раз попробовал студенческую шутку:
- Щас, сербрияз отнесу и вернусь.
Но голос охранника посуровел:
- Товарищ майор!!! – и Григ понял, что сумасшедшее везение кончилось. Кончились ли совпадения? – это сейчас предстояло выяснить.
Он прибавил шаг.
- Стой!..
Он бросил огнетушитель в кузов грузовика – для чего он только нужен этот

огнетушитель? - и рванул на себя дверцу кабины, сунул пистолет под ребра шоферу:
- Давай назад, на улицу. Быстрее!!!
… - стрелять буду! – донеслось сквозь рев мотора, и тут же послышались винтовочные хлопки. «И вправду стреляет!..», - удивился Григ. И тут же вдребезги разлетелось ветровое стекло. Но стрелок и присоединившиеся к ним многочисленные охранники оказались далеко позади рванувшегося грузовика. Тот задел бортом за одну из стоек ворот, полетело во все стороны кирпичное и деревянное крошево, и выскочил на улицу Тюремную, и помчался к Баскачкину мосту.
- Прыгай! – закричал шоферу Григ.
Шофер чуть притормозил, открыл дверь, вылез на подножку, дождался, когда Григ переберется на его место, и сиганул из кабины. Беглый преступник вцепился в рулевое колесо; впервые в жизни он управлял автомобилем.
Машина как будто сама собой шла к затону. Сзади изо всех своих клаксоновых глоток орали преследовавшие его полуторка и «Победа». В кузове полуторки ощетинились штыками бойцы догоняльной службы, и когда они успели погрузиться в автомобиль, или они никогда из этой полуторки не выходят?
Грузовик Грига пролетел через железнодорожные пути, едва разминувшись с маневровым паровозиком, испуганно отскочившем в сторону от бешено несущейся машины.
«Какая педаль скорость прибавляет – левая или правая? - пытался он на ходу разобраться в управлении. – Кажется все-таки левая.
Грузовик еще поднаддал, и отстали безнадежно «Победа» и полуторка.
Он бросил машину на невысоком яру, откуда затон был виден, как на ладони, взял огнетушитель и побежал к стоящему неподалеку на воде плавучему самоходному крану, ну, да, тому самому – СУ-31.
Полуторка, видимо, где-то заблудилась, потому, что вместе с «Победой» она появилась на яру, когда Григ, пробежав мимо изумленного сторожа, и дальше - по сходням на борт крана, поднялся в рубку и нажал на ярко-зеленую кнопку «Старт» и где-то внизу, под палубой откликнулся дизель. Работает, работает!.. Помня о печальном опыте вождения буксира, он быстро сумел разобраться с канатами,

которыми СУ-31 был принайтован к причалу.
Когда с берега посыпались выстрелы, самоходный кран уже отвалил от причальной стенки. Григ уверенно управлял судном, ведь прежде он столько раз наблюдал, как это делала Варвара.
Вспомнив жену, Дашку, он вздохнул: когда теперь доведется увидеться с ними? И доведется ли?
Сзади раздалось тарахтение. Это бойцы догоняльной службы погрузились в быстроходный катер и бросились в погоню за беглецом. Их начальство уже потирало руки: ну куда он денется, неразумный, на таком неповоротливом корыте? Григ прибавил газу, но СУ-31, заревев дизелем, не добавил прыти. Уж очень тяжел он был. Но Григ смекнул: где не возьмешь скоростью, можно попробовать взять силой. А силушки у плавучего крана было хоть отбавляй.
На быстроходном катере возликовали, увидев, что СУ-31 остановился; не иначе, как беглец решил сдаться. Но тут же мастера погони поняли, что до сдачи еще далеко. Стрела крана, громыхая, раскачиваясь, с болтающимся на крюке пучком стальных торосов потянулась к катеру, и рулевой еле сумел от нее увернуться, но, избежав одной опасности, он не избежал другой – на всем ходу влепил свое суденышко в борт баржи с углем. Горохом, с воплями и проклятиями, посыпалась в воду догоняльная служба.
- Ага! – закричал Григ. – Получили, душегубы?
И он прибавил ходу. Но что-то он рассчитал не так, или наоборот – рассчитал все верно, или вообще ничего не рассчитывал, а предоставил все случаю, - так или иначе, но раскачивающая стрела зацепилась тросами за ржавую рубку тысячу лет назад затонувшего на выходе из затона парохода «Садко» (в пароходстве на этот счет шутили: «а гусли он с собой взял?»). Тросы рывком натянулись, раздался леденящий душу скрежет, и стрела крана СУ-31 обрушилась на утонувший пароход, попутно сметя на своем пути какие-то лебедки, металлические конструкции и приспособления – все ненужное крану для дальнего плавания. Совпадения?.. Само собой…
Судно, освободившись от лишнего груза, превратившись волею случая не то в шхуну, не то в канонерку, прибавило хода, и через десять минут вышло из затона – на

речной простор.
Сзади затрещала мотором новая погоня. Кто-то закричал в рупор:
- Не уйдешь! Сдавайся!
«Сейчас, только разбегусь с макаровой мельницы», - подумал Григ, вспомнив городскую поговорку: Макаров был знаменитым купцом, построившим в свое время самое высокое здание в городе – мельницу, и его имя навек осталось в местном фольклоре.
Сзади раздались новые выстрелы, некоторые из них сбивали с корабля обломки еще каких-то механизмов, мешавших ему быть шхуной. Грянул пулемет и очередь, как резец скульптора, убрала все лишнее с бывшего плавучего крана. Шхуна рванулась вперед.
Догоняльные катера – то два, то три, а то не меньше пяти - преследовали шхуну первые две недели, как назойливые чайки над кормой. Они то показывались далеко позади, то шли почти у борта шхуны, и каждый раз поливали судно свинцом; выйти на палубу было невозможно, а так хотелось размяться после долгого сидения в камере смертников. И погода как раз стояла необыкновенная – тихая, не жаркая, какая-то даже лучистая. А тут эти назойливые стрелки!
Он подумал: может, еще раз сработает «сербрияз»? Он взял огнетушитель и проволокой притянул его параллельно поручням. Достал из кармана майорского мундира зажигалку (тоже с памятной гравировкой).
Догоняльцы сосредоточенно наблюдали в бинокли за его манипуляциями. Когда Григ высек огонек пламени из зажигалки, по катерам прокатилось:
- Ракеты! Полундра!
И больше он их не видел, только иногда, усиленное ярами, прилетало тарахтливое эхо; почти весь первый год похода он ощущал их незримое присутствие.
Не достав его с воды, они попытались взять Грига с суши. Сначала устроили минометный обстрел, но, конечно же, ни разу не попали. Потом перегородили русло неводом, но что такое, скажите, для бывшего плавучего крана даже самый крепкий невод? Он порвался, как нитка, на радость сазанам и судакам, попавшим в эту сеть.
Тогда была брошена в бой авиация. В один из дней, словно туча закрыла солнце, это распростер пятидесятиметровые крыла гигантский бомбардировщик ТБ-3. Ревели все

четыре мотора бомбардировщика, в бомболюках были наготове две бомбы, каждая весом восемьсот килограммов. Старший лейтенант Захарьев, приказавший экипажу называть его красным военлетом, и не иначе, уверял, что воронка от одной только бомбы будет такой, что шхуна в нее провалится, как в волчью яму. А от применения двух таких бомб образуется огромное озеро, чуть поменьше Байкала. Так что, беглецу пришла амба!

На крыльях бомбардировщика сидели наготове десятка полтора парашютистов – они могли броситься к петляющей далеко внизу голубой ленте реки для зачистки территории от враждебного элемента, вражеского наймита, как перед сбросом бомб, так и сразу после того. Конечно, они предпочли прыгать после, но от них самих ничего не зависело; они ждали команды красного военлета Захарьева.

Гигантский бомбардировщик поточнее прицелился – прямо в рубку шхуны, чтобы и следов не осталось от наглого беглеца. Захарьев для надежности покрутил окуляры и нажал на рычаг открытия бомболюков и сброса бомб – сразу обеих. Что-то проскрежетало внутри бомбардировщика, люки открылись, но бомбы остались на месте. Заклинило восемьсоткилограммовые снаряды. Военлет Захарьев попытался закрыть люки, но ничего не получилось. Выходило так, что огромные бомбы больше не были закреплены и могли упасть в любую секунду, но пока не падали.

- У нас лом есть? – спросил красный военлет у подчиненного экипажа.

- Так точно! – отрапортовал очкастый молоденький младший лейтенант – Бомберг (это так над ним в эскадрилье смеялись – за очки, а настоящая фамилия у него была Светочкин). – Я его в бомболюк положил…

- В бомболюк?!. Наверное, ты уже догадался, почему бомбы застряли? – выкатил глаза красный военлет.

- Никак нет! – четко, по уставному ответил Бомберг-Светочкин.

Захарьев открыл рот, намереваясь сказать что-то язвительное, но не сказал, не сумел подобрать такого, чтобы смогло дойти до Бомберга, и поэтому ему пришлось рот опять закрыть.

- Та-а-а-к! – наконец произнес он. – Как садиться будем? Они ведь вывалятся под нас на аэродроме, как пить дать вывалятся! Выкидыши!

- Так точно, выкидыши! – подхватил младший лейтенант. – Неподготовленный

экипаж, можно сказать, без года неделю в воздушном пространстве… Да и самолет дали списанный, сказали, пойдет для выполнения гражданских операций…
- Может парашютисты что-то смогут? – вслух размышлял Захарьев. – Как-нибудь исхитрятся?..
- Должны исхитриться! – радостно сказал Бомберг, и махнул рукой парашютистам. Те, не медля, посыпались с крыльев и, расцветая белыми цветками парашютов, стали растворяться в туманной дымке внизу, стараясь сразу убраться подальше от ТБ-3.
- Дурак! – закричал военлет. – Я имел ввиду, чтобы они попытались проникнуть в бомболюк и вытащили оттуда ваш лом… Да что теперь говорить!..
- Я лично готов на выполнение этой задачи! – попытался щелкнуть каблуками унтов младший лейтенант. Военлет внимательно посмотрел на него: пусть выполняет, а если вывалится, так самолет при посадке только легче будет.
- Действуйте, Бомберг! – сказал он
- Есть! – ответил отважный летчик. – Только моя фамилия Светочкин.
- Хорошо, Бомберг, - сказал военлет. И тот засучил рукава.
Задание было опасное: проникнуть в бомболюк, попытаться освободить бомбы или закрыть створки люка, в общем, сделать что-нибудь спасительное для самолета, если получится. А если не получится…, если не получится…, тогда разбегайся, кто куда может.
Бомберг на удивление быстро попал в бомболюк, только ужасно мешал парашют, в котором нельзя было ни повернуться, ни развернуться. Младший лейтенант снял его, стараясь не смотреть на пропасть, разверзшуюся у него под ногами. Но когда он иногда бросал взгляд вниз, то видел, как там рассекает волну дерзкая шхуна, не боящаяся нисколько первого в мире четырехмоторного самолета. А парашютисты все промахнулись, наверное, снесло их ветром, а, может, струсили.
Огромные бомбы занимали все пространство люка, поэтому пришлось снять и запасной парашют. Неисправность оказалась незначительной - лом попал в какую-то зубчатку, которая застопорила весь прицельно-бомбометательный механизм. Нужна было обыкновенная кувалда, универсальный инструмент русских самородков. И она нашлась здесь же, в бомболюке, куда без нее?
Младший лейтенант с размаху ударил кувалдой по лому, тот вылетел из зубчатки, та

в свою очередь провернулась, как ей и полагалось, сработала какая-то авиационная пружина, и бомбы, еле слышно свистнув, должно быть, на прощанье, полетели вниз, а вслед за ними и парашюты Бомберга, зацепившиеся лямками за стабилизаторы бомб.

- Эй, постойте! – непонятно кому вслед крикнул Бомберг. В ответ раздались два хлопка, это сами собой раскрылись парашюты, притормозив полет восемьсоткилограммовых сестер (мы отлично знаем, что само по себе ничего не случается, но вот, поди ж!).

А дальше чистый фокус произошел. Одна бомба, которая летела на запасном парашюте, повисла над речной гладью – на огромной ветке могучего осокоря. Черный тополь только закряхтел всем стволом под тяжестью снаряда, но удержал смертоносный подарок с неба – надолго ли? Вторая бомба – на основном парашюте - опустилась точно на палубу шхуны. Григ произнес:

- С таким вооружением у нас теперь не шхуна, а почти крейсер. Впрочем, мы мирные люди, а гонку вооружений нам навязывают сверху. Пусть будет тайный крейсер и явная шхуна… Кораблю не гоже без имени… Пусть будет «Дашка»… Не солидно, однако. Лучше – «Дарья». Тогда так: тайный крейсер «Дашка», но шхуна «Дарья»!..

Он задрал голову к небу, в котором по-прежнему ревел четырьмя моторами облегчившийся бомбардировщик.

- Еще бомбы есть? – крикнул он воздушной громаде и показал кукиш.

- Что еще ожидать от врага? – обиделся красный военлет. – А с другой стороны - мы задание выполнили, произвели прицельное бомбометание, точность – пятьдесят процентов, положили одну бомбу точно в цель. Кто нас укорит за это? Тогда курс – на аэродром!..

И ТБ-3, цельнометаллический самолет, чудо техники и боевой мысли, совершил разворот на 180 градусов и направился на место базирования.

Но на месте базирования нашлись люди, которым не понравилось, как отбомбился экипаж Захарьева.

- Под трибунал вас надо отдать! – кричал самый высший начальник того, где следует. – Простого дела – ликвидировать всего одного человека – не осилили! Я сам за вас все должен делать? Так, да?

- Так точно! – закричал Захарьев.
- Никак нет! – одновременно с ним подал голос Бомберг-Светочкин.
- По пять суток домашнего ареста! – приказал самый высший начальник. И спросил у подчиненных:
- Кто у нас самый меткий снайпер?..
Все стали переглядываться, потому, что те, кто знали этого специалиста, не были уверены, что о нем можно говорить в присутствии такого количества подчиненных, а тем, которые о нем понятия не имели, и говорить было нечего.
- Так есть у нас настоящие стрелки, или у нас нет настоящих стрелков? – потерял терпение начальник.
И только тогда его первый заместитель осмелился:
- Так точно! Есть! Одна из его кличек – Фиолетовый. Правда, в последнее время у него не было работы по специальности.
- Что ж, он примусы чинил?..
- Никак нет, законспирирован под бомжа, обитает где-то в полуподвалах, известен как мастер стрельбы из винтовки Мосина.
- Найти! Поручить ликвидацию беглеца! Потом нейтрализовать самого! О выполнении доложить! – рассыпал начальник короткие приказы, и подчиненные бросились выполнять их.
Но они могли бы не торопиться, потому, что ничего у них не получится. Зря произнесли вслух, при всех, кличку фиолетового, он узнал об этом раньше, чем бросились его искать. Не торопясь, он достал из темного угла винтовку, замотанную в мешковину, убедился, что оружие вычищено, смазано, не подвержено предательской коррозии – хоть сейчас в дело. Также, без суеты он накинул старый брезентовый плащ, сменил портянки на свежие, надвинул на глаза фуражку, и покинул полуподвал. Только его и видали.
Но если бы и нашли его, а с ним и еще сто тридцать три снайпера, и они бросились бы по следу шхуны, то и тогда ничего бы не вышло. Шхуна «Дарья» набрала такой сумасшедший ход, что догнать ее стало невозможным.
Время от времени ее видели на утренней зорьке рыбаки, однажды она подходила к Бударину, где Григ в местном магазине купил ящик соли и мешок муки высшего сорта,

а ближе к осени «Дарья» показалась у Коловертного: шкипер нисколько не таясь, сошел на берег, осенил себя крестом у церкви Рождества Христова, стал разговаривать с местными мужиками на предмет видов на урожай овса, проса и других злаков. Распил с ними четверть-другую чистой хлебной водки, а когда коловертновские души распахнулись навстречу добру, спросил:

- Мужики, краской у вас не разживусь? И кое-какими обделочными материалами? Вот перед вами судно, а ни названия на нем, да, ни одного целого стеклышка не осталось – все постреляли супостаты!..

- Разживешься, почему не разжиться, если постреляли… А как зовут твой корабь?

- Дарья…, - дрогнул голос у шкипера. – Даша… Доченьку мою так зовут…

- И мою женку так кличут…

- У меня племяшка – Дашута…

В общем, шхуна поправила такелаж, обзавелась новыми стеклами в иллюминаторах, издалека теперь было заметно корабельное имя. Дарья.

Конечно, кто-то известил догоняльщиков: мол, так и так, преступник разгуливает на свободе, глумится над властями, пьянствует с несознательным элементом. Бойцы с ружьями наперевес тут же примчались, да скорость у них оказалась не та. Они, конечно, арестовали тех, кто хмелен был, но потом пришлось выпустить: попался и свой собственный сексот.

Хотели даже выписать катер с торпедными аппаратами, чтобы все-таки настичь и покончить с этой белоказачьей сволочью. Но не нашли средств, а пока их искали, средства эти, прошли недели, месяцы и годы, и проблема потеряла свою остроту: и про Грига подзабыли. Плавучий кран СУ-31 благополучно списали, и вообще, что упало с воза, то и пропало. Напечатали портреты Грига, какие-то мутные и размазанные, развесили их на вокзалах, станциях, станционных буфетах степного края, как будто шхуны теперь ходят по железным дорогам. Правда, сигналы стали поступать, а сигнализировали в основном, старушки, торговавшие на вокзалах подсолнечными семечками, да и не по своей воле они сигнализировали, а по воле инспектора по делам поимки беглых преступников, который грозился убрать старушек с вокзалов, если не будут сообщать обо всем подозрительном.

- Только за сегодняшний день сообщать? – спросила как-то одна старушка. – Или за

прошедшее время тоже?
- За все времена! – отрезал инспектор. Не подумавши.
В тот же день все девятьсот тридцать семь старушек доложили о подозрительном. Одна уверяла, что в июле 1891 года прибывшему сюда цесаревичу громче всех кричал «долгие лета» человек музланского корня, а фамилие его такое – Грищак. Надысь она его видела, как будто, он на должности стоит. Разве ж можно по нынешним временам такого на должности содержать?..
Другая доложила, что, кажись, в двадцать девятом годе приезжал странный человек со странной фамилией. Он отправился с дружками своими вниз по реке на двух бударах, по пути стреляли дичь, рабалили, заезжали в станицы – меняли дичь на каймак, айран. Была с ними женщина, она часто проливала слезы – ростечку небольшого, а сама, небось, из татар, звали ее Лидией. А муж ее прозывался Валериан, его в Каленовской, да Сахарновской станицах признали за своего, уральной породы человек. И все бы ничего, и до них сплавлялись люди – и на бударках, и на плотах. А эти все особенные были, с карандашами, тетрадками, блокнотами – чуть что, сразу берут на карандаш. Разве не подозрительно? У нас каждого, кто с карандашом или тетрадкой, на учет надо брать. А, может, догадались – уже берут? Да, фамилию смешную вспомнила – Толстый, кажись. И вот еще чего, называли его иногда промеж себя графом. Какие-такие теперь у нас графья?
Третья старушка видела, как огненное колесо по улице каталось, а было это в Кирсановской станице в одна тысяча двенадцатом годе, незадолго перед войной…
А одна рассказала, что больше всего надо опасаться одноногого когтистого чудища, которое всегда находится за спиной у человека. Чудище состоит из одного огромного глаза, ухо у него тоже, кажется, одно, но очень чуткое. Чудище все видит и все слышит, и если люди где маху дают, не по душе поступают, то тотчас все записывает на записывальный граммофон. А нужны ему эти промахи для того, чтобы подготовить и осуществить полную погибель человечества. Чудище давно уже пакостит людям, а попало оно сюда по нашей же человеческой небрежности: кто говорит, что много стрельбы было, и грохот привлек этого урода, который до этого дремал не то в подводной пещере, не то в пирамиде египетской, не то на Луне. А кто уверяет, что стратоскафы, монгольфьеры и дирижабли пробили дыру в небе, да уж и не одну, и

оттуда полезла всякая нечисть. А в нашем городе такая дыра, аккурат, над самым центром пробита, цельная воронка в небе – от Карева-дома до самой улицы Буяннной, что прямо в Чаган упирается. Там же и Буян-остров…Через эту воронку чудовище, а на вокзале она слышала от уборщицы Зины, что оно от рождения называется Ку-Эн-Зим, передает все свои шпионские сведения, причем, использует для этого силу наших простых подсолнухов…Подключает проволокой свои передатчики прямо к подсолнухам – и начинает пищать азбукой Морзе.

Конечно, все сообщения старушек были тщательно проверены, и кое-что (насчет Грищака) даже и подтвердилось (подтвердился и магнетизм подсолнухов), но инспектору по делам беглых преступников было строго указано: старушек опрашивать только в случае острой государственной необходимости – и только по конкретным делам, не давать им погружаться во времена царя Гороха, и забивать следствию голову разной ерундой.

В общем, времени утекло - прорва. Григ уверенно вел «Дарью» - ни коварные речные мели, ни морские тяжелые валы не страшили его. Иногда он брал на борт путешественников, торопящихся в неведомые земли, иногда беглых каторжников, а чаще всего ему попадались простые бродяги – веселые ребята из прошлого, пробивающиеся в будущее, - все они добирались до своих берегов, кивали на прощание, и, не оглядываясь, уходили в свои неведомые жизни; пойди за каждым из них и попадешь в новый роман, новую судьбу.

У Грига была своя судьба, и он верил в нее. Пусть не сегодня, пусть не через пять лет, но все сбудется.

Шхуна шла, и годы шли.

Глава семнадцатая: тайны…

Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф – паф! Ой-ой-ой!
Умирает зайчик мой.
Привезли его в больницу,
Он украл там рукавицу,
Привезли его в палату,
Он украл там шоколаду.
Привезли его на крышу,
Он украл там дядю Мишу.
Привезли его домой,
Оказался он живой.

Сорок семь витков вокруг земного шара сделала к нынешнему утру тележка Данилы, начался сорок восьмой виток. На рассвете нашлось в придорожных кустах кожаное кресло: кожа оказалась натуральной, мегалодоновой; кто же сидел на этом кресле полтора миллиона лет назад, а теперь взял, да выкинул его в кусты? Через полчаса прямо на дороге попалось на глаза дивное шелковое знамя – чистого мышиного цвета с кроваво-красными бантами, валявшееся в пыли; так и не удалось определить, какая держава осталась без стяга. А уже ближе к обеду в тележке была обнаружена, а ведь доселе ее не было – счастливая книжка с хорошим концом, именно такая, какую просила Даша. На обложке так было и написано: «Все самое счастливое в конце, начало можно не читать». «Вот уж Даша обрадуется!» - радовался сам Данила, что сможет выполнить ее заказ.
- Как будто из воздуха соткалась эта книга, - сказал Егорий, - а ведь точно такой здесь не было… Ведь не было?

Егорий так и прибился к путешественнику, полюбил тонкое ремесло старьевщика, да и не так скучно с ним было. Хотя иногда Данила просил соратника не говорить хотя бы пару часов кряду про Беловодское царство. Хохлов не обижался, понимал, что перебор губителен для любой идеи. Умный был мужик.

- Наверное, к дому Даши подъезжаем, - сказал Данила. – Поэтому и книга появилась… Для нее появилась… Вообще, в мире спрос на книги, кажется, растет… кругом нужны хорошие книги, особенно ищут волшебные, магические книги, а случаются ищут умные книги, такие тоже попадаются…

- Сколько всего помещается в этой тележке! – восхитился Егорий. – Прорва…

- Если бы все находилось, что теряется, так и этой тележки было бы мало, - сказал Данила. – Хотя чисто теоретически (есть и у старьевщиков свои теории) все, что когда-то потеряно, обязательно будет найдено…

Он строго посмотрел на Егория:

- Только не говори мне об этом самом царстве, его никто не терял, поэтому и найтись никак не может.

- Оно найдется, - ответил Егорий и замолчал, любуясь странно знакомыми ему местами.

- Речка в просветах между деревьями виднеется, я как будто когда-то бывал здесь, - сказал Егорий.

- Это, наверное, Чаган, - сказал Данила. – Мировая речка… В этих краях все такое…

- В смысле – мировое? – спросил Егорий.

- Да, мировое… Твои предки из этих мест…

- Мой отец коловертновский, - сказал Егорий.

Откуда-то из-за деревьев вылетел пес и побежал рядом с тележкой. Данила узнал его – это был Пес.

- Здравствуй! – прокричал ему старьевщик.

- Привет! – молча ответила собака.

Даша, улыбаясь, вышла из своего дома им навстречу.

«Как она постарела! – огорчился Данила. – Даже седина посверкивает… Милая, милая…

- Что нового в мире? – спросила она. – Чего нынче больше – находок, или, как обычно, – потерь?
- Искать стали меньше, - уклончиво ответил он, - легче теперь расстаются со всем – вещами ли, людьми ли… Помнишь, как прежде провожали хозяина на хутор, до которого чуть больше десяти верст?
- Хоть и седина в голове, а не помню, - улыбнулась Даша.
Данила нахмурился, не понравилось ему про раннюю дашину седину, но он продолжил:
- Провожали с поклонами, как навек, с наказами, с ожиданием гостинцев... А теперь в Америку, как на хутор… Расстояний больше не стало, а с ними и расставаний. Да Бог с ними, с расставаниями, – потерпели бы без них, да вот вместе с ними не стало и встреч.
- Да, почти не стало, - сказала она и смахнула с ресниц слезинку.
Исправляя свою оплошность, он бросился представлять Егория, как всемирного искателя заповедной страны, знатного путешественника.
- Саша мне много рассказывал об этой стране, - сказала она. – Он не то, чтобы был уверен в ее существовании, он был уверен, что она не может не существовать.
- Точно! – сказал Хохлов. – Не может быть, чтобы в мире зло перевешивало добро… Не так в мире задумано было, не так…
- Мы вряд ли знаем, как задумано было, - поправил его Данила, - но надеемся, что справедливо…
- Дорогие гости! – сказала Даша, протянув к ним руки. – Добро пожаловать. Сейчас чай будем пить…
Стол она накрыла во дворе. Угощала Данилу и Егория жареной рыбкой, некрупной, но сладкой. Теперь она время от времени ходила к тому самому мостику, там все еще лежали на берегу сашины удочки, и ловила карасей, насаживая на крючок хлебные катышки. Она быстро научилась этой нехитрой науке. А во дворе у нее были грядки с редисом, морковкой, росли огурцы, помидоры. Так что, угощение получилось на славу. И погода в этот вечер удалась – тихая, теплая, какая-то светлая и спокойная.
- Это вы такую погоду привезли с собой, - сказала Даша.

- Мы книжку со счастливым концом привезли, - сказал Егорий.
- Спасибо! - поблагодарила она, полистала книжку, положила ее на самый краешек стола.
- Вы не обижайтесь, пожалуйста, - произнесла она, - но пока читать ее не буду… Боюсь, что, в ней счастье книжное, придуманное… И еще я поняла, что сами слова «счастье» и «конец» несовместимы. Бывает или счастье, или конец… Хотя с этим мне надо еще разобраться…
За столом сидели допоздна, до звезд, а потом она поставила раскладушки для Данилы и для Егория здесь же, во дворе, а сама ушла в дом. Лежала и слушала, как тикают ходики, и ей казалось, что после полуночи они замедляют ход, чтобы как можно дольше не наступало утро. Одинокие ночи ее были очень длинны.
И вдруг послышался короткий злой смешок, хриплая усмешка.
Уже не раз и не два слышала она этот звук, может так скрипят, коробятся высыхающие половицы, а, может, завелся какой-то особенный голосистый сверчок. Однажды она даже встала с постели, включила электричество и осторожно осмотрела дом. Никого и ничего не обнаружила, вспомнила про таинственный подвал, но не решилась туда спуститься ночью.
Но сегодня она почему-то поверила, что это не половицы скрипят, не ветер завывает в трубе, не ночная птица кружит над крышей, а кто-то недобрый радуется ее одиночеству. Она для чего-то негромко позвала:
- Саша!..
Усмешка повторилась. Даша с головой укрылась одеялом, сжалась в клубок: страшно, очень страшно, если в доме заводится какая-то нечисть, а ты одна… И тут она почему-то вспомнила про необычный компас с обманным зеркальцем; его металлический бок тускло посверкивал на подоконнике. Она зажгла светильник, взяла странный прибор. В его окошечках из отдельных букв сложилось: «не гляди назад». Она подумала, что все-таки этот компас показывает какие-то случайные слова. В приборе что-то защелкало, и появилась новая фраза: «мы не одиноки». «Сколько в мире всяких аппаратов, машин, устройств, - пришло ей в голову, - какие-то из них становятся известны всем, пробираются в каждый дом, как стиральные машины, радиоприемники, телефоны, а другие, даже более сложные, в которых,

быть может, наиболее полно проявился человеческий гений, остаются в тени, люди о них не знают, и не узнают никогда. Вот этот диковинный аппарат, похожий на компас с зеркальцем – кем и для чего он был создан? Может, это какой-то ингибитор мировой коррозии или самонаводящийся эмулятор межличностных отношений, и в нем работает сто миллиардов невидимых глазу транзисторов? А, может, эту безделушку полвека назад от нечего делать собрал в радиотехническом кружке под руководством Анатолия Семеновича Скворцова расторопный кружковец Юра Фоменко, золотая голова, серебряные руки, но в угаре конструирования, в желтом канифольном чаду он забыл придумать, для чего этот прибор нужен. Как только найдется к аппарату инструкция, нобелевский миллион ему гарантирован.

И опять ей пришло в голову, что этот компас-часы-эмулятор она видела когда-то давным-давно, и даже держала его в своих руках. Точно держала!

Самонаводящийся эмулятор вновь издал щелкающие звуки, и в окошечках появилось: «Секрет в тайнике!» Даша задумалась: что это может значить?.. Кто напоминает ей о тайнике? И, вдруг, как будто кто-то подтолкнул ее: кто, кроме Саши знает о подвале, о двух одинаковых часах с разными циферблатами, о ключе-пластинке? Эмулятор опять защелкал: «Пять минут, не забудь!»

Это, конечно, Саша посылает ей весточку? Кто, кроме него?.. Но где он, где? Милый!.. Любимый!..

Она едва дождалась утра. Когда солнце осветило вершины старых осокорей, она растолкала Данилу и Егория.

- Я поеду с вами! – объявила она им. – Сашу искать…

В это время ингибитор-эмулятор напомнил: «Тайник!». Даша о нем и не забывала.

- Но прежде нужно заглянуть в подвал дома, там, думаю я, ожидает нас много интересного, - сказала она.

Старьевщики загорелись, хотя видели уже на своем веку такие чудные вещи, как карманная доменная печь, примус, работающий на чистой родниковой воде, кстати говоря, запрещенный во многих странах мира, где ощущается нехватка воды, зато полно керосина. Часто им попадались автомобили на квадратных колесах, валявшиеся на обочинах; видимо все-таки постепенно в мире начинало преобладать движение на круглых колесах. Не редкостью были гвозди, с обеих сторон которых

были шляпки, географические карты «сделай сам», на которых не было нанесено ни городов, ни границ, ни гор, ни морей – размещай их, где душе угодно, радиоприемники, которые говорили на языках, которые не понимал никто, словари для переводов с русского на русский, мясорубки наоборот – закладываешь в них фарш, а из них выходит грудинка, филей – что захочешь… Много удивительного попадалось им, но все равно, когда Данила и Егорий слышали «ожидает много интересного» им казалось, что вот именно сейчас, именно здесь они найдут такое, такое… такое, что ни в романе описать, ни в научных записках в Академию наук рассказать.

Даша открыла дверь в подвал, старьевщики за ней. Они сразу же обратили внимание на часы с маятниками, похожими на алебарды. Все остальное – сундуки, кресла, шкафы – тоже показалось им интересным.

- Как будто кто-то нарочно сохранял здесь век, - сказал Егорий. – Книги, посуда, мебель – все из того времени…

- Наверное, знаменитые у тебя были предки? – предположил Данила.

Даша задумалась: деда с бабушкой помнит хорошо, а дальше в памяти только отдельные эпизоды, а потом неясные картины, как вспышки, а еще дальше – туман, туман… Она огорчилась: почему ей почти ничего не запомнилось из того, что рассказывала ей бабушка. Она часто зимними вечерами у жарко натопленной печки, заводила с ней разговор про старину, всегда начинала с какой-нибудь приговорки, наподобие этой: «Что будет, того никто не знает, а если и знает – никому не расскажет; что утром случилось - откроется не сегодня вечером - не раньше, чем обрастет быльем, как мхом, а вот прошлое – это то, что уже было, оставило след на земле, его и сегодня можно руками потрогать…» Помнится, она рассказывала о давнишнем – давнишнем наводнении, когда дома плыли по Чагану, как брошенные корабли, и эту уходящую эскадру провожали со слезами на глазах. Женщины бросались в воду вслед за уплывающими жилищами, казаки догоняли свое добро на бударах, и в их глазах был не страх, не гнев, а недоумение – неужели так может поступить с ними река, исстари их кормившая, а если надо – и оборонявшая?..

А на другой год случился страшный пожар, - казалось, горел даже сам воздух. Чуть не весь город оказался в дымящихся руинах. «Вот тогда и решили ставить каменную

избу, - говорила бабушка, - да и то Дядька-Санька всех уговорил… В те времена такой дом поставить – хороший достаток нужно было иметь… А дядька-то этот, говорили, был пришлым человеком, прибившемся к дому…»

«Постой, постой! – остановила свои воспоминания Даша. – Откуда взялся этот самый Дядька–Санька?.. Бабушка рассказывала про какого-то странного дядьку – это точно, но, кажется, имени этого никогда не называла?»

«Ну, как же, как же, - урезонила она сама себя, - она еще альбом показывала со старыми фотографиями, и там была фотокарточка какого-то человека…»

«Не было никакого альбома! – принялась она спорить сама с собой. – Если он был, то куда запропастился?.. Ведь с бабушкиных времен он на глаза ей не попадался… Или она не обращала на него внимания?»

- Даша, что случилось? – ее растерянность заметили Данила с Егорием.

- Подождите меня здесь, хорошо? – попросила она их. – Я кое-что забыла в доме…

- Хорошо, мы пока осмотримся, тем более, что посмотреть есть на что, - сказал Данила.

Она поднялась наверх. Солнце еще не высветило все пространство большого дома; в горнице на подоконниках уже лежали яркие световые пятна, а в дальних углах еще таился ночной сумрак.

На подоконнике поблескивал чудной компас. Она взяла его, в окошечках значилось: «В комоде».

Ах, да, все тайны всегда должны находиться в старинном комоде или в кованом сундуке, где давно нафталин перемешался с пылью веков! Но как будто совсем недавно, точно – три дня назад - перебирала она ящики комода, и не помнит, чтобы ей попадался альбом. Она открыла первый ящик, на самом его верху лежало что-то завернутое в кашемировую шаль. Это «что-то» было довольно увесисто – то ли книга, то ли…

Да что там гадать, напускать туману – это был тот самый альбом. Потертый кожаный переплет, вместо закладки шелковая выцветшая ленточка, наверное, некогда бывшая голубого цвета.

- Я вспомнила теперь, ленточка была голубая, - прошептала потрясенная Даша, - точно – голубая. – Когда бабушка мне его показывала…

Но ведь три дня назад в комоде альбома не было. Она уверена в этом. Но тут же Даша вспомнила, что на первой странице альбома было какое-то странное четверостишье.

Ее память как будто пробуждалась, это было странное и яркое ощущение – вдруг вспоминать то, что было давным-давно и тогда не имело ни малейшего значения, а сегодня оно может быть таким важным, таким!.. Самым важным в жизни… Впрочем, в самой глубине ее сознания пряталась сумасшедшая мысль: ее удивительная память о прошлом не просто пробудилась в ней, она заново родилась… И тут же она вспомнила об этом таинственном компасе-эмуляторе. Бабушка показывала его, как она могла забыть, тогда тоже щелкали плашечки с буквами, складывались в слова и просили: «Не забудь, не забудь…». Одно и то же просил компас тогда: «Не забудь!» А она забыла. Забыла? И как попал компас к старьевщику? А, может, забытые вещи сами покидают тех, кто их забывает? Но возвращаются, когда в них настает нужда? Всегда ли возвращаются?..

Она открыла альбом и прочитала:

Кони-кони, кони-кони
Мы сидели на балконе
Чай пили, воду пили,
По-чабичарябски говорили:
Чяби, чяряби
Чяряби, чяби-чяби.

А ниже шли цифры: 2 – 6; 2- 12; 3 – 3; 2-1; 2 – 2; 3 – 3; 1 – 3; 2 – 7; 3 – 3; 1 – 2; 2 – 6; 1 – 4; 1 – 3; 1 – 2; 1 – 1; 1 – 4; !

Да это ведь одна из тех самых считалочек, которые они вместе с Сашей читали на старинных стенах в центре города в тот день, когда они познакомились. Странно… Очень странно… Чяби, чяряби…Как попала эта считалочка на те стены, почему она записана на первой странице старинного альбома?

Она еще раз пробежала глазами считалочку, что-то показалось в ней не таким, как в тот день, когда они читали ее с Сашей. Точно!.. Там тогда была вот эта строчка: «по-турецки говорили», а чабичярябский язык они потом придумали с ним – для смеха… Вдруг она поняла: если бы кто-то хотел обратить ее внимание на этот альбом, на что-

то еще, связанное с этим альбомом, то вернее способа было не найти, чем эта считалочка. Даша принялась листать альбом. В нем было совсем чуть фотографий – бородатые старики, дети в матросских костюмчиках, барышни в парадных платьях, да старинные открытки с видами города, но в основном пространство альбома занимали стихи, старательно вписанные чьей-то аккуратной рукой. Так пишут те, кто делает это не часто, а, скорее всего, кто не так давно постиг премудрость письма, и ему нравится писать, но он еще опасается помарок, клякс, ошибок:

«Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б - наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал -
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал....
1833

Строчка с годом написания этого пушкинского стиха была подчеркнута. Случайно?

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса -
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса…
1833

И опять год подчеркнут. Кому-то приглянулся именно 1833 год, кому? И почему? Может быть, потому, что Пушкин именно в этот год приезжал сюда? Саша не раз рассказывал об этом… Она вспомнила его «Теорию пыли» и погрустнела. Где он, Саша?

Она обратила внимание на несколько старательно расправленных, наверное, даже разглаженных утюгом, обрывков какого-то письма, на которых были различимы отдельные фразы: «Господин Пушкин! Поверьте! Я попал сюда из… угодил в девятнадцатый век. Огромной важности информацию должен я донести да своего времени, да и вашим современникам это знание не помешало бы. Она, эта

информация умещается буквально в трех словах: мы не одиноки!..
Александр Сергеевич! Извините за некоторую сумбурность письма, вполне, думаю, простительную – не каждый день мне приходится общаться с классиками. В полном смысле этого слова, вы – человек будущего, вас любят и ценят в нашем веке… Поэтому я к Вам и обращаюсь… хочется сказать Вам очень многое, очень! Вы даже не представляете, как волнует меня сама возможность увидеть Вас…
Александр Сергеевич! Знаю, что вмешательством в прошлое, не изменишь будущее, и, тем не менее, решаюсь дать Вам один совет: держитесь подальше от одного блестящего офицера – Жоржа Дантеса…»
И опять та же дата, 1833 год.
Странное письмо! А что сейчас, в наши времена, не кажется странным?
Автор письма уверяет, что он «угодил в девятнадцатый век» и обладает информацией огромной важности, и сообщает ее: «мы не одиноки!» Информация, мягко говоря, не ахти какая неожиданная… Однако, он предупреждает поэта о нежелательной для Александра Сергеевича встрече с Дантесом, которая – дай Бог памяти! – произойдет только через год; откуда человек, написавший письмо, может знать, что от того может исходить опасность для поэта? Или он был прежде знаком с Жоржем?.. Но все равно, что позволило ему предположить, что от того исходит опасность для Пушкина? Случайное совпадение или вывод на основе знания фактов биографии авантюриста?..
Даша перевернула еще одну страницу альбома и вскрикнула: с твердого старинного фотографического картона на нее глядел Саша, с затаенной грустью в глазах, – несомненно, это был он. Сюртук, брюки, заправленные в сапоги, - весь гардероб второй половины девятнадцатого века не мог переубедить ее в том, что это просто похожий на Сашу человек. Это был он. На карточке было оттиснуто: «Фотоателье «Модерн», Уральск. Ул.Крестовоздвиженская, 38. 1874 год»
«Может быть, это какой-то предок Саши?» – мелькнуло у нее в голове, но она отогнала эту мысль - почему-то она была неприятна ей. Даша с первого взгляда на фотографию поняла, что на ней Саша, и ей не хотелось, чтобы эта уверенность была хоть чуть-чуть поколеблена. Она нашла Сашу и не хотела больше его терять. И ее не занимали технические и философские подробности перемещения во времени.

Парадоксы не смущали ее, благодаря им, легко (легко?) объяснялась таинственная пропажа мужа. Конечно же, он попал в прошлое, как она сразу сама не сообразила, ведь он готовился, точно готовился, к этому, вот откуда его нешуточные познания в области истории, литературы, различные «теории», казавшиеся ей иногда шуточными, взять хотя бы ту же «Теорию пыли». Точно, точно, он оказался в прошлом… Она почти обрадовалась своему открытию, теперь она хотя бы что-то знает о его судьбе. И тут же она подумала: а можно ли вернуть его оттуда? В крайнем случае – отправиться вслед за ним?

Она вернулась в подвал, где ее дожидались Данила и Егорий.

- Как вы думаете, - спросила она у них, - можно ли человека перенести из одного века в другой?

- Конечно, - не задумываясь, ответил Егорий. – Если не страшишься разочарований…

- Проще простого, - добавил Данила, - лично я шестнадцать раз бывал в прошлом и два раза в будущем… В прошлом мне больше нравится.

- И каждый может туда отправиться? – с сомнением спросила Даша, она давно научилась с опаской относиться ко всему, что объявляется «проще простого». Но ей очень хотелось, чтобы Данила и Егорий как можно скорее развеяли ее сомнения.

- Некоторые ученые считают, что перемещения во времени невозможны, – принялся за объяснения Данила.

Даша поскучнела, она знала, что чем длиннее объяснения, тем меньше в них толку.

- Другие полагают, что мы никогда не расстаемся с прошлым, - продолжил старьевщик, - но все, как обычно, зависит от ракурса: когда лежишь в траве, кажется, что она закрывает небо, а поднимешься – стебли не достают даже до колена… Будущее же никогда не наступит, каждый миг оно превращается в труху прошлого…

- Ты нарочно запутываешь меня? – рассердилась Даша. – Я конкретно спрашиваю: можно ли мне отправиться вот в этот 1833 год?

Она протянула старый альбом Даниле, показала фотографию Саши:

- Вот мой пропавший муж, как он оказался в девятнадцатом веке среди «трухи прошлого»?

Данила пожал плечами:

- В мире возможно все… Спроси у своего зеркальца-компаса, вдруг, ему все

известно… Кстати, в прошлый свой приезд я нашел его в вашем дворе, в бурьяне… Видимо, пролежал там этот прибор не один год…

Егорий поддакнул:

- Можно, конечно, поинтересоваться мнением серебряных мозгов, но нужно ли это? Хорошо ли умирать раньше, чем родиться?

Даша от возмущения даже топнула ногой: ну почему они не хотят понять ее?

- Саша каким-то образом очутился там, это ведь не галлюцинация!..

Данила повторил:

- Все бывает на свете, весь вопрос в том – почему и зачем это случается? Ты мужа потеряла, а что ищет он?.. Не говорил?..

- Не знаете вы ответа, - заключила она. – Но, может быть, он найдется именно в этом подвале?..

И она протянула Егорию круглую медную табличку, на которой было выбито: «1874 год. Санкт-Петербургъ. Российское страховое от огня общество»:

- Это диск, ключ, тайная кнопка, секретная пружина, – называйте, как угодно, - в общем, зта штука приводит в действие скрытый механизм тайника. Нужно вставить диск в прорезь под циферблатом.

- Мне уже попадались сходные устройства, - сказал Егорий, - похоже, что их задача – не сохранять тайны, а наоборот – открывать их.

- Да, - добавил Данила, - вся их хитроумная механика направлена на то, чтобы на них обязательно обратили внимание. Все эти шарады, головоломки и коды как будто специально дразнят: ну, справься, ну, угадай, ну распутай этот клубочек!..

- Но ведь вы наверняка уже открывали этот тайник, если этот диск находится у вас? – спросил проницательный Егорий.

- Да, открывали, - призналась она.

- Что-то нашли там?

Она ответила уклончиво:

- Я почти уверена, что сегодня мы найдем больше…

Она подумала, что тайник открывает свои секреты не сразу, а постепенно, шаг за шагом, как они и возникали. Так было задумано, чтобы еще больше не запутать тех, кому эти тайны и были адресованы. Кем задумано? Сашей?..

В подвале раздался хриплый смешок, уже знакомый Даше. Она огляделась – кроме их троих в подвале как будто не было никого.

Егорий привел в действие секретный механизм тайника; продолжили свой путь маятники, похожие на алебарды, пришли в движение скрытые шестеренки и колесики, пружины и штанги, поползли в разные стороны ступеньки лестницы и тайник начал открываться. Она почему-то вспомнила давешнюю строчку на эмуляторе «Пять минут, не забудь!» и вдруг поняла, что эта надпись касается тайника, ведь он закрывается автоматически через пять минут после открытия. Эмулятор почему-то предупреждает ее об этом, почему? Чтобы она не осталась в этой каменной ловушке? А, может, чтобы сумела оставить там кого-то?..

Наконец, тайник открылся, и Даша в сопровождении Данилы зашла в тесное помещение, облицованное серым шершавым камнем. На этот раз на самом видном месте лежала запыленная потрепанная тетрадь. И все, больше ничего. Даша взяла тетрадь, встряхнула, облако пыли повисло, в тайнике. Она открыла тетрадь, прочитала: «Вот уж мученье управляться с пером, с вилами и того легче…» На высохшей, ломкой бумаге было полно клякс, почерк был осторожный, спотыкающийся. Глаза выхватили на странице знакомое слово «…Дядька – Санька…», не о нем ли вспоминала бабушка? Она захлопнула объемистую тетрадь – облако пыли в воздухе еще загустело, а на обложке стало ясно видна уже примелькавшаяся считалка:

Кони-кони, кони-кони
Мы сидели на балконе
Чай пили, воду пили,
По-чабичарябски говорили:
Чяби, чяряби
Чяряби, чяби-чяби.

А ниже все те же цифры: 2 – 6; 2 – 12; 2 – 3; 2 – 1; 2 – 2; 2 – 3; 1 – 3; 2 – 7; 2 – 3; 1 – 2; 2 – 6; 1 – 4; 1 – 3; 1 – 2; 1 – 1; 1 – 4; !

- Постой, постой, - сказал Данила, - так ведь это самый простой шифр. Действительно, кто-то просто рвался, чтобы его послание расшифровали без всяких затруднений… Цифры скорее всего указывают на буквы считалочки…

Тут Даша толкнула локтем в бок не в меру догадливого старьевщика, показала знаком – ничего не говори!

Знакомо задрожал под ногами пол, раздалось жужжание. Тайник начал закрываться. Даша еще раз толкнула Данилу, и тот едва не кубарем вылетел из секретной каморки…

- Ты что?! – спросил он удивленно.

- Пока помолчи…, - сказала она ему.

- Сейчас закроется подземелье! – крикнул Егорий. – Останешься там…

Ступеньки медленно ползли на свои места. Даша рванулась и стремглав выскочила из тайника; мгновенно щелкнул невидимый запор и лаз закрылся. И в ту же секунду, приглушенный толщиной каменных плит, раздался отчаянный визг – тонкий, одновременно скрипучий.

- Ага! – торжествующе закричала Даша. – Попался, голубчик! Посиди теперь в заточении!..

- Кажется, там кто-то есть, - сказал Егорий. – Как будто поросенок забрался…

- Подозреваю, что даже – свинья, - ответила Даша. – Не будет вечно ухмыляться у меня за спиной, дышать в затылок холодом!..

- Что это? Кто это? – спросил Данила. – Ты это существо специально закрыла в подвале?.. Поэтому и меня вытолкнула?

-Какой догадливый! – засмеялась Даша, - А про это «существо – создание», почему-то кажется мне, мы узнаем из этой тетрадки, как только сумеем отряхнуть ее от пыли… Ты за него не опасайся, он и не из таких ситуаций выворачивается. Вывернется и из этой…

Она протянула Даниле тетрадку:

- Теперь расшифровывай эту тайнопись…

Данила вгляделся в надпись на обложке.

- Так – так, - произнес он. – Цифры двойные, могу предположить, что одна обозначает номер строки, другая – букву в этой строке… Предполагаю, что номер строки обозначает именно первая цифра, так как мы видим там небольшие значения; как раз в считалке всего шесть строк… Если это верно, то «2 – 6» - шестая буква во второй строке считалки, то есть – «д». А вся фраза звучит так «Да, мы не одиноки!»

- Эта фраза есть и в письме, обрывки которого сохранены в бабушкином альбоме! – вспомнила Даша. – Странно…Кто-то изо всех сил старается сказать нам, что мы не одиноки… и, кажется, я догадываюсь, кто это может быть…
- Сдается мне, что нужно внимательно прочитать эту тетрадь, получше рассмотреть альбом, - сказал Данила…
- Читаем! – откликнулась Даша.

Глава восемнадцатая: Дневник

Ехал кот на бочке,
Продавал цветочки.

Синий, красный, голубой -
Выбирай себе любой!
4 – 3; 4 – 10; 4 – 5; 4 – 10; 3 – 17; 3 – 2; 1 – 8; 4 – 10; 3 – 1; Ь; 4 – 19

«Вот уж мученье управляться с пером, с вилами и того легче… Не стала бы и бумагу марать, но чувствую, что должна записать обо всем, что произошло со мной, Сашей, всеми нами… Да и Саша просил постараться, чтобы когда придет время, и люди будут готовы к этому – пусть тогда они узнают всю правду.
А случилось такое, что в голове никак не укладывается. Ни за что бы сама не поверила этому, расскажи мне кто-нибудь другой, но дело в том, что я все это видела своими глазами. С того самого дня, когда в лесу нашелся человек – Саша… Нынче мне седьмой десяток, а тогда я совсем еще девчонкой была. Отчаянной! Боевой! Ничего не боялась!.. Другая, увидев в лесу голого мужика, дала бы ходу, только бы пятки засверкали, а мне любопытно стало. Убежать я всегда успела бы, да со мной еще был верный Каквас… Если бы я тогда ушла прочь, вся моя жизнь по другому бы развернулась. А вот осталась, привела его в наш дом на Буянную. Братья Мартьян и Прокопий конечно, не обрадовались, даже бока намять ему хотели, но он смирный был, безобидный, на рожон не лез, поначалу баял, что из купцов, что его ограбили разбойники, но купец из него, было сразу видно, пустяковый, в товаре ничего не смыслил. Тогда он признался, что ему нужно повидать здесь Пушкина – поэта, будто бы тот обязательно приедет сюда из самого Петербурга. Он даже число называл – 21 сентября… И еще, дескать, 23 сентября Пушкин уедет отсюда, как раз снег будет идти. «Откуда он может это знать? - подумала я тогда. – Брешет, как сивый мерин!» Братья разрешили не прогонять его пока, пусть, дескать, побудет здесь, а потом решим, что с ним делать. Но чтобы держал себя в полном аккурате, не пракудил бы, да на глаза людям лишний раз не показывался.
Поначалу, грешница, я подумала, что он на голову слаб, особенно когда начал рассказывать, что прилетел со звезды, которую даже не видно на небе, а вообще он родился в этих местах, только в другие времена. Дикими казались его рассказы. Надо

же, со звезды прилетел!.. Без штанов.
Но с течением времени кое-что из предсказанного им стало сбываться. Пушкин приехал. Хорошо помню этот день, как раз суббота была, Рождество Пресвятой Богородицы. День был прохладный, с утра светлый, а к обеду потянулись тучки…
А Саша еще в пятницу уехал на Орлике, хотел перехватить Александра Сергеевича в пути, дескать, тот будет ночевать в Генварцевском форфосе…, то есть форпосте, все время сбиваюсь на наши казачьи слова, и Саша может попытаться переговорить с поэтом где-нибудь между Кирсановской станицей и Генварцевским форфосом. Хотел передать гостю из столицы бумагу, в которой написал про свое время, про звезды, а главное про то, что людей на звездах этих полным-полно, не только, значит, мы одни живем на свете. Через сто пятьдесят лет будут потомки читать пушкинское наследие и поймут, что эта бумага послана им – прямиком в будущее. «Мы не одиноки, не одиноки!» - время от времени повторял он.
А еще хотел он предупредить Пушкина насчет Дантеса; я тогда и не слышала, отродясь, такого имени, а Саша сказал, что в тридцать седьмом годе Пушкин погибнет от рук этой сволочи.
Только тогда он еле ноги унес, попался на глаза казачьему разъезду. Не удалось поговорить с важным гостем из столицы и в городе, вокруг него чуть не все войско кружило, возили его и на учуг, и в дом Усти Кузнецовой – как к нему подойти, если сам без роду, без племени, да в городе без году неделя? – немедля повяжут. Я тоже сподобилась посмотреть на сочинителя – мимо он в возке проезжал с Василием Осиповичем, - невысокенький такой, но, видать, бойкий, обличия городского, хоть и с бородой. Диковинный человек, но разговору после его отъезда почти не было, хотя офицеры ему представлялись боевые – одно слово – ярои! Герои то есть. И в военном деле отважные, и в мирное время способные. И лучшие красавицы города на обеды в честь Пушкина были званы, и рассказывают, что одна Пушкину очень глянулась, но вот уехал, и все, молчок, как будто и не приезжал первый поэт России. Ни «правдивых» историй не обозначилось в молве, ни «самых верных» сведений никто никому не передавал. То ли запрещено это было, то ли сплетни к Пушкину не приставали? Хотя, к кому они не пристают? Больнее репьев!
Передал Саша свою бумагу Гавриле, человеку пушкинскому, наказал строго передать

в руки барину, но Гаврила тот нетрезвый изодрал в клочья послание, выбросил в кусты, - через несколько дней Саша и нашел эти клочки. Я, как могла, собрала письмо, теперь оно в альбоме.

Пушкин на самом деле выехал из города 23 сентября, и теперь известно, что около Переметного Умета его застал снег, да, рассказывали такой, что пришлось верст пятьдесят ехать в санях. А ведь Саша говорил об этом снегопаде за месяц ранее!..

Вот с этого случая начала я задумываться: может, все-таки не врет пришлый?.. Саша?.. Страшно даже подумать было , что все, о чем он рассказывал, чистая правда… И только когда в тридцать седьмом годе узнали, что Пушкин стрелялся на дуэли с этим самым Дантесом, и принял мученическую смерть, я окончательно поверила: все сказанное им – правда.

Он быстро обвыкся с казачьей жизнью: и с бударкой легко управлялся на плавне, и на сенокосе от него толк был, и в седле держался молодцом. Но самый большой талан (опять на казачий манер пишу) у него был не к хозяйству. Каждую свободную минуту он чего-нибудь ромадил - стучал молотком, долотом, пилил, выстругивал, разводил огонь, докрасна накалял железо. Братья только качали головами: лучше всякого кузнеца управляется. Сделал себе новые, диковинные инструменты, я прежде и названий таких не слышала: лобзик, дрель, паяльник…

Сначала ромадил какие-то коробочки, полочки, подставки, да так искусно все у него выходило – глаз не оторвешь. А потом сделал целую машину – сепаратор. Кто сбивал сливки, тот знает, какая это работенка. А теперь заливаешь молоко, крутишь ручку, и готовые сливки льются по желобку прямо в кастрюлю. Исхитрился он сделать и машину для пахтанья масла. Мартьян и Прокопий посмотрели, сказали только:

- Одно слово – мастер!

Иногда он говорил:

- Если бы ты, Анюта, смогла увидеть, как в нашем времени все это делают, я только пытаюсь повторить хоть что-то из того, что нас, людей двадцать первого века, окружает…

- Расскажи, расскажи!.., приставала я тогда к нему. Иногда он рассказывал:

- В каждом доме у нас есть телевизоры… Ну, в них показывают постановки… Ты про театр слышала?..

- Как же, господа в столицах развлекаются, ведомо и нам, - ответила я, хотя представление имела смутное; в Уральске вот только теперь открылся театр, а тогда слухи доходили, что представления такие бывают, все больше у богатых, кои живут на французский манер.

- Что, театр у вас в каждом доме? – спросила я.

- Да что там театр, в каждом доме музыка…

- И кто же играет? – не отвязывалась я. – Приезжают с багренья и начинают песни петь, а музланы на балалайках играть?..

- Играют музыканты, поют певцы, - утомился он мне объяснять. – Скоро изобретут машины, которые будут передавать и музыку, и изображение на большие расстояния, и такие машины – радиоприемники и телевизоры будут стоять в каждом доме…А багренья не будет… И плавней не будет…

- Вот весело жить станет, без багренья, - сказала я, рассерчав почему-то на него, - а река-то наша останется, а чебачишки-то хоть будут в ней по утрам плескаться?..

- Река останется, но…

Я тогда перебила Сашу, не понравилось его задумчивое «но»:

- Не говори пока ничего, будем жить – будем сами видеть, если Бог даст.

Он замолчал, но время от времени я сама просила его рассказать что-нибудь. К примеру, что девки носить будут в этом далеком будущем?

- В общем-то, одежда будет похожа на нынешнюю, только ярче, - сказал он. – Девушки не будут стесняться оголять ноги, животы, появятся полупрозрачные материи…Очень многие женщины станут носить брюки…мужские штаны…

- Страм-то какой! – сказала я. – А куда мужчины смотрят, разве ж можно так распускаться?..

Постепенно стал он в нашем доме родным. А после очередного пожара, спалившего чуть не полгорода, он уговорил Мартьяна и Прокопия ставить дом каменный, как у людей, с подклетом. Те, конечно, сомневались: дом каменный – удовольствие дорогое, но достаток был, и скотину на отгонах держали, и коней добрых немало имели, и барашки, и курочки водились несчитаны; порешили строить дом.

Саша тогда составил план дома, даже нарисовал его – там крыльцо, там комнаты, а там подвал с каменными сводами.

- Для чего такой подвалище? – поинтересовался старший брат – Мартьян.
- У больших семей и секреты бывают большие…, - не очень понятно ответил он. – Да и вещей всяких ненужных накапливается много, не выбрасывать же их. Тем более, что то, что не нужно сегодня, оказывается нужным завтра… А вот к завтрашнему дню у каждого из нас особый интерес, а уж у меня так просто чрезвычайный.
Как-то мы с ним оказались в центре города, кажется, на базар ездили. Остановились посмотреть, как затевается какое-то большое строительство.
- Здесь будет храм, - сказал Саша. – Святого Александра Невского…
Я перекрестилась, спросила у него:
- Ты откуда знаешь?..
Он не ответил, сказал только:
- Сейчас фундамент готовят, а само строительство начнется через три года в присутствии наследника престола, цесаревича Александра.
- Все-то ты знаешь, - вздохнула я.
- Много чего в городе строится, и стоять этим зданиям века, до той поры… до той поры…, в общем, долго стоять… Знаешь, я, кажется, понял, как достучаться до своих современников, забросивших меня в пространство…
Он задумался на минуту, потом продолжил:
- Вот ты какие-нибудь детские считалки знаешь?
- Ну, знаю… В кулюкушки хочешь играть? Дак вырос, поди!
- Расскажи хоть одну, - попросил он.
Я вспомнила:
- Кони-кони, кони-кони
Мы сидели на балконе
Чай пили, воду пили…
Он подхватил:
- По-турецки говорили:
Чяби, чяряби
Чяряби, чяби-чяби.
- Вот видишь, - обрадовано сказал он. – И ты, и я знаем эту считалочку, а ведь я выучил ее только через полтора с лишним века после того, как она была известна

тебе!.. А если теперь включить в нее небольшое сообщение, зашифрованное так, чтобы шифр этот сразу бросался в глаза, и его хотелось бы тут же расшифровать, то оно почти точно дойдет до потомков… И те, кому оно адресовано, поймут его смысл. Только давай с сегодняшнего дня изменим одну строчку: будем произносить не «по-турецки говорили», а «по чаби-чярябски говорили», лады?

- Лады, - согласилась я, и не забыла об этом, рассказала обновленную считалку соседским детишкам, тем почему-то понравилось изменение, и через пару дней уже повсюду можно было услышать у играющих детей эту «чаби-чярябскую» строчку.

Однажды утром он позвал меня к мизиновскому дому.

- Хочу показать тебе кое-что, - сказал он. – Если повезет, воочию увидишь мой мир. Только для этого нужно попасть на парадную лестницу, на самый верх подняться… Да, не бойся, хозяева вчера еще выехали в сады, вернутся не раньше завтрашнего вечера.

- Там кроме хозяев полный дом народа, возьмут в жом, не возрадуешься!

- Может, и не возьмут?

С мужиком спорить – только время терять.

- Может, с черного хода пройдем, со двора? – все-таки предложила я.

- В том-то и фокус, что нам надо сверху смотреть, и подниматься по парадной лестнице…

- Что за разница, с какой стороны заходить? – не поняла я. Он задумался, сказал:

- Я не знаю сам, в чем дело, такой временной кульбит вышел, и нужно соблюдать его условия, - так я понимаю, так я чувствую…

И мы с ним отправились. Дом стоял, как царские палаты, торжественный, с белыми колоннами. Загляденье! Горела на фоне этой белизны веточка тоненькой, молодой рябины; октябрь – ее время.

Саша открыл дверь, вошел. Я – за ним, робея. Слыханное ли дело, в чужой дом без спроса заходить! Чать, не ворье мы какое-нибудь!

Тут же откуда-то сбоку выкатилась девка, мизиновская прислуга, должно быть.

- Кто таковы будете, с чем пожаловали? – принялась расспрашивать строго, крикнула куда-то через плечо:

- Натолий!.. На-а-а-то-о-о-лий!

Натолий тут же появился, заспанный, нечесаный верзила – кудлатая голова под потолок.

- Кого вам? – позевывая, спросил он. – Хозяева в садах… А господин полковник будут к вечеру…

- Мы насчет пропорций, присланы от Михаила…, Микеле… Дельмедино…, - стал вспоминать Саша.

У верзилы округлились глаза.

Саша поправился:

- Из войсковой архитектуры… Микеле-то представился…, да уж давно…, Гоппиус заправляет…

- Так чего вам надо?

- Чердак осмотреть…

Верзила почесал затылок:

- Я с вами не полезу, сами и забирайтесь, коли нужда… Только быстро…

- Мы – сами, сами, - еле-еле скрыл радость Саша.

И мы с ним стали подниматься по мраморной лестнице на верхний этаж, где у венецианского окна стояла кадка с разросшейся чайной розой.

- Весь вид это дерево закрывает, - сказал Саша, - полезем выше, да оттуда и видно лучше.

И мы двинулись дальше по узкой деревянной лестнице с перильцами - на сумрачный чердак. Круглое окошко чердака горело на солнце как фонарь в полночь. Вокруг было пусто, тихо, только урчали где-то невидимые голуби.

- Чего тут смотреть-то? – спросила я. – Твой мир на чердаке?

- Иди сюда, - позвал он меня к окошку.

Я выглянула наружу, и голова закружилась от сиреневого аромата, к которому примешивалась и горечь зацветающих акаций. Цветут в октябре?

- Не может быть! – вырвалось у меня.

- Смотри внимательнее, - сказал он. – Иногда вообще ничего не видно становится, будто туманом заволакивает, а бывают дни, как сегодня, когда рассмотреть можно многое…

Я протерла глаза: что же такого не могу я рассмотреть? Окошко выходило на

Большую улицу – Большую Михайловскую. Вот справа атаманский дом, только когда успели столько деревьев насажать, да с зеленой листвой? Господь наш пресветлый, а откуда каланча вот эта взялась?.. А почему не видно Казанской церкви, строящейся единоверческой - Крестовоздвиженской?.. И маковок церкви Петра и Павла не видать. Боже, боже!.. А откуда взялась повозка разноцветная, да еще сама едет… самобеглая коляска!

Наверное, если бы Саши не было рядом со мной, я бы точно умом тронулась. Как тут не тронуться, если раздался гром небесный, и над улицей пролетела огромная железная птица с растопыренными крыльями? Я вжала голову в плечи, а люди, идущие по улице, даже и не взглянули наверх. Привычно им.

А люди, люди! Все безбородые, на самом деле девку от казака не отличишь. Да казаки ли это? Как Саша и говорил, многие женщины в мужских штанах, хорошо хоть – без лампасов.

Раскрашенная повозка остановилась, из нее высыпала целая гурьба людей. Они громко о чем-то говорили, некоторые хохотали, ни забот, ни тревог не было написано на их лицах.

- Это называется автобус, - сказал Саша. – Он развозит людей по разным улицам города…

- Чудно! – сказала я. На самом же деле было жутко. Почему народ беззаботно смеется, если подевались куда-то церкви? Что произошло на этой земле?..

- А если мы сейчас спустимся вниз? – спросила я.

- Окажемся опять в твоем времени, - сказал он. – На этом чердаке я обнаружил временной разлом, через который можно наблюдать крошечный уголок будущего, но попасть туда через эту трещину нельзя. Как образовалась эта временная прореха – можно только предполагать; я думаю, что ткань времени могли повредить мои пространственно-временные броски. А, может, так оно и задумано во вселенной, чтобы время от времени хоть кому-то удавалось увидеть будущее?..

- И прошлое, - подсказала я, подумав, что в прошлом лучше. И добавила:

- А если мы через это окошко вылезем на крышу?

Он быстро взглянул на меня:

- Знаешь, я не пробовал… В голову не приходило. Давай сделаем это прямо

сейчас…

Он распахнул окошко, и на чердак проник многоголосый шум Большой улицы. Не сразу я поняла, что не слышно привычного цокота копыт, тележного скрипа, выкриков возниц «Сторонись!». Вместо этого я услышала непонятное рычание, идущее как будто одновременно отовсюду, короткие резкие гудки, металлический визг.

Саша объяснил:

- Это автомобили шумят… Ну, самобеглые коляски…

И еще я услышала, как, заглушая уличный гвалт, неясную кутерьму этого странного города, над крышами плыла музыка. Кто играл на гитаре и рвал душу: «Вдоль обрыва по-над пропастью, по самому по краю, я коней своих нагайкою стегаю, погоняю... Что-то воздуху мне мало — ветер пью, туман глотаю... Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!..»

- Высоцкий поет, - сказал Саша. – Умер уже…

Я заледенела от ужаса: мертвец поет! Но не стала ничего спрашивать.

Мы выбрались на крышу. Передо мной расстилался родной, совершенно незнакомый город. Некоторые дома я узнала, они изменились совсем немного, стали приземистее, кряжистее что ли, я поняла не сразу, что они постарели (только что, десять минут назад, они были молодыми, осанистыми, блестели на утреннем солнце чистыми стеклами), прошедшее время оставило на их стенах небольшие трещинки, похожие на морщины, то тут, то там были видны забравшиеся на карнизы пучки травы, возраст домов выдавали и многие слои побелки, которые были заметны даже и не очень внимательному взгляду. Город раздался, слева насколько хватало взгляда, сквозь густую зелень деревьев видны были крыши домов, которых там прежде не было, как не было и деревьев. Дух захватило от этой красоты. Взгляд наткнулся на золотые маковки неизвестной мне церкви.

- Храм Христа Спасителя, - сказал Саша. – В начале двадцатого века построен… Красивый очень…

- А если мы сейчас слезем по приставной лестнице, тем более, что она стоит у стены вот этого нового одноэтажного здания (для меня большинство строений были здесь новыми, ведь я их видела впервые; и как только я с ума не сошла?), то не окажемся ли в этом… твоем городе? – спросила я.

- Не знаю, - и голос Саши дрогнул, должно быть, он очень хотел, чтобы именно так и произошло.

Мы осторожно, чтобы не греметь жестью кровли, двинулись по направлению к этому самому одноэтажному длинному зданию, стоящему впритык к Мизиновскому дому.

- Когда-то здесь была… будет… типография, - объяснил Саша. – Знаменитые люди там работали…

И вдруг нас окликнули. Голос снизу произнес:

- Эй, люди!.. Ну, вы, вы, двое! Осторожнее! Там, где лестничная шахта, все прогнило от старости, может в любую минуту рухнуть! Так загремит, что тошно станет!

Мы огляделись и увидели, что на самом деле все здесь ветхо; валялись кругом куски сорванной ветром жести, ржавые согнутые гвозди, как ружейные патроны после боя, какие-то тряпки, куски дерева. У самых наших ног, а как мы прежде не заметили? – зиял глубокий провал, и в нем внизу виднелась мраморная лестница, один пролет которой обвалился. Над лестницей вековая паутина, запустение. В самом низу - заколоченная в подъезд дверь.

- Что это? – удивленно спросила я. – Разве не по этой лестнице мы поднимались пятнадцать минут назад? Когда она успела так состариться?

И тут только мы увидели человека, окликнувшего нас. Он стоял у заколоченной двери, в руках у него был целый ворох книг. Саша уже видел этого парня в кроссовках без шнурков. Это тот самый, который спрашивал у них с Дашей, чем заканчивается книга «Черемыш, брат героя»…

- Вы самолет ищете? – спросил Бочаров, а это, конечно, был он. – Как Игнат? Он, Игнат-то, в ту сторону пошел – через арку, но она тоже рассыпается, - он махнул рукой куда-то по направлению кирпичного лабиринта стен и чердаков. – Но, кажется, он улетел… Точно улетел, самолет еще зеленый такой, или зеленоватый… Так что, спускайтесь сначала на типографскую крышу, а потом по лестнице, я ее, лестницу, подержу…

- Здравствуйте!.., - поздоровался с Бочаровым Саша.

- Доброго здоровья! – пожелала ему я.

Саша подошел к самому карнизу, посмотрел вниз, спросил:

- Почему вы говорите, что это - типографская крыша?

- Потому, что здесь и есть типография, - ответил человек внизу. – Она газеты печатает и афиши, когда приезжают мотогонки по вертикальной стене. Я сам не был на этих мотогонках, но Игнат рассказывал, что смотрят там на мотоциклистов сверху, а они носятся внизу на мотоциклах без глушителей – для повышения мощности… А вы читали «Васек Трубачев и его товарищи»?..

- Так какой же теперь здесь год? – спросил Саша.

Бочаров крепко задумался. Наконец, произнес:

- Точно я вам не скажу, календаря у нас с матерью нет. Но слышал, как люди пятьдесят третьего года говорили, что пришло их время. Значит, пятьдесят третий… Народы, живущие на чердаках и подловках, а также обитающие в дымоходах, уверяют, что на дворе славные шестидесятые, но сами люди шестидесятых годов с этим не согласны. «Как давно это было, и было ли это вообще?» - любят они повторять про свое время. Сам я думаю, что мы где-то между семидесятыми и двухтысячными застряли… А, по большому счету, не все ли едино, в каком времени жить, все эти времена, эпохи и эры давно перемешались, перепутались: сегодня на дворе эпоха благоденствия, а завтра – мрачное средневековье, рыцарские турниры, в моду опять входят бледные, туго зашнурованные, бесконечно падающие в обмороки, дамы?

- Мне нужен конкретный год, конкретное время, а не фарш из эпох и столетий! – сказал Саша, спрыгнул на крышу типографии и тут же пропал. Исчез, растворился в утреннем солнечном воздухе. Я зажмурила глаза, будь что будет, и тоже прыгнула вниз. И тут же оказалась на чердаке, у открытого оконца, рядом с Сашей, удивительно похудевшим, небритым.

- Слава Богу! – закричал он радостно. – Наконец-то я нашел тебя! Целую неделю плутал в этих лабиринтах, думал уже, что не найду тебя…

- Какую-такую неделю? – ответила я. – Мы прыгнули с тобой вниз только что… Минуты не прошло…

- Правда? – удивился он и рассказал, что после прыжка очутился во дворе типографии, только Бочарова там почему-то не оказалось. Сгинул куда-то. Он поднял голову кверху – никого.

- Анюта! – позвал он меня, но никто не откликнулся.

Летнее солнце сияло в зените, зной зашкаливал за тридцать градусов. Вокруг было тихо и пустынно, как в воскресенье. Саша подошел к одному из типографских окон, попытался рассмотреть - что же там внутри. У касс со шрифтами стояли женщины в длинных фартуках, повязанные красными косынками, сосредоточенно набирали на верстатках какие-то тексты, поминутно заглядывая в бумажки. Под потолком наборного цеха висел плакат, на котором было видно из окна только два слова «… для шпиона». Саша по памяти восстановил текст: «Не болтай по телефону, болтун находка для шпиона».

Он помахал рукой ближайшей к окну наборщице, та не отреагировала, только дрогнула ресницами – так ему показалось. Он постучал в окно, она как будто не услышала. Он постучал сильнее, закричал:

- Девушка! Девушка! – ему показалось, что она колеблется – отвечать или не отвечать, но промолчала и на этот раз. К ней подошел какой-то мужчина, наверное, бригадир или начальник цеха, взял у нее из рук верстатку, нахмурил брови, принялся чего-то неслышно выговаривать. Изо рта у него летели капельки слюны, девушка морщилась, пыталась отстраниться. Он положил ей руку на плечо. Она вспыхнула и на секунду, как показалось Саше, взглянула в окно, прямо в глаза Саши, но тут же отвернулась.

Саша постучал в окно со всей возможной силой, чтобы только не расколотить стекло. Стекло держалось, как сталь. Тогда он подобрал валявшийся под ногами увесистый камень, и секунду помедлив, запустил его в стекло. Камень отлетел от стекла, как пущенный из пращи.

- Тут на самом деле стекла бронированные? – воскликнул Саша. – От кого оборону держите?

Никто, конечно, ему не ответил. Он пошел вглубь двора и, пройдя шагов пятнадцать – двадцать, для чего-то резко повернулся. Молодая наборщица стояла у окна и смотрела ему вслед.

Он увидел кирпичную арку, за ней темный туннель, образованный глухими стенами стоящих рядом зданий. Впрочем, не такие уж глухие они были, сюда выходили две двери, над одной висела табличка «Склад», на другой прямо на двери было размашисто написано голубой краской – «Клуб». Дверь в клуб была приоткрыта и

оттуда слышалась музыка. Саша вошел вовнутрь. В просторном помещении с большой сценой, задернутой занавесом из темно-синего тяжелого бархата, гремел полонез Огинского. Ряды стульев с фанерными изогнутыми спинками стояли сплоченно, как римские легионы. У самой сцены в углу, в стене была ниша, в которой стоял приемник с проигрывателем. «Мир», - прочитал Саша его название. Рядом с приемником сидел на стуле человек в темном пальто, шляпе, крутил перед глазами пластинку с ярко-красной наклейкой.

- Здравствуйте! – Саша едва перекричал полонез.

- Добро пожаловать! – отчего-то обрадовался человек Сашиному приходу. Он вскочил со стула, протянул ему руку:

- Михаил. Кан. Заправляю делами в этом клубе. Завклубом по совместительству, так сказать. А вообще-то я ротационер… На ротации буду работать, когда ее привезут… Пока только обещают привезти…На плоскопечатных так и корячимся, да еще и фальцевать газету нужно… все пальцы потом в крови…

- Скажите, а в наборном цеху девушка у окна стоит, как ее зовут? – для чего-то спросил Саша.

- У нас девушек много – Галька, Панка, Женька… У Гальки на самом деле имечко какое-то диковинное – Агриппина… В переплетном цеху, в печатном тоже, девчат полно, но там их Петька Жиберин сторожит…

- Скажите, а год сейчас какой?

- Брось придуриваться, какой утром был, такой и сейчас… И вчера тот же самый был. Хочешь «Огонек» поставлю»? – полонез к тому времени кончился, и Кан принялся напевать шутливо: «Я бродил среди скал, я пол-литра искал, а когда я нашел – чуть с ума не сошел. Аа-г-оо-нек, аа-г-оо-нек…»

- А у вас «Маленький цветок» есть? – Саша пытался определить время по пластинкам.

- Нет, кажется, разбили… в эту субботу на танцах…

- А почему вы в пальто? – допрашивал Саша. – На дворе лето…

- Ты всегда одеваешься по календарю? – нахмурился Кан надоедливым расспросам. – Лично я - по погоде. Если жарко, достаю тенниску, если холодно обуваюсь в валенки…

- Так, жара сейчас…, - не отставал Саша.
- Тогда пойдем! – Кан взял Сашу за руку и потащил за собой – к боковому выходу из клуба. – Посмотрим на погоду.
Он распахнул дверь, и они оказались во дворе, смежном с типографским. Сюда же правым крылом выходил Мизиновский дом. Саша пригляделся: обшарпанные стены, обсыпавшаяся местами штукатурка, некоторые окна изнутри заклеены пожелтевшими газетами. Моросил мелкий дождичек пополам со снежной крупой, Саша сразу продрог. «Двадцатые годы что ли?» - подумал он, оглянулся на Кана, но того не было.
- Михаил! – позвал он завклуба по совместительству, но в ответ ветер швырнул ему в лицо пригоршню колючей снежной крупы. Исчез завклубом. Саша сделал шаг, чтобы вернуться в клуб, но там, где только что была дверь, теперь поднималась несокрушимая кирпичная стена. Он пригляделся к ней: еле-еле проглядывала знакомая надпись «…чяби-чяряби…», а чуть ниже шифр: ««2 – 6; 2- 12; 2-1; 2 – 2; 1 – 3; 2 – 7; 1 – 2; 2 – 6; 1 – 4; 1 – 3; 1 – 2; 1 – 1; 1 - 4». Саша нашел под ногами уголек и принялся восстанавливать надпись:
«Кони-кони, кони-кони
Мы сидели на балконе…»
Все это время, пока он выводил угольком слова считалочки, его не покидало ощущение, что плохо различимая надпись, которую он все-таки сумел рассмотреть, была просто подсказкой именно для него, и он первый, кто взялся у этой стены за уголек.
«Или, может быть, эти подсказки я сам и написал здесь? – подумал он. – Точно, точно…» И ему припомнился такой же холодный осенний день, только тогда не было ни дождя, ни снега, и ледяной ветер, казалось, пронзал насквозь. В руках у него тогда была баночка краски, кисточка, полные карманы были набиты угольками. И он писал на стенах, карнизах, старой арке – всюду, куда могла дотянуться рука:
Раз, два, три, четыре, десять,
Выплыл ясный круглый месяц,
А за месяцем луна,
Мальчик девочке слуга…

И тут же шифры: 1 – 6; 1 – 8; 1 – 4; 1 – 5; 4 - 1… Да, мы не одиноки, мы не одиноки, не одиноки!..

На ветру у него мерзли пальцы, он дул на них, выпачканных краской, углем, и продолжал писать.

Когда это было, когда?.. Он был почти уверен, что еще минуту назад у него не было этих воспоминаний, они возникли вместе со временем. Так, какой все-таки год на дворе?.. Сдается, что в этом дворе могут обнаружиться любые времена, только изловчись и найди их.

Саша вспомнил про пожелтевшие газеты в окнах и, держась за водосточную трубу, поднялся по стене к первому окну. «Уральский дневник» за 25 июля 1906 года сообщал местную хронику: «В прошлое воскресенье на местном толчке наемки на жнитво почти не было. Цены низкие», «За последние дни увеличился подвоз продуктов. Цены понизились, в настоящее время огурцы продаются от 7 копеек сотня. Другие овощи также недороги».

Саша прочитал также, что в «В воскресенье, 30 июля в Уральске предполагается концерт артистки Московской Частной Оперы А.А.Миловой (драматическое сопрано) и артиста Лебедева–Шабуева(баритон)».

Второе окно было заклеено газетой «Коммунист – Большевик», отпечатанной в Пугачевском уезде 7 октября 1921 года: «1го октября выездная сессия Ревтрибунала по рассмотрении дел граждан села Дубового, Березово-Лукской волости Назара Танатина и Ивана Дмитриева, обвиненных в грабеже с оружием в руках, приговорила их к расстрелу. Приговор приведен в исполнение…» И на этой же странице: «В коммерческую столовую Единого Потребительского Общества (помещение бывш. Городской аптеки по Ревпроспекту) приглашаются на службу пианистка и две вежливых официантки – хорошо знающих свои обязанности»,

- Вполне возможно, что эти газеты висят здесь сто лет, - сказал Саша, - так что этот календарь очень приблизительный.

Тогда он решил, что нужно выйти на Большую улицу, у прохожих он легко узнает какой нынче год. Да он легко поймет это по внешнему виду людей, по уличному антуражу.

Он спрыгнул на землю, и в это время распахнулось окно на третьем этаже, из окна

высунулась голова с ярко-малиновыми губами, утыканная папильотками. Малиновые губы спросили:
- Мосье Фрунзе будет выступать с балкона нашего дома сегодня или зря мы все тут вымыли головы?
- Должен, должен, мадам, в четыре часа после полудня, - Саша перешел почти на французский язык.
- Чекисты с наганами еще с утра набились в наш коридор, пардон, накурили, наплевали…
«Наверное, восемнадцатый год», - решил Саша, вспоминая, когда же выступал здесь революционный полководец.
Но тут открылось еще одно окно, и истеричный мужской голос завопил:
- Задолбили своими «Ландышами»!.. Ландыши, ландыши, светлого мая привет!.. Это привет от врага человеческого! А мне завтра кандидатский минимум сдавать…
Саша вспомнил, что из лабиринта типографского двора можно выйти через ворота заднего двора, там есть крохотная сторожка.
Ворота оказались на запоре, а проход через сторожку охраняла бабушка в зеленой кацавейке с одностволкой через плечо.
- Стой, мил человек, дальше нельзя. Проходу нет!
- Мне нужно на…, на…, Коммунистическую улицу пройти! – на ходу стал придумывать Саша, - к кинотеатру, к КРАМу… кинотеатру рабочей молодежи…
- Никакого крама туты нет, - отрезала бабушка с берданкой, - давай назад!.. А то свистеть буду!
- А Коммунистическая улица есть? – не сдавался Саша.
- Назад! Напридумывают тоже, коммуническая улица!.. Сроду такой не было! И не будет!..
Тогда он решил хитростью вырываться из окружения. Сделал вид, что возвращается назад, под арку, и бабушка с ружьем поддалась на уловку, зевнула, перекрестила рот и зашла в сторожку. Тотчас Саша развернулся и бросился к сторожке, рванул на себя дверь, прикрывающую проход на улицу, и пулей вылетел с типографского двора. И тут же оказался у заколоченного подъезда Мизиновского дома.
- Как же вернуться? И можно ли вообще вернуться? – произнес он. В ответ у него за

спиной кто-то хрипло усмехнулся. Ку-Эн-Зим, должно быть. Кто же еще радуется нашим неудачам и бедам? Он вспомнил Наша -Тыр, как она предупреждала его постоянно быть начеку, выбивала копытами икры, волнуясь за него: враги человеческие Ку-Эн-Зимы и другие всегда стоят за плечом, караулят каждую нашу оплошность! А он, наверное, с улыбкой воспринял эту информацию, не придал ей серьезного значения, - и вот разведчики Непонятых миров уже на Земле. Впрочем, Наша-Тыр была уверена, что первый Ку-Эн-Зим уже давно проник на его родную планету.

Саша резко повернулся, но эмиссар Непонятых миров и на этот раз сумел увернуться от прямой встречи с человеком.

- Может быть, чтобы вернуться к Анюте, нужно опять забраться на крышу? – предположил он. Он отыскал деревянную лестничку, похоже, она была во всех временах этого двора, приставил ее к стене типографии, намереваясь с типографской, более низкой, крыши, перебраться на крышу Мизиновского дома.

- Здравствуйте! – услышал он, едва ступил на первую ступеньку. Саша поднял голову и увидел, что с типографской крыши протягивает ему руку бородатый человек с необыкновенно бледным лицом, бледность которого подчеркивала и его темная одежда - нечто вроде кителя с глухим воротом, черные бриджи и высокие сапоги. Голову венчала индусская чалма.

- Здравствуйте! – ответил Саша и влез на крышу без помощи незнакомца.

- Капитан Nemo, - представился тот на чистейшем латинском языке.

- Саша, - пожал Саша руку капитана.

- Добро пожаловать! – сказал капитан Nemo. – Никак не можете попасть на нужный уровень?

- А вы откуда знаете? – удивился Саша.

Капитан Nemo улыбнулся:

- Обитатели крыш многое знают, а, кроме того, здесь полным полно заблудившихся во времени. Дня не проходит, чтобы не объявлялся кто-то, кто разыскивает здесь свои годы, города, некоторые даже планеты свои, галактики свои ищут…

- Находят? – невежливо перебил его Саша, не удержался.

- Кому как везет. Кто-то с первого раза попадает в свой временной аккаунт, в свою,

предназначенную только ему, точку пространства и времени, а многим выпадает удел бродяжничества, они беспрестанно перемещаются из года в год, из века в век, теряют ориентиры, так, что не смогут уже отличить прошлого от будущего. Некоторые выбирают себе полюбившееся чем-то время, оседают там, заводят семьи… Да что там далеко ходить, ваш покорный слуга попал в этот капкан…

- Скажите, вы тот самый капитан Nemo?

Капитан в ответ широко улыбнулся, развел руки, дескать, кто же он еще, если не прославленный в веках покоритель океанских глубин, принц Даккар.

- А я всегда думал, что вы, простите, только литературный персонаж, художественный вымысел Жюля Верна.

- Чистая правда забывается через неделю, - усмехнулся капитан, - а часто она вообще оказывается ненужной – так бывает она страшна и неправдоподобна, а художественный, как вы, молодой человек, выражаетесь, вымысел, как раз придает картине бытия недостающего оптимизма, легкого абсурда, который позволяет надеяться, что не все так жутко во вселенной, что можно тайком построить Наутилус и вступить в сражение за справедливость, свернуть в старый переулок и провалиться в собственное детство, искать и найти заповедный остров, на котором всем будет хорошо.

- А как вы оказались здесь? А где находится Наутилус? – принялся Саша расспрашивать капитана, и тут сгодились лингвистические тренировки перед заброской в сердце галактики. Они говорили на фламандском, брабантском и лимбургском, а иногда переходили на иврит.

- Это случилось после того, как я остался на судне один и полной чашей испил горечь одиночества, - начал свою историю капитан Nemo. – Страшно было коротать свои дни в огромном и пустынном подводном корабле. Постепенно стали происходить поломки машин и механизмов Наутилуса, и чинить их было некому. Каждый день я обнаруживал то налет ржавчины на поверхности, еще недавно сияющей полировкой, то подтекающий кран, то подтравливающий паропровод. Кое-как я вышел в океан, полагая, что корабль не должен томиться у причала – он должен жить и умирать в море. Пусть лучше Наутилус найдет свой конец в морской пучине, чем будет медленно гнить на приколе. Я был готов разделить судьбу корабля. Но тут внезапно

вышли из строя все навигационные приборы. Было такое ощущение, что приборы поразила подводная молния, о которой мне приходилось не раз слышать. Подводную лодку подхватило какое-то течение и повлекло за собой. Могучий Наутилус казался беспомощной игрушкой в руках стихии. Таинственная подводная молния или износ приборов был тому виною, или какие-то таинственные силы, но корабль и ослеп, и оглох. Невозможно определить, сколько времени Наутилус шел вслепую, - мне показалось, что прошла вечность, пока корабль снова стал слушаться руля. Тогда я поднял судно на перископную глубину. На поверхности было довольно сильное волнение, но все-таки удалось рассмотреть, что слева по борту видна полоска суши, неподалеку от берега поднималась невысокая, заросшая невысоким кустарником, гора. Я решил всплыть, и как только корабль оказался на поверхности, поднялся на мостик. Огляделся. И хотя день был довольно пасмурный, я сделал открытие, потрясшее меня. Даже без подзорной трубы я определил, что Наутилус находится в огромном, почти идеально круглом, озере – вблизи южного его берега, безлесого, глинистого, желтого, как само одиночество. Наутилусу уже приходилось быть в подземном озере вулканического острова, но как огромный корабль перенесся в степное озеро – на этот вопрос у меня и по сей день нет ответа.

Я решил высадиться на берег, не отдавая самому себе отчет, что меня после долгих скитаний просто тянет на сушу. Я не скрывал прежде, что считаю себя умершим навсегда для земли и всех людей, объявив протест миру, но я не обрел душевное равновесие в морях и океанах. «Всю свою жизнь я делал добро, когда мог, и зло, когда это было необходимо», - эти слова вложил в мои уста француз в своей книге, ставшей знаменитой, и люди стали считать меня волевым, жестоким, цельным, как кристалл, человеком. И сам я поверил со временем этому. А нужно было Жюлю Верну где-то хотя бы намекнуть, как тоскливо и одиноко порою бывает волевым и жестоким…

Я погрузил Наутилус на дно озера, а сам в водолазном костюме поднялся на поверхность, доплыл до берега, вышел на сушу у самого подножья горы. Ветер донес до меня запахи степного разнотравья. Я тотчас же распознал ландыши, фиалки, жимолость, полынь…И, конечно же, тамариск…

Я снял водолазный костюм, спрятал его в невысоких зарослях тамариска, и стал

подниматься по пологому склону.
Бескрайняя степь расстилалась вокруг. Волнение ковыля соперничало с волной на озере, чайки срезали крыльями брызги пены, где-то на головокружительной высоте над горой парил огромный орел. Он показался мне тем, кто следит за всей нашей земной жизнью.
И вдруг я заметил человека, седого, преклонного возраста, который, не спеша, спускался с горы, то есть двигался встречным мне курсом. Почему-то эта встреча показалось мне удивительным, так первозданна и не обжита была эта местность. Или только казалась такой?
- Салам алейкум! – приветствовал он меня.
- И вам мир! – ответил я на фарси; все считают, что фарси у меня безупречен.
- Говорят, что в гору подниматься легче, чем спускаться с нее? – завязал я разговор со стариком; наверное, многие заметили, что в горах, на узких тропинках над бездонными пропастями чаще всего попадаются старики, и что их манит на кручи? Может быть, для них безопасность уже пустой звук?
- Ты верно подметил, путник, - ответил старик, - дорога вниз всегда похожа на согласие с тем, что нельзя бесконечно идти наверх. И это как отступление. Впрочем, ты убедишься в этом, если решишь спуститься с вершины.
- Конечно, решу, - сказал я опрометчиво.
Старик рассказал мне, что озеро это называется Челкар, а гора – Сасай, и мы разошлись с ним своими дорогами. Хотя ему многое хотелось спросить у меня – я увидел это по глазам, а я мог бы немало рассказать ему…, - но мы разошлись, не узнав многое; так в жизни чаще всего и бывает.
На вершине горы лежал большой бурый камень, растрескавшийся, удивительно прохладный на ощупь, как будто он лежал в тени или под ним били родники. Не без труда я забрался на этот камень, и… оказался вот здесь на крыше…
Капитан Nemo погрустнел:
- И вот уже много лет я ищу здесь, в образовавшемся разломе времени, выход к своему кораблю, к озеру, на дне которого он покоится, но попадаю то в Мезозойскую эру, то в 1812 год – прямо к проводам казаков на Отечественную, то в 1859 год – на премьеру в местный театр… На эту премьеру я попадаю чаще всего, да и постановка

мне нравится - к ней музыку написал не то Алябьев, не то Даргомыжский, а либретто атаман Аркадий Столыпин! Вот генералы были!.. Но эта премьера происходит за десять лет до того, как Наутилус отправится в свой первый поход – вот в чем дело, вот в чем!..

- И кто только расставил эти временные ловушки! – воскликнул принц Дакар. – Кто виноват в том, что несметное количество людей заплутались в этих переходах? Их ждут родные, жены (Саша вспомнил Дашу, незаметно смахнул со щеки непрошенную слезу), дети… А знаете, как я теперь вынужден зарабатывать свой хлеб насущный? Даже вымолвить неприлично… Я работаю мороженщиком в том самом театре…

И он добавил не без гордости:

- Сам генерал Аркадий Дмитриевич жалует мое мороженое… Некоторые староиндийские и древнекитайские сорта, действительно, просто восхитительны…

Саше стало, вдруг, скучно, он сказал:

- Думаю, что я некоторым образом причастен к тому, что здесь образовались прорехи во времени. Не виноват, но причастен…

- Как, почему, зачем? – воскликнул пораженный принц Даккар.

- Долго объяснять, - сказал Саша. – Прошу извинить, но меня тоже ждут, - и жена, и друзья, и еще одна хорошая знакомая… Ждут и дом, и лес, и речка… Позвольте, я пройду на чердак.

- На чердак, кажется, можно попасть, зайдя на склад. Два раза мне это удавалось, правда, тогда из окошка виден был морской прибой. Подробнее рассматривать я не решился.

- Попробую все-таки на чердак через чердак, - заупрямился Саша, ступил еще шаг и оказался у двери склада. Он постучал. Тонкий женский голос ответил:

- Напия ушла в контору!.. Будет через полчасика…

Он толкнул дверь и оказался у низенького крыльца, на дверях которого прочитал: «Ответственный за противопожарное состояние ателье тов. Нюсин». Саша зашел в ателье и покалеченное время забросило его на знакомую уже крышу…

Целую неделю блуждал он по этим закоулкам, чуть с голода не умер, спасибо, что удалось еще раз пересечься с капитаном Nemo и тот снабдил его кое-какой провизией, и даже угостил мороженым, приготовленным по забытому теперь рецепту

яицких казаков. Саша не удержался, спросил:
- А почему вас теперь называют Nemo? Мы все привыкли к тому имени – Немо? Здесь какой-то секрет?
- Никакого секрета, - ответил капитан. - Для того, чтобы не путали имя принца с именем мороженщика…
…И только на седьмой день блужданий попал Саша на чердак, где мы с ним, наконец, встретились. Хотя для меня, как я уже говорила, не прошло и минуты. Тогда он сказал мне:
- Анюта, милая! Видимо придется мне пускать корни именно здесь, чуть не в самом начале девятнадцатого века… Обзаводиться хозяйством, заводить гусей, овец, коров… Увековечивать на стенах считалки…
К тому времени я так привязалась к нему, что, несмотря на печаль, прозвучавшую в его голосе, не смогла сдержать радости, бросилась ему на шею… Он мог бы поцеловать меня, наверное, я даже на это рассчитывала, но он ласково отстранил меня, тяжело вздохнул и сказал:
- Анюта, ты чудо, но меня Даша ждет.
Больше никогда мы не касались с ним этой грустной…, да, очень грустной для меня темы.

Глава девятнадцатая: Дневник (продолжение)

Я скакала, я скакала,
Себе ноженьку сломала.
Стала ноженька болеть,
Стала маменька жалеть.
Пожалела, поругала
И за доктором послала.
Доктор едет на быке
С балалаечкой в руке.

В общем, прижился Саша в нашем доме, отрастил бороду, фуражку с малиновым околышем стал носить. И день, и ночь не расставался со своими диковинными инструментами. Однажды показал он мне диво-дивное – небольшую шкатулочку. На первый взгляд – ничего особенного. А приглядишься – в шкатулке проделаны окошечки крошечные, и в них выскакивают буковки, и складываются они в слова. Да притом, выскакивают буковки по своей собственной воле, как будто сидит в шкатулке

какой-то чародей, дух бестелесный, и управляет словами. Можно спросить у шкатулки чего-нибудь, например, какой сегодня день, и она пощелкает-пощелкает и покажет воскресенье, а может и какое другое слово составить, как будто не хочет отвечать, или настроения у нее нет, или другими важными делами занята. Так и скажет она буквочками: «Недосуг мне». Или начнет писать: «Гроза, гроза, гроза» - за неделю до дождя. А когда молнии начнут полыхать, она признается: «Страшно-то как!»

Но время от времени он уходил куда-то, иногда его не было два – три дня, даже неделю. Я не спрашивала, где он был, а он никогда не рассказывал. Но я догадывалась, что он снова и снова ходит к мизиновскому дому, пытается вернуться к своей Даше. Счастливая она все-таки баба!

А однажды он пропал. С утра был весел, напевал «Эта женщина, увижу и немею. Потому-то, понимаешь, не гляжу. Ни кукушкам, ни ромашкам я не верю и к цыганкам, понимаешь, не хожу. Напророчат: не люби ее такую, набормочут: до рассвета заживет, наколдуют, нагадают, накукуют... А она на нашей улице живет!…»

- Что за песня такая? – спросила у него я, а он ответил:

- Про тебя и про меня, и про всех нас…

И засмеялся. И вышел со двора. А мне даже сердце ничего не подсказало, наверное, надо было побежать за ним, задержать его или просто с ним пойти. Но кто же тогда знал, что все так обернется?

Вечером Мартьян спросил:

- Санька рыбалит что ли?

Прокопий тоже поинтересовался:

- Он с косилкой управился, али нет? Обещал, что на конной тяге пойдет железка?..

- Если пообещал, значит пойдет на конной, - сказала я.

На второй день Прокопий заметил:

- Мотается где-то…

Мартьян промолчал.

На третий день братья только поглядывали на меня вопросительно. Через неделю Мартьян сказал:

- Однако, пропал Санька… Надо бы струмент его в чулане закрыть, схоронить до

поры.

- Он вернется, - сказала я, братья только пожали плечами.

Я ждала его год. Прислушивалась, не хлопнет ли дверь, не проскрипит половица, не подаст ли голос верный Каквас. Я засыпала с надеждой, что именно сегодня ночью он постучит в окошко, я просыпалась, веря, что он дожидается меня в базу – и летела туда со всех ног, я видела его во сне – он ехал на расписной самобеглой коляске, и рядом с ним сидела казачка, только лица ее не было видно. Иногда мне казалось, что рядом с ним – я…

Я ждала его десять лет. Братья выдали меня замуж – за хорошего казака, я родила ему двух сыновей и дочку. Братья обженились, и тоже обзавелись ребятишками… У нас их называли, да посейчас это можно услышать, – «ребятёшками»… Мартьян уехал с женой в Коловертновскую станицу, Прокопий построил дом в Куренях, а мы с мужем стали жить в старом доме. Но чертежи дома, сделанные Сашей, я хранила. Вдруг, пригодятся? Иногда я открывала чулан, доставала из мешка с инструментом – «струментом» - шкатулочку с буковками, спрашивала:

- Где он?

Шкатулка каждый раз нащелкивала по-разному. То «он рядом», то «вернется, не тужи», то давно знакомое, но сейчас непонятное: «чяби-чяряби…»

Я ждала его в сороковые-пятидесятые годы. Тогда заметила первую седину, но не огорчилась – нет. Рассказала об этом открытии шкатулке, она ответила: «жди». И я не теряла надежды в шестидесятые…

Жизнь стала меняться, или мы сами изменились… В городе открылся театр, появилась пожарная часть… Однако огонь еще не раз и не два наносил городу страшные увечья. Горел, конечно, и театр… Горели дома и по Большой улице, едва-едва не свернул огонь на нашу Буянную. Мартьян с Прокопием тогда вспомнили Сашу:

- Этот, пропавший, еще тогда заводил разговор о новом, каменном, доме… На бумаге рисовал его. Надо бы помороковать, да ставить здесь, на Буянной, дом с подклетом, как у людей…

- Так в чем же дело? – спросила я. – Коли надо, так надо.

Они, обремененные своими семейными заботами, пальцем даже не пошевелили для

этого строительства. Одно слово, казара! Мастера глотку драть, чуть что – на кулачки, а дело пусть оно само по себе делается.

Незаметно подкатила старость. Внуки стали тянуться вверх, будто наперегонки: вроде только-только говорить научились, а уже глядишь – барышни и кавалеры. И расспросы: баушка, говорят, ты с Пушкиным разговаривала? И отговорки: баушка, ну совсем спать не хочется, кака-така ночь, светло еще.

Ждала я и в семидесятые, шкатулка все обнадеживала: «Не сегодня, так завтра». Неужели столько лет врала мне? Или сама не знала?

На Крестовой ателье открылось, где на карточки снимали. Как-то в воскресенье и мы с мужем, детьми, внуками пошли – всем табором. Пусть останутся для потомства наши личности. Усадили нас на лавку, мы с моим казаком в центре, а вокруг ребятёшки.

Съемщик сунул голову в какой-то ящик, прикрылся черным платком, что-то там поколдовал, а потом выглянул и говорит: «Сейчас птичка вылетит!» Снял он со своего ящика круглую крышечку, обвел ею вокруг аппарата, и крышечку опять на место поставил. Птичка никакая не вылетела. Да и зачем, если разобраться, нам на карточке эта птичка?

- Все! – сказал съемщик. – Через неделю готово будет.

В это время в ателье вошел молодой казак, зажмурился, как будто вышел из темноты на яркий свет, потом открыл глаза, огляделся и потрясенно сказал:

- Здравствуй… те…Анюта…

Я не сразу его узнала, хотя он ничуть не изменился.

У меня закружилась голова, это был Саша. Не соврала, выходит, шкатулочка.

Он стоял, удивленно смотрел на мое многочисленное потомство. Он молчал, и я ничего не говорила – целая жизнь прошла врозь…

Наконец, он обрел дар речи, и первым делом спросил:

- Какой год на дворе?

Я ответила:

- Одна тысяча восемьсот семьдесят четвертый…

- Не может быть! Мы только сегодня утром с тобой виделись, ты еще спросила, что за странную песню я напеваю…Неужели сорок лет пролетело?

- Да уж, пролетело…

Он рассказал, что в тот день отправился к Мизиновскому дому, не очень надеясь вернуться в свое время, а скорее по привычке. Ноги как будто сами несли его туда. На этот раз он решил попытаться через парадный подъезд попасть во двор дома. Он легко, не встретив в подъезде никого, поднялся по каменным ступеням лестницы до второго этажа. Налево, в помещение вела высокая двухстворчатая дверь, а если взять чуть направо и потом прямо, то попадаешь там на старую деревянную скрипучую лестницу, которая ведет вниз – во двор. В прежние годы Саше в его скитаниях по городу не раз приходилось проходить по этой крытой лестничной галерее, но в этот раз он не был уверен, что попадет именно туда, куда ему нужно. Он только начал спускаться по деревянной лестнице, как распахнулись двухстворчатые двери и показались двое молодых ребят, с кряхтением несущих на своих плечах огромное бревно.

- Ну, и тяжесть! – жаловался один.

- Как его только из Персии волокли, - говорил второй.

Саша присмотрелся, бревно оказалось свернутым ковром.

- Подсобить? – предложил он ковроносцам. Те отмахнулись, видимо, разыгрывали сценку только для хозяев, и, перегнав Сашу, вынесли персидское бревно во двор. Саша прибавил шаг, и вот последняя ступенька. Вдруг?..

Он шагнул и оказался на веслах светло-голубой лодки. Она шла вдоль огромного желтого яра. Вода тоже была желта, или так только казалось? В лодке, кроме Саши, находились трое довольно странных людей. Женщина, которая все время просила своих спутников не забывать, что она писательница Лидия Сейфуллина, и двое мужчин, которые время от времени вспоминали, что им также поручена роль – играть братьев Правдухиных.

Сашу они не заметили.

- Лепота! – сказал один, бородатый, играющий роль Валериана Правдухина. Ему явно нравилось идти по реке, нравилась природа, нравились речные запахи и звуки.

- Этот яр, кажется, - Волчий. Один из самых больших в этих местах – более четырех километров тянется…, - сказал другой, тоже бородатый, играющий роль Николая Правдухина.

Саша огляделся и заметил невдалеке от них еще несколько лодок и пару байдарок. С одной из них прозвучала команда на привал, и лодки начали приставать к противоположному, пологому и песчаному берегу. Тотчас затрещал костер, за минуту поднялся на песке целый палаточный городок, громкие и веселые голоса вытеснили отсюда на время тишину.

- Подумать только, – произнес у костра человек с гитарой, - ровно семьдесят лет назад они здесь проходили, вот именно на этом самом месте, может быть, стоял Алексей Толстой, здесь ловил жерехов на спиннинг!..

- Между прочим, очередь Лидии Сейфуллиной чистить картошку, - вспомнил еще один бородач, тоже играющий роль, но пока было непонятно – чью.

Играющая роль Сейфуллиной проворчала что-то похожее на «чтоб я еще попалась на эту удочку!» – и покорно пошла к котелку с картошкой.

- Я помогу вам, можно? – спросил у нее Саша. Она не ответила, даже не взглянула в его сторону, только как будто кивнула головой, и он уселся рядом с ней на теплый вечерний песок. Она, словно продолжая давно начатый разговор, произнесла:

- …на небе ни тучки, какой уж день идем, а палит солнце немилосердно. Июль у нас всегда жаркий…

К Сейфуллиной подошел бородач, играющий роль Валериана Правдухина.

- Лора, все хорошо? – спросил он. – С Генкой сейчас почти повздорили из-за деталей правдухинской жизни… Тебе не кажется, что мы очень уж серьезно подошли к этой экспедиции, к этой, в общем-то, игре? Ведь это игра? Игра?..

Сейфуллина подумала с минуту, улыбнулась:

- Я – не Лора, забыл? Меня Лидией Николаевной зовут…

- Вчера ночью у костра я вдруг подумал, что тебя иначе зовут…

- Одна ночь прошла, другая пока не наступила, - неопределенно ответила Лора-Сейфуллина. И добавила:

- В одном ты прав – надо постараться игру не перепутать с явью…

Саша понял, что они его не видят. Он для них не существует. Он спросил:

- Куда путь держите? И откуда?

Бородатый стал отвечать, но Лоре-Сейфуллиной:

- До Чапаева, еще три дневных перехода – и будем на месте… А вообще славно, что

мы сумели затеять этот поход, правда?
Она согласно кивнула.
- Настоящие Толстой, Правдухины, Сейфуллина прошли здесь в двадцать девятом году, - продолжил бородатый, - а мы отправились по их следам спустя столько десятилетий!..
- А зачем? – не удержался и спросил Саша. Бородатый почесал подбородок, задумался.
- Одним словом не ответишь, - сказала якобы-Сейфуллина, - мне на лодке идти нравится… Река нравится… Друзья нравятся… Вообще, хорошо идти куда-нибудь сообща.
- Точнее было назвать экспедицию не «По следам Правдухина», а «В поисках Правдухина», - наконец подал голос якобы-Правдухин. – Было бы точнее… Разве плохо, что мы их помним?.. И еще – разве мы не ищем здесь самих себя, как землю заповедную, остров таинственный?..
«Вот оно что, все на свете норовят найти неведомые земли, счастливые края, - подумал Саша. – А, вдруг, все найдут?»
Ночью у костра пили водку, передавая друг другу по кругу огромную белую эмалированную кружку. Звезды тоже придвинулись к костру, и казались ледышками, опасающимися растаять, но не находящими в себе силы отодвинуться от земного огня.
Потом путешественники пели грустные песни, и почему ночью всегда поются только грустные? Может, даже в самой светлой ночи мнится вечная темнота, и перед ее бесконечностью не заводятся песни веселые?
Слышно было, как плескалась вода у бортов лодок, привязанных к стволу поваленной липы, какой-то зверь прошел по мокрому песку, отдуваясь и вздыхая, не обращая внимания на путников, последние вечерние ветерки укладывались спать в зарослях тальника.
- Чего притихли, народы? – преувеличенно бодро спросила Лора-Сейфуллина.
Откликнулась только гитара, едва слышно: «…как ветерок по полю ржи..»
- А через костер прыгать будем? – предложил кто-то.
Тут же раздвинулся круг сидящих, энтузиасты подбросили поленьев, огонь из

малинового превратился в оранжевый; коротко разбежался Правдухин и пролетел над пламенем, огонь полыхал в его глазах. За ним прыгнула Сейфуллина… За ней еще кто-то… Костер разгорелся едва ли не в человеческий рост. Это только подзадорило прыгунов. Для того, чтобы не попасть в огонь, приходилось разбегаться из-за пределов освещенного костром круга. Прыгающие экспедиционеры возникали из темноты, как черные птицы, и, сумев не опалить крылья, опять исчезали в темноте. Один из них, не рассчитав силы, перепрыгнув, налетел на гитару. Жалобно взвизгнули струны, и гитары не стало. Все окружили фанерные останки, склонили головы, тут же забыв об огненных прыжках.

Тогда прыгнул Саша. Костер тотчас исчез, и он оказался у лакированного прилавка в небольшом магазине. На голове его была странная летняя шляпа, и он перебирал в руках открытки с видами церквей. Неподалеку стоящая женщина говорила своему спутнику:

- Уверяют, что здесь, в Палермо, несколько сотен соборов!..

Спутник кивал головой, видимо, не понимая ни слова из того, что она говорила, отвечал:

- Грация…

«Неужели я в Италии? – подумал Саша. – Не может этого быть, но вот же…»

Он выбрал открытки с изображениями дворца Кьярамонте, фонтана «Претория», горы Монте-Пеллегрино и перешел через небольшую площадь и зашел на почту, присел за невысоким столиком и принялся на каждой открытке умещать слова знакомых считалок: «Чяби – чяряби…». «Вот удивятся в Уральске, когда получат открытки! – подумал он. – Но какой-то сегодня странный день. Наверное, надо прекращать эти хождения в Мизиновский дом… Боюсь, что однажды окончательно заплутаюсь в этих временных переулках… Не смогу вернуться даже к Анюте…»

Едва он подумал об этом, как оказался в фотографическом салоне на Крестовой улице. Сорока лет как не бывало…

На этот раз мы приняли его, как члена нашей семьи. Правда, когда Мартьян с Прокопием увидели его, нисколько не постаревшего, то долго не могли взять в толк, что же с ним произошло. Объяснений о разломах времен они не принимали, как уху, три дня простоявшую в котелке на солнце.

- Долгая молодость – это, кажись, болезнь такая есть, - наконец объяснил все Мартьян. – От нее, говорят, торон моченый помогает.
- И свиным жиром надо растираться, - добавил Прокопий.
- Обязательно буду натираться, - пообещал Саша, и остался жить у нас. Сначала поставил на дворе мазанку, а когда поставили новый каменный дом, то поселился в нем, в отдельной комнате.
Дом построили быстро, братья хорошо помогали. Саша ушел в строительство с головой, казалось, он никогда не снимал строительный фартук – запон по нашему… Устроил в доме камин, небывалый у казаков очаг. Мы бы и русской печью обошлись, но Саша всех уговорил: и живое тепло в доме, и по вечерам лампы палить не нужно, и вообще красиво… Сам сделал диковинные каминные щипцы, на концах которых были выкованы пятипалые когтистые лапы. Мой муженек как-то спросил:
- У орла-то не такие когти… Это что за зверь такой невиданный?
- С чего ты решил, что это орел? Верно, что эта тварь невиданная, я сказал бы даже - невидимая, но она всегда стоит за спиной, и увидеть ее может не каждый…
- Нечистая сила! – ужаснулся муж, и осенил себя крестным знамением.
- Сила в этом создании, если это только создание, страшная, - согласился с ним Саша. – Но и мы ведь не лыком шиты, верно? Ушки на макушке нужно держать, и не забывать никогда, что зло никогда не дремлет… Вот, возьмешь в руки эти щипцы и сразу вспомнишь о враге человеческом…
Саша принялся рассказывать моему казаку о Ку-Эн-Зимах, о Непонятых мирах с их ошеломляющей теорией всеобщего уничтожения через всеобщую же унификацию и всеобщее благоденствие, о цивилизации кентавров на пограничных планетах, закованных в стальные панцири. Не забыл он упомянуть и мудрую Наша-Тыр, и дискретную теорию силлабо-тонического стихосложения, почерпнутую на звездах, и даже практику аутсорсинга, отвергаемую зрелыми галактическими умами, не в пример нашим. Казак слушал, кивал головой, соглашался. Наконец, молвил:
- Правда твоя, Дядька–Санька (он первым так назвал его, а потом уж ко всем языкам прилипло), я вот тоже глотку надорвал говорить, что не годится держать коней с запущенными копытами, а жеребят так вовсе надо беречь – и обрезать им копыта, и даже обмывать, тады и конь будет справный, и подковы терять не станешь кажинный

день. Никак не обойтись без ковочных клещей, рашпиля, обсечки, копытного ножа, и, конечно, ухналей в достатке приготовить нужно… Верно я говорю?..
- Верно говоришь, - вместо Саши ответила я.
Прошло немного времени, и как-то, когда он уже ромадил тайник под лестницей, я спросила у него:
- Неужели больше не станешь даже пробовать вернуться к жинке своей?..
Он вздохнул тяжело:
- Не говорил я тебе, да и сам себе даже думать об этом запрещал, но, кажется, что эти прорехи во времени, постепенно затягиваются, зарубцовываются, как старые болячки. Все труднее стали переходы, да и там, куда попадаешь, чувствуешь себя чужеродным, и более того - бесплотным – никто тебя не замечает, никому ты не нужен. Как светлячок в полдень…
- Здесь ты тоже, как светлячок?..
- Нет…, - пристально посмотрел он на меня. – Наверное, родными становятся те времена, к которым ты душой прирастаешь…
Он перестал ходить к дому Мизиновых, но все чаще я замечала в его глазах тоску.
- Вот, представь себе, - говорил он, - все мы живем рядом. Может быть, нас с динозаврами разделяет только тонюсенькая, дрожащая, как мыльный пузырь, пленочка времени, ткни в нее иголочкой и разлетятся в стороны тысячелетия, но как рассмотреть эту мыльную мембрану? Может, мы с Дашей сейчас одним воздухом дышим, след в след ходим, но она по одну сторону пленочки, а я по другую – и никогда нам не встретиться?.. А вдруг…, вдруг, – мы все современники, только разучившиеся видеть друг друга?.. Из одной речки ловим окунишек, в одном котелке варим уху, а хлебаем ее – кажется нам – каждый в своем веке…
Каюсь, я не понимала его. Тоскует по молодой жене – это ясно каждому, а как уху хлебать из одного котелка, но в разные времена, - не разумела… Да и он, кажется, не особенно разумел, потому, должно быть, и маялся…
Постепенно я стала замечать, что в нем стал прорезаться особый дар. Время от времени он стал как-то по-особенному задумываться. Глаза его становились тогда влажными, странно неподвижными, дыхание делалось ровным и глубоким. Он как бы спал наяву. Но если при этом его о чем-нибудь спрашивали – он отвечал, так что, не

каждому были заметны эти его странные состояния. Он выходил из них также быстро, как и погружался. Поначалу я даже не придала этому значения – мало ли на свете людей, которые живут воспоминаниями. Но у него, оказалось, это были не только воспоминания. Я поняла это, когда он однажды, выйдя из этой своей задумчивости, спросил:

- А что, дождь закончился?..

- Так, никакого дождя не было, - сказала она.

Он уперся на своем:

- Как же не было, если даже град выпал, да какой - с куриное яйцо. Двух цыплят прибило…

Но дождя на самом деле не было, и цыплята были бодры, и, как и прежде, прожорливы. Это точно, что одна назола от кур, но без них тоже в хозяйстве нелегко. Он посмотрел на них, пожал плечами и спросил:

- Сегодня четверг?

- Господь с тобой, с утра вторник был…

Он удивился:

- Неужели мне четверг наяву привиделся?..

А в четверг на самом деле с утра над городом повисли черные тучи, и ближе к обеду пошел проливной дождь. Я вспомнила про град, о котором рассказывал Саша, бросилась загонять цыплят в катух, но опоздала – двух цыплят убило небесными ледышками.

В другой раз Саша мне сказал, что надо бы купить билеты «Большой лотереи» благотворительных заведений за 1874 год. И выбрать вот такие номера: 88388, 70311, 11243. Он думает, что выигрыш выпадет как раз эти билеты – или на все, или только на один из них - он не очень хорошо разглядел.

- Где ты это разглядел? – спросила я.

- Там! – махнул он рукой куда-то в сторону. Через неделю так и случилось. На все эти номера выпали огромные деньги.

Я поначалу не хотела их брать, но Саша убедил меня, что мы потратим эти тысячи на точную передачу исключительно ценных научных сведений, потомки будут нам за это только благодарны. А за каждую истраченную копеечку мы обязательно отчитаемся

(В конце этой тетради приложен точный перечень трат, в ценах 1875 года). Я еще сомневалась, как-то не по себе было, тогда Саша решил предъявить только один билет, он полагал, что не востребованная сумма обязательно будет направлена на благотворительность. Он как бы разделил выигрыш с устроителями лотереи. Скрепя сердце, я согласилась.

Вот тогда закипела работа на строительстве дома. Саша где-то в лавке на Туркестанской площади купил напольные часы с маятником, похожим на алебарду, и вторые – точно такие же - нашел, кажется, в магазине часов Якубовича на Большой Михайловской; часы эти пригодились ему для устройства в подвале тайного механизма.

А однажды он заставил соседа – Маркушу – натаскать полные кадушки воды. Тот отбивался, как мог, ленивый казак был, но через три дня молния ударила в баз, который вспыхнул, как спичка, и если бы не вода, припасенная в кадушках, быть бы Маркуше погорельцем.

- Ну надо же, сосед, ты как будто заранее знал, - благодарил он потом Сашу, посматривая на того не без опаски – не вмешалась ли тут нечистая сила?

- Мне приснилась эта молния, - оправдывался, как мог, Саша.

- Я иногда как будто в бинокль вижу, что происходит впереди, - рассказывал он мне, - да так реально, так ясно, что понимаю, что это не сон… А что это? Не могу понять… Словно второе зрение открывается… Вот и сейчас – далеко-далеко отсюда – вижу море, корабль на море…Постой, постой, а на руке у него наколка с моей же считалочкой, с моим же шифром… Чудо чудное!..

Я тоже посмотрела в ту сторону, куда был направлен его взгляд. От напряжения даже слезы выступили… И, вдруг, как будто расступились деревья на старице, пригнулись под налетевшим откуда-то ветром талы, и я как будто полетела над землей – над Уралом, над степью, над берегом моря – откуда в наших краях море? Челкар? Каспий? Море посредине Земли?..

На море, в тумане угадывался усталый корабль (Почему усталый? Долго в плаванье, или шторм намял ему ржавые бока?).

Большего, как я не напрягала глаза, мне увидеть не удалось.

- Ты тоже это увидела? – понял Саша. – Что это? Неужели временной разлом

аукнулся в нас этаким макаром?
- Тебе лучше знать, - сказала я, - может, те, кто хоть раз соприкоснулся в мизиновском доме с этими дырами-переходами-провалами, получают способность видеть далеко-далеко?.. И могут даже заглянуть за черту дней?..
- Наверное, ты права, - сказал он. – Это как компенсация за утраченную возможность вернуться…
И он погрустнел.
Потом не раз нам помогало это удивительное зрение, которое доставало не только до дальних земель, но и еще дальше - в будущее… Саша многое смог рассмотреть там и рассказать нам – о Григе, его шхуне, самолете, построенном Игнатом, храброй девочке Лизавете, о многих, кто решился отправиться в путь к счастливой земле…
Он сказал, что тайник в нашем доме обладает логикой, его содержимое будет находиться в разных временных ячейках, а значит станет появляться постепенно, как бы вести за собой тех, кому оно предназначено.
Но никогда не мог Саша высмотреть тот год, из которого он явился к нам, никогда не смог разглядеть Дашу… Только однажды его взгляд достал до странных - заброшенных, наполовину разрушенных - строений на Свистун-горе; он узнал в них бывший (а, может, будущий?) галактический центр, в котором он проходил подготовку для заброски в глубокий космос. Саша считал, что это может быть одна из проекций времени(а их не счесть) – вариант, в котором ему не удается сообщить своим современникам о том, что жизнь в космосе – не исключение, а правило, и галактический центр окажется никому не нужным. Если мы одиноки во вселенной, то бессмысленно искать в пространстве родственные души, любые души вообще.
Теперь пришла пора рассказать об этих татуировках. Саша не уставал придумывать все новые способы передачи своего сообщения в будущее. Где только мог, он гравировал, наносил краской, вырезал перочинным ножиком детские считалочки, в которых зашифровывал свое послание.
- Сами по себе считалочки, они как неизменяемые ключи шифра, - не уставал он повторять. - Странное дело, но детские считалочки неизменны. Скажем, есть десять вариантов какой-нибудь сказки – в каждой волости свой вариант, а считалочки не меняются… Почему? Потому, что память детская такова, что легко запоминает все

без искажений? Или почему? На мой взгляд, считалки и мои шифры к ним достаточно странные, чтобы на них обязательно обратили внимание, и в итоге непременно бы прочитали мое короткое, но необыкновенно важное для будущего Земли сообщение.
Однажды мы поехали на бахчи. Они у нас возле Круглоозерного. Помню, в том году арбузы уродились на диво сладкие – сахарные. Только выбрались из города, как Саша повернул налево – по дороге, что шла по берегу Чагана и дальше через Ревунок на Свистун-гору. Степью ехать ближе, да и для коня легче – не надрываться ему, Чалому, по крутому склону, но я ничего не сказала – самой было интересно. Поначалу ничего особенного – ковыль, краснотал, полынь – земля нетронутая, непаханая. Потом Саша свернул с накатанной дороги и выехал на самый верх Свистун-горы. Оттуда была видна пойма Урала на многие километры – и сама река, и ее притоки, и темный лес, и меловые горки, и город.
- Если бы кому-нибудь понадобилось ставить сторожевую вышку, то лучшего места не найти, - сказал Саша. – Но ее нет, вышки-то этой…
- Для чего тебе эта вышка понадобилась? – спросила я.
- Наш инструктор по межгалактической подготовке Ипатий Ильич говорил, что прежде на этом месте стояла старинная вышка… А сейчас нет даже ее следов и я не вижу, не чувствую, что здесь когда-то эта вышка была.
Он достал из телеги лопату, тонкий железный прут, остро заточенный с одной стороны, и принялся исследовать – чуть не каждый сантиметр – вершину Свистун-горы. Кое где он протыкал землю прутом, кое где принимался копать, но все безрезультатно.
- Это может означать, что какими-то действиями в далеком прошлом было изменено – случайно или намеренно – настоящее. Если не было вышки, то вполне возможно, что не будет и галактического центра… Изменилась причинно-следственная связь… Даже страшно подумать к чему это может привести… Но ведь Наша-Тыр уверяла, что существует закон пространственной незыблемости, согласно которому изменить прошлое, а тем более будущее – невозможно, что в мире происходит только то, что происходит? Неужели мудрые кентавры ошиблись, и каждый может повернуть мир под себя, как подкрутить кран с водой – кому холоднее, а кому горячее?
- Может быть, просто не бывает вечных законов? – спросила у него я. – Вчера земля

была плоской, а завтра, глядишь, докажут, что она квадратная?..
Саша задумался. Сжал виски ладонями. Над нами кружил орел, словно присматривался, ветер Свистун-горы налетал на нас то с востока, то с запада, и мы на этой вершине, наверное, выглядели крошечными, беззащитными, одинокими перед лицом огромного, непонятного мира.
Наконец, он произнес:
- Но я ведь существую!.. Я – есть!.. Значит, существует в будущем и центр, который направил меня сюда. Та же Наша-Тыр говорила, что закон незыблемости не отвечает современным представлениям о строении мира, и что вполне возможно ограниченное взаимодействие разных временных пластов…Будущее посылает сигналы в прошлое и также воздействует на него, как и прошлое на будущее. Может быть, отсутствие старинной башни и есть следствие того самого ограниченного взаимодействия? Ведь была данность: двадцать первый век, межгалактический центр, первый бросок в дальний космос и ожидалось, что цепочка эта продолжится: открытие внеземных цивилизаций, контакты с инопланетянами, обмен научными достижениями… Но если продолжения пока нет, то, может быть, это и стало причиной изменения событий, которые могли свершиться в будущем, и уже свершились в прошлом?.. А, кроме того, я уверен, что в далеком-далеком прошлом произошло нечто, что неуловимо изменило ход истории – совсем ненамного, совсем чуть-чуть… Постой, постой, может быть, кентавры ошиблись в расчетах, когда взрывали ту сверхновую? Вдруг, ей оставалось жить на мгновенье больше, чем было предсказано учеными? На три мгновения, на целый день? И, вдруг, именно в это мгновенье существам этой цивилизации удалось бы придумать, как спасти звезду и все планеты вокруг нее? И могла бы еще жить эта старинная цивилизация…А ее безжалостно взорвали. Наверняка это событие вызвало какие-то галактические изменения, отголосок их мы находим и на Земле…
Я почти ничего не поняла. Как может исчезнуть, или даже вообще не появится то, что уже существовало в будущем? И тут как будто яркая вспышка осветила укромные уголки моей памяти. И тут же я вспомнила, что старинная сторожевая башня есть на берегу Чагана, неподалеку от Ханской рощи. Но почему я не вспомнила о ней сразу, как только зашел разговор?

Я сказала об этом Саше.

Он посветлел лицом.

- Уверен, - сказал он, - что секунду назад ты не только не помнила о ней – ты не знала о ней… Так?.. Так?..

Я согласилась:

- Да, кажется, так… Но почему башня стоит в другом месте?..

- Это может значить, что хотя бы одно из моих посланий дошло до адресата, - сказал он, - или кто-то смог прочитать зашифрованное в считалках…Чем больше моих сообщений будет прочитано, тем больше свидетельств этому мы будем находить, и башни будут находиться… или появляться все ближе и ближе к Свистун-горе. Как пристрелка из будущего в прошлое… И ,возможно, однажды мы обнаружим ту самую башню… Поняла?..

Я кивнула головой. И тут же увидела старинную сторожевую вышку, возникшую как будто из ничего. Или она всегда здесь стояла? К чугунному кольцу, вделанному в основание башни, был привязан наш Чалый, не мы ли его привязали? Но когда? Саша достал перочинный ножик и вырезал на одном из бревен башни: «ДА! МЫ НЕ ОДИНОКИ! Саша»…

…Так он узнал, что его сообщения доходят до его современников. И еще он отчетливо понял, что будущее воздействует на прошлое, то есть вчера не может жить без завтра, также, как завтра не бывает без вчера…

Но ему не дано было узнать, догадывается ли Даша о его судьбе…

…Я уже говорила, что он придумал еще один способ передачи: сделать на руках мальчишек нашего рода татуировки с шифром, и чтобы такие татуировки были сделаны потом их сыновьям, внукам – и так до самого двадцать первого века, до мальчишки, который, став капитаном, доберется до одного таинственного острова, где будут с нетерпением ждать сообщения, зашифрованного в детских считалках. Ведь нужно предупредить тех, кто послал его, не только о существовании внеземных цивилизаций, но также о грозящей нашей планете страшной опасности со стороны Непонятых миров. Вся вселенная находится под ударом Ку-Эн-Зимов!.. Все это увидел Саша своим вторым зрением.

Поначалу братья и мой казак поднялись горой: чтобы казачатам делать наколки, да в

своем ли он уме? Не бывать этому вовек! Но Саша умел убеждать, тем более, что это будут совсем не наколки, а нечто похожее на переводные картинки: прижал листочек с надписью к коже – и через минуту, совершенно безболезненно, надпись на руке. Он сам колдовал с какими-то растворами, что-то выпаривал, что-то ставил в погреб на лед – и однажды принес целую пачку этих «переводилок»… Так завелась в нашей семье эта традиция, и наши детишки, внуки стали носить эти «картинки». Не скажу, что это осталось незамеченным – и приставали к нам с нравоучениями, и чуть не проклинали, а главное – не было отбоя от любопытных. И власть, конечно, проявляла интерес, наша власть вообще очень любознательная. Но постепенно все рассосалось, время посбивало острые углы: любопытные утешились сплетнями, а их рядом с человеком больше, чем самого человека, нравоучители, должно быть, притомились, а власти просто надоело, ведь не грозит одна маленькая татуировка громаде государства! Не должна грозить. И нас оставили в покое, во всяком случае, следили не так назойливо.

Шли годы… Как быстро они летели!.. Но я видела, что не пропадает тоска в глазах Саши. Я знала, что он никогда не примирится с потерей своего мира; он сутками напролет колдовал над какими-то чертежами, схемами, бесконечными столбцами многозначных цифр. Иногда он просил достать ему такое, что я хваталась за голову: да в своем ли он уме? Например, попросил как-то яду коричневой степной гадюки. Гадюк-то у нас полно, но чтобы коричневая обязательно – где такую найдешь? Браты мои, пока он выбрал нужную ему аспидину, змей ему таскали мешками. Что он делал с этим ядом, он никогда не говорил. Потом ему потребовалась кожа гадюк. Приходилось Мартьяну и Прокопию ловить черепах, ящериц, тушканчиков. После этого потребовал, чтобы поймали несколько воронов. Он обмолвился однажды:

- А ведь эти пташки живут всего десять – пятнадцать лет…Но в неволе дотягивают до семидесяти и больше… Вот как полезна неволя.

Я спросила у него, для чего он интересуется этим, ведь он и так не стареет? Он ответил непонятно:

- Черепаха свободной доживает до ста пятидесяти лет, даже больше… А уж в неволе…

Однажды он испугал меня чуть не до смерти. Я зашла в комнату, которую он сам

называл «мастеровой» или «мастерской», и едва рассудка не лишилась. Чуть не полкомнаты занимало огромное яйцо, серебристое, полупрозрачное. Оно мерцало, переливалось, издавало негромкое жужжание. Саши как будто не было в мастеровой. Я осмелела и подошла вплотную к этому невиданному яйцу, осторожно прикоснулась к нему рукой, опасаясь, что на месте паду пораженной огнем или молнией, но поверхность яйца оказалась неожиданно прохладной. И шершавой. Я как будто догадалась: вот она, змеиная кожа!

В ту же секунду яйцо прошуршало, как стрекозиные крылья, осыпалось к моим ногам, и в нем я увидела Сашу. В ответ на мой немой вопрос он ответил:

- Вот, костюм примеряю, но сдается мне, что нет в нем нужной прочности.

После этого прошел примерно год, и он сказал мне:

- Пока еще совсем не затянулись эти прорехи во времени, должен я попытаться вернуться домой…Это будет последняя попытка…Если сфера выдержит, то все будет хорошо… Если же, не дай Бог, порвется эта змеиная кожа…

- Тогда что случится? – спросила я.

- Могу застрять навсегда, как капитан Nemo, в любом из годов… В любом из миров…

Я молчала.

- Надеюсь, что они помогут мне…

- Кто? – совсем растерялась я.

- Ну, эти разломы временные…

Он начал рассказывать мне о хитроумном, как ему казалось, устройстве, которое, используя звездную энергию, натекшую к нам сюда через прорехи в пространстве, переправит Сашу в нужное место, а главное – в нужное время. Он светился надеждой.

Мне не нужны были подробности технических ухищрений, я спросила:

- Мы больше не увидимся?..

- Не знаю, - ответил он. – Никто этого знать не может. Вдруг, меня еще отправят в межгалактический полет, тогда на обратном пути обязательно заверну к вам.

Он врал. Он знал, что никогда больше не вернется сюда. Время, как река, промочить ноги можно в любом месте, а вот войти второй раз в ту же воду - вряд ли получится. Ну, не парадокс ли?.. Хотя сам Саша часто повторял, что все мы современники.

Чудно все это – современники, которые никогда не могут встретиться… Или могут? Но хорошо, что он однажды появился у нас. Теперь нам всем не так страшно жить - мы еще не последнее поколение…

Распрощались мы с ним на Троицу. Он облачился в змеиную кожу, пощелкал какими-то кнопочками, попросил меня отойти шагов на пять. Я поцеловала его, сказала «Прощай». Он тоже сказал «Прощай».

Вспыхнул яркий свет, как будто молния. Но молнии плещутся миг и пропадают, а эта не погасла, превратилась в яркий голубой шар, пожалуй, даже больше похожий на огромное - куриное ли, гусиное ли - яйцо. Да только где такие куры и гуси водятся?.. Шар медленно стал подниматься вверх, оставляя за собой светящийся столб, и столб этот походил на разогнутую радугу, только не разноцветную.

Я смахнула слезинку: хоть бы у него все получилось! Но тут же словно пушка пальнула или грянул над самой головой гром. Светящееся яйцо стразу потускнело, повисло на месте, и радуга под ним тоже потемнела, и казалось, что сейчас и яйцо, и радуга рухнут на землю, сломаются, как старая телега. Но не рухнули, не сломались. Они просто растворились в небе, как не было их, так легкое перистое облако бывает рассеяно даже слабым ветерком.

Я долго смотрела в небо: вдруг все-таки вернется? Вдруг?

И вот странно, вместе с Сашей исчез Каквас, наш верный лохматый друг. То ли он разлуки не вынес, то ли каким-то образом улетел с Сашей.

Прошло с полгода и однажды я услышала, как защелкала буковками та дивная шкатулка, которую смастерил когда-то Саша. Я и забыть о ней забыла, и она лежала до поры до времени в незаметном углу. И вот проснулась сама по себе. Я взяла ее, смахнула пыль и прочитала в окошечках: «сундук». Бросилась открывать крышку почерневшего от времени сундука, который был старым уже во времена моей бабушки. В нем пришлось все перекапывать, пересматривать - от старинных ичигов до выцветшей от прошедших годов персидской шали – и только тогда попался на глаза пожелтевший конверт с вложенным в него ломким листом бумаги. Едва сдерживая бешено заколотившееся сердце, сломала сургуч, развернула лист. Так и есть - почерк Саши: «Милая, Анюта! Душа моя! Не выдержала все-таки несчастная змеиная кожа, не удержала меня…»

И тут меня озарило. Как будто неведомым фонарем осветились самые глубокие глубины памяти. Да как же я могла забыть, ведь я сама положила этот конверт сюда! Точно, точно! Я была тогда совсем девчонкой, наравне с мальчишками ходила с удой на Чаган, играла в «клек», в «кулюкушки», убегала в лес собирать живику – так в наших краях зовется ежевика. И вот однажды, когда ягоды было особенно много, и я набрала почти полную корзинку, меня окликнула женщина, по говору из музланок. Одета была неприметно, в руках небольшой узелок. Она как-то незаметно сумела подойти ко мне – ни зашуршали старые листья под ногами, ни хрустнула веточка, а, может, женщина ждала здесь меня?

Она спросила негромко, но от неожиданности я вздрогнула:

- Тебя Анютой зовут?

- Да.

Она поклонилась:

- Вот, значит, добралась. Когда уходила из Кексгольма, думала, что не одолею нипочем пути… Далекая, ох и далеконькая, дорога мне выпала, но теперь душа легка - наказ матушки исполнила, нашла тебя.

- Кто твоя матушка? – спросила я.

- Нет у нее теперь имени, а прежде царицей была…

Она достала из узелка конверт, протянула мне:

- Читать умеешь?

- Не очень, - почему-то сказала я, хотя по печатному понимала уже тогда хорошо, да и по писаному разбирала неплохо.

- Учись, - сказала она. – Вырастешь – прочитаешь. А пока положи конверт куда-нибудь подальше, спрячь хорошенько, чтобы, когда придет время, быстро его найти…

Я заробела: никогда в жизни никто не присылал мне посланий. Да и братья никогда не получали писем. А тут девчонке малолетней конверт, а в нем явно какая-то бумага – диковина, да и только! Да и письмо, оказывается, по наказу бывшей царицы. Что за царица – из Кексгольма? Что за место такое?..

- Тетенька, вы не обознались? – спросила я у нее.

Она взглянула на меня, улыбнулась: дескать, нет, не обозналась. И быстро по

натоптанной тропинке пошла из леса.
- Тетенька! – в полной растерянности позвала я ее еще раз, но она только махнула рукой, скрылась за поворотом.
Жгучее любопытство напало на меня, я принялась рассматривать конверт со всех сторон. Пожелтевший от времени, из грубой бумаги, на нем ни адреса, ни имени, ни словечка. Я хотела прямо в лесу прочитать письмо, но меня удержало только то, что оно было запечатано – красная сургучная печать сторожила тайну. «Вдруг, оно все-таки не мне, а я его распечатаю? – мелькнуло в голове. – Наверняка тогда попадет на орехи!»
Я сунула конверт за пазуху: пару дней подожду, если подлинный хозяин не объявится, тогда и прочитаю его. Дома сунула письмо на дно сундука и забыла о нем на… шестьдесят лет. Так получилось, что не до письма было. Война началась, война закончилась, наши убедились, что в самой Европе нет краше речки, чем Урал…
А письмо лежало в сундуке.
Наверное, со всеми письмами так. Они умеют ждать своего времени. Их придумали для этого, чтобы они хранили то, что не может сберечь ни одна книга, никакая, даже самая цепкая, память.
«Анюта! – продолжила я читать сашино послание. – Кокон мой змеиный без меня улетел, вместе с Каквасом, должно быть, к Даше. А я попал из огня да в полымя. Долго рассказывать, но оказался я в осаде вместе с солдатами капитана Андрея Прохоровича Крылова, человека решительного, отважного. Если бы не он, давно бы всем защитникам крепости, а с ними, наверняка, и мне, дрыгать ногами на виселице. Пугачевцы офицеров, помещиков не щадят, суд короткий – на глаголь! Я, конечно, не офицер, но что-то вроде советника; подполковник Иван Данилович Симонов меня отличает. Кое какие бумаги составляю для него. Осада началась под самый новый год налетела ватага атамана Толмачева, а седьмого января сам самозванец подошел к стенам крепости. Емельяна Ивановича Пугачева видел только издалека, он гарцевал на коне совсем неподалеку, как бы выказывая презрение к пулям защитников… Крепость – по сути дела, Михайло-Архангельский собор с насыпанным вокруг земляным валом - ретраншаментом, так вот, восставшие устраивали за зиму несколько подкопов, но особого урона не нанесли, только колокольня чуть-чуть

наклонилась – ну это все тебе и без меня известно. Довелось увидеть сына отважного капитана Крылова – Ванечку, который тоже не боялся пуль, вместе с отцом просидел в осаде все страшные зимние месяцы.

Только в середине апреля бригада генерала Павла Дмитриевича Мансурова сняла с нас осаду.

Дальнейшее известно. Генерал-поручик Александр Васильевич Суворов прибыл для разгрома Пугачева, но чуть-чуть не успел – это сделал подполковник Иван Иванович Михельсон. Суворову досталось конвоировать Пугачева до Симбирска. Как везли самозваного царя – в тесной клетке – не знаю, не видел.

Однажды позвал меня сам Мансуров, приказал записывать все, что услышу. Я приготовил бумагу, перья, и тут ее ввели. Я слышал, что казаки называли Устю красавицей, но когда увидел ее, просто дух перехватило. Наверное, страдание наложило на ее лицо какой-то особый отпечаток, хотя она не выглядела понурой или подавленной. Я сказал бы, что во всем ее облике была спокойная обреченность, так понятно? Нет?.. Тогда скажу так – полная уверенность в том, что мучиться ей, безвинной, теперь до скончания века. Какие бы слова ни говорили ей эти господа в золотых эполетах, не видать ей теперь вольного Яика; волюшка вольная больше не для нее. Да, видеть, испокон века так повелось на этих ярах, что виноватят невиноватых, и не изменить этого, не отменить.

Самозванная, неграмотная царица, но сколько в ней стати, сколько огня и красоты!.. Почти ежедневно до конца апреля, до того дня, когда вместе с другими колодниками она была отправлена в Оренбург, я видел ее, а когда дознаватели время от времени выходили, даже говорил с нею.

Всего-то десять дней была Устинья Кузнецова царицей, а предстояло ей теперь до смерти находиться в заточении в Кексгольмской крепости. В этой же крепости будут содержать и Софью – первую жену Пугачева – с тремя детьми – Аграфеной, Кристиной и Трофимом. Устинья, конечно, не могла еще знать своей судьбы, но мне эта история была известна хорошо. И тогда родилась у меня очередная сумасшедшая идея с помощью Устиньи передать тебе, Анюта, эту весточку. Конечно, она этого сама сделать не сможет, ты родишься уже после ее смерти. Но долгие десятилетия она изо дня в день будет видеть детей Пугачева… А по некоторым

сведениям, у нее уже в Кексгольме родится девочка… И рано или поздно кого-то из них отпустят, и появится возможность передать письмо тебе; почему-то я верю, что она или он, или они все вместе захотят это сделать.

Я понимаю, что узников тысячу раз обыщут, будут следить за каждым их шагом, но ведь письмо останется спрятанным в доме Кузнецовых, который надолго переживет своих хозяев. Долгое время дом будет стоять заколоченным, словно в нем заколотили сам мятежный дух Пугача, потом в нем поселятся случайные люди, затем в нем разместят библиотеку. Дом не снесут, он не сгорит, мы с тобой мимо него проходили сто раз, он крепок, не в пример другим казачьим жилищам, которые оказались разбитыми правительственной артиллерией во время осады… На то они и царские хоромы.

В общем, ты теперь знаешь, где я… Верю, что мне удастся объяснить все Усте. Не тревожься…Конечно, иногда мне становится очень тоскливо. Я очень скучаю о Даше, о тебе…»

Как я могла забыть об этом письме? Или «воспоминание» только что родилось?

Глава двадцатая: На Свистун-горе

Под горою у реки
Живут гномы-старики.
У них колокол висит,
Позолоченный звонит:
Диги-диги-диги-дон,
Выходи скорее вон!

- Я так и знала! – закричала Даша, когда закончили читать дневник Анюты – наверное, ее пра-пра-прабабушки.- Я всегда говорила, что Саша жив!.. Я верила!.. Но здесь ничего не написано о том, что было дальше!.. Ничего…

Она заплакала, но тут же вытерла глаза кулаками.

- А ну надо же! – сказала она. – Улетел на эти самые галактики, оставил меня одну и даже слова прощального не сказал… Хоть бы намекнул, куда он собирается, мне бы все легче было.

Она помолчала с минуту, и продолжила:

- У нас так повелось, что кругом одни тайны. Ну, я понимаю, если кто-то украл больше, чем смог унести - это большой секрет, а что за секреты в космосе? Вон звезда висит, наводи на нее подзорную трубу – все видно – и как там люди маются, и как ждут всегда неизвестно чего; вон другая мерцает – посылай на нее ракету. Пусть она привезет оттуда сто бочек космической нефти, сто тонн золота, лукошко изумрудов, жменю бриллиантов – народу ни жарко и ни холодно от этого, чего прятаться-то?..

Долго она не могла успокоиться, все приговаривала, причитала. Но, наконец, примолкла, стала собираться. Посмотрела в волшебную свою коробочку и та нащелкала ей буковок: «Пора в путь-дорогу». Прямо как в песне.

- Все-таки поеду я с вами, - сказала она старьевщикам, - возьмете?

Те радостно закивали головами, желанна такая попутчица. Пес тоже обрадовался: в пути и собачья жизнь интересней.

- Но перед тем, как отправиться, нужно в одно место заехать, - сказала Даша.

- На Свистун-гору? – одновременно спросили Данила и Егорий.

- Умницы вы мои! – улыбнулась Даша.

Гривастый конек потряхивал гривой, наверное, выказывал нетерпение, тележка на резиновом ходу даже стоя на месте поскрипывала рессорами – ей тоже хотелось в путь, Пес(неужели, это Каквас?) давно уже сидел у калитки – пора, пора!..

Перекрестились, перекрестили старый дом, и вот уже остались позади Ханская роща, Чаган, и медленно надвигался на путешественников пологий склон Свистун-горы.

- Странная гора, - сказала Даша, - едешь к ней, как по равнине. Почти без усилий, а оглянешься назад – высотища такая, будто ты птица – и взлетела незаметно для себя самой, и паришь над землей.

Данила и Егорий тоже посмотрели назад.

- Как будто в дымке вся округа, - сказал Данила.

- Города почти не видно, - сказал Егорий, - а он ведь должен быть отсюда заметен, лежать, как на ладони. Вон и солнышко светит, и тучек не видать, а город словно в тумане… Действительно, странная гора.

- Марево, должно быть к грозе, - сказала Даша.- Промоет сейчас небушко, и откроется город взгляду…

И тут же на вершину горы откуда-то снизу вползла темная тучка, с матрас величиной, не больше. Этот клубящийся матрас стал распухать, наливаться синевой с красными прожилками, из глубины тучки слышалось сердитое бурчание, и вдруг ее разрубило пополам сверкнувшей саблей, и обе половинки принялись поливать гору потоками воды, затеяв между собой и перестрелку – молнии с шипением, как ракеты, проносились над головами путников и разрывались над самой тележкой; от каждого удара грома гривастый конек вздрагивал, а Егорий молился: «Господи, помилуй!..»

Вмиг все трое промокли до нитки. Данила раскопал в тележке кусок пожелтевшего брезента, они накрылись им, и сразу гроза как будто стихла, а вскоре и прекратилась совсем. Поднялась радуга и одним своим концом уперлась в гору, другой ее конец растворился где-то над городом, который, так и не вынырнул до конца из марева – неясно видны были только Карев-дом, Золотая церковь, Макарова мельница – все остальное было погружено в сиреневую какую-то дымку.

В полчаса солнце да степной ветерок высушили одежду на путниках, но Даша все-таки затеяла переодевание. Даниле и Егорию приказано было держать брезент, за которым она укрылась. Даша выбрала одно из своих поплиновых платьев – белое в синих горохах, которое нравилось Саше.

- Ну как? – спросила она у своих спутников.

Они ахнули:

- Да ты просто красавица!

- Да-а-а! Красава! Красулечка!..

- Когда я увидел тебя в первый раз, то ты показалась мне старушкой, - сказал Данила. – Сегодня – ты просто девчонка… Гроза так на тебя подействовала, да?

- Не знаю, может быть, - ответила она. – Гроза и Саша… Саша…

Тележка, поскрипывая рессорами, свернула с большака на заросший зеленью проселок, так было ближе к вершине Свистун-горы. Трава в том году уродилась по пояс, и тележку было почти не видно в этих зеленых зарослях.

- Лепота! – сказал Егорий. – Любота нездешняя!

- Почему же нездешняя? – сказал Данила. – Как раз здешняя.

- Ну, так говорится, - согласился с ним Егорий.- Для красного словца молвил…

И тут из-за зарослей травы поднялись двое, в зеленых плащах, в нахлобученных стальных касках, с оружием наперевес:

- Стой! Стой! – зычными голосами, привыкшими командовать, сказали они. – Куда претесь на своем коньке-горбунке, не видите – здесь запретная зона.

- Откуда это должно быть видно? – спросил Егорий.

- Ты, дядя, дураком-то не прикидывайся, - сказал один из зеленых. - Видать, что ты человек из сельской местности, поэтому должен понимать: если дорога заросла травой, то пути туда нет. Значит, запрещено туда ходить, или опасно для здоровья…

- У нас так много заброшенных дорог, теперь везде что ли запретная зона? - спросил Данила.

Зеленые потеряли терпение:

- Сказано вам, поворачивать оглобли, значит, поворачивайте!.. Чего препираетесь, а то живо препроводим вас в караульное помещение! Ясно?..

- Господа военные, - вступила в беседу Даша, - вы ведь военные, да?

- Можно сказать, что военные, - приосанился один из них.

- Это значит, что вы люди чести, так?

- Так! – насторожились они.

- Как люди чести вы не можете нам не помочь. Мы пытаемся прояснить одну старинную историю, которая не имеет отношения к военным и даже государственным

тайнам… Это скорее вопрос исторический, вопрос философский…
В глазах зеленых погас интерес, они опустили винтовки: от этих философов одна скука, но вреда почти никакого, как, впрочем, и пользы. Взводный говорил, что философы навроде рыбаков, которые рыбачат в аквариуме.
- Чего вы хотите? – спросил один.
- Мы слышали, что здесь, на самой вершине раньше башня старинная стояла, сторожевая…
- Она и сейчас стоит, - сказал второй.
- Не то, чтобы стоит целиком, но развалины имеются, - поправил его первый зеленый. Или он был второй, а тот, другой – первым? Не разберешься в этих зеленых.
- А поближе нельзя ее посмотреть, все-таки историческая реликвия? – спросила Даша.
Зеленые переглянулись.
- Мы, конечно, отблагодарим, - сказал Егорий. – Вот у меня, например, водочка имеется самобытная, «Чингис Хан» называется. По рецепту завоевателя вселенной приготовлена. Выдержка восемьсот с лишним лет…
- Мы при исполнении, - хмуро напомнил первый зеленый, подумал и добавил:
- Но скоро сменяемся…
- Так мы подождем? – спросил Данила.
- Мы быстро обернемся, - пообещали зеленые и скрылись в зелени. И тут же появились опять.
- Забыли чего? – спросил Егорий, но тут заметил, что военные уже без оружия, без касок, и даже без плащей – налегке.
- Поедем сразу на место, - предложил один военный.
- Конечно, зачем терять время, - откликнулся Данила, и тележка покатилась дальше.
Башня оказалась совсем недалеко: заросшие травой и кустарником развалины были едва заметны. Собственно, никакой башни и не было, только вросшие в землю груды камня, беспорядочно валявшиеся бревна, битые черепки, искореженное железо.
- Вот как выглядит прошлое из настоящего, - вздохнув, сказала Даша.
- Говорят, эта башня времен Чингис Хана, - бойцы тактично напомнили о том, что они

здесь не для исторических экскурсов.
Егорий достал бутылку, Даша нарубила огурцов. Выпили. Ощутили крепость восемьсотлетней выдержки. На этом не остановились, в тележке нашлась водка «Машина времени», а потом и наливка «Мезозойская эра».
- Смотри, сколько всякого питья на свете! – радовался Егорий. – Сколько уж лет употребляю ее – конечно, не запоями, а для аппетита, но стараюсь не допускать сухих дней, и думаю иногда: в русском словаре и слов столько нет, сколько водок всяких, но встречается хороший человек, и через него приходит новое название. И ведь не без смысла названия все… Вот чингизовку мы сейчас употребили, драгоценный нектар, натуральный освежитель дыхания, бальзам-ополаскиватель мозгов, и вместе с нездешней бодростью пришло к нам и простое, как мир, знание: а ведь этот Чингис Хан – он наш современник. И динозавры из Мезозоя – тоже… Или там, в Мезозое, другие были? Но и те другие тоже нам почти родня, по крайности – современники… И мы их любить должны, как…
- Как они нас любят, - подсказал первый зеленый. Все-таки, второй.
- Сильнее, - сказал Егорий. – В любви, если она подлинная, главнее не то, что тебя любят, а то, что любишь ты! Так уж создатель положил: в одном мире мы все обретаемся, в одном времени живем, и любить должны друг друга…
- А вообще, все это придумка, - сказал второй боец. Или теперь первый?
- Про что придумка? – спросил Данила, поглядывая грустно на Дашу.
- Про разные времена, - принялся объяснять тот, вытерев уста после очередного доброго глотка водки. – Не разобрались поначалу люди, надо им было как-то отображать движение жизни, а если утро похоже на вечер, один год - точная копия другого, то, как отобразить? Ломали головы, ломали и придумали даты. Один родился летом, а другой – зимой, а весной саранча налетела – вот вам и разные времена получились. А время – одно единственное, правильно я говорю, Дарья Григорьевна?
Даша кивнула и, раздвигая руками зеленые заросли, стала бродить по развалинам башни. Не принимать же, в самом деле, участие в вино-водочной дискуссии о едином времени?
Поначалу ничего примечательного не попалось ей на глаза.

- А почему же здесь запретная зона? – спросила она у зеленых бойцов. – Развалины запретные?

- Развалины развалинам рознь, - ответил первый.

- Да чего уж там, здесь есть и другие руины, - нарушил секретность второй боец. Видать до смерти надоело хранить тайну. – Вон в тех зарослях, что направо…

Она пригляделась к небольшому леску, на который указывал зеленый, и в просветах между деревьями заметила серые бетонные стены, разбитые окна, обрушившиеся перекрытия.

- Еще одна башня? – спросила Даша; она сразу догадалась, что находится перед ней, но ей хотелось услышать это от охранников.

- Какая-такая башня! – вскричал захмелевший первый зеленый.

- Здесь некогда проходил самый передовой рубеж нашей космической науки, - добавил второй, тоже захмелевший. – Отсюда мы замахивались на звезды!.. На галактики и даже метагалактики…

- Вы говорите так, как будто именно вы и замахивались на звезды? – подбросила Даша топлива в огонь беседы.

- Именно мы и замахивались! – страшно закричали бойцы, но теперь казалось, что они таковыми были не всегда.

И они рассказали, что много-много лет назад были молодыми перспективными учеными, и придумали, как преодолеть пространство и время, как забросить космонавта в далекие галактические скопления, путешествовать в ледяных глубинах дальнего космоса.

- Время для науки было тяжелое, - сказал первый, немного протрезвевший. – Даже простой копировальной ленты для пишущих машинок было не достать.

- Растворы проявителей и закрепителей составлять приходилось собственноручно, - добавил второй охранник, - и тоже стал трезветь. Но не быстро. – И вот тогда, в эти темные годы, удалось найти и заинтересовать нашим проектом человека, который безоговорочно поверил нам, а главное – помог воплощению революционной идеи. И вот здесь на горе возник галактический центр…

Даша разглядела на одном из бревен разрушенной башни нечто, похожее на надпись, вырезанную, скорее всего, перочинным ножом.

- Не станем утомлять вас подробностями этой нелегкой работы, но мы стали готовить группу космонавтов, которые могут быть отправлены к далеким галактикам, - продолжили зеленые.
- И вы даже отправили одного космонавта, Сашу, - сказала Даша, отвлекшись от перочинной надписи.
- Откуда вы знаете? – удивились охранники. – Это была самая строгая государственная тайна.
- Знаю! Теперь знаю! – сказала она. – Но продолжайте ваш рассказ.
- Подготовка велась серьезная, - продолжил первый или второй, не разберешь их. – Я заведовал лабораторией баллистических искривлений времени, а товарищ мой руководил департаментом пространственных прицеливаний. Мы решали нелегкие проблемы доставки первого межзвездного космонавта за миллиарды световых лет, и многие из них были успешно решены, но уже тогда червь сомнения терзал души многих ретроградов. «Огромные средства расходуются на эти сомнительные исследования», - говорили они нам в лицо. А уж за глаза поносили вовсю. «Нет в глубоком космосе никакой жизни, - утверждали они. – Земля – колыбель человечества. И надо здесь сохранять хрупкое чудо жизни, а не искать ее за тысячи световых лет. Если существуют в дальнем космосе развитые цивилизации, то почему они не предпринимают попыток связаться с нами? За многие тысячелетия человеческой истории не известно ни одной такой достоверно подтвержденной попытки».
Так изо дня в день велся подкоп под саму идею множественности обитаемых миров. - Жизнь – повсеместна! Во всяком случае, не исключительна, - утверждали мы и наши сторонники.
- Жизнь – величайший феномен! – кричали на всех углах наши противники. И старались нанести удар больнее.
– Миллиарды народных средств можно сэкономить, если хотя бы частично свернуть программу межгалактических исследований, - соблазняли они. – А высвободившиеся средства можно направить на повышение пенсий ветеранам революций и войн. Ветераны очень любят, когда о них не забывают, и об этой инициативе заговорили в обществе. Журналисты просто охрипли. «Ученые должны умерить свои космические

аппетиты, - писали в газетах, - разве не актуальнее сегодня позаботиться о стариках, которые рядом с нами, а не выбрасывать деньги в прямом смысле в пустоту?»
Зеленые вздохнули, продолжили рассказ: «Мы забрасывали на границы галактики сообщения, просили откликнуться жителей тамошних мест, мы посылали образцы высокого искусства – картины, музыкальные шедевры, видеозаписи спектаклей театра на Таганке, но никто не откликнулся. Еще более окреп голос наших противников. Наконец, мы совершили первый запуск человека в глубокий космос…
Да, да, отправился к звездам Саша. Его миссия была великой, его задача - довольно простой: установить контакты с внеземным разумом, если таковой обнаружится, и суметь сообщить об этом на Землю. Причем не просто на Землю, а в тот год, в который состоялся старт. Существовала опасность, что возвращаясь назад, путешественник к звездам может промахнуться мимо своего времени, попасть в прошлое или будущее, скорее всего в прошлое. Как он умудрится передать информацию из какого-нибудь средневековья или даже из хаоса перестройки – над этим ломали головы лучшие умы галактического центра, но в итоге решено было, что окончательный выбор способа передачи информации остается за космонавтом. А предать-то нужно было простейшую информацию – «Да», если во вселенной мы не одиноки, и «Нет», если одна-единственная живая пылинка – Земля – несется в мертвой вселенной…»
Рассказчики опять тяжело вздохнули, видеть, нелегко давались им воспоминания, и продолжили снова: «Какие надежды возлагали мы на этот полет! Мы создали поисковые группы, которые отслеживали ситуацию: не появились ли на египетских пирамидах надписи «да» или «нет», не обнаружились ли в древних книгах свидетельства межзвездных контактов, не содержат ли народные предания, сказания, былины упоминания о прилете человека со звезд. Но время шло, а никакой информации от Саши не поступало. Год прошел, второй пролетел, десять лет миновало…тридцать лет прошло, а космос молчал…»
- Постойте, постойте! – перебила Даша рассказчиков. – Какие тридцать лет?..Саша улетел вот только…только… недавно… Года, двух, трех лет не прошло… Данила, скажи, когда ты в первый раз приезжал?
Данила почесал затылок:

- Кажется, кажется…Лет двадцать пять назад…

Даша горестно посмотрела на него, чего он такое говорит? Она нащупала в кармане свое волшебное зеркальце, достала его, украдкой взглянула на свое отражение: усталые, да усталые, но молодые глаза, высокая грудь, на лице ни морщинки, ни единого седого волоса на голове – за тридцать лет со своими несчастьями она превратилась бы в древнюю старуху!.. Но ведь только вчера она печалилась своей ранней, как она считала, седине! Куда же она сегодня подевалась?

Зеркальце что-то нащелкало своими плашечками, и она прочитала: «Не время проходит…» А что же проходит?

Она нашла в себе силы сказать:

- Я никогда не заглядываю в календари, и вот не уследила, как тридцать лет пролетело. Но, продолжайте!..

Первый охранник кивнул:

- В общем, недруги, невежды и собственные сомнения сделали свое дело. Галактический центр стал засыхать. Сначала нам, как бы в нагрузку, поручили разработку ближнемагистральной машины времени, радиус действия которой не превышал пятнадцать минут – для праздных туристов, любителей курьезов. Такая машина хороша в карточной игре в «подкидного», незаменима для любителей до срока узнать, чем же закончится кинофильм – кто шпион, кто с кем останется? Серьезные ученые центра с прохладцей отнеслись к проекту, а молодежь с энтузиазмом взялась за дело, а когда затея провалилась, без труда переключились на конструирование фотоаппарата времени, а потом взялись за создание кинокамеры, которую можно отправлять в будущее и прошлое, и которая будет бесстрастно и точно фиксировать великие события истории. И камера, и фотоаппарат, в конце концов, были созданы и даже отправлены в район Ватерлоо в 18 июня 1815 года. Но возвращать приборы назад, в наше время, пока не научились, поэтому так и не удалось выяснить, каким же образом Груши преследовал прусскую армию.

Затем закрыли несколько ведущих отделов, пообещали, что вскорости откроются на их базе целые институты, но никаких институтов открыто не было. Наши подразделения - лаборатория баллистических искривлений времени и департамент

пространственных прицеливаний первыми пали в неравной борьбе с ретроградами. Нам, правда, предложили сменить тему исследований и заняться проблемой выпрямления искривленных пространств, но оказалось, что этим уже занимаются четырнадцать научно-исследовательских институтов и Джамбейтинская Академия наук. Галактический центр был обречен, и стал распадаться и зарастать тиной забвения. Многие ученые уехали в Америку, многие спились, а несколько человек даже стали ресторанными шансонье. В последние годы здесь по лицензии выпускали кукол «Барби» в натуральную величину, а сейчас царит полное запустение… Нам удалось добиться, чтобы остатки ценного оборудования охранялись, а мы сами пошли на службу во взвод охраны. Другого способа быть рядом с погибающим детищем у нас не было. Все, что нам осталось, так это следить, как ветшает, превращается в хлам храм науки. Сегодня утром, например, обрушился корпус временных прогнозирований, похоронил под собой биологический суперкомпьютер, который, погибая, плакал навзрыд.

- Вы так и не получили весточки от Саши? - спросила Даша ученых-охранников.

Те отрицательно замотали головами. Даша только тут заметила, что седина обильно серебрится у них на висках. «Может быть, пили бы меньше, выглядели бы моложе?», - подумала она. Вслух сказала другое:

- Вы так и не знаете, есть ли на галактиках жизнь?..

Ученые потупились: нет, не знали они этого! Откуда?

- А вот посмотрите, что тут ножиком на бревне вырезано! – сказала она им. Старики глотнули еще водочки и подошли к бревну, на которое показала Даша. И прочитали: «ДА! МЫ НЕ ОДИНОКИ! Саша»…

Они долго стояли над бревном, как будто на нем могли проявиться и другие строчки.

- Это без сомнения он, Саша! – произнес первый старик. Даша подумала про него с горечью: «Совсем дряхлый…» И тут же про Сашу: «Известно, что на звездах время по другому считается… Может, ему сейчас всего двадцать?.. Иди вообще пятнадцать?»

- Это его формула послания, - сказал второй, - он сам ее придумал для краткости, для точности выражения…

- Знаете, друзья, я даже не волнуюсь, - продолжил первый. – Как будто мы все давно

знаем, что у нас есть браться по разуму… А разве мы этого не знаем?..
- А галактического центра больше нет, кому эта информация нужна, кто в нее поверит? – сказал Данила.
Старики-ученые-охранники уронили головы. Полная безнадежность. Посылку, отправленную за тысячи парсеков, получать некому.
- Может, вы все-таки возьметесь за это? – спросил Данила у охранников. – Может, найдете в себе силы доказать, что мы все не одиноки?.. Ведь это так важно! Люди столетьями бились за это знание, а вот теперь оно валяется под ногами – и никто не решается поднять его!..
Ученые молчали.
- Эх, вы! – в сердцах сказала Даша. – Оставайтесь у своих развалин…
- Хотя бы что-нибудь сохранить, - наконец, произнес первый. Второй подхватил:
- Не судите нас, мы можем только то, что можем… Дорогого стоит сохранить хотя бы пепел… Возможно когда-то найдется человек, который спросит: «Что это за пепел? Что здесь сгорело?..»
Даша взглянула в сторону Данилы и Егория: можно ли уже ехать? Те согласно кивнули. Радостно заржал гривастый конек.
Едва они тронулись в путь, как увидели, что со стороны города приближается колонна машин. Впереди колонны катились важные лимузины, затем шли огромные грузовики, водители которых сидели, как цари на тронах, высоко над дорогой и могли видеть эту дорогу далеко вперед. Замыкали колонну грузовички, пикапы, мотоциклы, а самыми последними ползли бульдозер и подъемный кран.
Первый лимузин остановился, за ним вся колонна. Из лимузина с трудом выбрался толстяк в сером плаще, серой шляпе, черных очках. В руках он держал огромный и пузатый, как он сам, громкоговоритель.
- Внимание, приготовиться к всеобщему построению! – заревел он на всю Свистун-гору.
- Ты только посмотри, - сказал один из охранников. – Это ведь Мудрун, главный противник галактического центра. Что он со всей этой компанией намеревается делать? Уничтожить даже развалины?..
Между тем у бетонных стен собралось множество народа.

- Друзья! – опять прокричал Мудрун. – Нам доверена важнейшая миссия. Мы призваны с вами стать первопроходцами, заглянуть в глубокий космос! Много лет назад энтузиасты пытались отсюда совершить бросок в иные миры, но их наивные, во многом прожектерские, идеи не могли быть воплощены в жизнь, а если сказать откровенно – они потерпели крах. Нам, вооруженным передовыми научными разработками, предстоит наладить контакты с далекими цивилизациями…
- Вы слышите, вы слышите? – закричала Даша. – Наверное, еще до кого-то дошло одно из посланий Саши. Может та самая считалочка про «чяби-чяряби»?
- Сейчас мы все выясним! – сказали ученые-охранники и направились к Мудруну. Тот с чувством пожал им руки, как добрым давним знакомым, и сказал:
- Уважаемые, можете считать вашу миссию по охране этих стен, исчерпанной. Теперь не взвод охраны будет следить за объектом, а целая служба – с применением самых современных средств охраны и защиты. А вас я попрошу покинуть объект… но сначала дайте подписочку о неразглашении…
И тут же, как из-под земли, возникли молодцы в темных мундирах с серебряными орлами на погонах. Молодцы, числом не менее десяти, щелкнули каблуками, взяли ученых под локотки и мягко, без особого нажима, отодвинули их от Мудруна, который закипел бурной деятельностью, отдавая отрывистые команды своей армии:
- Ящики разгружай!
- Кухню разворачивай!
- Приступить к установке антенн!
Он все видел и ни о чем не забывал. Увидел и тележку, заваленную старьем. Просветил рентгеновским взглядом груду не нужных никому вещей, махнул молодцам рукой, дескать, этих юродивых можно отпустить без всякой подписки. А старперов-ученых не мешает еще и допросить. Не много ли они знают? Чрезмерное знание только тормозит развитие науки, заводит ее в мрачные схоластические тупики. В жизни не так страшно чего-то не знать, чем знать больше того, что тебе может потребоваться.
- Не беспокойтесь о нас! – успокоили Дашу и ее спутников охранники, теперь уже бывшие. – Мы поселимся прямо здесь, на вершине, поставим палатку и самим видом своим будем каждый день напоминать Мудруну и его сподвижникам, что им не

удастся заболтать идею межгалактических контактов.
- Мы книгу решили написать, - сказал первый из них.
- Мы будем всем рассказывать о считалочках с шифровками Саши, - добавил второй.
– Пусть теперь все знают, что на звездах тоже живут люди!..
Даша, Данила, Егорий пожелали им успехов, и тележка быстро покатилась под уклон. Пес, бежавший следом, едва поспевал за ней. Даша показала ему на место рядом с собой, и тот запрыгнул в тележку.
- На запад? – спросила она. Спутники ее только пожали плечами: тележка сама катится…

Глава двадцать первая: дебаркадер идет на прикол

В тихой речке у причала
Рыбка рыбку повстречала.
- Здравствуй!
- Здравствуй!
- Как дела?
- На рыбалке я была,
Я удила рыбака,
Дядю Петю чудака.
- Где же твой рыбак?
Попался?
- Нет, ушел хитрец,
Сорвался.

Где только не побывала Лизавета! В знойных пустынях, где за глоток воды вам могут предложить пещеру, набитую сказочными сокровищами, в ледяных странах, где замерзает выдох и падает к ногам человека заледеневшей птицей, на архипелагах, на которых никогда не кончается дождь, где сказка о Садко кажется былью… И повсюду она находила людей, которые знали, где находится заповедная страна, многие имели даже точные карты, некоторые только что вернулись оттуда – и самая малость, какой-нибудь пустячок, мешали им указать туда дорогу Лизавете и Аристарху.

- Один дал клятву любимой девушке, что навсегда сохранит тайну Острова, - с ухмылкой говорил Аристарх, знатный дуплостроитель. – И хотя девушка сбежала от него пятнадцать лет назад с мастером спорта по гребле, он хранит тайну, как честный человек. А другой вынужден был съесть карту острова, спасаясь на собачьей упряжке от грабителей, третий просил подождать его три года, которые требуются ему для завершения докторской диссертации «Беловодье – быль и небыль», после чего он лично возглавит экспедицию на Остров… Еще один заявил, что целый год был правителем заповедной страны и оставил свой пост исключительно по философским мотивам, хотя народ горячо упрашивал его остаться…

- Немного смущает, - улыбалась Лизавета,- что все называют разные части света. Или, может быть, на каждом материке свой Остров? Как ты думаешь?

Аристарх не знал, что сказать:

- Была бы моя воля, я в каждой стране завел бы по такому острову… Несчастных-то какое множество!.. Поэтому и найти его трудно, что места там для всех не хватает…

Лизавета улыбалась, она помнила, что старый дуб - царь леса, царь деревьев и цветов, родников и ручьев, полян и опушек пообещал ей, что она найдет путь к заповедной земле, и она верила и терпеливо ждала, что вот-вот, за следующим поворотом покажется Остров.

Время от времени Лизавета получала депеши от членов ОРГБОРЧУДа, они информировали Ольгу Южную о положении дел в тайной организации, о том, что крепнут ряды борцов, неуклонно растет их число. За последний год их стало больше на пять человек. План приема был значительно перевыполнен. Членам общества впервые удалось сфотографировать заклятого врага человечества – Ку-Эн-Зима,

правда снимок не очень четкий, да еще и вид сзади, а со спины он очень похож на коверного из цирка шапито; цирк каждым летом разбивал свой ржавый шатер на базарной площади. Но и этот фотоснимок можно считать первым весомым успехом в борьбе с пришельцами. Активисты ОРГБОРЧУДа отдали фотографию на ретушь в фотоателье «Модерн», и получилось вполне сносное изображение, но почему-то смешное.

Ольга Южная порадовалась достижению товарищей по борьбе. Лизавета тоже, но меньше. Нужно сказать, что в последнее время она очень скучала по бабушке, по кактусу, даже по домовому. Как-то она не удержала слез, вспоминая, как славно жилось с мамой, папой, бабушкой в старинном доме с колоннами, и набежавшие слезы опять увеличили перспективу, придвинули к ней горизонт, за которым было море, а на море бушевал шторм и грозил разбить в щепки шхуну, сидящую на мели. На палубе шхуны, кроме огромной бомбы, ничего и никого не было. Лизавета присмотрелась и увидела близкий остров, а на острове самолет, а рядом с самолетом несколько человек. А среди них, о чудо! – была и лизаветина бабушка Ксения Павловна. Тоненькую, подвижную, всю в черном – ее было видно издалека.

- Бабушка! – прошептала потрясенная Лизавета.

- Бабушка! – пронзительно закричала она. – Родненькая! Миленькая!

Бабушка за три тысячи семьсот двенадцать километров, конечно, не могла услышать внучку, но почему-то тревожно осмотрелась вокруг.

- Бабушка!!!

Ксения Павловна оглянулась с какой-то непонятной надеждой. Она вдруг что-то сказала, и Лизавета поняла:

- Внученька, милая, где ты?..

- Я – здесь, здесь!.. – прошептала Лизавета. – Я найду тебя…

Бабушка улыбнулась, кивнула, как будто на самом деле услышала внучку. Но что она могла услышать?..

С того дня Лизавета старалась держаться ближе к морям и океанам. Ничего, что часто там ревели шторма, волны вздымались, как ожившие горы, черные тучи закрывали небо и миллионами когтистых молний впивались в воду; море не оставалось в долгу и норовило волнами залить шипящие электричеством тучи –

Лизавета всматривалась в этот бушующий простор и ей мерещились дальние берега. Однажды они с Аристархом лицом к лицу столкнулись с тем самым мужиком без примет, который некогда привел ее к Слепому в региональный офис ОРГБОРЧУДа. Что-то знакомое почудилось Лизавете в его облике, хотя примет никаких у него никогда не было, но это, наверное, только казалось?

Мужик без примет потерянно стоял посреди шумной улицы напротив стеклянной витрины зоологического магазина, за которой в огромном аквариуме жила капля океана: в ней задумчиво плавали какие-то пестрые карнавальные рыбки, на листьях подводных растений сидели улитки, похожие на марсиан, в глубине черного грота угадывался чернильный осьминог.

- Море, откуда в степи море? – спрашивал он сам себя. – Там только мокрая степная желтизна, там только грязь, ледяной ветер, и буксуют в желтой глине грузовики… Где я?..

Лизавета подкатила к нему, поздоровалась:

- Узнаете, я Ольга Южная?..

Он обрадовался, как он обрадовался! Сначала бросился обниматься, а потом сказал:

- Вы можете ущипнуть меня? Я – сплю? Или нахожусь в эпицентре кошмара?

- Но в чем дело? – пыталась привести его в сознание Лизавета.

- Ущипните меня!..

Лизавете наскучили его стенания, и она ущипнула его. А руки у нее были сильные. Мужик без примет запричитал еще громче:

- Я же не просил применять клещи!..

- Это были только пальцы, - сказала она и добавила

- К сожалению…

Он удивленно посмотрел на нее, но, вдруг, успокоился.

- Нет, я не сплю, - сказал он. – Значит, этот бродяга не обманул, что стоит только скосить глаза к носу, как окажешься в двадцать первом… или двадцать шестом… не помню в каком измерении...

- А дело было так, - продолжил он. – Как-то поутру, а на рассвете мы всегда в сборе – и я, и заскорузлый, и фиолетовый, подошла к нам - черная бабка и принялась рассказывать, что объявилась на свете дивная страна, в натуре! Там и водка не

разбавлена, там и справедливость заведена самая справедливая, там и бабы по карманам у мужиков не шмонают. Мы с утра были ни в одном глазу, только соображали на фанфурик белого, а с красного, сама знаешь, ни в голове, ни в этой самой…, в, общем, жопе… В общем, когда бабулька к нам подгребла, мы еще и не разливали. Она стала расспрашивать: видели – не видели ее внучку, она, дескать, свалила в дальнюю счастливую страну…

- С этого места подробнее! - встрепенулась Лизавета, она сразу поняла, кто такая эта бабушка в черном.

Мужик без примет вспомнил, что у них тем утром состоялся небольшой диспут. Фиолетовый сказал, что таких стран не бывает, а бабка сказала, что он дурак. Заскорузлый тоже засомневался, она и его обозвала болваном.

Мужик без примет – для вида - тоже не поверил. Хотя многое уже знал обо всех этих чудесных делах, был, можно сказать, в эпицентре событий.

Черная бабушка тогда так объяснила.

- Олухи царя небесного! - сказала она. – В мире как все устроено? Как? Вот, плечами пожимаете – не знаете. Оно и понятно, образование у вас унитазное…

- Какое-такое? – спросил который без примет.

- По три газетных статейки прочитали на унитазе за всю жизнь, - сказала она, - вот и все образование. А жизнь она устроена парно. Вот есть мужчина и женщина, есть холод и тепло, есть ад и рай… В конце концов существуют день и ночь…

- Точно! - подтвердил фиолетовый. – Водка и пиво, самосад и медовый табак…Луна и Солнце…

- Значит, должно быть хорошее и плохое, разве не так? – она просто открыла им глаза.

- Точно! – доперло до заскорузлого. – Если есть страны, где не очень малиново нашему брату-скитальцу, то обязательно должны быть и такие, где живется человеку от души, где настроение всегда, как после третьей рюмки.

- Вот и еще одного я перековала, - сказала Ксения Павловна

Она ушла, а мужики задумались: ведь права бабка! Просто пока не открылись нам всем эти золотые местечки. Да, мы их и не ищем, по сторонам не привыкли смотреть, все только вперед и назад. А держава эта, может быть, вон за тем пивным ларьком,

мы ведь дальше него в ту сторону никогда не ходили?..

И тогда они поняли, что нужно, во что бы то ни стало, разыскать эту страну и переселить в нее весь подъезд, да что там подъезд – весь земной шарик!.. «Только капитана Немчинова из линейного отделения переселять не станем, ему и тут, собаке, хорошо – с нашими трешницами, с нашими слезами… Лидку из «Голубого Дуная», наверное, тоже не надо брать – она и в счастливой стране будет водку разбавлять. Хотя должна на новой земле исправиться… А вот кого точно не возьмем – так это того, который в шляпе ходит и не здоровается, потому, что в пятикомнатной квартире живет!.. А, может, и он исправится, ведь с ним не здоровается тот, который живет в семикомнатной квартире?»

В общем, и фиолетовый, и заскорузлый поняли, что пора в путь. Еще по стаканчику – и по газам!

Никто не стал спорить, можно и по два стаканчика. Да и чего спорить, столько вместе всего хлебнули, столько дорог прошли, что у них, должно быть, уже и душа общая – хоть страну искать, хоть из эмалированных липких кружек пить – чего угодно одолеют!

Тут к ним подошел чудик. Динозавр. Весь зеленый, как купорос. Или купорос не зеленый?.. В общем, громила еще тот. Тоже начал приставать: чего они видели, а чего не видали? Что ему сказать? И тут он тоже про страну эту спросил, они там как сговорились! И мужиков, конечно, повело: не заходя по домам, сразу на поиск – чего время тянуть, не всю жизнь ведь тянуть его?

Первым фиолетовый шагнул, за ним – мужик без примет, за ним - Динозавр, за тем – заскорузлый. Не успели глазом моргнуть, как оказались в поезде. Привычно застучали колеса на стыках, открыли портвейн, пошел разговор о жизни. Много интересного рассказал Динозавр: и как им пугали малых детей, и как хотели захватить для научных исследований в главную Академию, чтобы разрезать его на кусочки, вытянуть из него все жилы – такого натерпелся, что ни пером описать, ни на ундервуде не напечатать! Доходило до того, что чимиргес без закуси пил, а это -издевательство над личностью. Фиолетовому тоже было о чем рассказать товарищам, путь далекий – бреши – не хочу!

А как стали биографией мужика без примет интересоваться, так он придумывать

ничего не стал, всю чистую правду и вывалил. Никто и слушать не стал, ври, говорят, да не завирайся – меру знай! Он им удостоверение предъявил, что раньше в разведке работал, даже и не в одной. Нет, не в геологической разведке, а в шпионской – привык работать с микропленкой, сильнодействующими ядами, секретными картами. Много пользы он принес своим и много вреда причинил врагам. Собутыльники захохотали, сказали, что откуда он знает, где у него враги, а где друзья, если он работал на дюжину разведок? Все у него «свои», и все «чужие».

Пуще всех Динозавр измывался. Убеждал мужика без примет, что он самый обыкновенный человек среднего роста – невыносимо было это слушать.

- Ты, наверное, братан, много среди людей отирался, - уговаривал он его, - вот и утратил свою оригинальную обличность. Ничего, такое случается. Волки стали собаками, горные козлы – баранами, так что, ничего особенного нет в том, что разведчики вырождаются в безликих людей…

Они едва не схватились в рукопашную, но одумались, помирились портвешком. Сошлись на том, что все они должны во что бы то ни стало найти Остров, а сначала найти бы Лизавету, помочь Ксении Павловне. Динозавр припомнил различные случаи в раннем и даже позднем средневековье, когда его принимали за чудовище и посылали ему на съедение первых красавиц; такой рацион питания постепенно стал накладывать свой отпечаток на характер рептилии, он становился все более прихотливым, капризным, от него за версту несло французскими духами.

И Динозавр, и мужик без примет любили поэзию, зачитывались поэтами серебряного века, признались также они друг другу и в том, что и сами складывают строчки, издали по первому сборнику.

- Но почему мы никогда прежде не встречались? – задались они вопросом. Оба были на пожаре Москвы в двенадцатом году, оба бились на Перекопе – один переходил через Сиваш, другой защищался, присутствовали они и при заключении Брестского мира, но друг друга не видели.

И, вдруг, их осенило: они и не могли встретиться – даже взглядом, - потому, что принадлежат к разным измерениям, разным временным пластам. Даже если один из них по отношению к другому живет со смещением времени всего в одну секунду, то эта секунда навсегда, надежнее бетонных стен, разделяет их. Невозможно

представить себе усилия, которые могли бы потребоваться, чтобы переместиться из одного измерения в другое, которых, как в последнее время стало известно, несметное количество. Они внимательнее посмотрели друг на друга: один зеленый, как силос, другой вообще без всяких примет, один трехметровый, другой среднего человеческого роста и сам вылитый человек, один курит папиросы «Прибой», другой только моршанскую махру – так непохожи могут быть только существа из разных миров.

- Тоже мне невидаль! – хохотнул фиолетовый, основательно хлебнув из кружки. – Лично я триста двадцать один раз переходил из одного измерения в другое. Вот на той неделе был в шестьдесят третьем, там подруга у меня живет – официантка из «Березки». У них круглый год зима – ни комаров, ни теплого пива, ни тухлых пирожков из ливера – мне это по душе, но зарплаты у них крошечные, крошечнее, чем у нас; и в этом измерении народишко бедно живет, так и клянчат все в долг, а отдавать не любят. Ох, не любят!..

Динозавр и мужик без примет с недоверием посмотрели на него, за спорами–разговорами они чуток отстали от путешественников, и выпили по полному стакану, чтобы сравняться с друзьями по полемическому запалу.

- Точно – точно! – ухмыльнулся фиолетовый, исследователь измерений. – Годами и столетиями люди ищут ответы на вопросы, режут морских свинок, добавляют в зелья сушеные лягушачьи лапки, слепнут над микроскопами, ломают головы над формулами, но все напрасно… Но тут подворачивается мышка–норушка, - и летит яичко на грязный пол – и всмятку! Так с любой самой важной тайной случается, какой-нибудь неумытый ванька с пьяных шаров нажмет не на ту кнопку, глянь, а это атомный ледокол. Или самолет-невидимка. Или повышение пенсии; вот удивительно, повышают на проценты, а всегда получается на копейки. Вот тоже надо посадить ученых за вычисления, пусть помозгуют – чем проценты отличаются от рублей, и наоборот?

- Так вышло и с этими злополучными измерениями, - продолжил фиолетовый, - как-то случайно открылось, что измерения все сидят друг в дружке, ну, чисто, матрешки. То есть, они совсем рядом с нами, они в нас… А мы в них… Значит попасть туда ничего не стоит. Но надо уметь. Экспериментальным путем выяснили, что требуется

неожиданность, нужно сделать что-то такое, чего от тебя не ждут. Например, наливаешь стакан бухла, ловишь в банке самую шуструю кильку, подносишь ко рту – весь организм начинает ликовать в предвкушении, а ты берешь и выплескиваешь портфейное прямо себе под ноги, в винную лужицу запускаешь кильку, и она со страшным хохотом уплывает на большую глубину, любимую кильками. А ты в ту же секунду можешь оказаться в семнадцатом измерении, если тебя не вырвет от омерзения за эту неожиданность… Согласен, не каждая душа не повредится от такой пакости, для слабых духом есть другие способы. Они могут просто скосить глаза на кончик носа, обязательно внезапность соблюдать, – и тут же перенестись в неведомое измерение.

- Так просто? – недоверчиво спросил мужик без примет.

- А ты разве не знаешь, что все гениальное просто? – спросил фиолетовый. – Конечно, с первого раза может и не получиться, так тут тренировка нужна… Но главное верно – все важное бывает когда-то совсем неважным…

Они хлопнули еще по полкружки, и мужик без примет завалился на полку – тренироваться для перехода в другие измерения. Он скосил глаза к кончику носа и тотчас в купе ввалился мужик в парадном костюме, с огромным судаком: как тут разобрать – ты уже в чужом измерении или все еще кантуешься в своем?

Тут мужик с судаком принялся приставать: не на юг ли поезд едет и как называется потеря памяти? У него с позапрошлого года ее отшибло.

- Мы как раз третий год в пути, - объяснил ему заскорузлый. Динозавр подтвердил, но он его, кажется, не заметил.

- Тамбов проехали? – никак не успокаивался он.

Завязался, как водится у интеллектуалов, интересный разговор. Про то, что наши самолеты самые быстрые, про борьбу вольного стиля, про баб, - какой разговор без них? Много говорили о политике, которая, оказывается, совершенно никуда не годится, вспомнили, конечно, о заповедной стране.

- Проснуться бы как-нибудь, - сказал Динозавр, - а на стене солнечные зайчики, как в детстве, и плиточка гематогена лежит на тумбочке у кровати – мама, уходя на работу, положила… А за окном птички щебечут, ветерок шевелит ситцевую занавеску, радиоточка где-то далеко-далеко рассказывает о сенокосе, - и так спокойно на душе

в той стране; ничего не страшно, и нет там ни зубной боли, ни уличных драк, ни стукачей. Где она, эта страна?

- Ага! – подхватил мужик без примет, бывший разведчик. – Может, страна-то, которую ищем, там где мама, где родные наши?..

Он задумался. Задумались и начали наперебой вздыхать и все остальные.

Мужик без примет скорее всех очнулся, опять скосил глаза – и тут же пропал из купе мужик с судаком, растворился. Наверное, отправился уху варить.

Откуда-то появился вермут, это напиток такой, говорят, его из полыни готовят.

Сдвинули опять кружки, заскорузлый вспомнил случай из жизни, когда на него напало странное существо, ростом невысокое, но крепкое – в, общем, бандюга, каких еще поискать, но на одной ноге. Может, это и не бандит был, но тогда зачем напал? Силища в нем страшная, скрутил он заскорузлого, отобрал две бутылки крепчайшего вермута, который он как раз приобрел в гастрономе. Причем, сволочь, отобранные бутылки тут же без содрогания разбил. Заскорузлому даже показалось, что морда одноногого вандала пылала ненавистью. Наверняка чудище прорвалось к нам из другого измерения или с другой галактики, что подтверждает гипотезу некоторых ученых, что на звездах немало ненавистников как портвейна, так и вермута. Для них эти напитки, что для нас цианистый калий. Так что, если случится вторжение инопланетных сил, будем отбиваться вермутом. «Яблочное», «Белое крепкое», «Карабекаульское» тоже годится.

Мужик без примет опять попытался прорваться в иное измерение, и опять появился тот, с судаком. На этот раз не было на нем шикарного костюма, а какое-то рванье – изодранное трико, огромные стоптанные кеды. И, видать, кто-то по уху ему съездил.

- Соль-Илецк проехали? – принялся за старую бодягу появившийся, и сразу без паузы начал рассказывать о какой-то Марии, о глобусе, который вращает Землю, о золотом колечке, которое проглотила гигантская золотоядная рыба.

Он рассказывал, что весу в этой рыбе никак не меньше ста килограммов, и она легко проглатывает взрослого человека.

- Для чего ей человека глотать, если она золотом питается? – спросил Динозавр.

- На всякий случай, вдруг, у человека в кармане золотой портсигар? – ответил мужик в драном трико и кедах. – У нее ведь рентгена нет…

- А если бы был рентген, она пользоваться им разве смогла бы? – спросил Динозавр.
- Конечно, смогла бы, - сказал мужик в кедах, - при таком весе у нее одного головного мозга двадцать три кило, она очень башковитая…
Пока они так беседовали, то проехали и Тамбов, и Соль-Илецк, и даже Никель, и поезд пошел прямо на восток, а за окном проплывали желтые глиняные равнины, на желтых дорогах которых буксовали грузовики, а в грузовиках под дождем гнулись промокшие и застуженные люди.
«Какое дерьмо вокруг!» - с отчаяньем подумал мужик без примет, и уже привычно скосил глаза на кончик носа, и тут же оказался посреди улицы перед магазинной витриной. Изумленно огляделся – не обманул-таки фиолетовый бродяга! - и увидел девочку на кресле-каталке, рядом с ней ее верного Аристарха, дуплостроителя; давно уж прошептала она свое желание в дупло хозяина леса, да что-то не торопится он его исполнять, а ведь обещал. Верь после этого силам природы.
Лизавета обрадовалась, что мужик без примет присоединился к ним.
Она надежды не теряла, потому, что все больше и больше становилось – так она считала – примет того, что до заповедного острова совсем недалеко. Не больше, чем уже пройдено. Ну, может, на самый чуток больше, совсем на полшажка. Разве не примета, что посыпался подшипник коляски – покатились по траве серебристые шарики. Выходит, что устало даже железо, пора бы уже закончиться и этому пути?
Подшипник Аристарх достал в МТС - машинно-тракторной станции имени Велимира Хлебникова, которая нашлась поблизости среди желтых тоскливых равнин; на этой станции как раз готовились к достойной встрече сороковой годовщины Великого Октября, на полосах красного сатина писали вдохновенные лозунги против империализма и за высокие надои и щедрые урожаи. Как раз в этом году не получилось ни надоев путных, ни урожая доброго – и директора МТС упекли, «запечатали на десятку». Теперь самый главный в МТС – технорук Федот Загорулько – пригласил Лизавету выступить на торжественном собрании, посвященном сороковой годовщине, и она выступила.
- Дорогие Хлебниковцы! – сказала она. – Все мы живем мечтой о счастье, и счастье близко! Уж поверьте мне, а если не верите мне, то спросите у Аристарха. Он каждому может предоставить свое собственное дупло желаний – нужно только захотеть, и все

сбудется. Правда, Аристарх?
- Правда, - не очень уверенно ответил тот. И добавил негромко:
- Здесь только степь кругом на тысячи километров, никаких лесов, никаких дубов, никаких дупел…
- Дорогие Велимировцы! – продолжила Лизавета. – Ничего, что лесов в ваших краях, как говорится, кот наплакал. – Мы сейчас – я и Аристарх – движемся к заповедной счастливой стране, к счастливому Острову, на котором всегда хорошие надои, стопудовые урожаи, а империалистов совсем-совсем мало!.. Я обещаю, как только мы найдем к нему дорогу, то пришлю вам телеграмму с точным описанием этой дороги. Обещаю!.. Приезжайте все, обязательно!..
- Ура! – стоголосо закричало торжественное собрание. – Да здравствует Сталин! Ура товарищу Кагановичу! Ура товарищу Маленкову! Равняться на передовиков производства!..
Загорулько, не разобравшись, подбавил:
- Все на Остров!
Товарищ из органов, сидевший в президиуме, поправил его горячими шепотом:
- На какой-такой остров ты призываешь? На Соловки что ль? Персонально для тебя можно…
Федот проглотил язык. Остальные тоже кое-что поняли, пошли провожать Лизавету за околицу только самые отчаянные. Но на долгие годы, да самого расформирования МТС, поселилась здесь легенда о том, что скоро придет телеграмма с точным описанием дороги к Острову. И все, затаясь, ждали, надеялись. А однажды, уж, кажись, шестидесятые годы шли, выписали из города учителя английского языка – пусть и деревенские научатся по иностранному шпрехать – уже тогда такая мода начиналась: на своем кое-как, пополам с матом, а уж зато на английском чисто и без потерь. И вам, «пожалуйста», и «спик инглиш», и «fuck you»… Так этот учитель додумался, телеграмму прислал на английском – выпендриться, наверное, захотел. Пришла телеграмма на деревенскую почту – и тут же о ней стало известно всем и каждому – даже на пасеке, куда в хорошее-то время не подступишься, пчелы загрызут. Покрутили на почте телеграмму, а кто ее прочтет?
Тогда Загорулько, совсем уже старик – седой, ободранный, произнес вслух то, о чем

все подумали:

- Лизавета добралась до Острова, точно добралась!.. А здесь, в телеграмме, не иначе, как путь указан… В общем, кто куда, а я собираться!.. Говорят, там пенсия шестьдесят тыщ…

И все бросились собираться. Потащили на автобусную станцию комоды, керогазы, сундуки, швейные машинки, картины с лебедями… Хоть Загорулько и говорил, что много манаток брать не след – там такого завались, но каждый по чуть-чуть взял нажитого не за один день: может, там и завались всего, но лишним добро никогда не бывает.

Короче, вся деревня собралась за ночь, даже с пасеки успели. Автобус пришел, а куда комоды, куда шифоньеры ставить? Шофер кричит, оставьте место и для его барахла, сейчас к нему домой завернут на полчасика. Завернули; как принялся он прикручивать к крыше автобуса этажерки, трельяжи, стулья, на которых еще граф Толстой сиживал, притащил и кожаный диван (живут же, люди!), кое-как подняли его на крышу, и тут же ноги у автобуса подломились, отлетели колеса и сами по себе покатились по дороге на райцентр. Какой тут крик поднялся! Что теперь делать? Умный Загорулько предложил построить большую телегу, можно сказать, гигантскую – метров сто длиной, впрячь в нее всех лошадей, какие найдутся – тогда все диваны, все табуретки, все кастрюли и дуршлаги можно будет погрузить туда и прибыть на Остров не как иждивенцы, а как уважаемые хозяева, готовые влиться в счастливое сообщество счастливой державы.

Предложение Федота понравилось, взялись даже за топоры, рубанки и шерхебели, но вовремя вспомнили, что лесов-то вокруг на тысячу верст давным-давно нет, вырублен лес, сгоряча даже раскатали пяток бревенчатых изб, но подсчитали, и оказалось, что всей деревни, если ее разобрать, не хватит, чтобы построить хотя бы полтелеги.

Пригорюнились бывшие эмтээсовцы. А Загорулько за свое.

- Пешком, - говорит, - надо идти. Помню, Лизавета говорила, что, как будто, от наших мест до Острова не особенно далеко.

- Ага! А вещи и другие ценности бросить? – закричали люди. – Всю жизню наживали!

- Нет, надо идти! – закричали другие. – Сколько уж можно среди этих равнин

прозябать?..

- Хорошо там, где нас нет, - сказал Загорулько. – Но идти надо!

Кое-кто, конечно, остался. Затащили назад комоды, перины, патефоны. На патефонах завели грустные пластинки, смахнули непрошенные слезинки, но быстро утешились: к новому году обещали в деревню протянуть трубу, по которой пойдет газ, и щи с грибами будут на газе поспевать в два с половиной раза быстрее, чем на печи – испокон веков мечтали люди об этом, куда уходить-то теперь – от добра добро искать?

А остальные пошли. Даже не стали оглядываться на оставленные жилища, огороды, курятники.

Потом об ушедших много всякого говорили. Что дошли они до райцентра, а там сели на поезд и отправились прямо по назначению, - и на третьи сутки приехали на Остров, прибыли на Казанский вокзал (там тоже Казанский есть, но милиции на нем не так много).

Другие уверяли, что никуда они не уехали, потому, что билетов столько не нашлось, что поезд не рассчитан на целую деревню, что выбрали они в степи новое местечко и построили поселок под названием Остров, но постепенно наладили сообщение с заповедной землей – и на выходные ездят туда по двое – трое в кузовах грузовиков, потому, что в наших краях дороги очень плохие, легковые машины не проходят. А там подышат счастливым воздухом, съедят по паре эскимо, по кружечке жигулевского жахнут – и не так тоскливо возвращаться назад в желтые пространства. А чтоб навсегда переехать в счастливую страну, это пока не получается: то ли документы у бывших велимировцев не соответствуют, то ли с государственным языком отношения не клеятся.

Третьи говорили, что уходцы до сих пор шагают по степи в неизвестном направлении; у многих в пути родились дети, завелись внуки, но бережно они хранят телеграмму на английском языке, хотя все чаще раздаются призывы перевести, наконец, текст этой телеграммы, узнать – в ту ли сторону они путь держат.

Были и такие, одурманенные голосами патефонов и гитарными переборами, которые кричали, что никакого Острова на Земле не существует, никаких заповедных царств-государств не было, нет и не будет, а слухи о них распускают железнодорожные

компании и авиационные фирмы, чтобы народ не опасался паровозов и аэропланов, и с большой охотой приобретал билеты и все время передвигался на большие расстояния – чем дальше, тем лучше. Власть тоже была заинтересована, чтобы не пропадал слух о счастливой стране: помаются, победствуют искальцы-скитальцы, набьют мозолей и вернутся в родные избы с рассказами, что за морями-лесами-океанами никому мы не нужны, там своим народам пропитания еле-еле хватает, а тут еще мы припремся!

…В общем, никто не знает, куда подевались велимировцы, а придумать, соврать - у нас еще какие водятся мастера! На пустом месте за полчаса Москву построят. Уж чего – чего, а сбрехнуть лучше нас никто не может, не зря же говорят про великую русскую литературу.

… Приметы приближающегося конца дороги Лизавета видела и в том, что все чаще ей попадались странники, которые не спешили рассказывать, куда же они бредут, ради чего годами сбивают ноги в кровь, но их выдавали горящие надеждой глаза. Плотность искателей на дорогах становилась значительно выше.

Как-то после того, как к ним с Аристархом прибился мужик без примет, который вывалился из какого-то железнодорожного измерения, они встретили странную женщину, а не странные им, в общем-то, давно не попадались, может, и не осталось их?

Ее звали Тамарой Михайловной, и на ней была юбка, пошитая из бархатного красного занавеса клуба мясокомбината, которым она заведовала много лет, и где каждую свободную бумажку она записывала стихами:

Вразгул и взвень –
уральная волна!
Сварог весенний –
на четыре фронта!
Как белый день,
сквозь сумрак лет видна
Прелестница,
сударыня ротонда…

- Куда, девочка, путь держишь? – спросила Тамара Михайловна. Тут же, не

дожидаясь ответа, сказала:

- И я туда же!.. (Уж не Тамара Корзун это? А ведь точно она, красавица!..)

- Ведь вы же в другую сторону идете, - заметила Лизавета. Мужик без примет ее поддержал:

- Прямо в противоположную сторону движетесь.

- Правда? – удивилась поэтесса. Лизавета почему-то решила, что встреченная – поэтесса – А я всегда думала, что нет никакой разницы – в какую сторону шагать. Главное – двигаться…

Лизавета правильно решила, женщина в юбке из занавеса не могла не быть поэтессой. Красный бархат придавал ее стихам драматизма. И чуточку театральности. И совсем чуть-чуть пафоса:

- Здесь юный век

на брудершафт со старым…

- Замечательно, чудесно! – закричала Лизавета. – Я впервые вижу настоящую поэтессу! Как нам всем повезло!

Она, конечно, не брала в расчет себя, хотя много чего хранили ее тетрадки в коленкоровых обложках, в которые она записывала убористым своим почерком и удачные рифмы, и разные интересные истории, и даже заметки о погоде…

- Хотите, пойдем вместе? – предложила Лизавета Тамаре Михайловне. Та задумалась: значит, кому-то из них придется поворачивать вспять?

- Конечно, - согласилась поэтесса. – Движемся мы в один пункт назначения, поэтому не будет ошибкой сказать, что мы вместе. Даже, если пойдем туда разными дорогами…

- Это значит, что вы не с нами? – огорчилась от всей души Лизавета, она сразу полюбила Тамару Михайловну.

- Мы не станем прощаться, хорошо? – придумала поэтесса. – А просто, молча, разойдемся – каждый в свою сторону, разминемся. Без всякой грусти, ведь мы встретимся, и, может быть, скоро…

- А если найдется путь, который продолжит одновременно и вашу, и мою дороги? – спросила Лизавета.

- Тогда, наверное, он должен пролегать по самому небу? – улыбнулась Тамара

Михайловна.

И тут же сверху раздался зычный голос:

- Небесная карета подана!

Над головами путешественников совершенно бесшумно висел гигантский дирижабль, на серебристом боку которого огромными буквами было написано «ЛИЗАВЕТА», а в командирской кабине была видна голова воздухоплавателя.

- Здрасте! – крикнула девушка. – Какое названье у вашего судна интересное!

- Это не названье, а имя, - мягко поправил ее воздухоплаватель, - а дано оно этому гиганту в вашу честь, Лизавета!..

- Ой! Что вы, что вы! – засмущалась она. – А откуда вы меня знаете? Мы раньше встречались с вами?

- Так это, кажись, Динозавр? – закричал мужик без всяких примет. Он, этот неприметный человек, то внезапно пропадал, то также внезапно появлялся, болтало его, видать, из одного измерения в другое. Он своими неожиданными появлениями порядком надоел всем – и в купе поезда, и здесь на дирижабле. Примелькался. Хорошо, что особых примет у него не было, а то бы вообще тошно от него было.

- Это ты? Пузырек с зеленкой! Откликнись! – продолжил мужик без примет.

- Это я! – ответил Динозавр(а если присмотреться – вылитый кактус, только очень большой). – Лизавета Петровна, прошу вас подняться на борт корабля. Судно готово доставить вас и ваших друзей в любую точку нашей планеты! Командуйте!

На дирижабле была специальная лебедка, которая за пять минут подняла всех на борт. Тронулись плавно, но быстро набрали скорость и огромную высоту.

Динозавр рассказал, что после того, как стало понятно, что из купе поезда, в котором все они чуть не целое столетье ехали по желтой, залитой дождями равнине, можно попасть в любое измерение, хоть в шестьдесят первое, хоть в две тысячи восьмое, - и фиолетовый, и даже заскорузлый заинтересовались этим способом перехода из одного времени в другое.

- Я тоже подумал, а не попробовать ли мне? – сказал Динозавр.

Все в купе принялись косить глаза, наводить их на кончики носов. Только тот, что с судаком, как будто, не торопился в другое измерение, или он был уверен, что уже находится в другом.

Сначала получилось у фиолетового. Он вдруг стал бледнеть, меркнуть, как догорающая свеча, и растворился в желтом мраке. Успел только сказать: «Встретимся на Острове!»

А Динозавр как будто задремал – на одну всего секунду, на одно мгновенье, но погружаясь в сладкую дремоту успел подумать: «Вот оказаться бы в огромном дирижабле!..» – он ни тогда, ни позже не мог объяснить, почему он захотел оказаться именно на дирижабле, и он в нем оказался – стопятидесятиметровом, серебристом, совершенно бесшумном и безвредном для леса и степи, для травы, воды и неба. Динозавр не помнил, хотел ли он, засыпая на миг, чтобы воздушный корабль носил имя Лизаветы, но когда оказался в его кабине, сразу подумал: «Какое правильное имя!»

Он очень быстро разобрался в управлении небесным кораблем. Если вращать штурвал налево, то дирижабль шел влево, если наоборот – вращать штурвал направо, то он поворачивал, естественно, направо. Если штурвал брать на себя, корабль начинал набирать высоту, и наоборот. Была еще ручка, на которой написано «вперед» и «назад», и педаль газа. Если нажимать на эту педаль, то корабль мчался с огромной скоростью, перегоняя птиц и споря с ветром.

Едва Динозавр научился сносно управлять дирижаблем, как нажал педаль до отказа – и серебристый гигант понесся вперед. А куда? Сказано же, вперед.

Заскорузлый долго не мог решиться на переход в другое измерение, нервничал, сливал из бутылок остатки «Белого крепкого». Заскорузлый маялся, все порывался рассказать, что он сильно провинился перед одним моряком; заскорузлого интересовало, не вызовет ли при встрече тот моряк его на дуэль, потому, что заскорузлый страдает с детства куриной слепотой, да и вообще он стрелять совершенно не умеет.

- Может, он просто морду набьет – и этим ограничится? – откликнулся мужик с судаком.

- Неужели он пойдет на такую низость? – опечалился заскорузлый.

- Это в зависимости от того, какую подляну ты ему подложил? – без всякой охоты поддерживал этот разговор владелец судака.

Заскорузлый помялся, поелозил, и признался:

- Доносы я на него писал… Под давлением… Когда была прямая угроза моей жизни и здоровью… Учтите это!

Мужик с судаком рассмеялся:

- Ну, доносы у нас за подляну не считаются. За них - не сегодня – завтра награждать станут. Не орденами, конечно, но медальками так это точно. Еще гордиться заставят сексотами, фискалами, перлюстраторами…

- Это точно! – оживился заскорузлый. – Бывают ситуации, когда не донести нельзя…

- Но, - перебил его мужик с судаком, - в морду завезти доносчику – дело первостатейное.

Заскорузлый приуныл, но сфокусировал глаза на кончик носа, и оказался на берегу реки, на каком-то деревянном дебаркадере с деревянными же колоннами, как будто это не плавучая пристань, а плавучий провинциальный краеведческий музей или провинциальный деревянный театр; зато теперь этот театр ни за что на свете не сгорит, хватит уже, горели!

Заскорузлый осмотрелся и присвистнул: на втором этаже дебаркадера устанавливали огромное орудие, похоже, снятое с «Авроры». Артиллеристы подтаскивали к орудию ящики со снарядами, стягивали чехол со ствола, прицельная команда возилась с посверкивающей на солнце оптикой. Командир артиллеристов в сверкающей золотом фуражке смотрел в речную даль в огромный черный бинокль, и время от времени вразумлял подчиненных строгими командами:

- Кремальеру на ноль!.. Произвести юстировку!..

Чуть поодаль от артиллеристов стоял еще один офицер - с железным рупором - и успокаивал собравшихся у пристани:

- Граждане, встречающие и убывающие, прослушайте объявление. Теплоход «Садко» опаздывает с прибытием на полтора часа. Газоход «Юрий Фоменко» прибудет через три часа. Буфет откроется через пятнадцать минут. Граждане, большая просьба не мешать артиллеристскому расчету выполнять свой воинский долг! Проход на второй этаж дебаркадера ограничен из-за возможного открытия огня. Мужской туалет временно не работает…

- Вот так всегда! – возмутился заскорузлый. – Чуть война или недород, так первыми принимают страдания мужчины. Так еще принято погибать во имя прекрасных дам!..

Хотя бы раз наоборот – женщины пошли в бой. Так, нет, еще и сортир закрывают! И заставляют на верхнюю полку в купе лезть, а у меня, вполне возможно, хроническое головокружение…

Неизвестно к кому он обращался, но его услышала старушка в черной юбке, черной кофте, черной шляпке, которая стояла около билетной кассы, через стеклянное окошечко которой виднелась табличка: «Технический перерыв на 15 минут каждые 15 минут». Ксению Павловну, а это, конечно, была она, сопровождал молоденький спутник, совсем еще мальчишка, миловидный, предупредительный, вежливый, так и сыпал цитатами из классиков и современников. Особенно налегал на Виктора Иванова, которого любила Ксения Павловна. Вот и тогда он вспоминал:

- Помните, как в «Бурамётках», кажется, Иванов точно подметил структуру времени: «Часовой циферблат: там, куда стрелка не дошла – будущее… Через секунду будущее станет прошлым…»

- Алешенька, подзови вот того человека, пожалуйста, у которого лицо похоже на пятку, - попросила его черная бабушка, и тот с готовностью бросился выполнять просьбу. Пожалуй, с чрезмерной готовностью. Заскорузлый, увидев его, подумал: наверное, привели его в юнги определять, чтоб жизни хлебнул. Но когда тот подошел к нему, он изменил свое мнение: мрачная бездна смотрела зрачками этого Алешеньки.

Бабушка спросила у заскорузлого:

- Помните, я подходила к вам во дворе дома с колоннами?.. Не так давно это было, и пяти лет не прошло.

- Конечно, помню, - не стал тот врать, - вы еще тогда про Остров рассказали, да так, что мы все поверили… Внучка ваша не нашлась?..

- Я и сама себе поверила, отправилась на поиски – на старости лет понесло меня, - ответила грустно Ксения Павловна. И добавила:

- Нет, Лизавета не нашлась, но чувствую – она рядом где-то. Где я встречусь с ней, там и счастливая страна для меня будет…Вот, может удастся сесть на пароход, идущий на север… Алешенька любезно согласился сопровождать меня, помогать…

- Почему именно на север? – спросил заскорузлый.

- Не знаю, - честно ответила старушка, - ну, не на юг же ехать, на юг все едут…

Лизавета - не как все…

Ударил выстрел - зазвенела гильза по настилу палубы. Не все удержали шляпы на головах, у кого шляпы были. Заскорузлый от неожиданности вздрогнул всем телом, и тут же оказался опять в вагонном купе рядом с обладателем тяжелого, свинцового судака.

- Ну, как там? – спросили его.

- Канонада, - ответил заскорузлый. – Стреляют из пушки…

И он рассказал попутчикам обо всем, что видел. Потом помолчал минут пять и сказал:

- Сдается мне, что там, где я только что побывал, то же самое измерение, что и у нас здесь.

- А из пушки-то стреляют в кого? – спросил мужик с судаком. – Вот мне тоже доводилось бывать в таком месте, где из танков палили, но клев был хороший.

И он показал рукой на своего судака, который лежал на верхней полке купе, как отсыпающийся солдат.

- А вот этого я не знаю, - ответил заскорузлый.

- А это может быть важным, - сказал кто-то, может быть, судак. – В большинстве случаев из пушек не стреляют бесцельно, и всегда не мешает понять – не в тебя ли палят они?

- И то правда! – поразился заскорузлый простой этой мысли и удивился: почему же она не пришла ему в голову? Он легонько постучал себя по голове, и немедленно переместился на дебаркадер.

Опять ухнула пушка. И еще раз, и еще, и еще… Снаряды разрывались километрах в двух, поднимая столбы воды. Заскорузлый пригляделся: огонь велся по шхуне которая бойко шла, несмотря на стрельбу и разрывы, расцветавшие то у одного борта, то у другого.

- У вас зрение молодое, посмотрите, как корабль называется, по которому стреляют, – попросила Ксения Павловна.

Алеша напряг зрение и прочитал на борту шхуны:

- «Дарья»…

- Нет, ни за что не попадут! – сказала она.

- Откуда вы знаете? – спросил заскорузлый.
- А вот примета такая есть, - ответила она. – Если пароход имеет женское имя, то в него труднее попасть… И потом, я когда-то видела этот корабль… Но где, когда?
Грянул еще один выстрел.
- Не попали? – спросила черная бабушка, сама же ответила:
- Нет, куда им!
«Дарья» подходила все ближе, уже виден стал шкипер, отважно стоявший в полный рост в своей рубке.
- Где же, где же я могла видеть этот героический крейсер? – вопрошала себя бабушка. Слово «крейсер» в ее устах звучало как «крэссер».
Пушка ударила еще раз, и опять мимо. И тут Ксения Павловна вспомнила об их с Лизаветой странном даре – наблюдать непонятные видения, если глаза увлажнены слезами, и как часто она, как и Лизавета, могла рассмотреть далекие реки, леса, озера, море…
- А по морю как раз шла эта самая шхуна, точно! – воскликнула бабушка. – Значит это, не видения были, а мы на самом деле видели этот корабль, я еще помню, что у капитана была на руке такая татуировка – с цифрами, буквами. Так это в наш крэссер палят…
Совершенно неожиданно для самой себя она перевела «крэссер» из разряда «непонятный» в категорию «наш». Конечно, она не ошиблась, но что ее подтолкнуло к этому – она объяснить пока не могла. Да и потом тоже.
Ну, а признав шхуну «нашей» она не могла остаться в стороне от военных действий.
- Алеша, ты должен будешь выполнить важное задание! – решила она. – Настоящую диверсию!
- Готов ради истины и справедливости даже атомную бомбу взорвать! – откликнулся он с улыбкой. Но было понятно, что он не шутил.
- Взрывать ничего не надо, - строго сказала она, - хотя, может быть, придется – в крайнем случае – прибегнуть и к этому средству…
Глаза Алеши сверкнули морозной сталью.
- А пока нужно просто перерубить канаты, которыми дебаркадер пришвартован к берегу. Я видела – их, кажется, всего три…

Заскорузлый подивился решительности черной бабушки, ее наблюдательности и умению организовать диверсию. «Нужно будет потом спросить ее, не служила ли она в «Альфе», - подумал он.

Тем временем Алеша крадучись, где бочком, а где ползком, пробрался в какую-то подсобку. Здесь, как будто специально для него, хранился противопожарный инвентарь. Конечно, ведра отсюда давно уже сперли, огнетушители испустили дух еще до миллениума, но два багра и огромный топор с красным топорищем, да ящик с песком, были здесь.

Алеша взял топор, на всякий случай прихватил багор, и двинулся вдоль борта дебаркадера. Но почему-то он шел вовсе не к канатам, которые попросила перерубить решительная старушка, а в противоположную сторону.

Время от времени плавучая пристань содрогалась от пушечных выстрелов. Алеша каждый раз произносил презрительно:

- Мазилы! Вот если бы я наводил!

Он добрался до лестницы, ведущей в трюм. Здесь висела угрожающая табличка: «Посторонним вход запрещен! Штраф – 173 рубля!»

- Если что, я заплачу штраф, - сказал он негромко и усмехнулся. Его усмешка прозвучала скрипом старой рассыхающейся двери.

Он быстро спустился в трюм. Там было много ржавчины, мало света. И еще было много сырости. Он нашел место, где на днище было больше всего ржавчины, и, размахнувшись, ударил багром. Тотчас ударил фонтан мутноватой, желтой воды. Алеша ударил еще раз, и еще раз. Вода с журчанием начала заполнять трюм.

- Теперь и бабушкину просьбу выполним, - сказал Алеша. Больше не таясь, он выбрался из трюма. Никто не обратил на него внимания. Все невольно стали участниками артиллерийского шоу, все-таки интересно было – попадут ли, наконец, пушкари в настырную шхуну?

Алеша нашел канаты и быстро разрубил их. Дебаркадер вздрогнул – все отнесли это на счет очередного выстрела – и медленно, совсем незаметно для глаз, стал отползать от берега. Алеша бросился в радиорубку. Здесь ему опять повезло: в рубке было пусто. Он взял микрофон и произнес неожиданно металлическим женским голосом, схожим со всеми вокзальными голосами:

- К сведению отъезжающих! В кассе номер семь на втором этаже начинается продажа билетов на теплоход «Петр Третий», следующий по маршруту Актюбинск – Кокчетав – Игарка с остановками по требованию.

Люди удивленно задирали головы к динамикам, что такое творится с пассажирскими перевозками? Никогда еще отсюда теплоход не отправлялся на Актюбинск, да и рек судоходных там нет – только дремучие леса. Да и лесов там нет, а желтые бесприютные степи.

Ошибся Алеша: публика вместо того, чтобы хлынуть к кассе, попятилась к выходу – на берег, почему-то все убыстряя шаг. А тут в довершение всего кто-то заметил, что дабаркадер медленно, но верно отходит от берега.

- Полундра! – закричал один из артиллеристов, и публика наблюдавшая обстрел «Дарьи», бросилась к сходням. В одну минуту плавучая пристань опустела, не удалось Алеше затопить ее вместе с пассажирами. А для чего ему было нужно такое злодейство? – об этом он вслух не говорил.

- Пора и нам эвакуироваться, - сказал заскорузлый. – Иначе унесет нас неведомо куда…

- Не унесет, - сказал Алеша, - через пять минут дебаркадер утонет, смотрите, как он накренился на левый борт. И мы, если не поторопимся, рискуем утонуть вместе с ним. Вон, даже артиллеристы кинулись спасаться…Пора, пора, Ксения Павловна!..

- Лично я плавать не умею, - сказала черная старушка.

- Так и не нужно плавать, можно пока по сходням сойти, - сказал Алеша с нескрываемой тревогой.

- Может быть, нас крэссер подберет? – спросила Ксения Павловна, втайне почему-то хотевшая этого. – Все-таки это нам принадлежит заслуга выведения «Дарьи» из-под сокрушительного огня.

- Не такого уж сокрушительного, - сказал заскорузлый. – Сто выстрелов – и все мимо.

Тем временем рухнули в воду сходни – это дебаркадер окончательно расстался с берегом, и сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее двинулся вдоль берега, сбил и потащил за собой пару бударок, стоявших у берега, и, наконец, вышел на стремнину, покачиваясь, как последний дредноут.

- Боюсь, что так и не научусь плавать, - сказала Ксения Павловна.

Дредноут все больше кренился на борт.
- Может, нам перебраться в бударку? Казачьи лодки очень плавучие и надежные, – предложил заскорузлый, которому совершенно не хотелось идти на дно. Он почти без остановки наводил зрачки на кончик носа, но перейти в безопасное измерение, ну, хотя бы в то же вагонное купе, у него не получалось.
- Почему бы не перебраться, - согласилась черная бабушка, и они спустились к корме, где прицепились бударки. В одной из них были даже уключины. Заскорузлый и Алеша помогли Ксении Павловне перебраться в узкую плоскодонную лодку, и через минуту они отчалили от борта дебаркадера.
- Могу поспорить, что этот понтон не продержится на плаву и десяти минут, - сказал Алеша с непонятным торжеством в голосе.
- Ты как будто радуешься, - заметил заскорузлый, которому, почему-то, было жалко гибнущий дебаркадер.
- Хороший он был, - пожалела плавучую пристань Ксения Павловна. – Безобидный… А вот затащили на него орудие, тогда ему и конец пришел. Мирное должно быть мирным.
Между тем на «крэссере» заметили лодку, отвалившую от дебаркадера, и шхуна сбавила ход, готовясь принять на борт нежданных пассажиров.
«Дарья» вблизи не казалась такой благополучной: на корпусе ее было полно вмятин от осколков, на палубе – огромная авиационная бомба, а кроме того видимо-невидимо рваного металла, с мачты свисали перекрученные канаты, обрывки проводов.
Шхуна подошла к бударе правым бортом, и путешественники поднялись на потрепанный в бою корабль.
- Приветствую вас на борту «Дарьи», располагайтесь, в каютах места хватит всем! – сказал капитан судна по радио. – Конечно, это не пассажирское судно, стюардов у нас нет, но запасов воды, провианта достаточно…
Судно набрало полный ход. Узлов, наверное, двадцать пять, а, может быть, и больше. Ходкий кораблик оказался.
Обреченный дебаркадер все больше кренился на левый борт, вот-вот, и отправится на дно. Люди на берегу затаили дыхание, наблюдая за трагедией плавучей пристани.

Одинокий милиционер уговаривал всех собравшихся разойтись, потому, что дебаркадеру не дадут утонуть умные люди. Скоро подойдет буксир, и дебаркадер отправится на старицу «Теплую», там его поставят на вечный прикол, и он послужит рестораном, буфетом, домом для развлечений; пароходы к нему больше не будут причаливать, но главное – он останется цел, и даже выкрашен голубой краской.

…Заскорузлый устало закрыл глаза и опять оказался в купе поезда; мужик с судаком перебирал карты.

- Валет бьет шестерку, - сказал он. – А вообще, надоело все. Какой уж год едем, а до сих пор даже ни одной станции не было…

- Одна, кажись, была…

- Это полустанок был, стояли там целый день…Кто-то ядром разбил рельсы, ждали, пока починят…

- А я опять под канонаду попал, - сказал заскорузлый. – Но зато людей там хороших встретил.

- Счастливчик! – позавидовал ему кто-то, кажется судак. - А мне никак не удается перенестись куда-нибудь к солнышку поближе – погреть застарелый радикулит, заработанный в подземных лабиринтах…

- Может, ты внезапности недодаешь этому процессу? – подал голос тот, который с судаком. – Фиолетовый говорил вроде, что как раз нужна неожиданность; ты возьми да обернись резко, посмотри, что у тебя за плечом, да только тогда, когда этого от тебя никто не ожидает – может, и перейдешь в семьсот первое измерение. Только зачем оно тебе, там, сдается, тоже бесконечные дожди?

…А в кают-компании огромного дирижабля собрались все, оказавшиеся на его борту. Тамара Михайловна любовалась красотами проплывающими внизу, рядом с ней стояла Лизавета.

- Добро пожаловать! – еще раз поприветствовал новых пассажиров Динозавр. – Пожалуй, с вашего разрешения я встану за штурвал этого судна. Пора в путь.

… Оставшиеся в железнодорожном купе переглянулись: не вагон, а проходной двор! Не пора ли уже прибиваться хоть к какому-нибудь измерению?

- Пора! – согласился заскорузлый, и оказался в каюте «крэссера».

А мужик с судаком остался в купе, он не верил в эти шутовские переходы, а сойти на

первой станции не мог: давно забыл, куда едет.

Глава двадцать вторая: Ку-Эн-Зим

Эне-бене, рики-таки,
буль-буль-буль,
караки-шмаки
эус-деус-краснодеус
бац!

Ледяной холод бездонного одиночества, всепожирающий черный огонь невыносимой тоски, бесконечное, как вселенная, существование, ненависть ко всему сущему, память, хранящая все зло мира – от вселенского до самого малого: как однажды в детстве убил из рогатки воробышка, и горько плакал над ним, как струсил в юношеской драке и позорно бежал, а товарищи так на тебя рассчитывали, - если суметь все это перемешать, да еще добавить пригоршню предательства, кошель злорадства, корзину подлости, - вот тогда, может быть, и получится портрет Ку-Эн-Зима.

Как он завидовал мальчишкам в детстве, что не может, как они, встать на лыжи,

прикрутить сыромятными ремешками к подшитым валенкам «снегурки», летом вместе со всеми купаться до посинения в Деркуле. Его никто не должен видеть, он всегда обязан быть у человека за спиной.

Он размышлял о судьбах людей, своей собственной судьбе, если можно назвать размышлениями короткие злые мысли, полные судорожного страха, черной ненависти. Получалось, что они слабые, ничтожные существа, которым уготована гибель, но он завидовал им – ненавидел и завидовал. Он готовил их уничтожение, гордился, что именно ему доверено стать запалом этого глупого, пустого мира, ему завидовали многие в Непонятых мирах, но не радость разливалась по телу – черная тяжесть. Он, легко перевоплощающийся в любое существо на Земле, чаще всего становился мальчишкой-сорванцом; он ощущал тогда устремления этого молодого тела, рвущегося к девушкам, забавам, соревнованиям, и усилием железной воли подавлял их – он хотел думать, что побеждал его, но в глубине сознания пульсировала уверенность: он только сдерживает его, и стоит ему ослабить хватку, как взыграет в нем человечья неукротимая порода, и примется тело пить вино, целовать красавиц, сочинять стихи, читать до рассвета, лежа на раскладушке, романы Иванова.

Он старался самые свои каверзные каверзы проделывать, находясь в образе благообразного юноши, но юноша этот никак не хотел привыкать к убийствам, поджогам, взрывам, крушениям – человеческое – слабое, милосердное, неумное - брало в нем верх.

Волны отчаянья иногда захлестывали его: неужели эта хилая, без единого стержня, без объединяющей идеи, без упорядочивающей гармонии, без настоящей воинской мощи, земная жизнь возьмет верх во Вселенной? И на планетах Непонятых миров появятся пивные-рыгаловки, кучи мусора на улицах, проститутки?..

Его коробило от этих мыслей, он содрогался от мерзости. И вместе с тем чувствовал, что все это уже было в нем - составляющей частью его самого. Иногда он думал, что превращается человека. Так же, как люди, он ощущал всеми своими рецепторами ужас бытия. Ужас одиночества. Ужас ночи. Он научился ночами бродить по жутким пустынным улицам, на которых даже в июле пробивал ледяной озноб. Он ходил, не замеченный никем, и одинокие электрические окна, как последние острова жизни,

пылали в черной пустоте над его головой.
Утром было всего страшнее. Город просыпался, но не оживал. Пешеходы брели сквозь друг друга, пряча под шляпами страшные рассветные глаза, утонувшие в одиночестве.
Утром никто никому не нужен. Днем тоже. Вечером тоже.
Ночью приглушенно гремят запоры, замки, холодные стальные засовы. Ночью никто никому не нужен.
Он был глыбой льда; он становился ледяной горой. Ненависть к этому миру он усугублял неизвестно как пробравшейся в него любовью. С отчаяньем он замечал, что привык даже к полиции, даже к бездомным, даже к дворникам…
Галактический бросок, который был осуществлен, скорее всего, с вершины Свистун-горы, разорвал ткань времени в нескольких местах - в доме с колоннами, над улицей Буянной, над Ханской рощей, и это помогло Ку-Эн-Зиму сразу найти одну из человечьих цепочек, которая своими действиями могла угрожать общему делу Непонятых миров. Сколько земных лет прошло с той поры? Почти двести? Больше тысячи? Две недели?
Он успешно внедрился в среду, организовал несколько катастроф, поднял тридцать три цунами, разжег две революции, особенно гордился той, что произошла 25 Октября по старому стилю, сумел погубить несметное число землян, и, казалось, двигался в нужном направлении, но из Центра пришла категорическая директива: не трогать никого из этой цепочки, следить за каждым, но воздерживаться от физического уничтожения, как бы это не было тяжело. В Центре считали, что именно среди существ этой цепочки, находится тот, кто своими усилиями может довести этот мир до погибели, без участия извне. Возможно, каждый из них на это способен.
Он возлагал большие надежды на фиолетового, все-таки некогда тот был киллером, любил возиться с винтовкой Мосина, содержал оружие в идеальной чистоте. Что стоило такому прихлопнуть какого-нибудь эрцгерцога, а там бы уж само все заполыхало? Но фиолетовый явно сторонился работы по основной специальности. Ку-Эн-Зим отправлял ему по электронной почте заманчивые предложения за приличное вознаграждение. Например, сулил двенадцать составов золота и в придачу один состав платины за то, чтобы фиолетовый пробрался на атомную

американскую базу, и, улучив удобный момент, открыл огонь из своей винтовки по ядерным боеголовкам. Если даже боеголовки не взорвутся – не беда. Газеты и телевидение так постараются представить этот случай, что мировая война станет неизбежной.

Но фиолетовый даже не ответил на предложение. Ку-Эн-Зим не знал, что тот не подозревает о существовании электронной почты и вообще думает, что компьютеры специально изобретены для распространения порнографии. Темнота!

Но главная проблема была в том, что перед уничтожением на планете должен быть наведен идеальный порядок. Послушание, однообразие, всеобщее счастье, полная санитария, строгое соблюдение распорядка дня, - вот прелюдия перехода во всеобщее Ничто.

Некоторое время Ку-Эн-Зим думал, что может рассчитывать на Динозавра. Хорош был бы эффект от выступления Динозавра в прямом эфире по телевидению – его представили бы как посланца внеземной цивилизации, которая готовится к вторжению на землю. В поднявшемся тогда хаосе легко было бы восторжествовать идее о сильной руке, о незыблемом порядке. Но Динозавр даже не понял смысла предложений, который делались ему через подставных лиц, таких как безукоризненный секретный агент Грищак.

Ку-Эн-Зим присматривался к Лизавете, может быть именно ее поиски заповедной страны дадут толчок к новому переселению народов, а, значит, невообразимому хаосу. Представьте себе, что вся Америка начнет перекочевывать в Европу. Или Африка перебирается на ПМЖ в Сибирь!

И вроде люди потянулись в дорогу, но на поверку вышло, что снялись с места только жители поселка бывшей МТС имени Велимира Хлебникова, а многие остались в своих домах мечтать об Острове, хлюпать носами от жалости к самим себе, копить денежки для поездки – на целую неделю! – к теплому Болгарскому морю.

Неужели эти двуногие все-таки победят?..

Глава двадцать третья: циклоп

Завтра с неба прилетит
Синий-синий-синий кит,
Если веришь, стой и жди,
А не веришь - выходи!

Ни зги не видно было на острове. Заскорузлый прислушался: шторм над островом почти стих, но в кронах невидимых деревьев еще ворочался ветер. Да еще было слышно, как в своей пещере страшно храпит циклоп.
Заскорузлый вдруг подумал: «А ведь у циклопа должно быть имя. Гомеровского-то как звали? Полифемом? А этого, небось, каким-нибудь Данко или Ефимычем? Но дело не в имени. Назовись даже Старухой Изергиль, но соблюдай, хотя бы в основном, конвенции по гуманному отношению к пленным, тем более сдавшимся в плен добровольно.
За спиной заскорузлого кто-то хрипло хохотнул. Тот вздрогнул всем телом и бросился бежать, продираясь сквозь кусты, спотыкаясь о кочки и пеньки, рискуя разбить себе голову о едва различимые стволы деревьев. Ему показалось, что он бежал так всю ночь, что вот-вот и начнется рассвет, но на самом деле стало еще темнее. Сердце готово было выпрыгнуть из грудной клетки Он остановился перевести дух.
Из леса вышел юнга Алеша, хохотнул:
- Быстро вы бегаете.
- Чего тебе надо? – чуть-чуть успокоился заскорузлый.
- Сдаваться идешь? – вопросом на вопрос ответил юнга.
- Да, как ты мог подумать такое! – закричал заскорузлый.
- Не надо кричать! – усмехнулся Алеша. – Я тоже хочу сдаться. С той стороны сила пулемета. Огромная физическая сила Циклопа, его бесстрашие и решимость. И что немаловажно – юридическая правота. Если он владелец острова, то мы, выходит, незваные гости?
Заскорузлый подумал, что рассуждения юнги зрелы, тянут не меньше, чем на боцманские.
- Ну, а если…
- А если циклоп не так силен и злобен, то посмотрим по обстоятельствам, может,

приведем его этой шайке со скрученными за спиной руками.
- Ослепим его! – прошептал заскорузлый.
- Этого, думаю, не потребуется, - охладил его пыл Алеша.
- Тогда в путь!
- Пора, пора, скоро рассвет.
И два перебежчика отправились в стан циклопа, шли прямо на храп.
Внезапно они уперлись в отвесную скалу, вершину которой невозможно было рассмотреть в кромешной темноте.
- Штурмовать будем? – спросил заскорузлый. – Так у нас снаряжения нет.
- Ага, штурмовать! – передразнил его Алеша. – Где-то эта скала кончается, значит, ее можно обойти.
«Браво!» - внутри себя поаплодировал ему заскорузлый. Ему нравились ребята, принимающие простые решения.
Они двинулись вправо, не теряя отвесную стену из вида. Алеша провел по ней рукой, сказал:
- Как железная, холодная и гладкая.
Действительно, довольно скоро скала кончилась и перебежчики приблизились к берлоге циклопа.
- Мне кажется, что он храпит значительно слабее, - сказал заскорузлый. – Совсем тихо…
И тут же он наступил на сухую ветку, треск которой прогремел взрывом. Храп прекратился, и кто-то совсем негромко, по-человечьи, спросил:
- Кто тут? Кто?
Он помолчал с полминуты, повторил, и тоже совсем негромко:
- Кто?..
И, видимо, обращаясь к самому себе, пробормотал:
- Где у этого рупора громкость регулируется?.. Или батарейки уже сели? Ничего у нас сделать не могут на совесть! Фонарик, так тот еще вчера приказал долго жить… Ну, кто тут, откликайтесь, не то из пулемета по кустам шарахну!.. Тем более, что уже светает и вас можно разглядеть…
- Не стреляйте, это мы, - сказал заскорузлый и вышел на открытое пространство. –

Мы сдаваться пришли…

Вслед за ним показался и юнга.

- Чего пришли? – переспросил невидимый в темноте пещеры циклоп.

- Типа на вашу сторону переходим…

Циклоп хмыкнул, спросил недоверчиво:

- А на кой ляд вы мне нужны?

- Можем пригодиться в вашей справедливой борьбе с захватчиками вашего законного острова, - сказал заскорузлый. – Мы знаем место расположения их палаток, численный состав живой силы, вооружение…

- Мы знаем также, - перебил его юнга, - сколько у них провианта… И что немаловажно – нам известны их стратегические планы, я сказал бы даже захватнические, особенно это касается эксклюзивного пива «Бобруйское светлое»…

- Хорошо, хорошо! – согласился циклоп. – Но имейте в виду, я вооружен, если что, рука у меня не дрогнет. Буду держать вас на мушке…

- Ладно, - устали от предупреждений перебежчики. Светало, их могли увидеть из лагеря путешественников, а это, скорее всего, в их планы пока не входило.

- Забирайтесь в пещеру! – дал команду циклоп.

Заскорузлый и юнга с опаской переступили порог обиталища великана. Обиталище оказалось совсем не циклопическим, но довольно просторным для обычного человека. Но здесь живет циклоп!

Под невысоким сводом пещеры тускло светила керосиновая лампа, в ее колеблющемся свете перебежчики рассмотрели немного. В центре стоял деревянный ящик, на нем – портативная пишущая машинка. Вокруг валялись смятые бумажные листы вперемешку с окурками. Под ноги то и дело попадались пустые пивные банки, все то же «Бобруйское светлое». Самое большое скопление банок у раскладушки, сама раскладушка была пуста. На одной из стен нацарапана считалка:

Кони-кони, кони-кони

Мы сидели на балконе

Чай пили, воду пили,

По-турецки говорили:

Чяби, чяряби

Чяряби, чяби-чяби.

И рядом цифры, уже знакомый шифр:

2 – 6; 2- 12; 2 – 3; 2-1; 2 – 2; 2 – 3; 1 – 3; 2 – 7; 2 – 3; 1 – 2; 2 – 6; 1 – 4; 1 – 3; 1 – 2; 1 – 1; 1 – 4…

- Я давно расшифровал это сообщение, - произнес за их спинами спокойный голос.

Они резко обернулись. Перед ними стоял человек среднего роста, в потертых джинсах, старомодных очках, затертой телогрейке.

- Да, да, - сказал он. – А также в одной из считалок зашифрованы координаты Острова, той самой заповедной страны, поиски которой и собрали сегодня нас всех…

- Так вы – циклоп? – не удержался, спросил заскорузлый.

Человек улыбнулся, развел руками, дескать, делайте со мной, что хотите, но вот такой я, шутник – захотел побыть великаном и побыл им.

- Я вас знаю, - сказал Алеша. – Вы писатель Иванов. Я читал ваш рассказ про полустанок, на котором бухарскими дынями торговала…ну эта, как ее? – Мария… Так, ничего, бойко написано, но до Борисова-Мусатова вам далеко…

- Это художник? – спросил Иванов. – У него еще отчество такое затейливое, да? Эпильдифорович, кажется? А при чем тут он?..

- Он рисует лучше, чем вы пишете, извините, - Алеша резал правду-матку в глаза писателя.

- Согласен, согласен…, - без боя сдался Иванов и принялся оправдываться за свое циклопство:

- Я не хотел никого обманывать или пугать. У меня пулемет-то игрушечный, а грохочет он так через микрофон…Я всю жизнь мечтал пожить хотя бы год на необитаемом острове, копил деньги, выбивал визы… В городе невозможно сосредоточиться. Стоит только сесть за пишущую машинку (я принципиально не приемлю компьютеры), как тут же сосед сверху включает отбойный молоток, еще не успевает затихнуть этот гром, как за стеной начинается детский плач. Я никогда не видел у соседей детей, я подозреваю, что они специально к этому времени приглашают гостей – и знакомых, и не знакомых – всех подряд – с единственным условием, чтобы с ними были крикливые дети. Если дети попадаются не ревы, не плаксы, то их специально дразнят или даже больно щиплют, чтобы они орали во всю

глотку. И они орут. Потом их за это награждают шоколадом. Но как я ненавижу скрипачей, виолончелистов и пианистов! Они никогда не спят, им поэтому наплевать на сон других; я уверен, что они никогда не выступают в концертных залах, они выкладываются, как бойцы на марш-броске у себя дома. Зачем им тащить свою виолончель через весь город, тратиться на такси, да в такси она не поместится, ей нужен грузовик, если можно изводить собственный дом, мстить – кому за то, что не отдали вовремя пятерку, взятую в долг, кому за то, что стучал в стену в четыре утра, просил уняться, дать покоя больной девочке, кому за то, что живут на дачах, где еще сохранились воробьи, и кроме их чириканья, да гитарного дребезжания, их не беспокоит никто. Даже набегающие время от времени грабители огородов, даже пьяный тракторист, заехавший на морковные грядки, даже Одинокий милиционер, забредающий по случаю для проверки документов, кажутся милыми и полезными людьми по сравнению с мизантропами со скрипками и флейтами наперевес.

Мне кажется, что город распространил в музыкальных училищах, консерваториях, в музыкальных театрах – повсюду, где есть музыканты и хоть какие-нибудь инструменты – специальный тайный циркуляр по уничтожению писателей. Не надо никаких репрессий, расстрелов неугодных и просто подозрительных литераторов (а они все подозрительные – проверено), просто нужно поселить по соседству с неугодным поэтом (а много ли их, угодных?) или сочинителем злобных рассказов (и чего они не пишут хоть что-нибудь миленькое?) учителя музыки или того же виолончелиста, - и литератор обречен, он уже ничего не напишет, только в отчаянье будет затыкать пучками ваты зарастающие мхом уши.

Подобные циркуляры, я уверен в этом, были разосланы всяким жилищным кооперативам и конторам, гильдиям сантехников, сообществам дворников, союзам электриков, они должны следить за писателями и как только те брались за перо, или только собирались это сделать, тут же, если был вечер, выключалось электричество, а если утро, то начинался потоп - помои и дерьмо лезут к писателю изо всех квартир; днем обязательно начинали работать какие-нибудь кровельщики, распиловщики, подрывники – тысячи мастеров своих дел, вооруженных до зубов ломами, пилами, топорами, сверлами и буравами. Великая русская литература выросла на борьбе с сантехниками.

А как у меня замирает душа, когда я слышу звонок у входной двери! Это пришли продавцы промышленных пылесосов. Или активисты общества борьбы с пасленом, или защиты паслена, проводящие опросы общественного мнения в защиту или наоборот за полное уничтожение этого растения. Или сосед-бухгалтер, на старости лет, взявшийся за сочинение стихов…

Я хотел поначалу построить у себя в квартире бронированную капсулу, в которой предаваться своей пагубной страсти – писательству, но быстро понял, что капсула может быть защитит от атомных ударов, но не от виолончелистов. Тогда я стал экономить даже на овсяной каше, запасать консервы, копчености, чай, злаки, бумагу, копировальную ленту для пишущей машинки – лелеять мечту хоть когда-нибудь побыть одному, в тишине – год, два, месяц, неделю… Может, во мне визг пилы убил нового Гомера, грохот отбойных молотков уничтожил еще одного Толстого?..

И вот мне подвернулся подходящий островок, причем, меня уверяли, что он полностью необитаемый, более того, его невозможно обнаружить ни локаторами, ни шпионскими спутниками. Наполовину я купил его, наполовину выиграл в карты – повезло раз в жизни. Я настоял, чтобы меня и мой груз выбросили с самолета на парашютах, так высадка пройдет еще незаметнее. Душа моя ликовала! Первым делом я распаковал пишущую машинку, и тут же начал новый роман, я просто ощущал его на кончиках пальцев, он лился легко и свободно.

Но не успел я написать пару страниц, как нагрянули тандырцы, или тандырчане, или тандыряне – каннибалы с соседнего острова. Едва отбился от них «Бобруйским светлым».

А тут новая напасть! И с моря, и с воздуха повалили соседи, то есть вы… Ведь вы почти все живете в доме с колоннами, или неподалеку, так?.. Я вчера посмотрел в бинокль – с вами и черная бабушка Ксения Павловна, и бывший истребитель Харитон Харитонович, в общем, знакомая компания…

- Так вы тоже в Мизиновском доме обитаете? – спросил удивленно заскорузлый. – А я вас там никогда не видел…

Иванов улыбнулся:

- Вы, едва солнце всходит, уже со своими товарищами около сараев заняты поиском и смысла жизни, и наслаждения, а я в это время только спать ложусь после ночи,

проведенной в обнимку с пишущей машинкой, так что, жизненные циклы у нас не совпадают.
- Я слышу в ваших словах осуждение? – спросил заскорузлый, не без вызова.
- Ни в коем случае! – сказал писатель. – Я сам отдал дань поискам смысла жизни; если бы вы знали, как я ломал над этим голову в бедном моем отрочестве! Сколько терзаний тогда свалилось на меня! Мир виделся простым, проще вот этого коробка спичек, но на смысл жизни не тянуло ни одно из тогдашних (теперешних – тем более) моих занятий – ни участие в музыкальной команде под звездным названием «Альтаир», в которой я играл на маракасах, ни обминание (точнее – обмятие) девушек в темных бытовках университетского общежития, ни тем более неуклюжие попытки одолеть «Улисса» по каким-то машинописным копиям. А что, хорош смысл бытия – прочитать Джойса?.. Впрочем, «Портрет художника в юности» я прочитал, но никогда не встречал человека, который уверял бы, что осилил «Поминки по Финнегану».
Я буквально выходил из себя, без конца задавая вопрос: зачем я, почему я?...
- Так, в конце концов, вы ответили на него? – перебил писателя Алеша.
- Конечно, конечно… А вот поиски наслаждений заняли у меня гораздо больше времени, чем поиски смысла жизни, - продолжил Виктор Иванов. – Мне и сегодня еще трудно избавиться от наваждения, что бутылка доброго вина дает больше, чем откровенья мудреца.
- И я того же мнения, - горячо подхватил заскорузлый. – Вот помню в девятнадцатом году, в самом начале осени, мы как раз собирались на Лбищенск Чижинскими разливами, так вот, завернули ребятешки из второй сотни к одной баушке-самогонщице. Все до живительной влаги охочи. Может, завтра лютый ворог снесет тебе башку узкой вострючей шашкой, сколько раз потом пожалеешь, что башка даже хмельной не была? Говорят ей ребятешки, дай, старая карга, хоть пару четвертей. А та ни в какую, дескать, не из чего гнать самогон, война подточила хозяйство, даже бражки нет. Ребятешки: еслева найдем самогонку, то раскатаем по бревнышку твою избу. А не найдем – тоже раскатаем. Суровые тогда законы были. Одним словом, строгая воинская дисциплина. Обыскали бойцы избу, обыскали двор, обшарили котухи всякие – нет самогона, нет бражки. Прямо помирай! А на дворе вечереет,

коням отдых пора давать, да и люди притомились. Стали располагаться на ночлег, настроение сами знаете какое, когда не допьешь или не пимши вообще. Позвали опять каргу. Дескать, поручаем тебе утолить жажду воинов. Где хочешь, хоть из-под земли, но достань самогону. Станица большая, а лучше тебя никто не знает, кто здесь еще промышляет по питейному делу. В общем, два часа тебе даем! Чтоб по истечении этого срока самогон стоял на столе! Для того чтобы тебе проворнее двигалось, поедет с тобой… поедет с тобой… и он нагайкой указал на меня. Не тяните кота за хвост, берите телегу, запрягайте!..

Честно скажу, не лежала в тот день у меня душа к выпивке. Редко, но бывает так. Да и ребятешки не особенно пьянливые были, больше из-за баушкиного супротивления шумели – обошлись бы и на трезвую голову, но нашел принцип на принцип, калган на калган.

В общем, запрягли мы конька, да и покатили по-над яром. В одну избу, другую, третью – самогона нет. Вот она война – одни нехватки кругом. Подъезжаем к одной завалюхе – стекла битые, крыльцо кривое, плетни заваленные. Я, само собой, засомневался, говорю:

- В этой избе не то, что самогона – навоза десять лет не видели.

- Не шуми, милок! – говорит баушка. – Тут Панна живет, все знает, все укажет, только подход к ней нужон особый. Ума в ней палата, говорят, что хотели ее в атаманы поверстать, но она на коне плохо сидит. Была бы половчее, жила бы в каменных палатах в центре города, лампасы бы носила…А годов ей никто не помнит сколько. Помню, я девчонкой бегала, а ее уже старость согнула. Лет триста ей, ну, не меньше ста…

Я, было, принялся баушку урезонивать, дескать, на кой нам мудрость столетней старушонки, нам велено добыть то, что покрепче мудрости будет, но она ни в какую – зайдем к Панне, и все тут!

Зашли. Темно, грязно, стоять, выпрямившись во весь человеческий рост, нельзя. В самом темном углу - древняя старуха, по-моему, слепая. Ничего особенного, никакой мудрости особенной не видать. Правда, на сто лет не скобленой крышке стола книги навалены, такие же черные, как изба. Кто ж их читает, если хозяйка не видит ничего? Хотя таких томов, наверное, тыщи пущены на самокрутки, особенно красными,

казаки-то до табашного зелья не особенно охочи.
Старуха даже не шевельнулась, когда мы вошли, смотрела в одну точку и как будто прислушивалась. Но молчала до поры, ни одного словечка не обронила.
- Здрасте, баушка, вам! – отдал я дань уважения ее сединам. Она в ответ:
- И вам не хворать! За самогоном пришли?
- Есть у нас такая нужда, - отвечаю я. – Нужда, прямо скажем, боевая. Станишникам завтра в бой, дело военное, справедливое. Ну и душа, конечно, горит, ажник пылает.
- Знаю я ваши дела справедливые, - сказала она, - баб с детишками гонять, да валтузить друг друга! Ярои!
- Ладно, баушка! – остановил я ее болтовню. Говори, есть самогон, или сами искать будем?.. Если найдем – пеняй на себя…
Старуха засмеялась, все так же глядя в одну точку.
- Чего ты как ворона закаркала? – спросил я грубо, но понимайте – был я тогда моложе, несдержаннее, да и война была на дворе. Сплошное смертоубийство.
- Эх, вояки, вояки! – ответила она. – Самогон у меня знатный, кто пробовал – тот язык проглотил. Мой самогон выпьешь – и поблазнит тебя жизня другая – без убийства, без пороха; бросишь шашки, пики, ружья… Но, думаю, вам не пить моего самогона…
- Баушка, лучше добром дай, если что, мы и заплатить можем, - сказал я. – Не поскупимся!
Старуха опять засмеялась, смешливая. И принялась рукой шарить по столу, уж не наган ли ищет? Мне сразу показалось, что она за красных – ей пра, за красных. Такая сдуру пальнет – и не попьешь самогончику.
- Руки, бабуль, руки! – закричал я. Но она уже нашла то, что искала, и протянула мне здоровенный, как маузер, ключ.
- Во дворе есть мененька калетушка, откроешь ее, там и питье ваше заветное, - сказала она. – Берите сколько душе угодно, если ей на самом деле это угодно…Но знайте – в половину бутылок я насыпала крысиного яду…
- Так укажи, в каких яд, а в каких нет, - сказал я.
Она опять засмеялась своим каргиным смехом.
- Дак, я слепая, не помню, куда яд насыпала. Мелком помечала бутыли, дак, мел на глиняных горшках хорошо виден, а на стекле – ни – ни! Оплошку дала я, бывает!..

- Значит, наше воинство славное задумала отравить – всех зараз, ведьма? – понял я ее страшный замысел.
- Мне неведомо, где ваши, а где наши. Все они едины – жизню крушат, брат брата ушибают, и если так дальше пойдет – зарастет Урал забывной травой… Не будет кому сеять, кому осетра ловить…
- Ну, старая! – я готов был удавить ее собственными руками…»
- Конечно, история эта интересна, - перебил писатель Иванов заскорузлого, - и с вашего позволения я вставлю ее в новый свой роман. Но уже скоро, думаю, ваши проснувшиеся друзья решатся на штурм пещеры циклопа, и нам надо как-то отбиваться. Или сдаваться… Или объединяться?..
Тут подал голос юнга.
- Ну, хотя бы в двух словах расскажите, чем там все закончилось с самогоном? Ну, пожалуйста! – пристал он к заскорузлому.
- А все просто кончилось – выпили самогон тот – выпили за милую душу. Ох и знатное было питье, карга не обманула.
- Как сумели различить, где отравленный, а где нормальный? – спросил Алеша.
- Да очень просто, по-военному, - сказал заскорузлый. - Перед каждым станишником поставили по бутыли – пробуй! Живой останешься – молодец, а помрешь – так в бою тоже каждый день рискуешь. Иной раз бывает вся сотня поляжет под пулеметом, а здесь шанс приличный – половина на половину.
- И никто не отказался? – поинтересовался писатель.
- Да нашелся один выродок, так ему потом и не налили…
- А что, отравившихся много было? – спросил Алеша.
- Дак, все и отравились, полегли как один, кто на базу, кто в избе, а кто в телегах во дворе – храп стоял несусветный, - ответил заскорузлый.
- Прямо-таки насмерть? – все интересовался писатель.
- Про это не знаю, - развел руками заскорузлый. – На другой день большое дело было в Лбищенской, наверное, слышали, там немало станишников полегло – кто от пули, а кто, может, и от яду – самогон-то он имеет целебные свойства, ослабляет любую заразу. Так что, самогон растянул удовольствие, не зараз, должно быть, помирали люди, а с растяжкой… А, может, самогон всю отраву перебил? Да, так оно

и было… Но только я один награду через эту самогонку получил.
- А кто все-таки не стал самогон пробовать, кто тот отважный казак? – не отвязывался Иванов. – Постойте, я попробую угадать…
- Да что там гадать, - нахмурился заскорузлый, - это был я… Вообще, в тот вечер не было у меня желания пить…
- Как же вы из-за самогона медальку получили? – продолжал допрос юнга.
- От судьбы не уйдешь, - продолжил заскорузлый, - я свою бутылку пробочкой специальной закрыл, в сумку седельную положил – вдруг, пригодится? А перед этим для пробы налил чуток бабе кошевой, она завсегда выпить любит. Она выпила, крякнула: «Вот отрава, так отрава!» И дай ей четверть этого яда – ополовинила бы четверть, глазом не повела. Выходит мне попала бутылка без яда.
Ну, а другим вечером мы по Чижам пошли – прямо на Лбищенскую… Когда шли – душа радовалась, там две речушки – Чижа - первая и Чижа – вторая, а вокруг разливы – раздолье для аржанника, для любой пойменной травы. Там этот аржанник пахнет так, что голова кружится, и думаешь – нет войны, нет пожаров, а одна мировая тишина. А война есть…
В Лбищенской нас, конечно, не ждали. Хотя кто-то ждал, глаз не сомкнул, дожидаючи. И все дома указал, и все дорожки-тропиночки тоже. Бери их голыми руками! Но все равно к дому, где их командир на постое был, мы дополнительную разведку сделали. Всего ведь можно ожидать от этих музланов! Меня послали и Захара. Мы спешились и, придерживая шашки, чтоб не громыхнули, покрались вдоль какого-то штакетника, заросшего кустами. А ночь была – нарочно такую жди – не дождешься. Прохладная, звездная, тихая – даже собаки не брехали. Урал-Горыныч негромко плескался неподалеку. В такую ночь хорошо сидеть на своем крыльце, воздухом ночным дышать, мечтать о том, какая чудесная вещь – жизнь. Смотрим с Захаром – и всамделе у дома на приступочке сидит мужичок в одном исподнем – то ли после бани прохлаждается, то ли просто душу проветривает. Мужичок сам по себе небольшой, сухой, но видать жилистый. Захар толкнул меня в бок, дескать, сейчас его рубану – пикнуть не успеет. Но тут на крыльцо еще один вышел, табашник.
- Не спится, Василий Иванович? – спросил того, что в исподнем.
- Не могу заснуть, все в башке мысли какие-то крутятся-переворачиваются…

- Что за мысли, Василий Иванович? Про войну?..
- Про нее, окаянную, тоже…Который уж год воюем, столько народу поклали. За счастье, за справедливость для народа бьемся, а знаешь, что мне давеча на допросе пленный рассказал, которого потом шлепнули у оврага? Завел он такую контрреволюционную брехню, будто счастье не винтовкой добывается, оно вообще мало кому в руки дается. Счастье, дескать, не завоевывать, а выстрадать надо, заслужить…Нужен для счастья особый народ – готовый к нему. Счастью надо учить, как в школе грамоте, его, да справедливость в придачу, не найдешь на дороге, как трешку… Хотя слышал он от стариков, что есть где-то такая земля, где с самого начала все устроено правильно, где и ячмень, и пшеницу – пашаничку - каждый год земля родит, и детишки не хворают, и в речках караси с лопату… Ему на распыл идти, а он все свое талдычит: есть такая земля, есть! Многие ее искали, говорят, что кое-кто дошел.
- Брехал, поди, беляк, Василий Иванович? Как сам думаешь?
Мужик в исподнем почесал затылок, говорит:
- Вот когда я в академии Генерального штаба был – четыре месяца там болтался – слышал, как однажды разговаривали между собой люди высокого полета, грамотные, как Ленин, может, чуть менее…Беззаветно преданные нашему красному делу. Я их толком-то не знаю, но фамилии мне называли потом. Как будто это были нарком Луначарский, сам товарищ Кржыжановский, какой-то Есенин, остальные евреи – гринберги, бронштейны… Эти бронштейны и были самые башковитые. Так вот, они говорили промеж себя, будто царство справедливости есть на Земле и находится на острове, куда ведут три моста. Будто бы эскадрон революционных кавалеристов, посланных народным правительством, всего за год добрался до одного из мостов, но перебраться на остров не сумел, а почему не сумел – то ли на заградительный пулеметный огонь напоролись, то ли сказалась дорожная усталость – неизвестно.
Василий Иванович помолчал немного, словно взвешивая, что можно сказать, а о чем надо промолчать, и продолжил:
- Я тоже слышал эту байку, думаю, что в народе не зря она не выводится. Дыма без огня не бывает… С другой стороны, к чему тогда мы так бьемся, воюем, если можно перейти мост и жить припеваючи?.. Может, эту сказку беляки распускают по всему

свету, чтобы трудовой народ супротив бар и ксплуататоров не поднимался? Как думаешь, Петька?

- Да не Петька я, Василий Иванович. Меня Митькой кличут…

Заскорузлый вздохнул тяжело, продолжил свой рассказ:

- И так мы заслушались с Захаром, слюни пустили, и проворонили, как подкрались к нам трое красных, бросились, скрутили нас. Подвели к мужику в исподнем.

- Слышим, как будто кони всхрапывают за околицей, - начал рассказывать один из красных. – А наши-то в конюшни поставлены. Решили глянуть мы, что за гости ночные пожаловали. И вот они два хрукта с лампасами… А в седельной сумке самогон, видать, в гости шли со своим питьем.

- Как вы здеся оказались, сукины дети? – спросил угрожающе Василий Иванович.- Лазутчики?

У заскорузлого даже голос задрожал, когда он дошел до этого места в своем рассказе.

- Продолжай, продолжай, - подбодрил его Алеша.

- Обыскали нас, как водится, но у нас, окромя самогона, с собой ничего не было. Ну и конечно оружие.

- Расстреляем вас утром, - сказал мужик в исподнем, потягиваясь, - или шашками порубаем. Вам как хочется?

Захар не сдержался:

- Погоди ужо, и твоя очередь настанет!..

- Настанет, настанет, но твоя вперед моей, - улыбнулся Василий Иванович, - а я пока самогонки вашей выпью; говорят у беляков выпивка сладкая…

Он налил полкружки, поднес ко рту. Захар с сожалением подумал: жалко, что самогонка не отравленная. Василий Иванович как будто прочитал его мысли:

- Вдруг беляки задумали меня отравить?

Он долил кружку до самого верха, протянул мне:

- Вот ты, заскорузлый, как пятка, давай, угощайся! Если что, закусывать будешь маузером.

И вправду, назвавшийся Митькой протянул Василию Ивановичу маузер. Тот поднял вороненую машинку смерти прямо мне к виску:

- Пей!

Я взял кружку, выдохнул, и одним духом выпил самогон.

Не обманула старуха, питье было замечательное. Огненные струи растеклись по всему потрясенному арестом организму, перехватило дыхание.

- Дайте хоть водички - запить, изверги! – попросил я.

Митька дал воды, хохотнул:

- Вот уж не думал, что врагу воды подносить буду.

- Ладно, ладно, за это завтра доверю тебе собственноручно расстрелять их. А теперь и мы выпьем на сон грядущий…

Митька разлил самогон по кружкам, красные выпили, с шумом выдохнули:

- Хорошо!

- И тогда я возьми, да упади, - продолжил свой рассказ заскорузлый. – Повалился большевикам в ноги, да как заору дурным голосом, что в самогоне крысиный яд. Бог, наверное, надоумил так сказать!

Василий Иванович выпучил глаза и схватился за горло. Принялся надсадно кашлять Митька. Трое кавалеристов, скрутивших нас, тоже повалились на землю. В общем, чисто психологический эффект!

Захар еще добавил огня, сказал:

- Противоядие было, да все вышло…

Удушье по-настоящему схватило красных за глотки. Еще немного, и отдадут богу души.

- Вяжи их! – крикнул я. – Пока не очухались.

- Мы с Захаром в два счета связали всех пятерых, - вел свой рассказ заскорузлый, - и повели их к окраине Лбищенска, где засели перед броском наши. Пленники постепенно пришли в себя, прокашлялись, начали руками и ногами дрыгать. Кричат: лучше от отравы погибнуть, чем в лапы к белым попасться! Пришлось к ним строгость проявить, пообещать: если будут рыпаться – пуля в лоб без всякого промедления. Они, хоть и красные, а поняли: стали ниже травы. Кому ж пуля в лоб понравится?

Так привели мы их к нашим. Конечно, тут же допрос учинили – про пушки, аэропланы, патроны, личный состав. Ну, а также, кто такие будут, повинны ли в каких

красноармейских зверствах? Тот, который в исподнем, назвался продовольственным интендантом, так, кажется. Митька оказался фуражиром, в общем, все – мелкая сошка, расстрелу, как будто, не подлежат. Но и таскать их за собой, кормить, поить, в сортир выводить – еще та обуза. Тогда решили их в сарай под замок посадить, пусть до утра посидят, а потом видно будет, что делать с ними. Нашелся на окраине Лбищенска и сарай такой. А сторожить этих вояк поставили меня и Захара. Уговорились, если что, их в расход без антимоний.

Короче, ворвались наши в Лбищенскую, как снег краснопузым на голову, хотя их было больше – говорили, что до двух тысяч штыков. Стрельба со всех сторон завязалась, пошли крики, цокот копыт. Ударили пулеметы, пополз броневик, бахнуло пару раз орудие, - и потихоньку стало стихать. Недолго сопротивлялись красные, сладко, видать спали. Ближе к утру все было кончено. Победили, одним словом. Только, говорят, что главный их – Чапаев – утек, не захватили его. Переплыл через Урал на Бухарскую сторону. Или утонул. Или скрылся… В общем, не объявился. Мужики-то промеж себя говорили, что Чапай этот, или по-ихнему - Чепай, сам по себе двухметрового роста, отпугивающей наружности, смелости необычайной, и не всякая пуля его берет. Лучше всего его бить из пулемета, да и то вблизи, и того гляди, чтобы пулемет не заклинило.

Наши стали собираться, осматриваться, кто жив остался, кто ранен, а кого убило. Пригнали еще пленных, но не сказать, чтобы много. В плен-то в гражданскую войну лучше, конечно, не сдаваться. Тут не разбирают, что родом вы из одного форпоста, что чебаков таскали вместе на Старице, тут нет родни – ни братьев, ни отцов, ни сыновей!.. Страшное дело! Лютой ненавистью пылают здесь к врагам. Может потому, что воюют не за дядин интерес, не за царя, не за Карла всемирного, а за свою станицу, за бабу свою, детишек своих, берут в руки винтовку не по принуждению, а добровольно. И бьются не на живот. Пощады здесь не ждут.

Кто-то предложил расстрелять пленных, а кто-то - позвать на службу в белые ряды. Если кто, конечно, решится. Тут одни принялись канючить: дайте время на размышление, а другие согласились сразу, жизнь одна – и даже интересно часть ее прожить красным, часть – белым, а часть какого-нибудь другого цвета. Но недосуг было разбираться, размышлять – красные вот-вот нагрянут, они не станут волынку

тянуть, у них разговор короткий.
В общем, особо вредных поставили к стенке, а остальных погнали – опять же через Чижи – в Сахарновскую станицу. А нашу сотню на прикрытие бросили. Натерпелись мы в этом прикрытии, кутяковские вояки так и жалили нас, так и жалили, нам приходилось с боями пятиться. Но дошли благополучно, там меня и представили к медальке за доблесть, проявленную в захвате пленных.
- А что с ними стало - твоими пленниками – Василием Ивановичем, Митькой, тремя кавалеристами? – спросил писатель Иванов.
- Я их больше не видел, но станишники рассказывали что ближе к тридцатым годам мужика, который в исподнем захвачен был, видели как будто в Австралии, вроде он штучными папиросами торговал. А кто-то говорил, что у него своя бильярдная в Брисбене. Дела у Василия Ивановича идут неплохо, но очень он будто бы скучает по дому, по красавице жене, которую, кажись, Пелагеей кличут. Или по другой?..
Заскорузлый закончил свой рассказ; Иванов делал какие-то пометки в растрепанной записной книжке, должно быть, на самом деле собирался вывести эту правдивую историю в своем очередном романе. В пещере стало заметно светлее, солнце вовсю выглядывало из-за пальм.
Тем временем Алеша зашел за спину знаменитому писателю, оказывается, юнга мог держаться за спиной любого человека, причем совершенно незаметно. Как не крути головой, все равно его заметить не сможешь. Из- за спины он принялся делать заскорузлому красноречивые знаки, дескать, вязать его надо, заламывать руки ненасытному Циклопу! И не дожидаясь согласия заскорузлого, бросился на литератора.
- Ах, вы, изверги рода человеческого! – закричал Иванов. – Я к вам по-доброму, а вы руки выламывать, да? А сказали, что сдаваться пришли… Это вы так сдаетесь? А как же вы тогда наступаете? Выжженная земля после вас остается?
Заскорузлый стоял в растерянности: не лежала его душа к боевым действиям. Тем более, что все разъяснилось, никаких циклопов нет и в помине. А с другой стороны, коли они сбежали из лагеря путешественников, то им придется оправдываться за свою трусость, или предательство – это кто как расценит, а тут представляется возможность выставить себя даже и в героическом свете.

Писатель между тем вывернулся из крепких объятий юнги и съездил тому по уху, и схватил пулемет, навел на Алешу. Тот саркастически улыбнулся:
- Стрелялка-то ваша игрушечная…
- А ты попробуй, проверь, салага!
Юнга заколебался. Повисла пауза. И тут заскорузлый решил, что все-таки ему выгоднее находиться на стороне писателя, а не какого-нибудь безвестного юнги. Он схватил молодого человека за руку, рванул на себя и оба они, потеряв равновесие, повалились на землю. Иванов тоже бросился в свалку, хотя с детства не любил кучу-малу. Двое взрослых навалились на юношу, казалось было достаточно и минуты, чтобы скрутить того, но тот каким-то невероятным выкрутасом вырвался, отбежал в сторону, издавая совершенно невероятный звуки – не то визг, не то скрежет, не то злобный смех.
В довершение всего, к ужасу Иванова и заскорузлого, юнга на глазах стал изменяться, как бы стареть, становиться ниже, плотнее.
- Посмотрите, посмотрите! – закричал заскорузлый. – Это оборотень!..
- Наверное, я знаю, кто это! – ответил пораженный писатель. – Это оборотень, но оборотень галактический…Мне приходилось писать о Непонятых мирах, об их сумрачных обитателях… Боюсь, что перед нами разведчик Ку-Эн-Зим. Именно Ку-Эн-Зимы – собирают информацию о мирах, которые намереваются уничтожить и передают ее при помощи подсолнечной энергии… Да, да, не удивляйтесь, для мгновенной передачи информации в Непонятых мирах научились использовать энергию наших подсолнухов…
Между тем юнга стал словно растворяться в воздухе, и был различим только на фоне входа в пещеру, да и то, как небольшое облако, в котором что-то булькало, потрескивало и даже время от времени поскуливало. И наконец раздалось нечто похожее на скрипучий злобный хохоток, потянуло откуда-то холодом, и на секунду писатель и заскорузлый увидели чудище: одна пятипалая когтистая лапа, один огромный, налитый злобой, глаз, несколько хоботов и что-то еще невообразимо мерзкое.
Люди невольно отшатнулись от пришельца.
- Обреченные! – проскрипел он. – Сто тысяч лет назад проник я на Землю через

временную дыру, пробитую вашим первым галактическим путешественником, и славно поработал, толкая ваш мир к гибели – и войны, и чума, и бунты – все было пущено в ход. И постепенно работа эта дает свои плоды. И должен сказать, что никогда мне не попадались существа, более никчемные, чем все вы – земляне. Вам самим от себя не тошно?

Писатель метнул в него игрушечным пулеметом, и попал точно в один из хоботов. Ку-Эн-Зим завизжал, и исчез.

- Вот, хотел над романом спокойно поработать, а напоролся на межзвездного лазутчика! – сокрушенно сказал Иванов. – А вы случайно не из их породы?..

- Нет, я наш! – заверил его заскорузлый. – И потом, этот глазастый говорил, что прибыл сюда сто тысяч лет назад, так я тогда и не родился, кажется…

- Что такое тысячи лет? – пустился в рассуждения литератор. – Дуновение ветерка. Тьфу! – и нет его. Думаю, что времени вообще нет. Кто его видел? В часах шестеренки, пружины, маятники – это не время… Где оно? Время – это изменение мира? Все стареет и приходит в негодность? Ничего подобного! Вы думаете, что срубили последний баобаб и сожрали последнего бизона, но не подозреваете ли вы, что в другом уголке вселенной кто-то заботливо посадил новый баобаб, а в следующем укромном уголке мира родился юный бизон? Вы можете пройти по улице и встретить седого старца, приглядитесь – не вещий Боян ли? Громыхая чем-то железным продет мимо вас угрюмый, как и положено истинным рыцарям, мужчина – не Карл ли Великий? А увидите осанистую женщину – ну вылитая бабушка Гугниха. Сдается мне, что одно единое время у нас на всех, и все мы когда-то встречались, вот только забыли об этом, или просто не узнаем друг друга. Или делаем вид, что не узнали… Можете ли вы со всей уверенностью сказать мне, что вот сейчас сюда не войдет какая-нибудь Роза Люксембург?.. Или знаменитый сочинитель, бредущий по направлению к Свану?

- Нет, не могу, - ответил заскорузлый, - особенно после того, как я увидел существо, которому, по его уверению, более ста тысяч лет.

В это самое мгновенье в пещеру ворвались путешественники – Игнат, в полном составе экипаж самолета – Вася, Валя, Ваня, а также Григ, Харитон Харитонович - все вооруженные увесистыми деревянными дубинами. Судя по всему,

предводителем у них была черная бабушка – Ксения Павловна

- Всем оставаться на своих местах! Где тут циклоп? – закричала она. – При попытке бегства применяем оружие!..

Она увидела Иванова, изумилась:

- Здравствуйте, сосед, а вы тут что делаете?..

- Тот же самый вопрос я могу адресовать вам, - ответил с достоинством писатель.

- Вообще-то, я первая спросила, - поставила его на место бабушка, - а кроме того, прошу вас учесть, я – женщина.

- Хорошо, отвечаю вам обстоятельно, - начал Иванов.- Я здесь у себя дома, поскольку остров принадлежит мне. Иными словами, вы вчера нарушили закон, бесцеремонно вторгшись без моего на то согласия на остров Агриппины - так теперь он называется…

- Да ладно! – перебил его Харитон Харитонович. – По-вашему, мы должны были вчера все утонуть, но не сделать и шажка по этому клочку суши…

- Это вам не клочок, это остров! – повысил голос знаменитый писатель. – Я пааа-ааа-ппрашу!.. Если уж ворвались в чужой дом, так хоть уважайте его… Еще и лазутчика космического с собой притащили под личиной скромного юнги!..

- Алеша! – черная бабушка вспомнила о том, кому дала приют. – Неужели?.. Он убит, ранен, пленен?..

- Живехонек ваш квартирант, стоит у кого-нибудь за спиной, сочиняет новые мерзости.

Все стали крутить головами, но Ку-Эн-Зима не обнаружили. А тот времени не терял: на шхуне подпиливал все, что поддавалось подпиливанию, на самолете подсыпал в топливо песок, опасной бритвой резал стропы парашютов, в мелкие клочки разодрал карту, по которой ориентировались отважные воздухоплаватели. В общем, вредил основательно, как и учили законы и наставления его мрачной родины. Под конец он вкрутил в корпус огромной бомбы, лежавшей на палубе шхуны еще с незапамятных времен бомбардировки судна красным военлетом Захарьевым, какой-то тикающий механизм.

- Так, где же циклоп, куда он делся? – спросила Ксения Павловна, улыбаясь. – Я еще вчера предполагала, что это розыгрыш, но скажу честно, где-то в самой глубине души

я надеялась, что это все-таки он, циклоп. Пусть даже совсем небольшой, и пусть с двумя глазами. Оказалось, что циклопов не бывает…

- Я, я – циклоп, - показал на себя Иванов, - это я вчера при помощи микрофона и стереофонических колонок пугал вас…

- Так мы и напугались, - сказал Харитон Харитонович, бывший истребитель.

- Мы и не такое видели! – подтвердил Игнат.

- Очень хорошо, - добавил Григ, - на острове Агриппины подобралась хорошая команда, много чего повидавшая. Но что эта команда предполагает делать дальше? Насколько я понимаю, гостеприимный хозяин не рассчитывал на прибытие такой компании, и не станет нас долго задерживать, тем более, что прокормить дорогих гостей не может, а уж напоить…

Красноречивым жестом шкипер показал на валявшиеся повсюду пустые банки из-под пива.

- Нужно двигаться дальше! – подал голос Игнат. – Мы же за тридевять земель отправились не для того, чтобы разбавленное пиво пить… Вы не забыли?

- Никак нет! Не забыли! – дружно откликнулся экипаж самолета.

- А, может, здесь останемся? – сказал заскорузлый. – Переждем сезон штормов, построим пальмовые хижины, дух переведем, будем мастерить безделушки для продажи жителям соседних островов – уверен, дело пойдет. Заработанные деньги вложим в развитие островной инфраструктуры…

- Между прочим, остров Агриппины - это частная собственность, - напомнил писатель Иванов. – Но так и быть, я разрешу вам оставаться здесь еще некоторое время, ведь все равно вы уж здесь, и никуда от этого не денешься… Но пиво мое не трогать!..

Во все время этого разговора, Игнат присматривался к темнеющей за лесом гладкой скале. Странная, прямоугольная форма была у этой глыбы.

Заскорузлый перехватил взгляд Игната на скалу и сказал:

- Мы ночью вокруг этой каменюки шли с юнгой, ну, с этим, Ку-Эн-Зимом поганым, так скала эта показалась мне железной – такая гладкая, ровная и холодная… Странная скала…

- Пойду, посмотрю, - решил Игнат. Заскорузлый не стал его отговаривать, но с ним не пошел: чего болтаться на незнакомой территории: если не циклопы, так, какие-нибудь

сумчатые львы или ядовитые жуки с боксерскую перчатку величиной, наверняка здесь водятся. Не могут не водиться. Не так много необитаемых островов осталось на земле, чтобы не завелась на каждом из них своя жизнь, не такая, как в Москве, Кокчетаве, Йокогаме, а совершенно другая. Здесь не успеешь оглянуться, как тебя растворят, как шипучий аспирин, хищные ручьи, разжуют сталактитами пасти пещер, возьмут в плен плотоядные клевера и ковыли…На таких островах лучше всего сидеть тихо, где-нибудь на бережке, и всем своим видом показывать, что ты ждешь корабль, самолет, на крайний случай – трамвай – и с минуты на минуту убираешься восвояси. На этих землях нужно уметь быть скромными гостями…

Игнат углубился в лес, и ничего – не задрали его пылающие жирафы, не набросились летающие ромашки, не заклевали кровожадные воробьи. Лес был как лес, еще полный утренней прохлады, капелек росы на листьях, птичьего гама. Солнце уже поднялось высоко и золотыми копьями пробивало лесную темноту. Как будто и не было вчера ужасной бури.

Лес почему-то всегда напоминал Игнату о детстве, может, потому, что в те годы горожане целыми семьями отправлялись на сбор терна, ежевики, грибов, и мать часто брала его с собой, и там под каждым листком, за каждой травинкой могла дожидаться его ягода – и уже через час–другой рот сводило оскоминой, и он валился в траву и смотрел, как медленно плывут над лесом облака, как вровень с облаками парят огромные орлы, как крошечный серебряный самолетик висит над огромным осокорем, что склонился над яром, и кажется: вот-вот и самолетик запутается в кроне осокоря. Обязательно прилетали стрекозы, их было много – и желтые, и розовые, и радужные, с огромными фасеточными глазами. Надо было осторожно протянуть из травы руку, чтобы какая-нибудь стрекоза невесомо села на ладонь и можно было потихонечку подуть на нее и увидеть, как трепещут ее прозрачные крылья. На ладони мог возникнуть и зеленый кузнечик, и тогда шепотом нужно было попросить у него смолы, но он никогда этой своей смолой не делился, да Игнат и не знал, что с нею делать.

В лесу росло много диковинных растений, которые можно и нужно было есть, считал Игнат в детстве. В зарослях попадались крошечные арбузики, много меньше теннисного мяча, он, конечно, пробовал их на вкус – кисло-горькие, приторные, но

ведь для чего-то они росли; может эти арбузики предназначены были гномам? Почему-то в детстве считалось, что черная ягода – вся съедобная, красная – ядовитая. Но он даже волчью ягоду пробовал, стошнило немного – и все. Ел он и желтые цветочки акаций, джиду, стебли камыша…

Вот и в этом лесу много было соблазнов – и какие-то фиолетовые дыни, и груши величиной с тыкву, и бананы красного цвета. «Вот съем сейчас кусочек, - приговаривал Игнат на ходу, - и сделаюсь снежным человеком! Или попугаем? Или десятиметровым удавом?..

Он сдержался, не отведал диковинных плодов, и вскоре миновал лес. И вышел почти к самой скале. И оторопел. Скала была гигантским почтовым ящиком – темно-синим, металлическим, с почтовой эмблемой. Золотыми буквами на самой верхотуре ящика – метрах в восьмидесяти от земли – было написано на чистейшем русском языке: «Для письменной корреспонденции. Без вложений. За пределы галактики с доплатой».

Игнат присвистнул:

- Как же свое письмишко бросить туда, на такую высоту? Это надо альпинистом быть…

В том, что это именно тот почтовый ящике, о котором ему говорил Бочаров, он ни одной секунды не сомневался. Он достал из кармана засаленный конверт, обклеенный всевозможными марками, еще раз пригляделся к нему. Письмо счастья, исполняющее любые желания!.. Конверт как конверт. А вот марки все негашеные, значит, пригодятся при возможной доплате.

- Так, нам куда? – разговаривал сам с собой Игнат. – За пределы галактики или обойдемся Млечным путем? Наши желания вообще-то земные или звездные?.. Еще какие земные, еще какие звездные! Не будем жалеть марок…

Он вынул из конверта небольшой листок бумаги, подумал, что на таком клочке много желаний не напишешь. Хорошо, что уцелел в странствиях огрызок карандаша.

- Первым делом, желание Бочарова, - произнес Игнат и рука его вывела: «Пусть у Бочарова книги будут со всеми главами, эпилогами, как положено…»

«Какая чепуха, - подумал он, - волшебные палочки, письма счастья, лампа Алладина – я, что ли, сошел с ума?»

Он думал так, но в самой своей глубокой глубине почему-то верил, что желания Бочарова, и его собственные тоже, – могут сбыться, могут…Обязательно сбудутся. И он принялся писать дальше: «Пусть у моей матери появятся четыре стула и диван… И комод… И обои в цветочек…И на сберкнижке чтоб тысяча рублей…, нет – десять тысяч, сто тысяч!..»

Он подумал и дописал: «А мне мотоцикл – ИЖ- 49… И запасную цепь к нему… А самое главное, чтобы каждый из нас нашел, что ищет, а всем вместе нам надо найти тот остров, ту землю, где все мы будем жить счастливо… Да, счастливо!..».

Едва он дописал, как сверху почтового ящика раздалось железное дребезжание и вниз сползла до этого неприметная металлическая лестница. Игнат заклеил конверт, сунул его в карман и взялся за поручни лестницы – высоко лезть, однако! Но он решительно стал подниматься. Вдруг ему пришло в голову, что такой огромный почтовый ящик сооружен не случайно, а чтобы каждый мог бросить в него свое письмо. Сколько еще, оказывается, народу мается без счастья.

И еще одна неожиданная мысль пришла в его голову: «А, может, все не так? Может эту почту просто-напросто никто и никогда не вынимает, и не собирался вынимать, поэтому и построен такой циклопический ящик, и в нем мильены, мильярды отправленных писем, которые никто не получил, и они здесь лежат – неудовлетворенные желания, как палая листва, как холостые патроны (а, что, бывают патроны женатые?)… И почему почтовый ящик этот находится на необитаемом острове?.. Или будь он доступнее, давно был бы похоронен под письмами счастья?..

И еще он подумал: «Так хочется, чтобы нас услышали, но все-таки главнее - выговориться… Пусть никто не откликнется, не прокатится гулкое эхо, не принесут почтальоны мешки писем, разве в этом дело? «Я сказал! Этого больше нет во мне, оно уже ваше, пусть даже ничье!» - вот что по-настоящему важно!»

Наконец он добрался до узкой прорези для писем, впрочем, в эту «узкую прорезь» вполне смог бы проехать джип. Игнат заглянул туда и ничего, кроме мрачной гулкой и холодной пропасти, не открылось ему. Он достал из кармана письмо и бросил его, оно сначала закружилось, как сорванный ветром лист, а потом резко, как планер, потерявший поток ветра, сорвалось вниз и растворилось в кромешной мгле.

Все. Тысячелетнее письмо счастья отправлено. Теперь все будет по-другому.

Он огляделся, весь остров был как на ладони. И гора, и пещера на склоне, и лес, и светлая песчаная полоса отмели – здесь было все, что бывает на необитаемых островах. Если поискать хорошенько, то нашлись бы и таинственные строения, заросшие джунглями, и наскальные рисунки, и каменные идолы, но путешественники не стали их разыскивать; они вдруг почувствовали, что все эти тайны совсем для других историй, для других приключений, и принялись приводить в порядок шхуну, самолет.

Пора было в дорогу. Цель близка.

Экипаж самолета дружно взялся за ремонт своей крылатой машины; оказалось, что повреждения совсем незначительны, и не потребуют много времени. Не могли же они знать, что напракудил Ку-Эн-Зим.

Шхуна тоже была цела, совместными усилиями ее удалось снять с мели и запустить двигатель. Посовещавшись, обе группы искателей приключений решили идти в одном направлении и не терять друг друга из вида.

- Завтра утром оставим вас в долгожданном одиночестве, - сказала вечером писателю Иванову Ксения Павловна. – Будете в тишине продолжать роман.

- Да…, - неопределенно ответил тот, и в глазах его полыхнула злая тоска необитаемых островов.

- О чем ваш новый роман? – вежливо спросил бывший истребитель Харитон Харитонович. – Если это не секрет?..

- Конечно, секрет, - ответил писатель, - но вам скажу. Это история моей жизни…

«А что в ней интересного?» - чуть не спросил первый пилот.

А черная бабушка спросила:

- Вы, наверное, объездили весь свет, были знакомы с деятелями мирового искусства?

- Да…, - опять неопределенно ответил выдающийся мастер пера. – Но завтра я поеду с вами, если возьмете, конечно?.. Пиво сегодня допьем, а пишущая машинка у меня портативная, много места не займет…

- Пойдете на шхуне? – с надеждой спросил Григ. – Но если вы подвержены морской болезни, то – на самолете…

- Я старый морской волк, пойду на шхуне, - ответил Иванов.

И тут за спиной у него раздался мерзкий хохоток, и повеяло холодом.

- Эх, Алеша, Алеша! – вздохнула Ксения Павловна. – А я тебе верила… А ты оказался мерзким шпионом!

Ку-Эн-Зим, так и не увиденный никем, хохотнул еще омерзительнее. И в эту самую секунду на воде полыхнуло. Славная шхуна высоко – метров на десять-двадцать - приподнялась на столбе огня и воды и показалось на миг, что вот сейчас она устремится в космос, как ракета с Байконура, но шхуна рухнула вниз и так был силен этот удар об воду, что корпус ее развалился на части, которые тут же затонули.

Путешественники стояли, словно вкопанные в песок побережья, глядя, как за одну минуту погиб замечательный корабль. Никто не проронил ни звука. Только Ксения Павловна погрозила пальцем куда-то себе за спину: ну, погоди, мерзавец, Ку-Эн-Зим!

Григ бросился было к кораблю, но увидел, что спасать нечего, махнул рукой:

- Все кончено!..

Уныло стоял заскорузлый, с сожалением вспоминая уютное купе поезда, где так хорошо ему было с друзьями; и дернуло же его проверять на практике теорию перехода в иные измерения. Что ни говорите, а в своем собственном измерении, если оно, конечно, есть, - лучше всего. И хлеб там вкуснее, и перины мягче…И водка там сладкая, эх, какая водовка!

Водочка! Водяра!

Самолетчики тоже пригорюнились, всегда грустно становится, если на твоих глазах что-то рушится, погибает.

Писатель, не останавливаясь, корябал в записной книжке полузасохшей шариковой ручкой, неймется ему.

Но тут подала зычный командирский голос черная бабушка:

- Не раскисать! Не вешать носы! Учитывая создавшуюся ситуацию, принимаю командование на себя! Возражений нет?

Все промолчали.

- Самолет еще может принять на борт троих-четверых? – спросила она у первого пилота.

- Легко! – отрапортовал командир экипажа. – Но почему такая неточность – вас на шхуне было четверо, один, как я понимаю, выбыл из числа пассажиров, зато прибавился товарищ Иванов, значит число осталось неизменным – четыре…Простая

арифметика!

- Простая арифметика, да трудное решение, - сказала в ответ на математические упражнения командира Ксения Павловна. – Я одна его не вправе принять, поэтому предлагаю решать всем вместе. А оно может быть выражено следующим образом: стукача, предателя, паникера заскорузлого не брать с собой, а оставить на острове. Пусть поробинзонит… Запасов провизии для одного вполне достаточно, на год хватит, есть пещера, пресная вода, оставим ему и «Бобруйское светлое»…

- Еще чего! – закричал заскорузлый. – Вы что, садисты?.. Чтобы меня здесь людоеды сожрали через пару дней?.. Не надо так шутить!

- Никто и не собирается шутить, - сказал бывший истребитель Харитон Харитонович. – Как выясняется, из-за твоих доносов был приговорен к расстрелу Григ, а минувшей ночью ты вступил в преступный сговор с Ку-Эн-Зимом, страшным врагом человечества, и вместе с ним намеревался встать на сторону циклопа…

- Так, никакого циклопа нет и в помине! – испугался заскорузлый.

- Так ты этого не знал, иуда!.. Я за то, чтобы оставить его здесь,- заключил бывший истребитель.

- Григ, твое слово? - спросил командир экипажа самолета.

Шкипер погибшего корабля поразмышлял чуть-чуть, сказал:

- Не испортил бы он острова… А так я на него зла не держу. Пусть летит с нами.

Заскорузлый приободрился.

Но Григ остался в меньшинстве. Остальные проголосовали за то, чтобы оставить его на острове. Но пообещали при первой возможности сообщить о его затворничестве в нужные инстанции.

- Старик, - сказал командир поникшему заскорузлому, - если бы мы не держали путь в страну полной справедливости, я первый бы принял тебя на борту нашего воздушного судна, а так – извини…

- Я буду жаловаться, - пообещал заскорузлый. - Вы – варвары!..

Писатель Иванов подарил ему игрушечный пулемет, сказав, что его выстрелы хорошо отпугивают кровожадные племена тандырчан.

- Я намеревался здесь прожить несколько лет, - сказал писатель, - а вас наверняка снимут через три – четыре дня…

- Знаю я этих спасателей, - пробурчал заскорузлый, но было заметно, что он смирился со своей участью. Он даже прикидывал, какие выгоды может извлечь из такого своего положения. Чего-нибудь продать? Пещеру, участок леса, весь остров? Пока покупателей не видно. Вызвать сюда телевидение и прославиться на весь мир, рассказывая в камеры, как напали на него ужасные племена, как он выживал, закаляясь в битвах, как научился готовить местное блюдо из сердца акулы? Но как вызвать сюда телевизионщиков, бросить в море бутылку с запиской? А, может, залечь в гамаке под пальмами с пивком? Вспомнить всю свою неприкаянную жизнь, да потихоньку перенести ее на бумагу, благо бумаги этой здесь запасено на сто трилогий? Получится отменная вещь, бестселлер необитаемых островов. Это может со временем принести большие деньги. Огромные денежки…

Пусть, пусть улетают эти ненормальные, помешанные на своем Беловодском царстве, в котором их никто не ждет!

Кое-как переночевали, всю ночь с бока на бок ворочались, все думы всякие одолевали.

- Где моя внученька дорогая? – шептала Ксения Павловна, предводительница.

Харитон Харитонович обдумывал строительство нового самолета, с учетом недостатков предыдущей модели. Во-первых, конечно, оснастить современным вооружением – пулеметами, пушками, управляемыми ракетами. Ничего, что самолет гражданского направления, в случае нужды он вполне сможет за себя постоять. Обязательно предусмотреть раздельные санузлы, укомплектовать самолет бухтами канатов, наборами инструментов, как слесарных, так и столярных, не обойтись без мощной лебедки, сварочного аппарата, штыковых и совковых лопат…

Игнат думал: появились ли у его матери загаданные им четыре стула, диван, комод и обои в цветочек? А на сберкнижке сто тысяч? А мотоцикл – ИЖ- 49… И запасная цепь к нему?..

Вася, Валя, Ваня – дружный экипаж - переговаривались вполголоса о навигации, о дальних странах, о девушках.

Григ вспоминал славный путь шхуны, бывшей «СУ-31», думал, что за прошедшие годы дочка его, Дашка, наверное, стала взрослой красивой девушкой, может уже и внуков ему нарожала?..

Заскорузлый не ночевал в пещере принципиально.

- Изгой – значит изгой! – сказал он и устроился на ночлег в гамаке. Всю ночь вокруг него крутился Ку-Эн-Зим, хохотал, как шакал, предлагал отомстить совместно этим черствым выродкам. Но заскорузлый устоял, видать, крепкая мужская основа была в нем.

Едва рассвело, еще роса серебряными капельками висела на плоскостях самолета, еще утренние птицы допевали свои песни, а Ксения Павловна принялась будить своих спутников.

- Кто рано встает, тому Бог подает! – кричала она. Быстро поднимаемся и по холодочку двинемся!..

Игнат объяснил ей, что на той высоте, на которую поднимаются самолеты, жары не бывает, там всегда «холодочек», но переубедить ее не удалось.

- Быстро пьем чай и грузимся, пока жара не доконала нас! – распоряжалась она.

Все старательно отводили взгляды от заскорузлого, который, как запутавшаяся в сетях одинокая рыба, висел в гамаке и сквозь ресницы наблюдал за предстартовой суетой.

Наконец, все было готово. Ксении Павловне, как руководителю похода, Вася, Валя и Ваня выдали черный шлем с радионаушниками. И она скомандовала:

- Вперед!

Но тотчас отдала другой приказ:

- Берем этого с собой!

И показала рукой на растерянного, всклокоченного со сна, заскорузлого.

- Кто мы такие, чтобы решать, кому можно на Остров, а кому нельзя? – сказала она.

- Прыгай в самолет! – закричали путешественники. – Давай скорее!

Заскорузлый всхлипнул и побежал к самолету. Но не забыл прихватить с собой игрушечный пулемет и микрофон; кто знает, не понадобится ли отпугивать еще кого-нибудь? Дорога есть дорога.

Аэроплан пробежал вдоль берега и тяжело поднялся, едва не задев брюхом скалу почтового ящика. Раздался уже знакомый всем смешок, Ку-Эн-Зим не опоздал на посадку, пробрался незамеченным на борт, предвкушая новую катастрофу на пути команды Ксении Павловны.

Поднявшийся на острове ветер, разметал кипы бумаги с набросками нового романа Иванова: «Вечерело. Тихий, умиротворенный какой-то, день клонился к закату…»

Глава двадцать четвертая: Исполнение желаний

Из под горки катится
Голубое платьице
На боку зеленый бант
Меня любит музыкант
Музыкант молоденький
Звать его Володенька

Вечерело. Тихий, умиротворенный какой-то, день клонился к закату. В конце лета в нашем городе еще случаются такие вечера, золотые и спокойные, как в детстве, когда кажется, что день длится бесконечно, а еще предстоит такой же бесконечный вечер – и некуда торопиться, совершенно некуда торопиться, потому, что если день такой длинный, то уж вся жизнь вообще нескончаема, и поэтому приятно кусочек ее потратить на вечерние разговоры на завалинках и крылечках, на чаепитие в беседках и на верандах, на сумеречное ничегонеделанье под черной тарелкой репродуктора, выводящего негромко «…любимый город может спать спокойно, и видеть сны, и зеленеть среди весны…»
Бочаров очень любил эту песню, в ней все было просто, понятно, и он всегда подпевал радио, хотя знал, что голос у него неважный, и слуха нет никакого, но такая это была песня, что сама заставляла подпевать ей: «…когда товарищ мой вернется…»

Тетя Маруся Бочарова тоже любила эту песню, но больше ей нравилась другая, где Клавдия Ивановна Шульженко выводила про платочек, которому было так уютно на «плечах дорогих». И как по заказу сразу после «любимого города» завели Шульженко. В полуподвале, где жили Бочаровы, звук был гулким, здесь даже эхо можно было услышать, но они уже привыкли к этому, и даже находили особую прелесть в таком «подвальном звучании». Но на этот раз не удалось тете Марусе дослушать любимую песню до конца. В дверь постучали.

- Открыто! – сказала тетя Маруся, и в дверь просунулась голова в светлой фуражке. Голова спросила:

- Здесь живет тот, который на крыше книги читает?

Бочаров узнал в голове с кепкой старшину грузчиков, которые обычно вывозили из соседней библиотеки списанные книги.

- Здесь я, чего тебе?

Старшина никак не мог справиться с робостью, даже страхом, который охватывал каждого, кто впервые попадал в жилище Бочаровых – электрическую подземную келью, где не было ни одного окна, и поэтому день и ночь здесь ярко пылали двухсотваттные электрические лампы – без всяких абажуров и люстр – электричество было подключено от типографии и Бочаровы не платили за него ни копейки, и старались даже ночью не выключать свет, потому, что без света в келье было еще страшнее: чудилась в этом подвале разверзшаяся бесконечность, ледяное дыхание того, чего на свете, может быть, и нет – времени.

- Говори, я слушаю тебя, - подбодрил старшину Бочаров. – Теперь ты понял, почему я на крыше книжки читаю, там не так страшно…

- Я что говорю-то, - наконец, произнес грузчик. – Там, в библиотеке, на той неделе потоп был – тыщи книг залило…

- Да что ты говоришь! – посочувствовал Бочаров.

- Конечно, воду откачали быстро, - продолжил старшина, - всего-то книжки двое суток размокали. Бросились их сушить – и вентиляторами продували, и обогревателями всякими, и на солнце выкладывали…

- Помогло? – спросил Бочаров.

- Очень помогло! – успокоил его грузчик. – Книги просохли. Только все они так

распухли, что стали похожи на подушки. А у многих из них отлетели обложки. Берешь себе такую книжку – все у нее на месте – и первая страница, и третья, и предисловие, и эпилог, но ощущение такое, что не книгу, а сахарную вату в руках держишь. И даже читать как-то неловко. Среди читателей спрос на такие книги стал падать…

Старшина вздохнул, за свою жизнь он прочитал только «Декамерон», он читал бы и дальше, но больше такой интересной книги не попадалось. Бочаров тоже вздохнул.

- В общем, решили их списать – и во вторсырье… А мы подумали: может, ты себе чего-нибудь прихватишь? Ты ведь жаловался как-то, что у тебя книги без концов и без начал, а тут все цело, кроме обложек. Какая – никакая, а польза будет… Ты подходи через часок, когда мы погрузку начнем.

- Спасибо друзья! – поблагодарил старшину Бочаров и подумал, что не иначе, как начинают сбываться все заветные желания, которые собирался загадать Игнат в своем персональном письме счастья. Неужели?..

Через час Бочаров стал богачом: грузчики помогли ему затащить на чердак целую груду книжных пачек.

- Читай на здоровье! – сказали они.

Бочаров решил проведать мать Игната. С тех пор, как сын улетел, она время от времени вскидывала голову, прислушивалась к шуму авиамоторов. Время от времени над их двором то проползал огромный Свинцовый Цеппелин, то проносились зеленые, как саранча, штурмовики, то сотрясали небеса пузатые, как олигархи, бомбардировщики. Один раз у них во дворе сел реактивный истребитель, подкатился к самой двери, поднялся прозрачный фонарь, и летчик в темно-зеленом шлеме с красными звездами крикнул:

- Случайно не знаете, где найти Харитона Харитоновича или Игната?

Мать встревожилась: не случилось ли чего?

Летчик успокоил:

- Руководство авиаклуба интересуется: будут ли они участвовать на городских соревнованиях по авиаспорту?

- Не знаю, не знаю, милок, - ответила мать летчику со звездами. И он опять улетел в небо, и она помахала ему рукой, пытаясь представить, что же видно тому с такой

высоты – лабиринт дворов, узеньких улочек, ржавчина крыш, частоколы деревянных столбов, машущие руки женщин и мальчишек или нечто большее, что скрыто от тех, кто не бывает в небе? Может быть, открываются сверху тайные знаки жизни, может, дома, сараи, будки составляются в огромные слова – откровенья, с которыми легче живется, с которыми праздники чаще, застолья обильнее, друзья вернее, женщины красивее?

Как разгадать человеку, почему зовет его высота?.. Почему с земли хочется вверх, а наверху магнитом тянет к земле?..

Дни проходили за днями, а Игнат с товарищами не возвращались. Хорошо хоть, что Бочаров забегал, говорил, что они обязательно вернутся, что дело, которое позвало их в дорогу – благородное, можно сказать, святое. Не день, не неделя, даже не год могут потребоваться для того, чтобы найти самое счастливое место на земле.

Мать только качала головой, говорила:

- И родители наши жили, и родители наших родителей, и мы свою жизнь, почитай, заканчиваем, а ничего не искали, на самолетах не летали, и верхом всюду поспевали, и никогда дом свой не оставляли, и краше своей земли ничего не видели…

- Я вот тоже нигде не бывал, - говорил Бочаров, - только один раз в детстве мать брала меня с собой в Мергенево, там я с мальчишками купался с утра до ночи, да рыбачил, и быстро мне это наскучило. Дома – лучше… Но я знаю, что есть и получше наших местечки…

Мать Игната не спорила, только смахивала непрошенные слезинки. И Бочарову всегда было немного не по себе, ведь выходило, что он Игната отправил в это долгое воздушное путешествие.

Но на этот раз не было ни слез, ни расспросов. Она встретила Бочарова улыбкой, позвала пить чай. И он тут же увидел новые стулья – четыре деревянных, с высокими спинками, с вырезанными на этих спинках петушками и курочками, – они преобразили комнату, в которой обитали Игнат с матерью. Жилище, отгороженное от типографской конторы фанерой, с наклеенными на этой призрачной перегородке обоями, как бы приосанилось, в нем впервые стало уютно. Уюта добавил и появившийся комод. Но главным в комнате был кожаный диван, тускло

посверкивающий тонким хромом.
- Не новый, конечно, но в отличном состоянии, - сказала мать Игната. – Никак насидеться на нем не могу. Вот Игнат обрадуется…
- Откуда, теть Вера? Наследство?
- Да нет, в контору купили венгерский гарнитур, темно-коричневый, полированный – глаз не оторвать от такой красоты, и директор Клавдия Васильевна велела старую мебель разделить между старыми работниками типографии. Так она, эта мебель, только по названию старая, еще и пяти лет не прошло, как купили ее… Так что, и вам чего-то достанется, кажется шкаф и кожаное кресло…
- Поздравляю, теть Вера! Богатство нам всем привалило…
- Ой, чуть не забыла! В складе типографском вчера разбирали манатки, еще с войны лежит всякое старье, так вот нашли там старый мотоцикл, и даже запасную цепь к нему. Мужики сказали, что если ему ума дать, в смысле ремонта, на нем еще сто лет можно гонять. Клавдия Васильевна тогда сказала:
- Пусть Игнат заберет, парень он технический…
- Так что, вот такие дела, - радовалась мать Игната, - привалила удача… Теперь остается для полного счастья на облигацию сто тысяч выиграть.
- Выиграете, обязательно выиграете! - сам себе поверил Бочаров. – Чего тогда купите? «Победу» возьмете и кровати деревянные?.. Холодильник?.. Радиолу?.. Я у Тимофеевых видел радиолу, там и на семьдесят восемь оборотов пластинки играют, и на тридцать три. А говорят, что на сорок пять оборотов тоже есть!.. Сила! Это вам не патефон, звук на весь двор слышно!..
- А зачем на весь двор-то? – спросила она. – Может, кто вздремнуть прилег, а кому не можется, а тут музыка такая громкая?..
- Ты, милок, и вправду газетку с тиражом по государственному займу принеси, - попросила она, - может, хоть какой толк от облигаций этих будет?
Бочарова два раза просить не пришлось, он заглянул в окно печатного цеха, где у новенькой ротации хлопотал Михаил Кан.
- Дядя Миша, газетки с выигрышной таблицей у вас не осталось? – спросил он. – Теть Вера свои облигации проверить хочет…
- Сейчас посмотрю, - сказал ротационер, - ей в последнее время везет. Я знал одного

парня, он у нас в общежитии жил, который выиграл пятьдесят тысяч, представляешь! Так вот, он на радостях такую гулянку затеял, а облигацию, чтобы не потерять, положил в книгу – «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке…». Так книга называется…

- Знаю, я читал, - вставил Бочаров словечко. – Пепел Клааса…

- Так вот, пока он с друзьями обмывал удачу, в общежитии затеяли библиотечный шмон. Библиотекарша и комендант прошли по всем комнатам, собирая давно просроченные библиотечные книги. Зашла она и в комнату, где этот парень жил. Спрашивает у ребят, дескать, где тумбочка такого-то? Ей показали без всякой задней мысли, потому, что шмон библиотечный проходил не первый раз, да и не в последний… Она хвать оттуда «Уленшпигеля», и как водится на семнадцатую страницу: есть там штамп или нету там штампа? Штамп был на месте. «Больше трех месяцев держит! – возвестила возмущенная библиотекарша. – А положено не более десяти дней…В общем, книгу забираю, так и передайте своему приятелю…»

И забрала.

На другой день хватился бедолага, а ни книги, ни счастливой облигации нет. Голова тяжелая, денежек в кармане – одни дырки, а тут такое. Побежал он в библиотеку, а там замок. Кажется, санитарный день. А заодно инвентаризация. На другой день в библиотеке какой-то семинар проходил, все отмахивались от счастливчика – не до него было.

На третий день он едва дождался открытия библиотеки.

- Дайте мне «Уленшпигеля», любимую книгу! – сказал он.

Служительница библиотеки полистала формуляр чудака, нахмурилась:

- За вами еще числятся «Казахские сказки» и сборник детских стихов Веры Галактионовой. Помните, она в прошлом году приезжала на встречу с нашими читателями?..

Он помнил писательницу смутно, но сказал «Помню хорошо!». Служительница улыбнулась ему, как свидетелю замечательного мероприятия, проведенного библиотекой, но наотрез отказалась выдавать ему книгу.

- Как только вернете должок, так и сможете получать другие книги! – сказала она.

Пришлось ему возвращаться в свою комнату, вспоминать, где же могут находиться

книжки, и зачем ему понадобились детские стихи?
«Сказки» нашлись быстро – у соседа по комнате, который работал ночным сторожем в детском саду, и брал книгу с собой на дежурства – чтобы не засыпать.
Стихи Галактионовой тоже удалось обнаружить - среди всяких справок, похвальных листов за третий и четвертый классы, квитанций из химчистки, удостоверений дружинника и юнкора газеты «Дружные ребята», инструкций по сборке-разборке мясорубки бытовой, пользованию утюга электрического. Как в эту пачку попали стихи, он вспомнить не мог, как не мог объяснить, зачем он взял их в библиотеке. Просто мистика какая-то.
Наконец, он принес все книги, числившиеся за ним, и служительница библиотеки сдержанно похвалила его:
- Молодец, теперь вы должны оплатить пятикратную стоимость испорченной вами книги – «Уленшпигель»… С вас шесть рублей пятьдесят копеек.
Он изумился:
- Книга была цела…
- В совершенно истрепанном состоянии! – с прозвеневшей в голосе сталью заключила служительница. – Мы вынуждены были даже списать книгу…
- Вот вам шесть рублей! – закричал поклонник Шарля де Костера. – А вот пятьдесят копеек! Только принесите мне этого «Уленшпигеля»!
- Какой вы непонятливый, - помягчела служительница, - вам же русским языком сказали, что книга списана, и, кажется, еще позавчера отправлена во вторсырье…
- Как же так! – сказал он. – Не может быть!
- Все может быть! – сказала ему на прощанье служительница. – Все!
Он, конечно, понесся в контору, ведавшую вторичным сырьем: «Найдите мне книгу, я за нее ящик водки ставлю!» Его встретили, как сумасшедшего:
- У нас за городом тридцать шесть складов утиля. Каждый склад – это ангар площадью семьдесят тысяч квадратных метров, какую иголку вы хотите разыскать?..
- Так и не нашел он облигацию? – спросил Бочаров у Кана.
- Давным-давно это было, - вздохнул Кан. – Деваться было некуда, пришлось смириться с потерей…
Ротационер, наконец, нашел газету с выигрышной таблицей, протянул Бочарову:

- Удачи!..

Бочаров помчался к матери Игната. Та достала из нового комода пачку облигаций, завернутую в кашемировый платок:

- Какие нынче игрались? Столько их накопилось, что, опасаюсь, после погашения все миллионерами станем.

- Да, - согласился с ней Бочаров, водя пальцами по газете. – Так, номер сошелся… так, так…

И вдруг он словно поперхнулся, замолчал и только через минуту смог произнести одно слово:

- Есть!..

- Что там, что? – спросила тетя Вера. – Десять рублей?

Она уже выигрывала однажды десять рублей, два часа стояла в очереди в сберкассе, кассирша посмотрела на нее, как на личного врага, но после проверки облигации все-таки выбросила через крохотное кассовое окошко две синие помятые пятерки; мать Игната смотрела на них с восторгом: это были первые ее деньги, которые как будто свалились на голову, и за них она не работала в наборном цехе четырнадцать часов в сутки, не стирала на дому цеховые халаты, не убирала снег с типографского двора. Невелики деньги – десятка, но когда каждая копеечка как будто вытянута из жил - и она, дармовая десятка, как чудо.

- Что там? – повторила тетя Вера.

Бочаров ответил тихо, почти шепотом:

- Пятьдесят…

- Эка, привалило, - засмеялась она. – Рубашку Игнату куплю – клетчатую…

- Теть Вера, - перебил ее Бочаров, - пятьдесят тысяч… Пятьдесят тысяч!

- Не шути так! – схватилась она за сердце.

- Да, не шучу я…Боже! Смотрите, смотрите! На другую облигацию такой же выигрыш выпал, итого – сто тыщ! Сто тыщ! Теть Вера, сработало письмо счастья! А он не верил мне, Игнат!..

Тетя Вера стояла оглушенная свершившимся. Сто тысяч! Она не могла даже представить себе такого количества денег. Сколько места они займут – поместятся в комоде или придется держать их в чемодане? А, может быть, привезут целый

грузовик десяток, пятерок, трешниц? Куда девать такую чуду? И что можно купить на такие деньги? Костюм Игнату! – обязательно, темно-синий шевиотовый, а можно и бостоновый – чего мелочиться! Полуботинки модельные на заказ, полупальто «Москвичка», перчатки кожаные… Можно шапку заказать волчью – износу не будет… А самой взять да разориться на пальто с чернобуркой… А еще купить килограмм конфет шоколадных – «Каракум» и чайный сервиз на шесть, нет - на двенадцать персон. Друзей к Игнату много ходит, пусть пьют чай из красивых чашек… Всем соседям надо подарочки сделать, пусть люди тоже почувствуют радость, девчатам в цеху можно стол накрыть: колбасы взять краковской круга два, каспийского залома – селедочек пять - семь, мяса купить на базаре и заварить лапшу, да что там лапшу – настоящий казахский бесбармак, с сурпой, лучком… Аж слюнки потекли… Да, чуть не забыла! В комнату надо обязательно купить шелковый оранжевый абажур с кистями, как у Тимофеевых из дома с колоннами…

- Теть Вера! – никак не мог прийти в себя Бочаров. – Куда потратишь такие деньжищи?..

- Эх, было бы что тратить, а куда потратить – не вопрос, - сказала она, но пока кроме второго килограмма «Каракума» ее фантазия ничего не подсказывала.

- Тебе раскладушку новую купим, - вспомнила она, как тетя Маруся жаловалась, что на раскладушке бочаровской все пружины повылезали, жалят, чисто гадюки.

- Ой, да обойдусь я, - заскромничал Бочаров. – Не барин…

Тетя Вера прикинула: всех трат вместе с костюмом, пальто и раскладушкой – наберется около трех тысяч… Ну, еще на подарочки, селедку-залом, винегрет и колбасу - не больше тысячи. А их, тысяч этих, – сто!

«Ну, ничего, - размышляла она, - вокруг полно нужды, вон у Миловых ребятешки кучей на одном топчане спят, а взрослые на полу – эх, как бы им не помешала кровать с никелированным изголовьем!.. Но не станешь ведь, как дед Мороз, ходить по домам с мешком, раздавая подарки, да на всех и не хватит…»

Не сказать, чтобы эти размышления очень обременяли ее, она считала, что сумеет справиться с деньгами, как справлялась всю жизнь с их отсутствием.

- Ладно, я пойду, - попрощался Бочаров, - дело у меня еще есть…

Мать Игната удивилась этим словам Бочарова, но ничего не сказала: известно его

дело – сидеть на крыше или на чердаке и читать книги.
Бочаров и впрямь отправился на чердак, к своим сокровищам. В грудах книг нелегко было найти нужную, тем более, что большинство переплетов были затерты, разорваны, похожи на мочало.
- Так, - бормотал страстный книголюб, - это «Поджигатели» писателя Шпанова, его же «Похождения Нила Кручинина», а это незабываемая книженция «И один в поле воин»…так…Тамара Шабаренина – что-то про ономастику… Ага, есть!
И он вытащил пропылившийся, растрепанный том: «Легенда о Тиле…». Бочаров, конечно же, не помнил, как он попал к нему, мог только предполагать, что это случилось года два - три назад, хотя какое это могло иметь значение в этом мире безвременья?
Бочаров принялся тщательно перелистывать «Тиля», и почти тут же на ладонь к нему легла свернутая вчетверо сиреневая облигация. 50 тысяч! Пусть скорее Кан отыскивает своего незадачливого приятеля и тот бежит в сберкассу или банк, может, еще не поздно? Бочаров покрутил облигацию перед глазами, вот с оборотной стороны напечатанный мелкими буквочками текст, как инструкция по применению лекарства. И сразу же бросилась в глаза строчка: «Предъявить выигрышную облигацию не позднее 30 июня…» А сегодня, сегодня, да где же календарь? – как раз 30 июня и есть… Бегом, скорее!..
Ротационер уже собирался на обед, когда Бочаров вернулся в печатный цех.
- Вот смотрите, дядь Миш, - сказал он. – Нашел я облигацию, о которой вы рассказывали. Точно, в «Тиле Уленшпигеле» лежала… Вот, возьмите, отдайте своему другу…
- Эх, - вздохнул Кан, - та облигация нашлась, правда через несколько лет, когда она уже ничего не стоила… Оказывается, тогда списали совсем другую книгу, в библиотеке перепутали все…
Бочаров изумленно уставился на свою облигацию:
- Выходит, чуть не в каждом «Уленшпигеле» по облигации вложено?.. С пятидесятью тысячами?..
- Ты что, проверял ее?..
- Нет…

- Тогда поторопись в сберкассу, этот тираж в прошлом году был…

Бочаров со всех ног помчался в сберкассу.

- Работаете? – закричал он на входе.

- Конечно, работаем! А что случилось? – ответили ему из одного из окошечек.

- Обеденный перерыв? – с волнением спросил он.

- Да, работаем, работаем!.. Никакого перерыва нет!

- Вот хочу облигацию проверить – с прошлогоднего тиража, - он протянул в окошечко сиреневый четырехугольник, и почувствовал, как учащенно забилось сердце.

Кассирша с минуту пошелестела какими-то бумагами, сказала:

- Поздравляю, вы выиграли!..

- Пятьдесят? – закричал на всю сберкассу Бочаров.

- Да, точно! – сказала кассирша. – Получать будете?

- Конечно! Только крупными купюрами дайте, а то, боюсь, не донесу…

- Ага! – сказала кассирша. – Вызывайте бронированный лимузин!

Она шлепнула по облигации каким-то штампом, что-то написала на ней, и выложила перед Бочаровым зеленоватую пятидесятирублевую банкноту с ленинским портретом, какими-то вензелями. В другое время Бочаров бросился бы рассматривать редкую для него купюру, но сегодня он ждал тысячу таких бумажек, никак не одну.

Такое изумление, такое разочарование отразились на его лице, что кассирша снова принялась ворошить свои бумажки – не ошиблась ли она? Нет, не ошиблась.

- Вот, посмотрите, выигрыш – 50 рублей, - принялась она через окошко показывать ему таблицу. – Небольшой выигрыш, но чего уж так убиваться – на две поллитры с закуской хватит… Лучше, чем ничего…

- Я не убиваюсь, - сказал Бочаров, - я радости сдержать не могу…

Тетя Вера еле дождалась утра. Еще с вечера отутюжила поплиновую блузку, с сиреневыми цветочками по белому полю – Глеб говорил, что ему нравится, когда она одевает ее, словно праздник наступает. Припасла заранее и темно-коричневую юбку, к своему сорокалетию справила вещь, а она как новая. Туфли у нее были очень нарядные: лакированные лодочки бордового цвета, на небольшом каблучке; в сорок шестом году она выменяла их на хлеб на барахолке у какой-то ссыльной; ссыльная

чуть не плакала, расставаясь с туфлями, но Вера дала много – три буханки пеклеванного и банку тушенки…

В общем, разоделась она, как артистка. Облигацию с паспортом - в редикюль, поправила новые шелковые чулки и пошла по тротуару вдоль типографии; мужики встречные едва шеи не посворачивали.

До сберкассы было всего ничего, за угол повернуть. Две минуты потратила Вера на этот путь, но каким-то волшебным образом весь город узнал, что она идет в сберкассу получать сто тысяч, и весь город выстроился у дверей этого серьезного учреждения. Эх, если бы местный театр на свои постановки собирал такое количество зрителей!

Увидев столько народа, Вера испугалась: неужели такая очередь на получение выигрышей? С другой стороны приятно стало: вот, дает государство народу поддержку!

- Кто крайний? – спросила она. Никто не ответил. Она еще раз спросила, и опять все промолчали. Не объяснять же ей, счастливице, что все пришли посмотреть на нее, на немыслимые деньги.

- Языки проглотили? – рассердилась Вера и зашла в сберкассу. – Если крайних нет, я буду первая… Где тут выигрыши выплачивают?..

Навстречу ей выбежала из своего кабинета заведующая Зинаида Артемьевна, взволнованная. Она уже получила от начальства по первое число: почему не была обеспечена конфиденциальность, почему с выигравшей не проведена соответствующая работа, направленная на повышение сознательности, почему толпы людей стоят вокруг сберкассы? Ответить на все вопросы начальства было невозможно, поэтому Зинаида Артемьевна спросила прямо:

- Деньги не отдавать, потянуть волынку?..

- Да вы что! – начальство чуть не задохнулось от возмущения. – Весь город собрался, а мы будем волынить. Выдать все до копейки, поздравить как можно сердечнее, отметить роль партии, а потом намекнуть деликатно, что советскому человеку не пристало сидеть на мешке с деньгами!..

- Добро пожаловать Вера Александровна! – излучила самую свою ласковую улыбку заведующая. – Вот ведь удивительно, как быстро добрыми слухами земля наша

полнится! Поздравляю от всей души! Поздравляю!

Она подошла поближе к двери сберкассы, чтобы стоявшим на улице тоже было хорошо слышно:

- Партия делает все для трудящихся! В нынешнем году увеличилась посевная площадь зерновых, поголовье скота выросло на…

Она забыла точную цифру роста поголовья, махнула рукой, сказала:

- В общем, и мясо будет…

И продолжила:

- Несмотря на трудности партия…

Она опять забыла, чего добилась партия, несмотря на трудности, и понесла уж настоящую отсебятину:

- Аборты вот-вот разрешат, говорят, что в пятьдесят пятом году…Землю будут давать под дачи по три сотки, в общем, заживем еще лучше!..

- Ура! – громоподобно заорал кто-то за дверью и это «ура» дружно подхватили горожане, и оно покатилось по улицам и переулочкам, но громче всего оно резонировало среди колонн дома Мизиновых. «Ууррраааааа!»

Зинаида Артемьевна пригласила Веру Александровну в свой кабинет – на минуточку, пока готовят деньги, оформляются необходимые документы.

На столе заведующей рядом с мраморным набором чернильниц, перочисток, пеналов, каких-то избушек, зверушек, стоял гипсовый бюст Ленина. Здесь же почему-то лежал противогаз.

- Занятия были по гражданской обороне, - объяснила заведующая.

Вера Александровна изумилась, спросила шепотом и сама же ужаснулась:

- На Ленина противогаз надевали?..

Заведующая ужаснулась больше Веры, замахала руками:

- Что вы такое говорите! Как можно?

Но на всякий случай отодвинула противогаз подальше от гипсового вождя.

- А что, Сталина у вас нет? – спросила мать Игната, чтобы загладить возникшую неловкость. – Ленин есть, а Сталина нет…

И она показала рукой на гипсового основателя Советского государства.

Заведующую затрясло. Если честно сказать, ей уже делали замечания, строго

спрашивали: почему один вождь в сберкассе присутствует, а второго нет? И это в государственном учреждении! Она, конечно, собиралась купить, даже приглядела хорошенький бюстик, килограмм на восемь, но протянула, не поторопилась – и вот опять ей в глаза этим колют.

Она ответила сухо:

- И Сталин у нас есть, уже выписан по безналичке…

Никак не получалось у женщин задушевной беседы. Зинаида Артемьевна, помня о нагоняе от начальства, все-таки постаралась вернуть разговор в нужное русло.

- Как собираетесь потратить денежки? – спросила она, как ей самой показалось – очень вкрадчиво. – Не закружилась голова от богатства привалившего?..

- Не закружилась, - ответила Вера. – Деньги – не брага, от них похмелья не будет…

- Ой, не скажите! – взмахнула руками заведующая. – Каких только случаев не бывает! Помню, во время войны один чудак притащил сундук денег и говорит: хочу сдать свои трудовые, чтобы на них построили танк!.. Деньги мы, конечно, взяли, а там екатеринки, золотые царские червонцы, бусы всякие, кольца и браслеты – такие у него трудовые сбережения. Ну и товарищи из компетентных органов, конечно, им очень заинтересовались, пригласили к себе на разговор. Думаю, после этого разговора головная боль у него была сильная…

- У нас екатеринок нет, - сказала Вера. – Браслетов тоже. Мы дом-то свой никогда не запираем, ни днем, ни ночью – чего у нас украсть-то можно? Вот недавно дали мне в типографии диван со стульями, так они не новые…

- Правильно рассуждаете, ценности ни в коем случае на дому хранить нельзя, - участливо сказала заведующая. – Вот потратите немного, а остальное можно к нам, в сберкассу – на книжку положить. А некоторые, и таких большинство, отдают деньги на благие дела…

- На танки что ль? – спросила Вера. – Так война кончилась…

- А все равно кругом нехватки, - опечалилась заведующая. – А сирот сколько мается по детским домам!.. В позапрошлом году одна выиграла десять тысяч, так перевела в детский приют… За это была награждена похвальным листом УНО – управления народного образования. Радовалась женщина просто изо всех сил! Так поступают советские люди!

- Я поняла, - коротко ответила Вера, и заведующая радостно подумала, что миссия ее удалась.
- А хотите, мы прямо сейчас откроем вам специальный счет, например, на совершеннолетие ваших детей…
Вера улыбнулась грустно:
- Мой Игнат уже совершеннолетний.
- Хорошо, тогда на рождение первого внука?..Там годовые почти четыре процента, - она пощелкала на счетах, - как только внуки пойдут, получите… получите, в общем, большие деньги.
Вера стояла стеной:
- Нам и этих с лихвой хватит. Что, может завтра прийти? Или на той неделе?..
Заведующая помрачнела:
- Сейчас получите. Алевтина!
Тотчас открылась дверь и появилась выкрикнутая Алевтина. Она с видимым усилием несла картонную коробку, с приклеенным ярлыком: «Печенье «Привет».
- А вот и гора денег, - сказала Алевтина с выражением.
- Пересчитывать будете? – с тем же выражением спросила она и открыла картонную коробку. Она была заполнена пачками денег. Потертые зеленые трешницы соседствовали с новенькими полусотками, четвертные казались дипломами о высшем экономическом образовании, пятерки, десятки солидно покоились рядом с собратьями в банковских упаковках. Больше всего было ореховых рублей, рядом с величественными сотнями они казались подростками. А все вместе они назывались богатством. Во всяком случае, в представлении Веры.
- Я вам верю, - сказала она и вышла на улицу, не закрывая коробки. Толпа качнулась в ее сторону, вздохнула тысячегорло. Бывает же!..
На всякий случай в толпе находился Одинокий милиционер. Он был готов поддерживать порядок, но поддерживать было нечего. Увидев кучу денег, горожане стали быстро расходиться, надо успеть рассказать об этом тем, кто не попал на представление.
- Велели ей сдать деньги на нужды колхозов области, - рассказывал один свидетель.- Разрешили себе взять на две телогрейки.

- Сказано, что все деньги до копеечки перевести на строительство электростанции, - говорил другой.

Третий уверял, что Вера получила только денежные «куклы», вместо купюр были резаные газеты. Поэтому и коробку несла открытой, чтобы все убедились, что она действительно получила причитающиеся ей сто тысяч.

Вечером у Веры был праздник. В ее комнату, отгороженную фанерой от конторы и цинкографии, пришли тетя Маруся, Бочаров, Давлеткалиевы, бабушка Милова, а тетя Лида Глухова с Почиталинской принесла свою саратовскую гармошку и рассыпала то плясовую с выходом, то старинную тягучую: «Полынушка, только, горька трая… Горька травушка, ай, горька тра…траявонька…». А на стол Вера поставила диковинный торт – не безе, не бисквитный, а «Наполеон», а кроме того пряники рассыпчатые, конфеты – полкило взяла того самого «Каракума», а в довершение бутылку красного тягучего вина купила, давно его хотела, ликером называется. Рюмок не было, но из граненых стаканов тоже хорошо пошло. Гости не только чаем угощались, получили и подарочки, кто косынку, кто губнушку, а Бочарову досталась новая раскладушка.

- Вот жизнь настала, как баре живем, - сказала тетя Лида Глухова. – В гости ходим, шоколад едим!.. А все через Сталина, я вам скажу. Пожил бы еще годочков десять, касатик, так зарплату тысячами стали бы получать…

- А я думаю, что все от Бога, - тихо сказала тетя Маруся. И никто не стал с ней спорить. А бабушка Милова затянула: «Вот кто-то с горочки спустился…»

Вечером, когда гости разошлись, Вера задернула на окнах ситцевые занавески, чтобы долгозоркий Грищак все не рассмотрел, и достала старый вещмешок, с ним ездил на рыбалку-охоту еще отец Игната. Сколько уж лет лежит этот мешок в сенцах, а запах рыбий из него не выветривается. Она сложила деньги из коробки в мешок и улыбнулась: теперь трешницы, пятерки и полусотки будут пахнуть давнишними окунями.

Она неслышно вышла из дома, миновала типографский двор, у самой проходной столкнулась с Одиноким милиционером, должно быть, приставленным ее охранять.

- Фу ты, испугал окаянный! – сказала Вера. – Шел бы спать, у нас жуликов отродясь не было…

- А вдруг? – начал стращать милиционер. – Говорят, «Черная кошка» объявилась, лютая банда. Жалости не имеют эти урки, если раздевают, то до трусов, если насильничают, то очень сильно… И везде, где напракудят, черную кошку на стене рисуют… Я сам видел такую картинку, жуть!
- Да, ладно пугать! – урезонила его Вера. – Котов этих на стенах малюет бокаушинский Митька, я как изловлю его, так обязательно уши нарву. Лютая банда!.. А вот кто считалочками детскими все стены замарал? – этого и я понять не могу, они как будто сами по себе появляются…
И она поспешно ушла в сторону темной Почиталинской улицы и унесла с собой вещмешок, пахнущий окунями, а Одинокий милиционер не решился пойти за ней, ведь ему поручили охранять ее на дому, и не дали никаких инструкций на случай, если она покинет дом.
Проморгал этот уход и секретный агент Грищак, как раз в эту минуту он подглядывал в другом месте, а именно за девочкой и мальчиком, которые забрались в темный чулан и целовались взасос, да так сильно, что казалось Грищаку, что вот-вот и они задохнутся. Но они не задыхались, и это задержало внимание агента больше положенного, и в итоге Вера ушла в неизвестном направлении.
Одинокий милиционер был в полной растерянности, как в тот памятный вечер, когда его бросила жена красавица Катарина, после чего он собственно стал одиноким милиционером, а до этого его знали в отделении, как молодожена, засыпавшего на ходу, на бегу, а уж если удавалось где-то присесть – тут же раздавался богатырский храп.
Грищак тоже всполошился. Куда она могла уйти с вещмешком? Подалась за границу? Но не пешком ведь, да и там пограничников понапихано под каждый кустом, там радары и пулеметы, а еще собаки-бульдоги с собаками-овчарками и крошечные наркотические собачки, которые любой пирамидон вынюхают, а уж тем более взрослую женщину с окуневым мешком за плечами.
Не натворила бы она глупостей! Большие деньги кружат головы, кажется, что с ними возникают и большие возможности.
А Вера тем временем сидела в огромном сарае, в котором обитал скульптор Шамсутдинов, модернист, не признанный, желчный, не всегда трезвый. Несколько

дней назад он закончил программное свое творение «Топорище времен» и теперь слегка праздновал.

Пили, конечно, чистую слезу жизни, портвейн, произведенный и бутылированный на втором отделении совхоза «Плодоовощной». Скульптор после каждого стакана объяснял замысел своей последней работы:

- В топоре главное – топорище, именно оно направляет мощь стали, в жизни нами движет не железо…

Но каждый раз его перебивала Динка, пьяненькая официантка из ресторана «Березка» - сегодня у нее был выходной, и она гуляла.

- Не гунди по-пустому, Шамсутдинов! – кричала она. – Давай лучше выпьем!

Они выпивали, и скульптор принимался объяснять «Топорище», а Динка опять его перебивала, и они опять выпивали.

Своим появлением Вера нарушила хорошо налаженный процесс, что Шамсутдинову не понравилось.

- Какая нужда привела тебя сюда, женщина? – спросил он высокомерно.

В темном углу сарая что-то завозилось, и из темного кома тряпья вылупился человек, до этого мирно спавший в этом коконе.

- Она сто тысяч принесла! – закричал вылупившийся. – Не гони ее, гений!

- Сто тысяч? – дрогнул голос скульптора. – Таких денег у трезвого человека быть не может. Павлик, ты ошибся!

- Я сам видел сегодня, как она это голье в сберкассе получила! – закричал Павлик.

- Морозов правду говорит? – спросил Шамсутдинов у Веры.

- Я всегда правду говорю! – вставил Павлик Морозов.

- Да, принесла, - подтвердила Вера. – Чуть меньше. Соседям подарочки купила на память, Игнату костюм справила, да по мелочи разошлось рублей пятьсот… Остальные принесла.

- Памятник хочешь? По глазам вижу, что хочешь. Родителям усопшим, мужу почившему? Себе?..

- Памятник себе? – удивилась Вера.

- В основном себе и заказывают. Заранее. До срока люди об этом заботятся. Чтоб памятник долговечный был, приметный, отражал многочисленные достоинства

предполагаемого покойника…
- Нет, мне не памятник, - перекрестилась Вера, - я хочу, чтобы ты скульптуру сделал, монумент, – только не из гипса или жести, а из бронзы или, в крайнем случае, из чугуна…
Шамсутдинов взглянул на нее пристально. Женщина как женщина – в холщевой серой юбке, старой трикотажной кофте с разноцветными пуговицами (с пуговицами тяжело в стране), стоптанных босоножках. Через левое плечо переброшена лямка вещмешка, в котором сто тысяч рублей, без какой-то мелочи. Пришла скульптуру заказывать. А что, так у нас в народе повелось, если завелись лишние денежки – сто тысяч или, случаем, миллион, то бегом к скульптору или художнику. Нечего им портвейном заливаться, пусть создают красоту, в крайнем случае – чего-нибудь непонятное – голую бабу в шеломе военном или тоже голую, но с рыбьим хвостом. Народ потом глазеть станет, а критики, с которыми пить довелось, - похвалят, а которым не досталось даже на донышке – будут ругать на чем свет стоит, и так до самой нобелевской премии.
- Ты объяснить внятно можешь? – спросил Шамсутдинов. – Какую-такую скульптуру тебе надо?
- Монумент нашему человечеству…
- Всему человечеству? Всем миллиардам – китайцам, индейцам, хохлам?..
- Ну, хотя бы людям нашего города… Разве они не заслужили? И в войну мучились, и в голод страдали…, – принялась она объяснять. - Я подумала: чем раздавать выигрыш свой по рублю или сдавать все деньги на танк или дирижабль, закажу лучше скульптуру. Память останется надолго, а деньги – прилетают и улетают, недолговечные они…
- Ну, конечно, у тебя самой дыр мало, надо обязательно осчастливить всех окружающих, - вдруг, рассердился Шамсутдинов.
– Нет, разве она нормальная? – обратился он к Динке. – Скажи, нормальная?
- И скажу! – Динка подняла руку, как Троцкий на трибуне. – Почему не сказать? Очень даже нормальная! Я тоже в детстве мечтала, чтоб у нас во дворе скульптура была – пионер с горном или колхозница со снопом, но их поставили возле обкомовского дома. Зато у нашего дома автопоилку поставили, пивнуху то есть… Вся шпана в

нашем дворе околачивалась…

- Так ты мне отказываешь? – гнула свое Вера.

Скульптор колебался, но что-то подсказывало Вере, что он согласится.

Внезапно в сарае появился еще один сторонник народной скульптуры. Из огромного, провалившегося как рот девяностолетней старухи, дивана, выбрался небольшой человек, совсем небольшой, но очень лохматый. Он сладко потянулся со сна и сказал коротко:

- Я все слышал. Я – за скульптуру.

- Что ты мог слышать, Невермор, в своем диване? – усмехнулся Шамсутдинов. – Только как скребутся крысы…

«Тут у них какой-то ночевальный сарай, - подумала Вера. – И Павлик здесь, и Невермор… Может, еще дюжина спит, закутавшись в махры?»

И на самом деле, как будто солдаты по звуку горна, стали появляться все новые обитатели сарая. Они возникали из сгустков темноты, появлялись из-за стеллажей и верстаков, которых здесь было несметное количество, материализовались на пустых пространствах гигантского помещения. Прежде здесь было депо зерноуборочных комбайнов, потом некоторое время процветало производство хомутов и походных хурджумов, затем размещалась международная академия боев без правил. Об этих славных временах напоминал одинокий ржавый комбайн, стоявший у дальней стены.

- Борислав!.. Святослав!.. Изяслав!.. Брониславa!..– представлялись появившиеся люди, и каждому из них находились место за дощатым столом, стакан вина, краюха хлеба.

- Это мои друзья, - объяснил скульптор Вере. – Производство наше трудоемкое, поворочай-ка в одиночку чугун, сталь и бериллий - не под силу одному, поэтому без помощников не обойтись… Но все эти ребята - большие художники нашего времени, я сказал бы даже – эпохальные творцы красоты. Верно я говорю, ребята?

- Само собой! – откликнулся Невермор.

- Конечно! – сказала Бронислава.

Художественная рать взялась за стаканы, талант тоже нуждается в подогреве. Талант, соединившись с вином, высек искру вдохновения. Да не одну.

Изяслав предложил отлить из чистой нержавеющий стали пилон народного

единения. «Это самое единение будет символизировать простая, но очень высокая, сверкающая на солнце, стела, - говорил художник. – Может быть, она будет в высоту сто метров, а лучше двести…»

Святослав отстаивал свое предложение: создать семидесятиметровый цветок, лучше всего, конечно, таблак. Можно назвать скульптуру «Степная прелесть». На самом деле, есть ли чудеснее цветок, первым оживляющий весеннюю степь?

Динка предложила изобразить свадебный танец. Пусть двое танцуют вальс. Это любовь…А любви всегда не хватает, как выпивки.

Тут подал голос Шамсутдинов. Он сказал, что из нержавеющего материала, а можно просто из чугуна, лучше всего создать портрет человека, да такой, чтобы каждый житель города узнал в нем себя.

Вере понравилась идея.

- Но разве можно в одной скульптуре соединить черты всех людей города? – засомневалась она.

- Попробуем, - сказал Шамсутдинов. – Отдаю на святое дело комбайн!.. В нем десять тонн хлеборобского железа…Собирался на нем совершить кругосветное путешествие, но на общее дело так и быть – пожертвую этой замечательной машиной.

- Даю полтонны стальных труб! – сказал Невермор.

- А я – железную кровать с никелированным изголовьем, - решилась Динка.

- Так и быть, отдаю два чугунных котла…

- У меня есть пуда три олова…

- А у меня меди и бронзы центнера по два…

- Тогда хряпнем по стакану сербрияза (кто, кто произнес это волшебное слово?) – и за дело!..

В каких творческих муках рождался шедевр, кто возьмется рассказать об этом? Оформился ли поначалу замысел в хлебном мякише? Вполне возможно…Или податливая глина помогла раскрыть образ? Или обычный пластелин послужил идее? Кто-то потом утверждал, что первую модель Шамсутдинов вырезал из куска карельской березы, другие с пеной у рта доказывали, что Невермор с Брониславой не выпуская из рук газовых горелок, разрезали и сварили заново двести тридцать

две тонны металла, именно столько и пошло материала на скульптуру. Всю ночь бегали скульпторы в поисках железа, стали, чугуна, покупали, не торгуясь. Одних ржавых мотоциклов купили семьдесят две штуки, тринадцать разбитых «эмок», двести велосипедов, несметное число примусов, керогазов, семьсот сковородок.
И утром следующего дня, а, может, через неделю или месяц, на главной городской площади появилась огромная скульптура, и уже с самого рассвета потянулся к ней народ. Как будто ничего особенного не было в гигантском изваянии – человеческое лицо, железная голова, но каким-то непостижимым образом горожане узнали, что скульпторы вложили свое вдохновение в поистине волшебную скульптуру, в ней каждый узнает себя. Одинокий милиционер первым сбегал на площадь – ему и по службе положено – и убедился – там установлен точный его портрет, даже веснушки на носу и те заметны.
В общем, народ повалил. Такого никогда еще не было, даже когда на городском пляже устанавливали статуи женского рода с обнаженными грудями. Автор думал, что статуи будут популярны среди молодежи, но молодежь сказала: «Что, мы сисек не видели?»
А к новому монументу народ потек, хотя ни по радио не объявляли, ни в газете не печатали, хотя городское начальство хмурило лбы, не зная, как поступить с таинственно возникшей скульптурой. С одной стороны, это можно преподнести верховному начальству, как художественное творчество масс, но с другой стороны могут легко взгреть за то, что в городе самовольно, без всякого на то ведома властей, возникают монументы. Так ведь до чего может дойти? До всего может дойти. Так весь город могут скульптурами утыкать! Вольнодумство, по-другому не скажешь. Был бы жив Сталин, не опустились бы до такого…
Хотя появившаяся утром скульптура не изображала ничего запретного – не призывала к борьбе за правду и справедливость, не демонстрировала стремление к свободе, не показывала голые части женского, а также и мужского тела – начальство распорядилось на всякий случай скульптуру убрать. Подогнали два бульдозера, опутали скульптуру стальными тросами и попытались свалить произведение Шамсутдинова и его друзей. Но не тут-то было. Бульдозеры рычали, закапывались гусеницами в землю, но памятник даже не вздрогнул. Пригнали еще три бульдозера –

стальные тросы не выдержали и стали рваться, как гнилые нитки; памятник стоял, как батарея капитана Тушина.

Собравшиеся люди сначала молча смотрели на производимые начальством работы, а потом стали сомневаться, произносить слова.

- Помешала кому-то скульптура, - говорили люди. – В кои-то веки поставили правдивое произведение, да и то теперь сломают. Сломают ведь!

Никто почему-то не сомневался, что сломают. Власть давно доказала, что ломать она умеет надежно и основательно.

Пригнали еще десять бульдозеров и стальную платформу о шестидесяти колесах, чтобы на нее погрузить скульптуру и увезти подальше за город. Достали и новые тросы в руку толщиной. Заревели моторы, завизжали колеса, прокручивающиеся вхолостую, еще глубже зарылись гусеницы бульдозеров, но «Зеркало» - так, оказывается, называется скульптура, не подалось даже на сантиметр. На миллиметр, может, и подалось, не больше.

Прораб, производивший эту работу, закричал дурным голосом на рабочих, выполняющих эту работу:

- Так вашу мать! Вы что, железяку сковырнуть не можете? Позор всему нашему строительно-монтажному управлению! Ну, взялись, орлы и орлята!

Орлы и орлята опять не справились.

У прораба остался последний аргумент:

- Ставлю по полбанке на брата!..

И «Зеркало» дрогнуло, медленно поползло на платформу о шестидесяти колесах, а затем на платформе – за город, на свалку.

Прораб тоже с сожалением проводил взглядом скульптуру, причмокнул: вот умеют же люди ваять! Как будто с него, прораба, лепили!.. Сходство полное. Вот бы себе на дачу поставить!.. И глаза у него загорелись. Надо сказать, скверно загорелись. А на другой день скульптура обнаружилась у прораба на даче, причем она не уместилась на шести сотках производителя работ, а растопырилась и на соседние участки, причем с полного согласия хозяев. Выходило, что кто бы не взглянул на шедевр, тот сразу влюблялся в него, как в свое зеркальное отражение.

Начальство схватилось за голову. Похоже, что получился вечный монумент.

Пришлось выпустить специальное постановление, запрещающее установку скульптуры на садово-огородных участках. «Зеркало» опять утащили на свалку.
А Веру тем временем пригласили в органы. Спрашивали вежливо, даже участливо:
- Куда денежки дела? На какое-такое железо? Не валяй дурака, женщина!..
Но не простофили там сидели, на погонах от звезд тесно, сопоставили верины слова и внезапное появление скульптуры, дошло и до них, что не врет она, все денежки бухнула на металлолом.
- Эх, жалко, что не славный тридцать седьмой год на дворе, - сказал с сожалением главный из органов. – Получила бы свои девять граммов!.. Но не надейся, что за здорово живешь уйдешь от справедливого наказания. Мы тебе навернем срок за опошление мероприятий советской власти…
- Не пугай меня, дядя! – сказала Вера Александровна. – Я пуганая-перепуганая, тертая и битая. Еще не ваше пока время. Вот накатаю заявление в органы, как ты намекал мне отказаться от моего трудового выигрыша… Еще увидим, кто опошляет советскую власть.
- Ха-ха-ха! – рассмеялся главный. – Ты уже в органах находишься…
- Нет таких органов, на которые не нашлись бы другие органы, - сказала женщина, и попала в самую точку. Умные пошли бабы, жуть!
Главный не то, чтобы испугался, он в таких боевых проделках бывал, что страха не ведал, но все-таки предательская мыслишка закралась: а что с его детишками будет, если случится что? Детишки не сказать, чтобы очень малые – под тридцать младшему, но беспомощные, куска хлеба добыть себе не умеют толком.
«Пусть идет отсюда эта тетя по добру, по здорову», - подумал он, а вслух произнес:
- Мы еще выясним, не на подрывные ли цели пошли такие огромные деньги… А пока можете быть свободны. Пока…
И Веру Александровну отпустили, даже не заставили никаких бумаг подписывать.
А скульптура так и прижилась в городе. Поначалу каждый норовил затащить ее на свой участок или свой двор, и это многим казалось несправедливым. Тогда появились энтузиасты, которые принялись собирать подписи за обобществление скульптуры и установку ее точно в географическом центре города. Высчитали, что монумент будет тогда стоять как раз напротив пожарной каланчи, наискосок от дома

с колоннами.
Люди охотно ставили подписи, не часто ведь доводится хоть как будто и безобидно, но все-таки посупротивничать начальству. И буквально за неделю сто одиннадцать тыщ подписей было собрано, и только одна подпись была «против». Это так Бочаров подписался. Уперся и все тут: в историческом центре, говорил он, должны находиться сооружения, имеющие историческое значение. Но одна бочаровская подпись, конечно, не перетянула целую гору подписей его противников.
И скульптуру поставили рядом с каланчой, и каланча потерялась на фоне металлического сверкающего чуда, а дом Мизиновых стал выглядеть рядом с нержавеющим великолепием неряшливым дедушкой, которому не хватает пенсии, чтобы справить новое пальто.
Зато потянулись к монументу иностранные туристы, наслышанные о его чудесных художественных свойствах. Но сколько бы любознательные иностранцы не вглядывались в «Зеркало», они не находили никакого сходства с собой, ну, просто ни малой толики.
Но все равно скульптура прославилась, про нее сняли документальный фильм, который имел успех на западе, готовились снять и художественный, приезжало много ученых, изучавших культурный феномен, не выводились у скульптуры искусствоведы и критики. Кто-то из депутатов предложил изображение скульптуры расположить на гербе города. Многие его поддержали, а заодно внесли новое предложение: переименовать город.
В общем, жизнь шла нескучная.

Глава двадцать пятая: Музей честной истории

Раз - картошка, два - картошка,
три, четыре, пять,
шесть картошек,
семь картошек -
посчитай опять.

Дирижабль «Лизавета» оказался славным кораблем. Он шел легко, в меру быстро, так, чтобы можно было рассмотреть, что делается на земле. И высота полета была подходящая – муравья разглядеть трудно, если только не в бинокль, а горы, леса, степи были как на ладони. И земные обитатели, и лесные, и морские – все – тоже видны были из кабины корабля.

Динозавр вел «Лизавету» уверенно, словно знал точные координаты земли, к которой направлял дирижабль. Он говорил:

- Земля – небольшая планета, рано или поздно, но наш корабль доберется до нужного места. Без карты – даже скорее. Карты только создают иллюзию точности и целенаправленности, в них просматривается некая плановость: сюда не ходи – тут горный хребет, сюда не поворачивай – здесь властвуют грозы… Они как будто хотят нас запутать, точно – именно этого они добиваются. Кому-то выгодно, чтобы люди не знали где им хорошо, и где им будет очень плохо. Если бы карты были верны, то каждый бы посидел над ними вечерок-другой, выбрал бы себе подходящую среду обитания, где клев сумасшедший, где от зарплаты до зарплаты занимать приходится совсем чуть-чуть, где у девок груди арбузами, где ягода-черника растет у самого крыльца.

- Ненавижу карты! – говорила поэтесса Тамара. – Ненавижу всякую точность, в ней нет простора, воздуха, творческой шири.

Поэтесса зачастила в рубку дирижабля, ей интересно было в обществе Динозавра. Ему тоже было приятно, что такая прелестная женщина разбирается в навигации, голова ее занята не только женскими безделушками, но и серьезными проблемами бытия. Спросила как-то: «Почему звезды все круглые, а астероиды так безобразно бесформенны?» - и этим буквально ошеломила его. Он и сам не знал ответа, предположил, что астероиды и метеориты – обломки уничтоженных Непонятыми мирами планет, поэтому так неприглядны.

Она читала ему свои стихи:

«Яр высится лобастый,
красноглинный –
Маринкин яр,
Маринкин яр,

Маринкин!
Как шашкой скошен
берега оскал.
Верблюжьими колючками сухими
Пустыня
выцарапывает имя
Той, чья мольба
здесь слышится и ныне,
Чьи вежи ветр
с набега разбросал».

Динозавр не решился прочитать ей свои строчки, они, вдруг, показались ему такими корявыми, нескладными, вымученными. Вместо этого он сказал хмуро:

- Между прочим, Тамара Михайловна, как раз под нами тот самый Маринкин яр…Тот самый…

- Как интересно! Лизавета! Аристарх!.., - позвала она и прильнула к иллюминатору.

- Я ничего не вижу, - сказал Аристарх. – Речка петляет, деревья стоят…

- Да, отсюда не разглядишь, - согласилась Лизавета.

- Может, на пяток минут приземлимся? – предложила поэтесса. – Хоть на минуточку, а? Может, еще остались какие-то следы?..

- А чьи следы-то? – спросил Аристарх. Дупла он находил замечательные, так он сам говорил, а ему не верить невозможно, а вот истории не знал. Не верил в нее.

- Так будем спускаться? – повторила Тамара Михайловна. Много лет назад, когда она служила матросом на газоходе «Иероним Босх», ей приходилось бывать в этих местах. Она была тогда совсем девчонкой, полыхала в ней безответная любовь к капитану и чужая судьба, хоть бы и царская, занимала ее меньше своей собственной.

Динозавр приказал всем пристегнуть ремни и повел дирижабль на посадку. Через десять минут стопятидесятиметровое судно мягко опустилось в степи, неподалеку от реки.

Путники вышли из каюты, огляделись. Ковыли, полынь, солодка, а неподалеку черные от старости осокори над водой - вот и все, что было здесь, да еще пустырник сердечный, да разрыв-трава, - и больше ничего. И ощущение близости реки, и какая-

то неясная тревога, и еще что-то, не сразу распознанное, наверное все-таки, – полное отсутствие примет времени. Ковыль волновался здесь и четыреста лет назад, и миллион лет тоже; уже десять тысяч лет горько-сладким от солодки был здешний ветер, а, может больше; должно быть от самого сотворения мира висел под облаком черный коршун – и ничего не менялось здесь. Только время от времени обрушивался желтый яр, подмытый речной стремниной, только кричали прожорливые чайки, только тускло поблескивала сквозь траву впечатанная в землю стрелецким сапогом старая жемчужина…

- Здесь на реке должен быть Медвежий остров, - сказала Лизавета, - на нем и держали последнюю оборону казаки Заруцкого…

- А ты откуда знаешь? – удивился Динозавр.

Она промолчала, подъехала на своей коляске к самому обрыву, кусочки глины из-под колес покатились с пятнадцатиметровой высоты к самой воде. Затем Лизавета двинулась вдоль яра, проехала довольно много, и опять остановилась. Прикрыла ресницами глаза и вдруг словно еще больше распахнулся перед ней простор - она увидела и потерянную четыреста лет назад жемчужину, и давно смытый остров, не утонувший до сих пор клочок которого стал песчаной косой на азиатском берегу, и бударку с малоразговорчивым перевозчиком, который ловко управляясь с уключинами, спешит предложить свои услуги – не задаром конечно.

- Здрасте! – закричала она гребцу сверху.

- Здра! – негромко откликнулся тот.

- Не перевезете ли вы нас на ту сторону реки? – спросила Лизавета.

- Мы заплатим! – поддержала ее Тамара.

- Можно, - согласился хозяин будары, даже взглядом не удостаивая гигантский дирижабль; как будто огромные воздушные корабли беспрестанно бороздили эти просторы, и уже порядком приелись.

- Троих возьму, - сказал лодочник. – За четверых не ручаюсь, волна нынче опасная…

С Лизаветой отправились Динозавр и Тамара. Мужик без примет и сам не очень хотел качаться на опасной волне.

- А что там, на Бухарской стороне? – допытывалась поэтесса. – Что ты там такое увидела?

Лизавета пожала плечами, не рассказывать ведь про жемчужину.
Лодочник, несмотря на теплый солнечный день, облаченный в брезентовый плащ, резиновые сапоги, налегал на уключины, и бударка шла скоро, рассекая волну.
- Вы давно здесь живете? – задала гребцу Лизавета глупый вопрос, и сама на себя рассердилась: ну, где он здесь жить может – ни дома, ни сарая никакого не видно?
Перевозчик промолчал.
Лизавета, однако, продолжила беседу:
- Здесь глубина большая?
- Нет… Мелко тут, - ответил лодочник. – Вот у яра – дна нет.
- Ныряли? – не переставала девушка.
- Случалось, ребята местные по молодости мыряли – тут неподалеку поселок Кулагин. Глыбь агромадная! – постепенно разговорился он. – А в позапрошлом годе водолаза запускали, так тот с полдороги вернулся, дескать, не рассчитан на такую глыбь медный шлем и ботинки на свинцовых подошвах. Подошвы эти, говорит, прямо-таки плавятся от давления, а шлем сильно сплющивается, того и гляди сплющится, как сковорода. В нынешнем годе квалангист какой-то приезжал, в маске, с баллоном, наружностью чистая жаба – тоже мырнул, минут десять не было его, а потом вылез и говорит: «Здесь не яма, здесь дыра на ту сторону Земли…»
- Не находили в этих местах чего-нибудь интересное? – продолжала Лизавета.
- Нет, что тут интересного может быть? – сказал он. – Пушки старинные ржавые, сабли, алебарды попадаются на той отмели, куда идем, а интересного нет…Раньше деньги проглядывали сквозь песок, но только медные, черные, как чугунки, а золота не видали…
- А вы знаете, что здесь раньше было? – спросила Лизавета.
- Как не знать. Яик-Горыныч испокон века тек…А донышко у него золоченое, слыхали, небось?
- В смысле, желтого цвета? – спросил Динозавр.
- В смысле – золоченое, - ответил перевозчик. – Золотом покрытое…
- Золото, что ль, добывают здесь?
Лодочник пожал брезентовыми плечами:
- Не слыхал никогда… Вот в давние времена здесь остров стоял – было дело.

Прозывали его Медвежьим… Золото на нем тоже было, но главное - волюшка была. Старики рассказывали, население на острове – шесть сотен казачьих, а с ними сама матушка-царица, но кому службу нести, кому в дозор идти – все вершилось на кругу. Как в допрежние годы. Счастливое то времечко было…

Будара острым носом врезалась в прибрежный песок, путешественники выбрались из лодки. Динозавр помог Лизавете, протянул руку и Тамаре, которая охотно оперлась на нее. «Крепкий парень!», - подумала она.

Лизавета включила моторчик и коляска легко покатилась по плотному, словно спрессованному, песку. Динозавр и поэтесса двинулись за ней.

- Не за волей они бежали, не счастья искали, - сказала девушка. – Жизнь свою спасали… Но поначалу мнилось им, что можно будет в степях свою державу устроить, свое укромное царство. Чтобы властвовать, казнить и миловать, в теремах высоких жить, злато и серебро в подвалах хранить...

- Нет, не здесь Остров заповедный, - согласилась с ней Тамара. – Нам не сюда…

Лизавета задумалась. Она еще немного проехала, остановилась у зарослей травы, сказала:

- Поднимите, пожалуйста, жемчужину. Вон там под травой.

Но на несколько шагов отстали от нее Динозавр и Тамара, и ветерок унес прочь лизаветину просьбу. Тогда она постаралась подъехать еще ближе к тому месту, где дожидалось ее последнее царицыно украшение, должно быть сорванное с груди Марины вязавшим ее казаком. Но узкие колеса внезапно провалились в песок, казавшийся спрессованным, забуксовали, моторчик натужно зажужжал и коляска резко наклонилась вперед, и Лизавета не удержалась, растянулась на горячем от солнца песке, лицом уткнувшись в траву.

Она услышала, как пронзительно закричала Тамара, охнул Динозавр.

Как в детстве, если приходилось падать, она оперлась на руки и быстро поднялась с травы. Вспомнила о жемчужине, нагнулась, подобрала ее, неожиданно прохладную. Обернулась и увидела изумленные глаза своих спутников.

- Ну, ты даешь! – вымолвил Динозавр.

- Ты поднялась, душа моя! – сказала потрясенная Тамара. – Чудо какое!

- А я что говорил? – кричал оставшийся на яру и внимательно наблюдавший за ними

дуплостроитель Аристарх. – Я говорил, что сбудется!..

Тамара бросилась к Лизавете, принялась ее тормошить, ощупывать.

- Сделай шаг! – просила она. – Только осторожно.

Лизавета шагнула, потом еще раз, и еще, и еще…

- Милая! – обняла ее поэтесса. – Дорогая!..

И тут только до Лизаветы дошло случившееся: она задохнулась от счастья.

- Я – живая! Живая! – закричала она. – Я люблю вас всех! Всех! Живая!..

- Может, все-таки Остров здесь? Или был здесь? – задумчиво спросил сам у себя Аристарх, и ответил сам себе:

- Нет, это не тот остров…

За радостной суетой не сразу заметили, что пропал куда-то лодочник. Вспомнили, что даже не спросили, как его зовут.

- Почему же он уехал, даже плату не взял с нас? – удивлялась Тамара. – Странный какой!..

- Мне кажется, он и без денег согласился бы перевезти нас, - сказала Лизавета. – Почему-то так я думаю.

Тамара тоже так думала. А Динозавр решил лучше осмотреть местность. Неподалеку шелестел узкими листьями тальник, а дальше начинался пойменный лес, как темная стена между безлесым в этих местах европейским берегом и азиатской таинственной стороной.

- Ждите меня здесь, - попросил он Тамару и счастливую Лизавету, и отправился к лесу. Через тальник.

Едва он оказался среди гибких, волнующихся на ветру ветвей, как чутье Динозавра подсказало, что он здесь не один. Ни сломанной веточки, ни раздавленного цветка, ни поломанного гриба не заметил он, ни одна тропинка не постелилась ему под ноги, но он почувствовал, что лес не пуст. Между деревьев показалась неширокая полоска воды – должно быть, старица. Он вышел на ее берег, и сразу увидел знакомую будару, а рядом с ней лодочника в удивительном для этого времени года брезентовом плаще.

- Отец, что ж ты нас бросил? – спросил он. – Не вплавь ведь нам добираться?..

И только теперь заметил, что рядом с лодочником стоят двое мужчин,

прислонившись спинами к стволам молодых лип.
- Что ж ты за человек такой, Треня, - сказал один из мужчин, - всех норовишь бросить. Кинуть!..
Второй добавил:
- Но с нами этот фокус не пройдет. Показывай точное место, иначе!..
И он приставил к шее лодочника блеснувшее на солнце лезвие. Другой мужчина вытащил из кармана пистолет и направил его в сторону Динозавра:
- Не двигайся! Еще один шаг и получишь пулю между глаз!
- Ребята, вы что, бандиты? – искренне удивился Динозавр. – Грабители? Но чем вы можете поживиться у нас, путешественников?
- Стой, я сказал тебе! – закричал мужчина с пистолетом.
Динозавр остановился в двух шагах от нападавших, ему было интересно: ну, надо же, лесные разбойники!
- Онучин, убери ножик, - спокойно сказал лодочник. – Если ты меня зарежешь, то никогда не найдешь то, что ищешь, никогда!..
Динозавр изумился еще больше: кого ни встретишь, тот обязательно чего-нибудь разыскивает.
- Так вы тоже ищете? Случайно, не Остров? – спросил он.
Все трое повернулись к нему.
- Да, остров, - в некоторой растерянности сказал Онучин. И обращаясь ко второму разбойнику добавил:
- Слышь, Пальчиков, кажется, у нас еще конкуренты объявились. Что будем делать?
- Расспросим человека, - сказал Пальчиков, - пусть он нам все расскажет. А если станет чего-нибудь утаивать, то пусть не обижается.
- Ребята, я, конечно, благодарен вам, что признали меня человеком, хотя это немного не так, - сказал Динозавр. – Я – Динозавр.
Пальчиков подошел к Динозавру вплотную, упер ствол пистолета в грудь, произнес негромко:
- Выкладывай, нашел ты остров? Будь ты хоть жаба, хоть кактус, а говорить тебя мы заставим.
- Этот Остров уж какой век ищут, а вы захотели, чтобы мы его нашли с налета? –

улыбнулся Динозавр. – Хотя общее направление поисков понятно…
- Что ты несешь, мужик? – закричал Онучин. – Не придуривайся, иначе я сейчас тебе голову твоего дружка брошу!..
- Да он не тот Остров ищет, который тебе нужно, - подал голос лодочник Треня, он Камбайское царство разыскивает…
- Которое Беловодское? – выказал знание предмета Пальчиков. – Так ты сумасшедший? На кой ляд оно тебе понадобилось? Ни тебе казино, ни веселых девочек… Говорят, там кругом одни библиотеки и музеи – скукота…
- Темнишь, кактус? – Онучин убрал нож от лодочника и двинулся по направлению к Динозавру. – Я сейчас тебя настрогаю!.. Нашинкую!..
Динозавр пули не боялся, от кастета отмахивался, как от назойливой мухи, нипочем ему были нунчаки, а ножей не любил. Не любил, и весь тут сказ. Ни финки, ни устрашающие охотничьи ножи, ни узкие стилеты ему никогда не нравились. Поэтому он не стал дожидаться, когда Онучин пустит в ход свое лезвие, а бросился на разбойника. В одно мгновенье скрутил его, да так ловко, как будто всю жизнь этим и занимался. Пальчиков, видя, как расправились с его товарищем, оробел, сунул пистолет в карман и кинулся в лес, но Динозавр, с помощью Трени, настиг и его, разоружил. У обоих разбойников оказались пистолеты.
В лодке нашлась веревка, Динозавр связал бандитов, и спросил у лодочника:
- Что здесь происходит? Откуда эти агрессоры?
Тот размышлял с минуту: рассказывать или не рассказывать, но все-таки решился – будь что будет! Откашлялся, приступил: «Меня не случайно зовут Треней. Я - потомок атамана Трени Уса, того самого, который верховодил в последние дни на стану царицы. День только отбивались казаки от отрядов, которыми командовали стрелецкие головы Гордей Пальчиков и Севостьян Онучин, а потом связали Заруцкого, Марину, ее сына, выдали стрельцам…Те повезли их в Астрахань, а оттуда скованными в Москву…»
Треня заметил округлившиеся глаза Динозавра и кивнул:
- Именно так, эти нынешние бандиты Онучин и Пальчиков ведут свою родословную от тех самых стрелецких голов. Их и зовут также! Вот же сошлось как, будто в романе писаном.

«Так вот, - продолжил он рассказ, Иван Заруцкий и Марина, предчувствуя дурное, зарыли на Медвежьем острове сундуки с золотом и драгоценностями, документами, которым сегодня цены нет. Сами они вряд ли надеялись вернуться на Яик, но, должно быть, беглая царица не предполагала, что такая печальная судьба ожидает ее четырехлетнего сына, поэтому Заруцкий составил подробную карту и описание места, где спрятаны сокровища. Но ни Заруцкий, ни тем более Марина не знали, что Яик – речка живая, петляющая, как змея, в песках. Чуть не каждый год она может выбирать себе новое русло. Там, где вчера был остров, там сегодня самое речное стремя, где глыбь безмерная была, там остров из-под воды вспухает. За четыреста лет речка сама себя запутала, так что говорить о людях? Путаница происходит и в головах человечьих: в то времечко далекое существовал не только остров Медвежий, но неподалеку и Медвежий городок, и кое кто считает, что этот самый городок был центром всего тогдашнего Яицкого войска. Если это так, то место здесь было людное и клад мог случайно найти кто угодно. Но хоть какой-то отголосок этого события не мог не дойти до наших дней...

Карта пропала в тот же день, когда беглецы были повязаны по рукам и ногам. То ли ее, не разобравшись, вместе с другими документами, отвезли в Москву, а там засунули в какой-нибудь пыльный архивный угол, то ли попала она к стрелецким головам, но те не имели возможности сразу заняться раскопками или хотели вернуться на Яик позже, чтобы уже без лишних свидетелей достать золото – кто знает сегодня правду? Но не близкий свет от Москвы до Яика – не сложилось у стрелецких воевод скоро отправиться за кладом Марины, прошли годы – и карта куда-то запропастилась, завалилась за сундук или придавлена в комоде пожелтевшим кружевным бельем, или играли ею ребятишки, разодрали в клочья – и пропала тайна.

Но тайна не пропала насовсем, она где-то пряталась четыре столетия, а несколько лет назад спланировала мне на голову. У нас во дворе, зацепившись за чью-то антенну, несколько недель размокал под дождями воздушный змей, сделанный находчивыми мальчишками из списанных старых портретов бывших вождей. Так вот, в один из ветреных дней мне на голову слетела сверху улыбка Лаврентия Павловича. Я хотел было выбросить остатки воздушного змея в мусорный ящик, но обратил

внимание, что с обратной стороны портрета Берия нарисована какая-то карта с нанесенными на нее ориентирами – «камень-баба», «трехствольный осокорь»…, и что-то написано. Разобрать написанное было невозможно, так постарался дождь, но подпись под текстом сохранилась прекрасно: «Треня Ус». А надо сказать, у нас в семье каждому была известна сказка о несчастной царице-красавице, ее заколдованных сокровищах, которые никому не даются в руки, добром молодце атамане, вставшем на защиту гонимой царицы. Конец был счастливый: атаман добирается до золота, снимает с него заклятие, и, как водится, женится на красавице, и живут они долго и счастливо до той поры, пока в один день смерть не забирает их к себе. Зная, что реальная история окончилась иначе, и что атаман Треня Ус, скорее всего, был одним из тех, кто выдал Марину стрельцам, мы считали, что и все, что касается сокровища, тоже является вымыслом – сказка она и есть сказка. А тут, вдруг, копия явно старинной карты, сделанная на обороте портрета, который, наверное, казался тогда вечным, таинственные пометки. Чуть не в самом центре карты стоит крест и под ним краткая надпись: «Казна».

Соблазн найти старинный клад был велик, хотя я понимал, что шансов на это немного – за четыреста лет много воды утекло, земля стала другой, сам воздух стал другим. Да и не было никакой уверенности в том, что тот, кто сделал копию карты, давным-давно не нашел сокровища Марины. Но я все-таки решил отправиться сюда, скорее, на разведку, чем на поиски. Я понимал, что одному мне вряд ли по плечу такое дело, а посвящать в него никого не хотелось.

И тут объявились эти два разбойника! Как они узнали о существовании карты, просто ума не приложу! Должно быть, все клады имеют какой-то особый магнетизм, даже если и самого клада нет, а только слух о нем идет – кладокопатели тут как тут! Ну а эти стрелецкие потомки, как подводные мины судьбы, едва пошла рябь по воде, так они сразу всплыли.

Сначала донимали телефонными звонками, потом караулили меня у подъезда, предлагали объединить усилия – золота, изумрудов на всех хватит! Раза два пытались меня ограбить, стращали убийством, в общем, надоели порядком. Я дождался самой темной ночи, прокрался на вокзал и уехал сюда, на Маринкин яр, где пока осматривался, пытаясь найти хоть какие-то ориентиры. Время от времени,

чтобы не вызвать к своей особе ненужный интерес, занимался то перевозом, то изображал из себя собирателя бабочек… Вот сегодня перевез и вас…»
Треня умолк, вздохнул, видимо память, завещанная ему четыре века назад, не давала покоя.
- Нам пора, - сказал Динозавр. – Лизавета с Тамарой, наверное, заждались нас. Да и этот, который без примет.
- А что с этими делать? – кивнул Треня в сторону связанных Онучина и Пальчикова. – Утопить что ли?
Разбойники стали ожесточенно выдираться из своих пут.
- А, может, все-таки отпустите их? – предложил Динозавр. – Пусть дадут честное слово, что прекратят разбойничать, все-таки потомки, каких-никаких, а полководцев…
- Даете честное слово, что не будете больше охальничать? – спросил Треня у Гордея и Севостьяна, но те только зарычали в ответ.
- Придется использовать их на принудительных земляных работах, - сказал Треня, - с выплатой заработной платы за кубатуру вынутого грунта… Как известно, земляные работы очень дешевы, но на хлеб хватит, а воды здесь – целая река.
Он взял пистолет, проверил обойму:
- Если что, рука у меня не дрогнет. Поняли?
- Поняли, - пробурчали разбойники, лихорадочно соображая, что это даже хорошо, что они оказались как бы в плену у Трени – рядом с картой, рядом со всеми секретами. Вот найдут клад, тогда и разберутся что к чему.
Лизавета и Тамара были нисколько не удивлены, что их пути пересеклись с искателями клада.
- Мы тоже клад ищем, - сказала Лизавета, - только более ценный…
При этих словах Гордей и Севостьян насторожились. Но Динозавр показал им увесистый кулак, и те успокоились, надолго ли?
Путешественники решили у Маринкина яра сделать дневку: Треня пообещал угостить их ухой, рецепт которой якобы сохранился со времен знаменитого атамана.
Затрещал костер, в котелках забулькала вода.
- Что будете делать с сокровищами, если найдете их? – спросила Тамара у Трени. – Ведь это миллионы на наши деньги…

- Были бы деньги, а истратить их – самое простое дело, - ответил вместо Трени Аристарх, который тоже перебрался на Бухарскую сторону…
- И потом, эти сокровища принадлежат не вам, разве вы их закапывали? – строго продолжила поэтесса.
Треня вздохнул.
- Знали бы вы, как мы жили, - сказал он. – То бегали, то прятались. Наверное, ни разу не поужинали спокойно, ожидая – вот сейчас постучат! Раскулачивание, расказачивание… Да что там, от царя Бориса повелось рубить казакам лихие головы бессчетно – за малую провинность, а чаще без всякой вины. Я мечтаю открыть музей честной истории, эти бы средства очень сгодились бы…
- Честная история? – переспросила Лизавета. – Ученым не понравится…
- Конечно, - сказал Динозавр, - ведь тогда не придется так часто придумывать ее заново…
- А мне эта затея по душе, - сказала поэтесса. – Очень!.. Пожалуй, я для вашего музея напишу стихи. На историческую тему. Возьмете?..
- Конечно! – просиял Треня.
- Если музей открывать, то и я – за! – вскинула руку Лизавета, ей нравилось двигаться, она наслаждалась силой, энергией, вернувшимися в ее тело. – И дарю музею первый экспонат. Я жемчужину сегодня нашла старинную, наверное, царицину. За всей суетой нынешнего дня я совсем забыла про нее. Вот она, держите.
Треня взял жемчужину, на белом перламутре полыхали блики пламени костра.
- Вполне может оказаться, что сокровища дожидаются нас там, где была жемчужина, - сказал он. – Она, скорее всего, оставлена с заклятьем – оберегать клад, отводить глаза злоумышленникам…
- Так я же подняла ее, что теперь будет?..
- Не бойся, ты же не злоумышленница…
- Завтра я покажу вам это место, - сказала Лизавета Трене.
Уха, обещанная Треней, и взаправду оказалась такой, что за уши не оттащишь. Накормили и Гордея с Севостьяном.
- Ешьте, ешьте, соколики, - приговаривал над ними Динозавр. – Завтра вам много силы потребуется.

- Рабство запрещено, - подал голос Гордей.

Не промолчал и второй:

- Мы найдем на вас управу! Нас разбойниками называете, а сами хуже – и бродяги, и жулики, и, конечно, шпионы. Со своего цеппелина все высматриваете, все вынюхиваете и передаете прямиком в иностранные разведки! Так я и скажу, где положено.

- Так вы будете копать? – спросил Треня.

- Будем! – в один голос сказали потомки стрелецких голов. Им очень хотелось хотя бы подержать золото в своих руках, хотя бы увидеть его, убедиться, что оно существует.

Незаметно над Уралом опустилась ночь. Сто миллиардов звезд загорелись над ярами, песками, лесом, еще сто миллиардов осветили степь, дальние и ближние озера, старицы, ерики, а остальные – без числа – повисли над пылающим костром, над путешественниками, окружившими таинственный оранжевый огонь. Лизавета спрашивала себя: почему в костре всегда тайна, или только здесь огонь становится таким? Но ответить не могла, не могла и наглядеться на пламя; чем дольше она смотрела, тем спокойнее, уютнее становилось на душе, как будто она отогревалась у этого костра.

На реке послышалась возня, всплески.

- Рыбы в нынешнем году много! – сказал Треня. – И сазан, и судак, а надысь я две стерлядки выцепил…

- И на ягоду год богатый, - сказала Тамара. – Я заметила, что ежевики много уродилось, в терновнике все сизо от терна, да такого крупного…

- Звезды тоже уродились на славу! – улыбнулась Лизавета.

- Может, весь год будет счастливым? Так бывает? – спросил Динозавр.

- Бывает, - хмуро откликнулся Гордей Пальчиков.

- Вот найдем завтра золото, разделим – и всем привалит счастье, - добавил Севостьян Онучин.

- Разделим…,- эхом отозвался мужик без примет.

В это время странная вспышка осветила небо. Не молния, не зарница, не след от скатившейся под ноги звезды, а пульсирующее голубое свечение. Лизавета вспомнила, что однажды уже видела такое, в день, когда она загадала желание у

царя леса. Тогда она ясно различила, что свет исходил из какого-то предмета, напоминающего огромное яйцо. Сквозь прозрачные стенки Лизавета различила, что внутри его находился человек.

И в этот раз девушка сумела рассмотреть яйцо, но было ли что-нибудь внутри его – разглядеть не удалось.

- Видели, видели? – спросила она у своих спутников. – Я почти уверена, что это космический корабль! Он вернулся на Землю… Я наблюдала, когда он стартовал… Правда, давным–давно это было…

- Да, нет, это гроза где-то полыхает, - сказал Аристарх. – Космические корабли здесь не летают. Да и вообще их не бывает на свете, выдумки все это…Фантастика.

- Чистая правда! – заупрямилась девушка, член тайного общества ОРГБОРЧУД Ольга Южная.

- Если бы это было правдой, - не отступался от своего Аристарх, - то все люди давно бы разлетелись на разные звезды – их на всех хватает.

- Может, с течением времени и разлетятся, - сказала Лизавета, - сейчас многие звезды известны по номерам, а потом получат имена человеческие. Будет звезда Ивана Павловича, планета семьи Серебряковых, созвездие братьев Миловых… А что, разве плохо?

- Давайте спать? – предложил Динозавр. – Глухая ночь…

- Разве она глухая, по моему и слух, и голос у нее замечательный? – сказала Лизавета. – Вы послушайте только!..

На самом деле тысячи звуков наполняли эту ночь. И звенели в небесах крошечные колокольчики – под каждой звездой свой, и перекликались с яра на яр сверчки, и кричали невидимые лесные птицы – чистая музыка разливалась над Уралом-рекой. И все-таки тихо-тихо было над этой землей, что можно расслышать, как посапывает у себя в норе луговой суслик, как скользит с вершины осокоря сорванный раньше поры ночным ветерком листок…

Путешественники улеглись, примолкли, но, кажется, еще долго не спали, смотрели в ночное небо, и каждый думал о своем. О чем?..

Наутро Лизавета привела всех к тем зарослям травы, где она нашла царскую жемчужину.

- Перламутровый зрачок, отведи от нас старинное проклятье, черную беду, сделай явным то, что было тайным! – быстро проговорила она.

Тамара удивилась:

- Откуда ты знаешь отворотное заклятье?

Лизавета не стала скрывать:

- Да, ничего я не знаю, сама только что придумала. А теперь нужно жемчужину в Урал бросить…

Тамара с сомнением посмотрела на девушку, но промолчала.

Лизавета взяла жемчужину, размахнулась и закинула ее на самую стремнину:

- Возвращаем тебя в родную стихию!

- Ну, а теперь надо копать, - напомнил Динозавр.

Севостьян и Гордей хмуро взялись за лопаты. Им взялся помогать Аристарх. Мужик без примет сделался невидимым, неслышимым. О нем бы и позабыли, но он пришел к костру за завтраком.

Уже через пять минут лопаты наткнулись на каменную кладку. Расчистили песок, вырубили зеленые заросли, и ясно стала различима верхняя часть арки.

- Прямо-таки палаты под землей! – пробурчал Гордей.

- И когда только успели! – сказал Севостьян. – Видать, шибко погони опасались, целый бункер в землю закопали…

- Не думаю, что стены очень прочны – обычной глиной камни скреплены, - сказал Динозавр. И словно в подтверждение его слов, часть кладки обрушилась и образовался большой темный лаз, ведущий куда-то далеко под землю. Из лаза тянуло сыростью и холодом, выстрелами звучала в кромешной темноте капель. Искатели приключений невольно попятились от черного лаза.

- Добровольцев отправиться за золотом, как будто, нет, - сказал Динозавр. – Придется мне…

- Ну почему же нет, - перебил его Треня. – Я готов! Собственно, идея моя, мне и рисковать..

- Это еще разобраться надо – чья идея, - чуть не в один голос произнесли разбойники Пальчиков и Онучин. – Мы тоже вызываемся лезть под землю…

На том и порешили. Идти за сокровищами троим. Взяли веревки, лопаты, запалили

факелы, в дирижабле нашелся один электрический фонарик, Треня сунул в карман пистолет – мало ли чего может случиться под землей?
- С Богом! – сказала Лизавета. – Ждем вас с нетерпением! Главное сами возвращайтесь невредимыми, а сокровища - не главное.
И уже через минуту Треня оказался в нешироком и невысоком сводчатом коридоре, в котором двигаться можно было только нагнув голову.
- Все-таки четыреста лет назад люди были более низкорослыми, чем теперь, - сказал он подоспевшим Пальчикову и Онучину.
- Или камня не хватало, чтобы строить потолки выше, - сказал Пальчиков.
- Откуда же они камень возили, из Индера? – спросил Онучин.
- Откуда бы не возили, а сумели такое подземелье соорудить! – сказал Треня.
Они осторожно двинулись вперед. Под ногами плюхала вода, почти непрерывным дождем сыпались сверху холодные капли, каменные стены, как будто слезились.
- Сдается мне, что это подземелье доживает последние свои времена, - сказал Пальчиков. – Успеть бы выбраться отсюда, пока оно не рухнуло…
- И не с пустыми руками, - добавил Онучин.
Коридор оказался короче, чем представлялось наверху, и он уперся в массивную деревянную дверь.
- Вот! – торжественно сказал Онучин. – Здесь!..
Треня пнул дверь ногой, хохотнул зло:
- Этой двери от силы десяток - другой лет, любая другая давно бы уже сгнила в этой воде.
- Что ты мелешь! – прошипел Пальчиков.
- Открываем дверь! – Онучин не захотел даже вдумываться в то, что сказал Треня.
Дверь оказалась запертой на чугунный засов, на котором висел небольшой ржавый замок. Кладоискатели сбили замок ударами лопаты, и не без труда отворили дверь. Просунули в дверной проем факел. Колеблющийся огонь осветил совсем небольшое помещение, и как показалось на первый взгляд совершенно пустое.
- Облом! – сказал Онучин. – Полный, полнее даже не бывает. Поверили девке с ее дурацкой жемчужиной, не посмотрели даже на карту, кинулись, сломя голову…
- Вам некуда и смотреть, - сказал Треня, - карта – у меня, и я еще утром сверился с

ней – все сходилось точно…

- Тогда где золото? Где изумруды, где алмазы?..

- А, может, она отворотное заклятье неверно прочитала? – гадал Треня.

- Да она сама его придумала! – закричал Пальчиков, да так громко, что с потолка посыпалась мокрая глина. – Какое заклятье!

- Может, всего одно слово лишнее сказала, или наоборот не договорила? – гнул свое упрямый потомок атамана. – Что она прокричала, когда жемчужину бросала в реку? «Перламутровый зрачок, отведи от нас старинное проклятье, черную беду, сделай явным то, что было тайным! - вспомнил он слова девушки. – И еще «Возвращаем тебя в родную стихию!» Может, всего-то надо добавить «спасибо»? А?..

Его спутники смотрели на него, как на блаженного. Тогда он набрал в легкие воздуху и крикнул что есть мочи:

- Спасибо, перламутровый зрачок!

И в ту же секунду до них донесся звук обвала. Что-то обрушилось в помещении за деревянной дверью. Они опять просунули в дверь факел, он шипел, как пригорающее масло на плите, чадил, но и в его свете им удалось разглядеть, что обвалилась глина с трех стен помещения и открылись каменные плиты – не то с какими-то надписями, не то отпечатками.

Треня достал электрический фонарик, яркий круг пополз по плитам.

- Плиты эти явно прикрывают лазы, - сказал Треня, - так что, поиски продолжаются!..

Свет фонарика остановился на первой надписи. «Казна» - прочитали все.

- Наконец-то! – сказал Пальчиков.

Треня посветил на вторую плиту. Слово «Казна» было и на нем. На третьем камне - то же самое.

Онучин присвистнул:

- Во сколько золотища!

- Или кто-то следы путает, - предположил Треня. – А вот, кажется, и они сами…следы эти…

Он протиснулся в помещение, направил фонарь себе под ноги и поднял тяжеленный ком глины, может быть, единственный сухой в этом мрачном подземелье. И тут же где-то совсем рядом послышался короткий хриплый смешок, или послышалось? На

глине был явно различим пятипалый, когтистый след неведомой птицы. След огромный, жуткий, нереальный.
- Хорошая птичка свила здесь себе гнездышко, - сказал Треня, - Этому следу явно не четыреста лет…
- Чего тут рассуждать, надо копать, - раздраженно сказал Онучин. Ему было страшно и он прятал свой страх за ворчливостью. Ему и копать не хотелось, но сознание, что найдут сокровище без него, было для него непереносимо. – Чего время тянуть? Нас трое, вот каждый и займется одним лазом.
- Только отправим наверх этот след, - согласился Треня.
Динозавр и Аристарх подняли на веревках комок глины на поверхность и Лизавета сразу узнала когтистую лапу; только теперь она предстала перед ней в натуральную величину.
- Как успехи, рудознатцы? – крикнула она вниз.
- Пока особо похвастать нечем, - откликнулся Треня.
Рудознатцы взялись за лопаты. Сначала отвалили от стен плиты, и на самом деле за плитами оказались довольно тесные лазы, впрочем, других лазов не бывает, иначе они назывались бы коридорами, проходами. В лазах поэтому нужно лазать.
Треня перекрестился и протиснулся в свой подземный ход. Стало еще темнее, перехватило дыхание и он посочувствовал разбойникам, у которых не было фонарика – только чадящие факелы.
Лаз то делался шире, то сужался, и двигаться почти все время приходилось ползком. В голову назойливо лезла мысль: «Вот завалит сейчас, засыплет мокрой глиной, будешь, как червяк извиваться, пока дух не испустишь!..»
Пальчикову и Онучина действительно приходилось труднее. Факел мог погаснуть в любую минуту, и ледяной ужас вползал в души потомков стрелецких голов.
Внезапно лаз, по которому пробирался Треня, резко повернул влево, стал просторнее, лодочник даже встал в полный рост. Пальчиков тоже заметил, что проход стал просторнее, изменил направление. Онучин неожиданно оказался в небольшой квадратной комнатке, и вдруг заметил, что в комнатку эту откуда-то пробивается тусклый свет. Что это? Выход из подземелья? Но тогда, где же бриллианты и золото? Или ему только померещился этот свет?

Он протянул факел вперед: глиняные осклизлые стены, на полу лужи воды и непроглядная чернота, прячущаяся в углах комнаты. Наверное, все-таки померещилось…

Но вот опять мелькнул лучик света, и еще один. Что это? Пальчиков принялся руками исследовать стены комнаты, и обнаружил, что под мокрой глиной скрываются еще как минимум еще три лаза, не считая того, через который он сам сюда проник. Откуда же пробивается свет? Сверху? Он поднял голову к потолку и тут же тот обрушился – в одном месте, другом – и как на санках сверху скатились, с криком и чертыханьями, сначала Треня, потом Онучин. Кладоискатели свалились друг на дружку, мокрые, грязные.

Они еще не успели прийти в себя от такого внезапного воссоединения, как раздался страшный треск, ходуном заходила земля под ногами, расступился глиняный пол и кладоискатели провалились, как показалось им, в преисподнюю. Но оказались на ярком свету, на самом берегу реки. Когда глаза привыкли к солнечным лучам, оказалось, что над ними нависает карнизом огромный яр, а на самом его краю кренится к воде черный тополь и его переплетенные корни достают до воды и кажется, что гигантское дерево шагает в реку; где-то в путанице корней остался вход в подземный лаз, откуда они скатились кубарем.

Они принялись отряхиваться, прокашливаться, умываться из реки, и не сразу заметили, что неподалеку от них у самой кромки воды стоит женщина, и смотрит на реку. Да так пристально, так отрешенно, что не замечает троих мужчин, свалившихся откуда-то сверху.

- Здравствуйте! – наконец увидел женщину Треня. – Рыбачите?..

Она кивнула ему, спросила:

- Ищете что-то?

Тут только он рассмотрел ее: невысокого роста, тонкая, в длинном плаще с капюшоном, из-под которого пробивались темные волосы. Сразу бросились в глаза строго сжатые тонкие губы, узкий подбородок, сверкающие черные глаза. Ее лицо можно было назвать красивым, но проглядывалось во всем ее облике что-то чрезмерно строгое, даже сухое. И мелькала во взоре непонятная хитринка. Она была не стара, скорее всего, менее тридцати, но трудно было предположить, что в ней

есть все, что бывает у молодости, что она способна улыбаться во весь рот, танцевать, до рассвета гулять с ребятами. «Монашка, точно монашка! - подумал он. – Да и наряд какой-то монашеский. Может, монастырь где-то рядом?

Увидели наконец ее и Пальчиков с Онучиным, подошли ближе.

- Здорово, мать! – сказал Онучин. Он выглядел старше «матери» лет на пятнадцать.

Она поклонилась.

- Девушка, отсюда до поселка далеко? – спросил Пальчиков.

- Поселков тут много, - ответила она, - Харкин, Кулагин, Гребенщиков… Вам какой? Или все-таки Медвежий городок?..

- Да, городок, - быстро сказал Треня.

Она едва заметно улыбнулась, спросила:

- Или Медвежий остров?..

- И остров тоже, - опять поторопился Треня.

- Не смейтесь надо мной, панове! И городок, и остров – перед вами, разве вам очи запорошило?..

Кладоискатели огляделись, Пальчиков даже вскарабкался на высоченный яр: домишки Кулагинкого поселка были видны, но никакого острова, тем более городка не было и в помине.

- Подозрительная бабенка, - шепнул Пальчиков Онучину. – Что-то вынюхивает здесь. Чует мое сердце, не белье она сюда ходит полоскать.

- Да у нее и нет ничего, - согласился Онучин. – А ты обратил внимание, что в последней комнатушке – в подземелье – еще три новых лаза было?.. Как будто лабиринт какой-то?

- Ночью надо посмотреть, - предложил Пальчиков, - пока эти бродяги ушами хлопают…

- Посмотрим, - пообещал Онучин. А обращаясь к женщине, спросил с ехидством:

- А вы, случайно, не в этом городке живете? Там ваш дом?

- Мой дом в другом месте, - ответила она. – Вы тоже не здешние… И если городка Медвежьего не можете рассмотреть, то как вы найдете то, что ищете?.. Ведь вы ищете, верно?

- Ищем, да, - ответил за всех Треня.- Да и не только мы… Кто ищет самоцветы, кто

потерянных невест, кто города и даже целые царства…
- Чего бы вы не искали, найти это можно только когда веришь, что найдешь…
- Тоже мне истину открыла, - пробурчал негромко Онучин, - когда веришь… Если бы я не верил, то ползал бы тут по глиняным норам?
И в эту секунду на яру прозвучал рожок. Игравшего не было видно, скорее всего, он был как раз над тем местом, откуда скатились незадачливые кладоискатели.
Женщина встрепенулась, надвинула капюшон на глаза, при этом в разрезе ворота мелькнули белые кружева, и быстро, привычно стала подниматься на яр. На самом верху обернулась, пристально взглянула на Урал, как будто действительно увидела остров, махнула рукой, сказала внятно, но негромко:
- Прощайте!..
И, решительно шагая, скрылась из глаз.
- Послушайте! – бросился ей вслед Треня. Он хотел спросить, как ее зовут, но когда вскарабкался на яр, ее уже не было.
- Интеллигенция деревенская! – бросил ей вслед Онучин. – Учетчица какая-нибудь…
- Или из колхозной самодеятельности, - предположил Пальчиков.
- Все! – сказал Треня. – На сегодня археологические работы завершаются, возвращаемся в лагерь.
Лизавета, Тамара, Динозавр, Аристарх и мужик без примет с нетерпением ждали кладоискателей у входа в подземелье и очень удивились, что те пришли откуда-то из-под яра, который тянулся в этом месте километра на три.
Подземные искальцы хмуро рассказывали о неудаче, которая постигла их.
- Если и было тут сокровище, то давным-давно его нет, - говорил Треня. - Откуда там, под землей «свежие» двери? Откуда следы пятипалой птицы?
- Это следы Ку-Эн-Зима, и наверняка его проделки, - Лизавета рассказала, все что знала, о ненавистнике человечества, о злобном посланце далеких галактик, а знала она очень много, как тайный член ОРГБОРЧУДа. – Он может заинтересоваться самоцветами и золотом только если заметит наш неумеренный интерес к ним… Все для него только средство борьбы с нашей цивилизацией.
- Мы уже второй день на земле, - напомнил Динозавр. – Не пора ли в путь?
- Может, взаправду пора закончить поиски золота? – предложила Лизавета. – Наш

дирижабль готов к старту. Завтра в восемь утра отправляемся дальше…
Еще одну ночь провели путешественники под звездами на берегу Урала. Все так же над ними сияли бессчетные звезды, притягивало, как вечность, бездонное черное небо, потрескивал костер, и никто из них не знал, что они – самые счастливые на земле – сейчас, сегодня, всегда, как все, кто живет в родном краю…
Утром обнаружилось, что пропали Онучин и Пальчиков. Бросились их разыскивать. Решили, что, скорее всего, кладоискатели отправились к тому месту под яром, откуда они вчера скатились кувырком, наверное, что-то все-таки рассмотрели при свете факелов. Но оказалось, что за ночь часть яра обрушилась в реку, вместе с огромным осокорем, чьи корни еще вчера черными космами свисали над водой. Путешественники напрасно искали вход в обсыпавшийся лаз, Урал надежно скрыл его.
- Боюсь, что пропали они под землей, если решились опять спуститься в ненадежный подземный ход, - сказала сердобольная Тамара.
- Думаю, что они невредимы, и даже счастливы, - сказала Лизавета, и подняла из-под ног массивную золотую цепь. Красное старинное золото тускло блеснуло в лучах рассветного солнца.
- Нашли! – взмахнул руками Треня. – Эх, и крапивное же стрелецкое семя! Теперь с кладом за границу утекут. Как пить дать, утекут, пракудники!
- Может быть, останутся, - сказала Лизавета, которая рассмотрела с высокого берега, как у следующего яра - Харкинского, за крутым поворотом - километрах в пяти отсюда – распускает свой прямой парус неизвестно откуда взявшийся струг, а в нем неулыбчивые мужчины – яицкая удаль, да гребцы с натруженными ладонями, да женщина в плаще с капюшоном, в которой Треня легко узнал бы вчерашнюю незнакомку. У ног женщины сундуки с крышками, обитыми кованой медью, а в сундуках… понятно, что бывает в старинных сундуках. А на берегу рвутся из пут, связанные Гордей и Севостьян, но лучше им посидеть пока смирно, потому, что спутники женщины в плаще шутить не любят. И откуда они только взялись?
Лизавете даже немного стало жалко Онучина с Пальчиковым, так старались они, так надеялись…А теперь…
Еще до рассвета путешественники распрощались с Треней, который сел за весла

своей будары:
- Может, еще повезет?
Ровно в восемь дирижабль мягко оторвался от земли. Скитальцам отчего-то стало грустно.
У штурвала стояла Тамара, бережно направляемая Динозавром:
- Так, так, Тамара Михайловна… У вас отлично получается!
Зеленая летняя земля, перепоясанная речками, проплывала внизу. И вдруг что-то еще рассмотрела Лизавета. Нечто похожее на сброшенную кожу. Только кто носит серебристую кожу?
«Что, что это? – спросила она у себя. – То самое давешнее светящееся яйцо?.. Плацента?.. Точно, точно, это детское место… Значит, кто-то родился?»
Не могла она знать, что завершился межзвездный путь первого галактического космонавта, что судьба, наверное, навсегда оставила его в далеком далеке, да таком далеком, что ниоткуда не видно, заперла в городе, израненном страшными боями, окружила чужими людьми.
Бывает, что так заканчиваются походы за счастьем.

Глава двадцать шестая: смерть Ку-Эн-Зима

Раз, два, три, четыре, пять
Букой вздумали пугать.
Три, четыре, пять и шесть,
Вы не верьте, что он есть.
Пять и шесть, а дальше семь,
Буки, братцы, нет совсем.

Не мог он тосковать, да и повода для тоски никакого, но тосковал. Удалось взорвать шхуну, повредить самолет этой безумной кампании, сделать много других гадостей –

увеличить в четыре раза число саранчи на земле, разбудить потухшие вулканы, напустить на беззащитные прибрежные страны гигантские волны. А уж по мелочам – бессчетно: подножки, да не простые, а от которых летят кувырком в лужу или сточную канаву; доносы – не безобидные, а самые грязные, без малой капли правды, но похожие на всю правду…

А как любил он брать в долг, пусть немного, всего трояк, но потом никогда не возвращать, читать в глазах кредиторов немой вопрос: когда, сука, отдашь?- но не смущаться, а хохотать во все горло – нагло, торжествующе: царапина к царапине, а вот уже сна нет, равновесия жизненного нет, а только злоба душит, как ночной сухой кашель.

А каким он мастером был на розыгрыши, когда кажется, что это шутка безобидная – подумаешь, лошадь на шляпу нагадила, с кем не бывает, но как она исхитрилась? (она – лошадь или шляпа?).

А как виртуозно умел поддакивать, когда, случалось, человек перед ним душу выворачивал, а потом все переврать, искривить – и всем по секрету, будто бы, раззвонить. А каким другом-товарищем считался он у пьяниц – всегда-то у него в запасе была чекушка, а за ней и вторая, и третья. Он в любой час дня и ночи готов был сбегать в ларек за самопалом, а если что, знал, где тройняшка имеется в продаже. Он охотно подливал какому-нибудь парнишке, а потом приходил к его старушке-матери, говорил с презрением: «Ваш-то Руслан у меня в сарае валяется, опять надрался, как зюзя, будете забирать его или пусть замерзает?» Старушка-мать, конечно, торопилась забрать сына, а Ку-Эн-Зим над ними насмехался. Больному он любил намекнуть о безнадежности его положения, здоровому наврать, что тот скоро заболеет…

В общем, было о чем рапортовать в Непонятые миры, рассчитывая даже на награду. В прежние годы он мечтал об ордене Жабы с бриллиантами посмертно, но сейчас довольствовался бы медалью «За выслугу лет» и скромной квартиркой за границей непримиримых галактик.

Он был виртуозом вражды, войн разжег столько, что со счета сбился, а одна так и тлеет уж который век; скольким мужьям рассказал об их женах, а женам намекнул про мужей – из-за этого больше всего и случилось войн.

Есть чем гордиться. Но не спешил он отправлять итоговый отчет. Из центра тоже не торопили, словно давали понять, что поработал он, слов нет, плодотворно, смело сражался на поприще установления вечной гармонии, но…

Не давало покоя это крошечное «но», всегда мешающее поставить завершающее восклицание - едва заметная соринка в сияющем чистотой хрустальном бокале, одна-единственная опечатка в огромном томе… Как ни назови, а существовало нечто, что проникало в его нанокристаллическую душу тягучей тоской. Что его тяготило? – улыбка Лизаветы, стихи Тамары, независимость Грига, любовь Даши, ворчливая строгость Ксении Павловны, немереная сила Динозавра, отвага Харитона Харитоновича, непонятные миссии таких разных и таких похожих мужиков – заскорузлого, фиолетового и того, который без всяких примет, начитанность Бочарова, конструкторский талант Игната, проницательность писателя Иванова… – этого он не знал, но на всякий случай ненавидел все это, и все другое.

Едва ли не больше всего раздражали его эти никчемные поиски никогда не существовавшего острова, государства, которого быть не может, их тупая вера в то, что стоит только поискать хорошенько – и все это найдется. Путешественники знать не хотели, думать не думали, что глупо искать счастливые земли, если все обречено, если всего-то остался планете - миг. Он запускал сверхчувствительные сканеры, которые обшарили каждый уголок Земли – и Америку, и Австралию, и Тибет, и добрались до Талдыкудука и даже Семиглавого Мара, проникли на остров Пасхи, нашли остров Медвежий, - и нигде не обнаружили тайной страны. Нет ее, и никогда не было! Он напечатал в газетах умные статьи о том, что Беловодье – вредный вымысел, что посреди океана зла не может быть капельки добра; он проник в кинематограф и стал основателем нового увлекательного жанра – фильмов-катастроф – особенно полюбился зрителям фильм, в котором Антарктида на самом деле оказывается одним огромным айсбергом и этот айсберг отправляется в плаванье, утюжа на пути острова и архипелаги; купил с дюжину академиков, профессоров и членов-корреспондентов, которые внедрились на телевидение и доказывали скорую неизбежность конца света, но эти безумцы как будто ничего не слышали, как будто никому не верили – упорно искали свое Беловодье. Не потому ли накатывали на него приступы неведомой прежде тоски?

Он должен с этим покончить. Решено!

В израненном самолете он прятался по темным углам, ждал, когда или заклинят подпорченные им еще на острове Агриппины элероны, или лопнут подпиленные тяги, или начнет кусками рваться порезанный перкаль. И тогда он успеет покинуть машину на единственном исправном парашюте (у остальных он давно перерезал стропы), а славный экипаж - Вася, Валя и Ваня вместе с ненавистными пассажирами - повалится на землю, как подбитая из рогатки ворона.

Но велик был запас прочности у этого летательного аппарата, крылатая машина уверенно парила в воздушном океане, и не страшны были ей ни сверкающие порой за иллюминаторами молнии, ни пониженное атмосферное давление, ни даже нисходящие воздушные потоки. Хотя упала крейсерская скорость, появилась болтанка, и все чаще теперь проваливался самолет в воздушные ямы, но он неостановимо двигался к цели, как будто цель эта существовала на самом деле.

Ку-Эн-Зим спрашивал себя: может, эти несовершенные создания поражены какой-то таинственной болезнью, которая заставляет их перемещаться с места на место, и все время чего-то хотеть и чего-то искать? Тогда это настоящая эпидемия, потому, что планета опутана тысячами дорог, пробито миллион тропинок, а они норовят по бездорожью, по кочкам, по горам – и обязательно суют нос в то, что и сама планета позабыла, и их становится все больше и больше. А это прямой вызов гармонии.

Он дождался, когда неугомонная ватага Ксении Павловны, все-таки угомонилась: уснул Игнат; задремал первый пилот Вася, убаюканный четкой работой автопилота; смежили глаза уставшие писатель Иванов, Григ, Харитон Харитионович, заскорузлый…, - все в ревущей двигателями машине погрузились в сон, быстрый, коллективный, природу которого мог бы объяснить Ку-Эн-Зим, но он ничего не объяснил. Он осторожно пробрался к кабине, в которой боролись со сном штурман и второй пилот, нашарил маленький медный краник, которым перекрывалось поступление топлива, и решительно повернул его.

Ничего не произошло. Ку-Эн-Зим не растерялся, он знал, что моторы могут заглохнуть не раньше, чем через пять – десять минут. Он принялся обшаривать тесное пространство летательного аппарата. Засунул к себе за пазуху рукописные листки только что начатого романа Иванова, которые тот беспечно разложил перед

собой на полу, на всякий случай захватил бинокль Грига, вытащил маузер из деревянной кобуры у первого пилота, взял также домкрат, совковую лопату, гранаты – в его борьбе никакой инструмент, никакое оружие не были лишними. Не мог же он знать, что ничего этого ему больше не понадобится.

Пока он собирал все это, на минуту очнулся от странного сна заскорузлый – что-то неудобно упиралось ему в бок, а под головой вообще ничего не было; он нашарил рукой какой-то большой и довольно мягкий сверток, подтащил его себе под голову, и наоборот оттолкнул от себя то, что упиралось ему в бок. И заскорузлый опять провалился в сладкий сон, в котором ему, с перерывами на беспокойные пробуждения, снилось лето, детство, старый его друг Колька и подружка тех лет Танька Длинная. К чему все это снилось?..

Тем временем Ку-Эн-Зим вернулся в самый хвост самолета, едва не наступив на заскорузлого, спящего на парашюте, поднял свой парашют, лежащий за спиной сладко храпящего мужика, и подошел к двери, одолел нехитрый замок. Оглянулся, усмехнулся:

- Прощайте, попутчики!

И, конечно, в его одноглазую голову не могло прийти, что заскорузлый спросонья случайно поменял исправный парашют Ку-Эн-Зима на свой с перерезанными стропами.

Что-то похожее на жалость шевельнулось в груди космического пришельца, но так даже было интереснее – он будет их вспоминать, особенно бабушку в черном, которая – вот уж святая простота - приютила его, принявшего обличье Алеши, в своем доме.

Он открыл дверь и решительно шагнул в свистящую встречным ветром пустоту. Чугунной гирей помчался он к темной, ночной земле. Резко дернул за парашютное кольцо, ожидая хлопка развернувшегося шелкового полотнища. Но парашют не раскрылся. Он дернул за кольцо еще раз-другой – ничего. Он не испугался, но, вдруг, ему стало холодно. Его же собственное морозное дыхание впервые коснулось его самого. Он усмехнулся: запас прочности его земной оболочки позволял ему прыгать с любого небоскреба, но высота, на которой летел самолет, была в десять раз больше любого строения. Земля стремительно приближалась. Осталось время для

последнего вопля. Он завизжал так пронзительно, что его расслышали людоеды на далеком уже острове Агриппины.

Галактический разведчик врезался в огромный черный тополь, стоявший на высоченном речном яру. И надо же было случиться такому, что именно на этом осокоре осталась висеть огромная – помните? – бомба, сброшенная красным военлетом Захарьевым. И, конечно же, от удара сработал взрыватель, как будто ждал этого момента, и бомба, начиненная почти тонной тринитротолуола или какой-то другой дрянью, взорвалась, за долю секунды испарив организм Ку-Эн-Зима. Перестал существовать враг человеческий. Распался на молекулы, атомы, болезнетворные вирусы, вредоносные микробы.

Ухнуло так, что взрывная волна дважды обогнула земной шар, догнала и встряхнула самолет с заснувшими пассажирами и дремлющим экипажем, да так встряхнула, что заскорузлый набил себе на лбу шишку, а Ксения Павловна уронила черную сумочку из хорошего кожзаменителя, в которой у нее были ключи от квартиры. Другую связку ключей от своего дома она дала тете Марусе, чтобы та поливала цветы, проветривала квартиру, приглядывала за домовым.

Взрывная волна довершила то, что так безуспешно пытался сделать Ку-Эн-Зим. Мгновенно заглох мотор, заклинило рули высоты, самолет затрясло и он стал проваливаться к земле. В предрассветной мгле он мчался навстречу свой гибели.

В это время в кабине прозвучала знакомая скрипучая усмешка, повеяло холодом. Но ведь его разорвало на микроскопические кусочки, он превратился в пар! Разве не так? Так-то оно так, но разве не знаем мы, что тела, даже Ку-Эн-Зима, бренны, а сам дух зла неистребим? Еще как знаем, мы и живем-то по настоящему только когда этому духу лень, или он зазевался, или в него попали прямою наводкой фугасы добра.

Глава двадцать седьмая: Остров

Косой, косой, не ходи босой,
А ходи обутый, лапочки закутай,
Если будешь ты обут,
Волки зайца не найдут,
Не найдёт тебя медведь,
Выходи - тебе гореть!

Даша, ночевавшая в телеге, расслышала дикий вопль, подумала: какие необычные голоса у этих ночных птиц. Может быть, днем это симпатичные птахи, беспечно щебечущие и порхающие с ветки на ветку, а ночью они превращаются – хотя бы голосами только – в лесных монстров, чтобы отстоять свою жизнь перед настоящими чудовищами?
И тут же прогремел страшный взрыв, осветил заревом предрассветное небо. Данила и Егорий, спавшие под телегой, тоже открыли глаза, вздрогнул гривастый конек, зарычал Пес.
- Может быть, космический корабль прилетел? – с надеждой спросила Даша.
- Вряд ли! – сказал Данила, успевший во всполохе взрыва рассмотреть падающий самолет.
- Да, это не космический аппарат, - подтвердил Егорий, который увидел в светлеющем небе циклопическую сигару – огромный серебристый цеппелин. И в ту же минуту в небе почти над их головами столкнулись два воздушных судна. Самолет протаранил дирижабль, который, как батут, смягчил удар, и крылатая машина, спланировав, приземлилась на берегу едва светлеющей реки. Дирижабль, получив пробоину, стал снижаться и бережно опустил кабину с путешественниками в двух

шагах от телеги, в которой лежала Даша.
- Все-таки кто-то прилетел, - сказала она.
- Сейчас посмотрим! – поднялись Данила и Егорий. И тут же увидели самолет, у которого во время посадки подломилось шасси. Потирая ушибленные места, из него выбирались отважные воздушные бродяги.
- Приветствуем воздухоплавателей! – подошли к ним приверженцы гужевого передвижения. – Помощь никому не нужна?
- Да, как будто у нас все целы, - ответила Ксения Павловна, - ну, а ссадины и синяки не в счет… Может, в дирижабле шибко поранились?
- У нас тоже в порядке, - откликнулся Динозавр.
Постепенно светало, и путешественникам открылась печальная картина крушения. Дирижабль лежал, как павший в бою конь, сквозь шкуру которого выпирали ребра, самолет со сломанным шасси, погнутым винтом, разодранным во многих местах перкалем, почему-то походил на огромный старый будильник, люди, собравшиеся около некогда славных летательных аппаратов, кряхтели, стонали, поглядывали искоса друг на друга. Вокруг валялись какие-то разбитые приборы, растрепанные рюкзаки, непонятного происхождения обломки.
И тут раздался радостный возглас:
- Бабушка!
И еще один:
- Родная!..
Лизавета со всех ног бросилась к бабушке и та едва узнала во взрослой девушке свою внучку:
- Лизонька!.. Ножки-то какие у тебя проворные!..
- Все прошло, Бабушка! Вся хворь отступила.
Бабушка и внучка не могли наглядеться друг на друга, обнимались, смеялись, плакали.
Писатель Иванов узнал поэтессу Тамару, им приходилось встречаться на заседаниях литературного объединения. Местные писатели с нетерпением ожидали каждой среды, семи часов вечера, когда собиралось литобъединение. Они притаскивали туда рассказы, повести и даже романы, ну, и конечно, стихи, которые зачитывали

друг другу по очереди, дрожа от возбуждения. Это возбуждение почему-то не передавалось слушателям; они сладко дремали каждый в своем углу. Поэтов любили в литобъединении больше, чем прозаиков уже хотя бы за то, что их творения были короче. Тамара всегда писала коротко, писатель Иванов приметил ее. Вот и сейчас он явно обрадовался встрече с ней. И тут же завел литературный разговор.

Григ долго присматривался к Даше, наконец, подошел, спросил:

- Ваш дом стоит на Буянной улице?..

Даша взглянула в его глаза, и едва сдержала слезы:

- Папа… Сколько лет прошло!.. Мы так тебя ждали…

Он принялся рассказывать ей, как уходил от погони на шхуне, названном ее именем, как красный военлет Захарьев метил в судно огромными бомбами, как одна из бомб улеглась на палубе и долго ждала своего часа, а другая повисла на ветвях огромного осокоря… Она говорила ему, что так одинока, что Саша, ее муж, отправился к далеким галактикам, не попрощавшись с нею, не сказав ни слова, и этот космический полет похож на простое бегство – от Даши и от себя самого… Она знает, что Саша тоскует, что любит ее, но, должно быть, им не суждено встретиться, и это очень тяжело. Очень… Она надеется, что там, куда она едет теперь, возможно все, там нет одиночества…

- Там и звезды ближе к людям, - улыбнулся Григ. – Теперь, доча, пойдем туда вместе.

В это время Игнат вел разговор с Данилой:

- Куда держите путь?

- За тридевять земель, в тридесятое царство…

- Так нам всем наверняка по пути! – вставил слово Харитон Харитонович, бывший истребитель.

Пес залился радостным лаем.

Григ присмотрелся к нему:

- Когда-то давным-давно, мне еще бабушка рассказывала, у нас была собака со странным именем Каквас. Такая же черная, такая же лохматая…

Пес стремительно бросился к Григу, едва не свалил того с ног. Он лаял, поскуливал, пытался лизнуть Грига в лицо, будто хотел открыть какой-то секрет, может быть, тайну своего происхождения.

- Если бы ты умел говорить, - сказал Григ, - мы, уверен, могли бы узнать много интересного и еще больше удивительного.

Пес едва не выговаривал «да, да!»

Дуплостроитель Аристарх сказал Ксении Павловне:

- Оказывается, нам всем в одну сторону…

Та, оглушенная радостью встречи с Лизаветой, пребывала в размягченном состоянии:

- Безусловно, всем бродягам по пути.

Ну, конечно же, все они – и воздухоплаватели, и передвигавшиеся по воде или суше, хоть когда-то слышали друг о друге – из сообщений газет, передач по иностранному радио, из рассказов встреченных путников. Вот что, например, было напечатано в газете «Приуральская правда», в сорок восьмом, кажется, году: «Сегодня мимо поселка Калмыково прошла шхуна, которая, по словам местных жителей, совершает кругосветное путешествие, а заодно занимается поисками так называемого Комбайского царства. Между тем, наши передовые ученые давно развеяли миф об этом царстве, в котором нет болезней, несправедливости, и совершенно нет бедных. Надо понимать, что это полная белогвардейская брехня, но некоторые несознательные элементы из данного поселка, польстившись на посулы членов экипажа шхуны, попытались на лодках уйти вслед за ними, но были задержаны нашими доблестными органами. В ближайшее время будет задержана и шхуна, гарантируют нам правоохранители». Зарубежное вражеское радио с восторгом рассказывало, что группа повстанцев, возглавляемая полковником Динозавром, планирует захватить всемирную власть, высадившись из дирижабля сначала в Кремль, а потом в Казань и Ерусалим, что госдеп рассматривает вопрос предоставления повстанцам широкомасштабной помощи. А встречавшиеся путники говорили шепотом, после третьей рюмки, что Беловодье давным-давно найдено бандой Черной Бабушки, и там построена образцово-испытательная тюрьма, в которой женщины содержатся в камерах вместе с мужчинами, причем, в каждой камере заключено до четырехсот пятидесяти человек – численность стрелкового батальона. Другие путники уверяли, что на Остров сейчас ходят самоходные телеги, и в этих телегах, пока едешь, можно получить все, что человек потерял за жизнь –

табель успеваемости ученика первого класса за вторую четверть пятьдесят второго года, маленькую фронтовую фотокарточку отца, обручальное колечко из золота триста семьдесят пятой пробы, зачетную книжку философского факультета, четвертную, которую взял до получки в шестьдесят седьмом году, письмо девочки Веры, в котором она написала, чтоб ты зря не старался, не переводил чернила, сочиняя ей письма, потому, что она выходит замуж за твоего друга Вадика… – в этих волшебных телегах все-все самое дорогое, что не уберег, что прежде считал пустячным, и с чем расставался с усмешкой, а теперь, вспоминая об этом, глотаешь слезы, и радуешься: все-таки рассмотрел, чем надо дорожить…

Так что, путешественники двигались не в безлюдной пустыне, а среди людей, и, в общем-то, знали друг о друге, а вот теперь встретились. Обменялись важной информацией: на юге были замечены передвижения больших воздушных масс, не иначе к выборам депутатов; на востоке изобрели ковер-самолет с технологией «стеллс» - невидимый; на северо-западе проснулись вулканы, которые спали миллион лет; образовался новый остров в Атлантическом океане, пока необитаемый…

Эти и многие другие данные Динозавр ввел в уцелевший при падении дирижабля бортовой компьютер. Компьютер думал целый день и к вечеру сгорел, не придумав, что же делать всей многочисленной ватаге: ставить дома, разбивать шатры, копать землянки, дожидаясь зимы, дожидаясь плодотворной идеи, или двигаться дальше под тяжелыми рюкзаками, на всякий случай тащить с собой запас дров, воды, оружие – кто знает, какие племена могут попасться на пути?

Тогда Даша вспомнила о своем эмуляторе. Защелкали плашечки и в окошечках буковки составили слово: «Плот».

Динозавр, Ксения Павловна, Игнат, Харитон Харитонович, Лизавета, писатель Иванов, поэтесса Тамара и Григ долго изучали рекомендацию эмулятора. К ним присоединились бравый экипаж самолета Вася, Валя, Ваня, Аристарх, Данила и, конечно, заскорузлый, в общем, - все… Егорий Хохлов, как признанный специалист по Беловодью, первым нарушил воцарившееся в таборе молчание.

- Да, - сказал он, выйдя из глубокой задумчивости, - надо строить плот…

Путешественники дружно поддержали предложение. Не могли они стоять на месте…

Застучали топоры, запели пилы. В дело пошло все: дерево, пустые канистры, веревки, перкаль, ткань от дирижабля… Навигационные приборы взяли с самолета, колеса телеги пригодились для системы управления плотом. В мире не было плота огромнее, родившегося из самолета, дирижабля и телеги. Были у него и крыша, и двери, и дубовые столы, за которыми хорошо обедается с друзьями – еда тогда вкуснее, вино крепче. Не забыли строители об уютной конюшне для долгогривого конька, а Пес, который, может быть, и не Пес совсем, а тот самый легендарный Каквас, получил будку с тюфяком и собственной миской.

И день, и ночь ушли на сооружение плавающего дома. Наутро отправились в дорогу. Плот шел ходко, управляемый Динозавром - так все порешили. И тут же место рядом с капитаном заняла поэтесса Тамара. Атаманом же выбрали единодушно, прокричав «Любо!», Ксению Павловну – Черную Бабушку. Чем не достославная Гугниха?

- Если вам любо, то и мне любо! – крикнула она.

Негромко прозвучала чья-то скрипучая насмешка, но на нее не обратили никакого внимания. Никакого!

Еще не день, и не два шел по реке плавучий дом. Все рассказали всем, кому было интересно, свои жизненные истории, только совсем чуть-чуть приукрасив их. Вообще, что за рассказчик, который не умеет привирать? Все, кто хотел, сдружились, обменялись адресами. Может быть, даже скорее всего, никто никому не напишет – столько хлопот может оказаться в жизни, что не до писем будет, но в эту минуту, в этот миг, когда тебе дают свой адрес, ты принимаешь его, как ключи от двери или даже души, - и кажется, что это очень важно; так это и есть на самом деле.

Однажды шли вдоль высоченного мелового яра. И вдруг заметили, что по самому его краю идут люди. Не много, не мало – тысячи полторы – с детьми, со всем домашним скарбом, скотиной. Лизавета пригляделась: впереди всех шагал, опираясь на посох, седовласый человек.

- Так это Федор! – узнала Елизавета. – Загорулько. Из машинно-тракторной станции имени Велимира Хлебникова. Они ушли, ушли из своей печальной деревни…

- А я вижу шахтера Василия! – закричал Харитон Харитонович, показывая рукой на яр. – Того самого, что не вернулся из забоя…

- Бабушка Лукерья, ты не здесь ли? – спросил через микрофон Данила, и эхо

разнесло по яру:

- Лукерья, Лукерья, Лукерья…

Непонятное возбуждение охватило путешественников, всем, вдруг, поверилось, а с чего бы? – что именно здесь отыщется все, что хотелось отыскать, и даже немного того, чего не хотелось.

Даша напряженно вглядывалась в идущих по яру людей, лила горькие слезы, но сумасшедшая надежда пылала в ней.

Лизавета, обняв бабушку, шептала:

- Неужели, неужели?..

Меловой яр плавно перешел в пологий песчаный берег, и здесь река круто повернула на юг. И сразу вдали над лесом показались маковки, блеснув на солнце горячим червонным золотом. Кто-то крикнул:

- Вот оно! Вот!

Сотни глоток на берегу и на плоту подхватили:

- Золотая Церковь! Золотая!

Как завороженные, люди смотрели на приближение заветного города, неотвратимо надвигавшегося на них улицами, площадями, храмами… Всю свою жизнь шли они к нему, и вот…

- Слава Богу! – сами собой складывались молитвы.

- Добрались!

- Сподобил Господь!

- Красотища-то какая, лепота!..

Проплывала охряная кровля дома Карева, за ней возникала белоснежная ротонда на Столыпинском бульваре, за ней Михайло-Архангельский собор, угадывались сиреневый садик, дом с колоннами, видны были Свистун-гора, а на самой вершине ее – галактический институт…

Невозможно было отвести глаз от этого чуда.

Вот тот град, в котором можно быть счастливым, вот земля, дороже которой не сыщешь вовеки. Здесь все должно сбыться. Совершенно все.

1987 год

2010 – 2011 годы

4 июня

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая: Лизавета

Глава вторая: Даша

Глава третья: Побег

Глава четвертая: Игнат

Глава пятая: Данила

Глава шестая: Кони на балконе

Глава седьмая: Тайник в подвале

Глава восьмая: Пути – дороги

Глава девятая: Над Землей и Луной

Глава десятая: Сквозь время и пространство

Глава одинадцатая: Точка, где все…

Глава двенадцатая: Бессонница чужого века

Глава тринадцатая: Золотая рыбка

Глава четырнадцатая: Теория пыли

Глава пятнадцатая: Самолетчики

Глава шестнадцатая: Григ

Глава семнадцатая: тайны

Глава восемнадцатая: дневник

Глава девятнадцатая: дневник (продолжение)

Глава двадцатая: на Свистун-горе

Глава двадцать первая: дебаркадер идет на прикол

Глава двадцать вторая: Ку-Эн-Зим

Глава двадцать третья: Циклоп

Глава двадцать четвертая: исполнение желаний

Глава двадцать пятая: музей честной истории

Глава двадцать шестая: смерть Ку-Эн-Зима

Глава двадцать седьмая: Остров